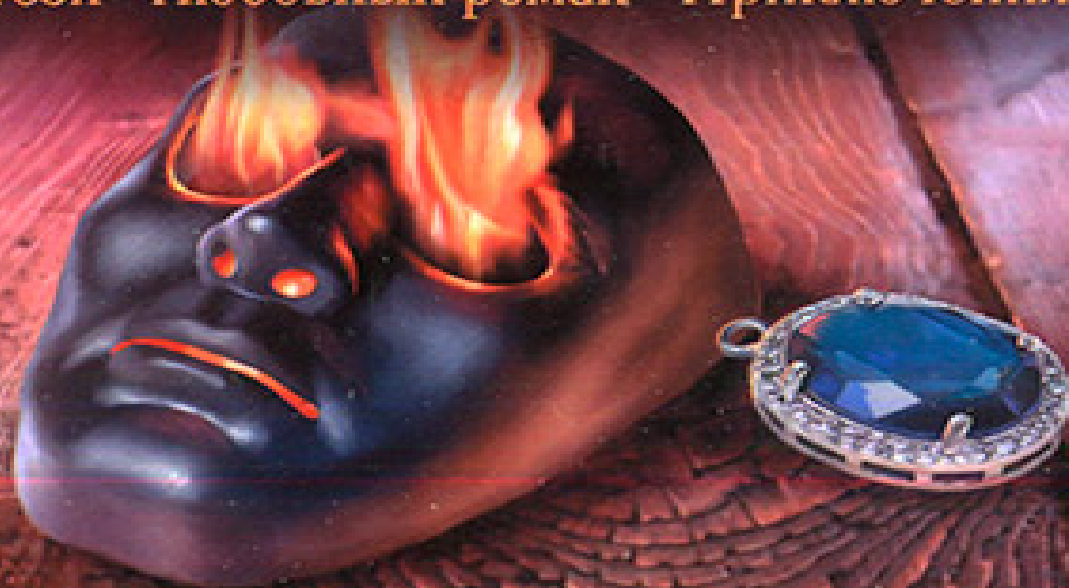

Ксения Мирошник

СКВОЗЬ ВЕКА

Фэнтези • Любовный роман • Приключения

Annotation

Довольно долгое время я вела тихую неприметную жизнь, избегая людей и неприятности. Моим домом был пансион для девочек, обладающих магическими способностями, где я преподавала историю магии.

Все изменилось, когда стала невольным свидетелем ограбления. В мои руки попал опасный магический кулон, который хранил в себе темные тайны не только своего хозяина, но и мои. Одна случайная встреча затянула мою жизнь в водоворот опасных событий, столкнув с могущественным магом, желающим обрести безграничную власть. Чтобы победить его, мне нужно вернуться в собственное прошлое, которое было скрыто от меня последние двадцать пять лет. Хватит ли мне храбрости узнать, кто я на самом деле, и принять былые ошибки?

- [Ксения Мирошник](#)

-
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)

- [Глава 19](#)
  - [Глава 20](#)
  - [Глава 21](#)
  - [Глава 22](#)
  - [Глава 23](#)
  - [Глава 24](#)
  - [Эпилог](#)
-

Ксения Мирошник
СКВОЗЬ ВЕКА

Глава 1

СЛУЧАЙНО-НЕСЛУЧАЙНАЯ ВСТРЕЧА

Коридоры старенького пансиона миссис Баррингтон дышали холодом и отчуждением. Слегка обшарпанные стены, давящие низкие потолки и вечный полумрак, из которого иногда показывались измученные лица вездесущих призраков. Они выползали редко, но всегда неожиданно. Мебель в пансионе была дряхлой, местами скрипящей, но вычищенной и приятно пахнувшей стариной. Пыль миссис Баррингтон люто ненавидела и заставляла девушек вытирать ее по несколько раз на дню.

В Вичпорт уже месяц как пришла весна, на улице потеплело, но в комнатах и классах пансиона еще таилась стужа. В самых роскошных домах города уже появлялось электричество, но немногим из нас довелось увидеть его собственными глазами. Пансион освещался газовыми лампами, и оттого в его стенах в дополнение к сквознякам от проветривания царил непередаваемая духота.

Само по себе здание было небольшим и являлось частью некогда величественного, а теперь безнадежно запущенного поместья Хэксмен-хаус. Поместье и сейчас окружал темно-зеленый неприветливый лес. Однако я его любила. После душных комнат пансиона выйти и вдохнуть полной грудью свежий аромат просыпающихся после долгой зимы деревьев было невероятным наслаждением.

Я с завистью бросила взгляд в окно, понимая, что не видать мне бодрящего глотка воздуха, скорее всего, аж до завтрашнего утра, и поспешила в класс. Шаль сползла с моего плеча, когда я закрывала за собой дверь. Руки были заняты книгами, поэтому маленькая Молли помогла вернуть уголок ткани на место. Мои ученицы вскочили со своих мест и почтительно поклонились. Надо отметить, что в пансион миссис Баррингтон принимали девушек разного возраста: от шести лет и до полного совершеннолетия. Строгая хранительница магических сил давала приют всем, кто нуждался.

— Доброе утро, леди, — поздоровалась я и разложила книги на столе.

Осмотрев скучающие лица, закуталась плотнее в шаль. Я любила своих девочек. В моем классе их было всего шесть, но каждая, несомненно, талантлива и хорошо воспитана. Несмотря на то что малютке Молли Пейдж всего шесть лет и она самая маленькая не только в моем классе, но и во всем пансионе, эта девочка ни в чем не уступала подругам в усердии и манерах.

Магия в нашей стране не была распространена повсеместно. Она вызывала любопытство или настороженность, но ее обладатели не подвергались гонению или какому-либо иному насилию. Королевская чета интересовалась магией и открывала подобные пансионы или же маленькие университеты во всех городах Аврии. Люди, не обладающие даром, относились к нам с легким недоверием и опаской, к чему мы уже давно привыкли.

Одним из моих талантов было погружение вглубь истории. Я могла в любой момент оказаться в прошлом, а если чуть больше постараться, то даже удавалось прихватить кого-нибудь с собой. Но этим мой уникальный талант не ограничивался. Я была способна воссоздать подвижные картинки из прошлого для своих учениц. Им не требовалось отправляться со мной в былые эпохи — достаточно присутствовать на уроке. Делала я такое нечасто, поскольку демонстрация отнимала много сил.

Еще раз с тоской взглянув на отчего-то унылые лица моих учениц, я не стала отмахиваться от возникшей идеи. Мне показалось, что сегодня как раз подходящий день для путешествия в прошлое.

— Инди, — обратилась я к одной из своих учениц — семнадцатилетней девушке с черными как вороново крыло волосами и чуть длинноватым носом. Голубые глазки, спрятанные под веером густых ресниц, тут же обратились ко мне. Девушка уловила интонацию и правильно ее истолковала. — Занавесь шторы!

Ей пришлось подавить внезапно нахлынувший энтузиазм, сдержанно подняться и прошептать к окну. Нетерпение юной мисс Крамер выдавали немного дерганые движения, когда занавески никак не хотели подчиняться. Надо признаться, что обращения по имени в стенах пансиона были строжайше запрещены, но я упрямо отказывалась следовать этому правилу, хотя бы в собственном классе.

Я как могла скрывала неподчинение, а миссис Баррингтон умело делала вид, что не замечает, поскольку устала бороться с моим своеволием.

Инди вернулась на место, успев несколько раз запутаться в собственных ногах и густо покраснеть. Я мягко улыбнулась девушке и, с удовольствием отметив изменившиеся выражения лиц учениц, щелкнула пальцами обеих рук. И без того немного душный воздух в комнате стал еще более напряженным. Я сделала глубокий вдох.

— Куда бы вы хотели отправиться?

— Мисс Хоггарт, я хочу на бал в столицу! — восторженно приложив ладони к груди, попросила впечатлительная Софи Форстер.

— Мы были там в прошлом месяце, — буркнула рыжеволосая Каролина Кэри, — ты все время просишь бал, а нам, может быть, уже надоело смотреть на огромные платья с кринолином и наслаждаться интерьером начала века!

Мисс Кэри была из тех, кто почти всегда чем-то недоволен. Она часто ворчала и открыто выражала свои чувства. Природа наградила девушку высоким ростом и для своих восемнадцати лет излишне сварливым характером. Густые рыжие волосы все время выбивались из ее прически, смешно заслоняя глаза, а многочисленных веснушек девушка ужасно стеснялась, что неумело пыталась скрыть от остальных учениц.

— И куда бы хотелось тебе? — ничуть не обиделась Софи.

— Я бы побывала в столичном магистиуме в то время, когда великий **О**карт возглавлял его! Мы с родителями посещали те места два года назад, но смотреть на развалины не очень интересно.

— Любопытное предложение, Каролина, — одобрила я. — Туда мы еще никогда не заглядывали.

Получив согласие всех девочек, я взмахнула руками и закрутила ими над полом так, будто создавала водоворот. Непонятно откуда взялся легкий ветерок, взъерошивший кудри малышки Молли. Он пробежался по комнате, щекоча учениц и вызывая на их лицах предвкушающие улыбки. Озорник ускорился, вращаясь над нашими головами. Даже у меня радостно дрогнуло сердце, как бывало всегда, когда я встречалась с прошлым.

Учебная комната и все ее содержимое в виде столиков и уютных кресел с потускневшей обивкой исчезли. Мы с девочками оказались

посреди каменного зала с большими окнами и огромным котлом в центре. Все наши путешествия были безопасны, иначе я бы не позволила себе втянуть в них своих учениц. В этот раз, оказавшись в промозглом строении, похожем на квадратную башню из необычного светло-желтого кирпича, я впервые ощутила тревогу. За широкими окнами беспрестанно лил дождь, промозглый ветер тут же забрался под одежду и заставил нас с девочками трястись от холода.

— Что-то не так, — пробормотала Ева Мейсон, самая старшая из моих учениц. Девушка блестяще распознавала магию, чувствовала ее природу и обладала щитами почти от всех ее видов. Редчайший талант, который мы с миссис Баррингтон старались не афишировать. — Прежде я не ощущала такого напора вашей магии, мисс Хоггарт.

— Что именно ты чувствуешь, Ева? — осторожно поинтересовалась я.

Девочки вертели головами из стороны в сторону, с любопытством рассматривая башню. Ветер свистел и завывал, навевая тоску и необъяснимое желание плакать. Я поежилась, придерживая Молли за теплую ладошку. Этот взгляд в прошлое нравился мне все меньше.

— Я чувствую, как дрожит ваш дар, он будто съезживается, осторожничает. И мой собственный дергается, словно в конвульсиях. Давайте уйдем отсюда, мисс Хоггарт.

Строгая, иногда немного надменная Ева была не склонна к проявлениям паники. Она вела себя сдержанно, осознавая, что несет некую ответственность за младших подруг. Даже ее чуть заостренный подбородок, порою излишне вздернутый, и холодные серые глаза источали достоинство и благородство. Ровная как доска спина, стройная фигура, прекрасные вьющиеся волосы пшеничного цвета и бледная фарфоровая кожа придавали ей сходство с особой голубых кровей. Мисс Мейсон была истинной красавицей.

— Погоди немного, Ева, — взмолилась Каролина, отдаляясь от подруг и продолжая изучать место, в котором мы оказались. — Это же приют самого Окарта! Неужели тебе неинтересно? Это место, где творилась сильнейшая магия, когда-либо рождавшаяся в нашем мире!

— Ты забываешь, что древняя магия двулика, — строго напомнила Инди, которая уже тоже не на шутку встревожилась.

— Маги прошлого не гнушались темными книгами и заклинаниями из них, — вторила ей самая тихая и молчаливая Элла

Гилл.

Девятилетняя девочка поправила вечно сползающие с носа очки и прижалась ко мне чуть сильнее. Почувствовав мою поддержку, белокурая умница принялась создавать что-то вроде щита. Для меня это значило только одно — почти все мои девочки чувствовали себя спокойно.

— Каролина, не подходи к котлу, прошу тебя, — попросила я, собираясь вернуться в класс.

— Одну секундочку, мисс Хоггарт, умоляю! — Глаза девушки возбужденно сияли, мне даже показалось, что она дрожит от волнения.

— Каролина...

Закончить фразу мне не удалось. Из двери за нашими спинами вышел высокий пожилой человек с резкими чертами лица и сердитыми глазами под тяжелыми густыми бровями с заметной сединой. Его походка была чуть пружинистой, словно он, как и моя ученица, находился в крайнем возбуждении. Длинная, наполовину седая борода развевалась на ветру, притягивая внимание и буквально гипнотизируя. Я смогла оторваться от нее, только когда мясистые губы начали что-то бормотать.

— Кархадас вирато зурано паэтэ!

Старик развел руки в стороны, и дождевые капли за окнами хлынули в башню. От ужаса я чуть не вскрикнула, хотя и сдерживаться смысла не было, маг нас все равно не увидит, только девочек не стоило пугать. Водные потоки закружились над котлом, а голос старика зазвучал громче. Юная мисс Кэри, приоткрыв рот, наблюдала за процессом, глядя прямо в лицо мага, словно запоминала слова.

— Каролина, — прошептала я ее имя, но девушка не отреагировала.

— Подойди! — громко приказал старик, и я вздрогнула.

За спиной послышались легкие шаги. К котлу шел молодой мужчина с черными как смоль волосами, прозрачными голубыми глазами и красивым, словно нарисованным ртом. На миг что-то в этом человеке показалось мне смутно знакомым, какое-то чувство дрогнуло в душе. Я попыталась зацепиться за это чувство, но оно бесследно исчезло, даже не махнув рукой напоследок, и оставило после себя лишь горечь и разочарование.

— Ты уверен? — спросил маг.

Мужчина заворуженно, так же как и моя ученица, смотрел в котел, из которого вырывались лиловые всполохи. Потоки, состоящие из дождевых капель, меняли цвет и устремлялись обратно на свободу. Теперь любой, кто находился на улице, мог увидеть эти магические переливы.

— Уверен! — твердо сказал гость старика, переводя на него взгляд. — Абсолютно!

На его лице появилась хищная улыбка, от которой по спине поползли ледяные капли пота. Голос, такой мелодичный, такой притягательный, вызвал в сердце настоящую бурю — оно застучало как обезумевшее, от чего на щеках вспыхнул румянец. Да, незнакомец был красив и обладал чарующим голосом, но все же моя реакция казалась неподобающей.

— Помни, ты сам сделал выбор!

После этих слов старик окунул свою ладонь в котел и сделал несколько круговых движений, затем велел молодому мужчине встать на колени. Я, стискивая младших девочек, прижавшихся ко мне, не могла оторваться от ужасного и прекрасного зрелища. Магия завораживает, притягивает и не желает отпускать. В этом ее очарование и в этом же ее губительная сила.

Хозяин башни вынул руку из котла, и вместе с ней из него вынырнула другая ладонь — сотканная из лилового света. Магическая рука несколько раз изменила свой цвет — от пурпурного перешла к синему, а потом к зеленому и, наконец, стала черной. Она взъерошила волосы гостя, будто женщина ласковым пальчиком прошла от виска к губам, а затем, обернувшись тонкой струйкой, хлынула в нос. Глаза мужчины засияли, и в этот момент за окном вспыхнула молния и прогремел раскатистый гром. Мои девочки завизжали во все голоса от неожиданности. Только Каролина продолжала смотреть на молодого мага, получающего новую, темную как безлунная ночь магию.

— Каролина! — громко окликнула я ученицу, собираясь наконец обратиться отсюда.

Мой голос впервые прозвучал так громко в этих стенах, что повлекло за собой совсем уж непредвиденные последствия. Пожилой маг дернулся, а потом обернулся. Его суровое лицо нахмурилось еще сильнее, он сделал круговое движение головой, словно обнюхивал

пространство. Я в ужасе попятилась. Неужели он меня услышал? Быть того не может!

Мои погружения в историю почти всегда оставались незаметными и абсолютно безопасными, поскольку я не являлась на глаза жителям былых эпох и наблюдала за их укладом лишь с познавательной целью. Особенно когда мои ученицы со мной. Это путешествие иллюзорно, наши тела остались в классе, и мы словно призраки для этих людей. По крайней мере, так должно было быть. Но я в таком перемещении впервые имела дело с магами, поэтому с полной уверенностью сказать уже не могла.

— Отыскалась-таки, — задумчиво проговорил маг и постучал пальцем по губам. — Хорошо... хорошо...

Досматривать я не стала, снова щелкнула пальцами, и мы с девочками оказались в своем классе, в стареньком, но таком любимом пансионе миссис Баррингтон. Всем нам понадобилось некоторое время, чтобы оправиться от ощущений, полученных во время путешествия.

— Интересный опыт, — задумчиво сказала Ева Мейсон. — Мисс Хоггарт, у вас уже случались такие странные встречи?

— Признаюсь, нет, Ева. — Я поправила вечно сползающую шаль и помогла Молли сесть на ее стул. — Я, как и вы, впервые увидела мага за его колдовством в том времени, к которому он принадлежал.

— Мисс Хоггарт, это был темный маг? — робко спросила Элла Гилл, снова водружая сползшие очки на нос.

В классе повисла тишина, шесть пар глаз выжидающе уставились на меня. Тема была щекотливой, и, возможно, не стоило обсуждать ее с ученицами, даже несмотря на то что рано или поздно им придется изучать темную магию и ее последствия.

— Какой темный маг? Что здесь происходит? — раздался слегка визгливый голос миссис Баррингтон.

Невысокая, чуть полноватая женщина с копной пушистых пепельных волос стояла в дверях. Юбка ее застегнутого на все пуговицы платья с тугим высоким воротником резко качнулась, когда она сделала очередной шаг в класс. Мне почему-то это поведало о раздражении и недовольстве. Миссис Баррингтон прищурилась, придиричиво рассматривая девочек с ног до головы. Она уже давно была близорука, но наотрез отказывалась носить очки, чем многие

девочки частенько пользовались в своих шалостях. Миссис Баррингтон не была злобной или вредной, но отличалась вполне приемлемой строгостью. Она ужасно не любила моих перемещений, считая их опрометчивыми и даже опасными. Я всегда спорила с ней и, как правило, одерживала верх. Но не в этот раз — стоит ей узнать правду, и она вправе будет запретить мне использовать этот дар. Как бы благосклонно хозяйка пансиона ни относилась ко мне, но любому терпению рано или поздно наступает конец.

— Да ничего особенного, миссис Баррингтон, — улыбнулась я, стараясь вернуть своему лицу былую непринужденность. — Мы с девочками совершили небольшое путешествие...

— Мы были в башне Окарта как раз в тот момент, когда он творил темную магию, — выпалила Каролина, и мое сердце сорвалось в пропасть.

Я даже глаза прикрыла, пытаюсь справиться с волнением.

— Каролина! — возмущенно зашипела на нее Софи Форстер.

Я с опаской повернулась к миссис Баррингтон и увидела ожидаемое негодование на ее лице. Женщина открыла рот, собираясь что-то сказать, комично округлила глаза, а потом захлопнула рот, сжав губы так, что они побелели. Ничего хорошего мне это не сулило.

— Мисс Хоггарт, потрудитесь зайти в мой кабинет, как только закончится ваш урок! — на последнем слове она снова взвизгнула, а потом сурово осмотрела класс и вышла.

— Ну, Каролина! — посыпалось от девочек со всех сторон.

Ученицы загудели, наперебой нападавая на невозмутимую мисс Кэри. Даже если девушка и поняла, чем могло обернуться ее опрометчивое высказывание, и даже если раскаялась, то от нападок подруг она только больше упрямылась и закрывалась, не желая демонстрировать сожаление.

— Тише, девочки. — Я подняла руки, призывая учениц успокоиться. Прошла по классу, развернула Инди лицом к моему столу, поправила косу Эллы. — Каролина не хотела ничего плохого.

— Но, мисс Хоггарт! — воскликнула Инди. — Миссис Баррингтон уже не раз грозила отменить наши путешествия! Каролина тоже об этом знает! Зачем она рассказала ей?

Мисс Кэри насупилась и замкнулась, недовольно сложив руки на груди. Теперь из нее до завтра слова не вытянешь. Я вздохнула,

разглядывая сердитые лица. Остановилась на Еве и многозначительно приподняла брови, девушка кивнула, поняв, чего именно я от нее хочу.

— Девочки! — строго сказала она. — Урок еще не окончен, давайте забудем о том, что произошло, и позволим мисс Хоггарт рассказать нам то, что она обещала вчера.

— Благодарю, Ева, — улыбнулась я.

Безусловно, я пользовалась авторитетом у учениц, но иногда, когда они приходили в возбуждение, мы с Евой переключали их внимание на что-то другое. Сейчас, волнуясь за меня и за будущее наших уроков, девочки могли уже не внять моим призывам, продолжая убеждать меня в том, что я и мои уроки им дороги.

— Кто помнит, о ком я хотела вам рассказать? — спросила я, отмечая, что общее волнение немного улеглось.

— О Томасе Марлоу! — засияв, воскликнула Софи. Ее глазки загорелись искрами волнения, как и всегда, когда тема занятия оказывалась особенно интересной.

— Точно, — согласилась я и достала из книги, лежащей на моем столе, небольшой портрет молодого, весьма симпатичного мужчины. — Что вы знаете о Томасе Марлоу?

— Он был магом-ювелиром, — ответила Инди, перехватывая портрет, уже передаваемый из рук в руки.

— Хорошо, а чем именно его работы отличались от изделий других мастеров?

— Я слышала, он создавал кулоны душ, а вот что это значит, так и не поняла, — ответила Ева.

— Что ж, попробую объяснить. — Я ждала этой темы не меньше своих учениц, поскольку искренне восхищалась магом, о котором зашла речь. — Томас Марлоу обладал редчайшим даром распознавать суть людей, видеть их души и пророчить великие, ну или не очень, дела! Давалось ему это очень нелегко и всегда имело последствия. Он создавал не только кулоны, но и другие красивейшие украшения, в которые заключал пророчества, часть сил или знания.

— Мисс Хоггарт, а зачем пленять часть сил? Какой маг на это согласится? — спросила Инди.

— Разные бывают ситуации, — задумалась я. — Иногда родителям приходится делить силу ребенка-мага, если он не может ее

освоить всю разом и становится опасным для окружающих. Это редкость, но и такое бывало.

— Скажите, а как давно это было? И существуют ли сейчас такие маги? — поинтересовалась Элла.

— Томас Марлоу жил в столице нашей страны Аддлтоне чуть более столетия назад, и, как я уже сказала, его дар уникален. Насколько мне известно, больше он ни у кого пока не проявлялся.

— А дети у него были? — спросила Молли. — Его дар мог и по наследству передаться.

— Нет, детей не было.

— Странно, — вздохнула Софи, разглядывая фото. — Этот человек кажется очень приятным, и я думаю, дело не в недостатке поклонниц.

— Томас Марлоу погиб при довольно загадочных обстоятельствах совсем молодым. Должно быть, причина в этом. — Я улыбнулась юной мисс Форстер.

— И почему почти все выдающиеся маги погибали такими молодыми? — задумчиво изрекла Ева.

— Как правило, редкий дар очень ценен и зачастую за ним охотятся темные маги, — объяснила я.

— А как именно он творил свое волшебство? — спросила Молли. — Как это отражалось на магах, которые к нему обращались?

— По-разному, и в этом была вся тяжесть дара. Если Томас встречал темного мага и видел, что тот будет использовать свои силы только во зло, то он мог отнять их часть и поместить в украшение до того момента, как маг будет готов вернуть магию обратно. Созданное искусным ювелиром украшение тесно связано с хозяином, поэтому отрывать их друг от друга крайне опасно.

— Но разве темная магия сама собой не подразумевает зло? — удивилась Ева.

— Не совсем. Темная магия значительно сильнее светлой, она раздвигает границы, но только сам маг решает, остаться ли на этой границе или перейти черту, чтобы нести зло.

— Сложно, — нахмурилась Элла Гилл.

— А зачем тогда темные шли к Томасу, это же могло лишить их сил? Да и как он вообще мог отобрать у них магию? — задала вопрос Инди.

Каролина, как я и предполагала, в разговоре не участвовала, но я видела, чего ей это стоило. Девушка внимательно слушала, и у нее наверняка появились вопросы, однако из упрямства она держала рот на замке. Я вздохнула, заметив, что ответ на вопрос Инди интересен и Каролине.

— Многие темные маги алчны и тщеславны. Часть из них хотела знать свое будущее, некоторые думали, что они сильнее Томаса. Сам ювелир не обладал какой-либо иной силой, кроме уже названной, но именно она способна была пленить магию темного. Как только Томас видел истинную тьму, его дар сам делал то, что нужно, а темный не мог сопротивляться. Но и во всем этом были свои тонкости. Не вернуть силу обратно ювелир не мог, от него зависел лишь срок отстранения.

Закончив последнюю фразу, я поймала себя на мысли, что голос мой стал более страстным и увлеченным. Признаюсь, я и сама восторгалась талантами мага прошлого столетия. Такие способности завораживали и будоражили мое сознание. У меня и самой имелись разные таланты, кроме перемещений во времени, но они не шли ни в какое сравнение с даром Томаса Марлоу.

Урок закончился раньше, чем я планировала, поэтому мы не успели поговорить о самих украшениях, которые создавал маг-ювелир. Я отпустила девочек и, собравшись с силами, отправилась в кабинет миссис Баррингтон. Занятия проходили в правом крыле здания, жили девочки и учителя в левом. Сейчас коридоры опустели и ученицы готовились к ужину. Я поморщилась, предполагая, что сегодня наша прижимистая кухарка миссис Элмерз, как обычно в среду, подаст тушеную морскую капусту. Дурно стало даже от мысли. Я не любила капусту, поэтому в день, когда ее подавали, искала причины избежать ненавистного угощения. Поднимаясь в кабинет миссис Баррингтон, я уже чувствовала запах капусты, который неумолимо распространялся по пансиону.

Сделав несколько вдохов-выдохов прямо у двери, успокоила сердцебиение. Я не боялась хозяйки, когда-то давшей мне приют, но испытывала глубокое уважение и опасалась подвести или разочаровать ее. В кабинете, как и везде, от мебели пахло старостью, но царил идеальный порядок. Книги стояли строго по размеру, каждая вещь на столе находилась на специально отведенном для нее месте, ничего

лишнего, ничего бесполезного. Миссис Баррингтон избегала солнечного света — он раздражал ее, поэтому окна добрую половину солнечных дней были занавешены тяжелыми шторами.

— Вы понимаете, какому риску подвергли своих учениц, мисс Хоггарт? — прямо с порога спросила хозяйка.

— Да, миссис Баррингтон, но я уверяю вас, что это стало полной неожиданностью и для меня!

— Где именно вы были и кого видели?

Хранительница пансиона предложила мне сесть, а сама продолжила задумчиво смотреть в мое лицо, словно пыталась принять какое-то решение. Что ж, именно этого я и ожидала.

— Мы решили осмотреть магистиум еще до того, как он превратился в руины. Наши перемещения никогда не были опасными, миссис Баррингтон. Я строго слежу за тем, куда именно мы отправляемся и в какое время, но в этот раз, признаюсь, все вышло не так, как должно. И я ума не приложу, как это произошло!

— Я верю, что вы не хотели ничего плохого, и вы как никто другой заботитесь о благополучии ваших учениц, но не стоит забывать и о нашем уговоре.

Это напоминание задело за живое, мне стало некомфортно. Прошло уже немало времени с тех пор, как я переступила порог пансиона и полностью открылась этой благородной женщине, которая приняла меня без упреков и опасений.

— Я не хотела пристыдить вас, мисс Хоггарт, или каким-то образом задеть, но вы забываете о собственной персоне и порою поступаете опрометчиво. Эти перемещения могут закрыть дверь туда, куда вам непременно стоило бы попасть. Они отнимают часть ваших сил, и восстанавливаетесь вы не так быстро, как хотелось бы, что снова и снова отдаляет вас от истины!

Мое сердце дрогнуло. Ее недовольство было продиктовано лишь заботой обо мне и искренним желанием помочь. Наверное, я никогда не смогу отблагодарить эту прекрасную женщину.

— Я больше не буду унижать вас нравоучениями, мисс Хоггарт, но я бы хотела быть уверена, что вы не забываете и о себе.

На миг глаза миссис Баррингтон увлажнились, но, чтобы скрыть это от меня, она зажмурилась и элегантно потерла глаза,

будто от усталости. Я спрятала улыбку, коснувшись пальцами губ, а хозяйка пансиона спросила:

— А теперь скажите мне, кого именно вы видели?

— Окарта.

— Но девочки говорили о темном маге?! — изумилась хозяйка. — Окарт был светлейшим из нас! Он создал магистиум, помогал таким, как наши девочки, еще тогда, когда маги не были обласканы вниманием короны! Его светлым делам нет счета!

Миссис Баррингтон говорила горячо, самозабвенно, словно мои слова причинили ей боль.

— Мы все были удивлены, но видели своими глазами, что Окарт творил темную магию, — сказала я.

— Возможно, это какое-то недоразумение и вы с девочками что-то не так поняли, — продолжила взволнованно защищать мага миссис Баррингтон.

Я не стала настаивать и давить на нее. Эта женщина не очень хорошо принимала перемены, а то, что я сказала, могло перевернуть ее мир с ног на голову. Мне, в сущности, все равно, ведь Окарт умер много лет назад, но для хозяйки пансиона это было важно, и я не захотела расстраивать ее еще больше, поэтому сменила тему.

— Нет ли писем для отправки? — изо всех сил изображая безразличие, спросила я.

— Опять уваливаете от ужина? — лукаво прищурившись, поинтересовалась женщина.

Слава богу, она, словно ребенок, быстро переключалась с эмоции на эмоцию. Иногда мне казалось, что миссис Баррингтон видит меня насквозь, но я не возражала. Значит, в моей жизни есть хоть один человек, кто знает меня достаточно хорошо, чтобы заботиться и, возможно, даже любить. Женщина поднялась и протянула мне несколько писем, среди которых, по обыкновению, были адресованные сестрам, жившим в столице.

— Я бы советовала вам идти утром, поскольку уже стемнело, но вы ведь не послушаетесь, верно?

Я взяла письма и улыбнулась, довольная тем, что есть повод выйти из пансиона и подышать воздухом перед сном. До города идти всего ничего, каких-то пятнадцать-двадцать минут. Обычно нашу почту забирал почтальон, но иногда я решалась выйти в город, чтобы

не чувствовать себя полной затворницей. Стоило поторопиться, пока почтовое отделение не закрылось.

В своей небольшой, но довольно уютной комнате я надела шляпку, поправила юбку и рукава блузы, пригладила узкий кружевной воротник, застегнутый прямо под подбородком, и сменила туфли на ботинки со шнуровкой. Я успела застать неудобные, на мой взгляд, турнюры и сейчас радовалась, что дожидая до современной простоты линий. Глядя в прошлое, наслаждалась тем, как теперь выглядит женское платье: узкое в талии, слегка облегающее бедра и расширяющееся книзу. Женский силуэт стал гораздо изящнее в последние годы. От корсетов тоже постепенно отказывались, но я еще не осмелела до такой степени, не решаясь расстаться с хоть и некомфортным, но привычным предметом одежды.

Оглядев себя в зеркале, я снова почувствовала горечь и одиночество. Странное чувство, когда тебя окружает такое количество людей. На вид мне около двадцати пяти лет, и я была весьма недурна собой: медные волосы уложены в простую, но элегантную прическу, серо-зеленые глаза, обрамленные густыми ресницами, аккуратный, чуть заостренный носик и чувственные, немного полноватые губы. Не скрою, что мое отражение в зеркале мне нравилось, но я не считала внешнюю красоту определяющей.

На улице плотнее закуталась в пальто, поскольку поднялся ветер и погода делалась пасмурной. С тоской взглянув в темное небо, я порадовалась, что захватила зонтик. Дорога через лес никогда не пугала меня, за годы, прожитые в пансионе, я успела изучить его окрестности не хуже местного лесничего мистера Эртона.

Я вышла из почтового отделения за десять минут до его закрытия. Любезный мистер Фейн учтиво предложил проводить меня, но я благодарно отказалась, желая заглянуть в кофейню неподалеку, чтобы не остаться голодной на ночь глядя. В городе я появлялась редко и чаще всего под вечер, поэтому здесь меня мало кто знал.

Угостившись ароматным мятным чаем и яблочным пирогом, я вышла из кофейни и решила поторопиться, потому что чувствовала приближение грозы. Ее запах уже витал в воздухе. Я прошла знакомыми переулками и оказалась между двумя ювелирными лавками, расположенными друг против друга.

Внезапно из-за угла выскочили двое, а за спиной у них послышались выстрелы. Я вздрогнула от неожиданности и издала звук, похожий на писк. Один из мужчин заметил меня и оттолкнул в сторону, я ударилась о стену, но устояла на ногах. Незнакомцы вновь бросились бежать, но я уже успела хорошо рассмотреть обоих в свете уличного фонаря. В тот миг мне показалось, что от смерти меня спасли лишь очередные выстрелы. Один из убежавших оступился, повалился на асфальт и что-то выронил. Его друг подхватил мужчину за локоть и потащил за собой, оставив сверток там, где он упал.

Через мгновение мимо меня пронеслись полицейские, но преступники свернули за угол и оттуда начали стрелять. Я снова взвизгнула, когда чья-то крепкая рука больно схватила меня за плечо. Меня бесцеремонно отодвинули за спину и вынудили присесть на корточки. От страха и скорости происходящего я растерялась, схватилась за одежду человека, прикрывшего меня собой и съежилась. Мужчина тоже отстреливался и тихо ругался сквозь зубы.

Он высунул голову, и пуля снесла с его головы шляпу. Мое сердце колотилось от ужаса, в ушах появился ровный гул, в висках стучало. На миг все затихло, и я подняла голову. Мой защитник осторожно выглянул, и вновь раздался выстрел. Не думая о том, что делаю, я вскинула руку и рефлекторно создала щит, в который мгновенно врезалась пуля, прямо перед лицом мужчины. Теперь все стихло окончательно. Выждав еще немного, полицейские вышли из укрытий и бросились за преступниками. Мой спаситель остался рядом. Мужчина развернулся ко мне, помог подняться на ноги и впился придирчивым взглядом в мое лицо. Изучив его, он осмотрел мою одежду, очевидно решая, из какого я сословия и как следует говорить со мной.

— Вы маг? — серьезно спросил он, делая шаг вперед, чтобы оказаться в свете фонаря.

Теперь и я могла рассмотреть его. Мужчина выглядел примерно лет на тридцать, хотя я никогда не отличалась умением безошибочно определять возраст. Он был высоким, довольно хорошо сложенным, с широкими плечами и, как я уже успела убедиться, крепкой спиной. Темные волосы, по-современному коротко остриженные. Если свет фонаря не обманывал меня, то глаза у мужчины были серыми, цепкими и внимательными, и то, как именно они сейчас смотрели на меня, ужасно смущало. Широкий подбородок с маленькой, почти

незаметной ямочкой и такие же широкие скулы. Ровный, совсем чуть-чуть широковатый нос. Смотреть на него было приятно, не более. Перестав разглядывать, я немного отступила, не желая отвечать на вопрос.

— Я инспектор Аддерли, а как ваше имя?

Мне совсем не хотелось продолжать этот разговор, но полицейские бывают очень настойчивыми, и этот факт ничего хорошего не предвещал.

Меня зовут Аделаида Хоггарт, и двадцать пять лет назад мое замороженное тело нашли в леднике Кромсворт недалеко от северных границ Аврии. Как только лед растаял, я распахнула глаза и с того самого дня не постарела ни на день. Я не помнила, откуда я, как попала в ледник и даже как меня зовут. Имя Аделаида Хоггарт я придумала сама, после того как сбежала от придворных магов, желающих изучить мой феномен. Совершенно случайно оказалась в Вичпорте, где постучалась в двери тогда еще молодой хозяйки пансиона. Она приняла меня и сохранила тайну по сей день. Не скажу, что я скрывалась с особой тщательностью, но и лишнего внимания старалась не привлекать. Знакомство с полицией могло нарушить мой покой окончательно и бесповоротно.

Глава 2

ОГРАБЛЕНИЕ, КОТОРОГО НЕ БЫЛО

Я помню, как впервые открыла глаза. Единственное, что почувствовала в тот миг, была чудовищная головная боль. Хотелось кричать и сжимать голову в ладонях, но возможности не было. Мои руки оказались привязаны к кровати, и, как мне потом объяснили: прежде чем прийти в себя, я металась и царапалась.

Первые три дня стали самыми тяжелыми. Меня изучали придворные маги, тщательно следя за каждым шагом, что я неуверенно делала. Одного из них звали Огюст, и он казался самым добрым и приветливым. Однако первое впечатление зачастую обманчиво. Пытаясь заставить меня вспомнить, как я оказалась замороженной и почему не умерла, он сначала был мягок и учтив, но страстное желание узнать, как можно проспать добрую сотню лет и проснуться таким же молодым, становилось все навязчивее. Огюст становился все более нетерпеливым, настойчивым, а со временем и вовсе агрессивным. Насильно меня никто не удерживал, поскольку его величество король Эдред хоть и был поражен моим появлением, но никаких насильственных действий не позволял. Но даже несмотря на относительную свободу, я прожила среди магов почти полгода. Идти мне было некуда, поэтому за это время я постаралась узнать как можно больше о мире, что меня окружал.

Бежать решила, когда Огюст не оставил мне выбора и впервые ударил, не сдержав нетерпения и злости. В тот день я обнаружила, что проснулась моя собственная магия. Почему-то этот факт ужасно напугал меня, и я не хотела, чтобы Огюст узнал о моих способностях, поэтому надумала покинуть обитель королевских магов. Поскольку за полгода я ни разу не проявляла намерений сбежать, бдительного надзора за мной не было. Заручившись поддержкой одной из служанок, я улизнула прямо посреди бела дня.

Несколько месяцев блуждала из города в город, пытаюсь найти свое место в новом для меня мире. Однажды холодным зимним вечером я набрела на пансион миссис Баррингтон. Устав от скитаний, рассказала ей все как на духу и ни разу с тех пор не пожалела. Славная

женщина приютила меня и дала работу. Первые годы я поглощала книги, изучая былые эпохи и пытаюсь стать ближе к собственной истории. Миссис Баррингтон помогала мне осваивать магию. Лет через десять мы обнаружили, что я не изменилась абсолютно. Ни одной морщинки, ни одного седого волоска, я выглядела точно так же, как в тот день, когда постучалась в ее двери.

Учителей в пансионе было совсем немного: я, моя подруга Уиннифред Чапман, мистер Огlsi и миссис Крофтон. А также с нами жили пожилая кухарка и конюх, который следил за единственным стареньким экипажем и кобылкой. Все они были верными и порядочными людьми, которые не задавали лишних вопросов и никогда не болтали лишнего. Девочки обучались не более пяти лет, а потом просто разлетались по своим родным городам, поэтому за двадцать с лишним лет я не успела привлечь к своей молодости лишнее внимание.

В течение первого десятка лет, прожитых в пансионе, я не выходила в город совсем, поскольку тогда мне казалось, что Огюст меня ищет. Но со временем страх притупился, и я немного осмелела, появляясь среди горожан пару раз в год. Жители Вичпорта, как и во всей Аврии, к магам относились с долей настороженности, поэтому ко мне не присматривались, хотя первое время я даже не говорила, откуда пришла. Одним словом, никто мою тайну не узнал, поэтому я была обеспокоена встречей с инспектором, который разглядывал меня пристальнее, чем мои девочки бабочку в солнечный день. Одна его должность заставила меня подобраться и будто ощетиниться. Однако я понимала, что, если начну скрывать в таком простом вопросе, только еще больше раззадорю его любопытство.

— Мое имя Аделаида Хоггарт, — представилась я.

— Можно узнать, откуда и куда вы идете так поздно? — спросил инспектор, слегка прищутив свои пытливые глаза.

— Была в почтовом отделении, а теперь иду обратно в пансион миссис Баррингтон, — спокойно ответила я, обходя инспектора и направляясь к тому месту, где упал один из преступников.

— Это тот, что в старом поместье Хэкмен-хаус? Вы ученица?

— Благодарю за лестный комплимент, мистер Аддерли, но нет, я там преподаю.

Немного пройдясь по улице, я пыталась разыскать предмет, который обронили беглецы. Это, конечно, не мое дело, но инспектор мог и не заметить.

— Вы как будто и не испугались вовсе, — заметил мужчина, наблюдая за моими действиями.

Знал бы он, сколько мне пришлось повидать за месяцы скитаний по стране, но делиться с инспектором я, само собой, не стану.

— Напротив, я очень испугалась, инспектор.

В этот момент я присела и подняла с земли маленький бархатный мешочек темно-красного цвета. Прежде чем успела его развернуть, инспектор бесцеремонно выдернул находку из моих рук и отступил к фонарю. Выложив его содержимое на ладонь, он присмотрелся.

— Одна из украденных драгоценностей? — вырвался у меня вопрос.

Инспектор Аддерли оторвался от своего занятия и вопросительно посмотрел на меня.

— Очевидно же, что убежавшие были преступниками. — Я пожалала плечами. — Мы находимся между двух ювелирных магазинов, да и мешочек этот как раз из тех, в которые упаковывают драгоценности.

— Разбираетесь в драгоценностях? — спросил мужчина.

— Немного, — уклончиво сказала я.

Душа моя, возможно, как и у любой девушки, тянулась к драгоценностям, но я ценила не только красоту. Мне была интересна история того или иного камня. Посчитав, что и так задержалась, я бросила взгляд в темное небо, откуда к земле уже летели первые капли дождя.

— Спасибо за помощь, мистер Аддерли, — искренне поблагодарила я инспектора, — но, если можно, я бы отправилась в обратную дорогу.

— Боюсь, что сейчас это невозможно, мисс Хоггарт.

Инспектор уложил свою улику обратно в мешочек, который тут же утонул в одном из карманов его пальто. Мужчина покрутил головой, а потом, обнаружив то, что искал, поднял шляпу и хорошенько ее рассмотрел.

— Прекрасный выстрел, — пробормотал он, просовывая палец в дырку, проделанную пулей.

— И это при одном здоровом глазе, — буркнула я, а потом вспомнила о его недавних словах. — И почему же я не могу вернуться в пансион?

— Что вы сказали о глазе? — игнорируя мой последний вопрос, спросил инспектор. — Вы рассмотрели грабителей?

— Да, и очень хорошо. Обоих.

Возможно, я и не любила говорить о себе, но лгать человеку прямо в лицо не привыкла. Конечно, спокойнее сослаться на темноту и испуг, но это было бы неправильно.

— Ну вот и ответ на ваш вопрос, мисс Хоггарт, — приближаясь ко мне, сказал мистер Аддерли. — Я был бы благодарен, если бы вы оказали помощь полиции и описали преступников, которых так хорошо рассмотрели.

Стоило инспектору подойти, и меня тут же окутало необъяснимое чувство покоя и надежности, будто я завернулась во что-то теплое и уютное. И дело было не только в его профессии, но и в силе, исходящей от него. Его глаза, движения рук и походка — все говорило о том, что инспектор Аддерли из тех, на кого можно положиться. Он все еще смотрел на меня с тенью недоверия, но я предположила, что это обусловлено лишь родом деятельности.

— Уже поздно, — сказала я, кутаясь в пальто, словно оно могло спасти меня от накрапывающего дождика, — к тому же скоро будет гроза. Мы не можем перенести этот разговор на завтра? Я бы пришла в ваш участок...

— Мне жаль, но нет, — ответил инспектор и вдруг пронзительно свистнул.

От неожиданности я подпрыгнула, а потом изо всех сил постаралась сделать вид, что полностью сохранила самообладание.

— Простите, — бросил он мне, а затем повернулся к молодому человеку в форме, прибежавшему на его зов. — Райли, проводите, пожалуйста, мисс Хоггарт в магазин мистера Оддеркота, пока она не вымокла и не окоченела на ветру.

Паренек лет двадцати с готовностью откликнулся на просьбу и широким жестом пригласил меня следовать за ним. Невысокий, немного худощавый и нескладный констебль приоткрыл передо мной наполовину стеклянную дверь. Войдя, я тут же услышала хруст под ногами. Бросив взгляд на пол, поняла, что это стекло, разбросанное по

всему магазину. Витрины были разбиты, но, как ни странно, драгоценности так и остались лежать на своих бархатных подставках.

— Весьма необычно, — пробормотала я, продвигаясь вглубь магазина.

— Что вы сказали? — спросил констебль.

— Необычно, говорю, — повторила я. — Ограбление какое-то странное, ничего ведь не взяли, кроме одного мешочка.

— Ах! Вы об этом! Да, очень странно! — оживился юноша, словно ждал, с кем бы обсудить случившееся. — Вошли тихо через заднюю дверь, вскрыли только сейф. Зачем тогда побили витрины, непонятно?!

— Констебль Брикман! — послышался за спиной грозный голос инспектора Аддерли.

Мы с молодым человеком обернулись и наткнулись на сердитый взгляд серых глаз. Инспектор стоял в дверях и своей позой демонстрировал явное недовольство подчиненным.

— Прошу прощения, инспектор, — потупился констебль.

— Ваш длинный язык когда-нибудь сослужит вам плохую службу, — покачал головой Аддерли и приблизился к нам. — За хозяином послали?

— Да, инспектор, Барти отправился за ним.

— Хорошо, говорите, что видите, — велел Аддерли и склонился над разбитыми витринами.

Пока констебль Брикман проговаривал все, что видел, и делал из этого выводы, я отошла чуть в сторону. Магазин оказался небольшим, но у хозяина явно был прекрасный вкус. Он не собирал украшений, как сорока, лишь бы блестели, здесь были только на самом деле изысканные изделия. Туда-сюда сновали констебли и, на мой взгляд, их было слишком много для такого тесного пространства.

— Мисс Хоггарт, — обратился ко мне инспектор Аддерли, — там, в комнатке хозяина, есть кресло, можете присесть. Еще несколько минут — и я сам опрошу вас о приметах преступников.

— Благодарю, — ответила я и отыскала взглядом нужную дверь.

В небольшом помещении без окон прямо у дверей стоял всего один констебль. Вероятно, наблюдал за распахнутым сейфом, в котором, как я успела заметить, лежали какие-то деньги и еще пара-тройка мешочков с драгоценностями. Садиться сразу я не стала, решив

рассмотреть комнату. В левом от меня углу стоял тот самый сейф, перед ним кресло и стол, заваленный бумагами, счетами и прочим. Справа — невысокий шкаф с книгами. Я прочитала несколько названий и поняла, что это издания о камнях и знаменитых драгоценностях. Мое внимание привлекло, что почти все книги были пыльными, эту придирчивость годами прививала мне миссис Баррингтон. Только два потрепанных томика отличались чистотой. На корешках ничего примечательного, просто справочники по минералам и породам. Один из корешков был особенно потрепан только сверху, будто его чаще пальцем выдвигали, чем открывали. Повинуясь инстинкту, я взялась рукой за верхний угол книги и потянула на себя, чтобы вытащить томик и рассмотреть получше.

— Мисс Хоггарт, прошу, ничего не трогайте, — только и успел произнести появившийся в дверях инспектор, когда что-то щелкнуло, громко лязгнуло и пришло в движение.

Испугавшись, я отступила, но, как оказалось совсем не туда, куда следовало. В один миг пол под ногами исчез, и я провалилась куда-то вниз.

Мои ребра почувствовали каждую ступеньку, а приземлившись, я больно стукнулась головой. Шляпка осталась где-то на полпути, от пальто, кажется, оторвалась одна пуговица. Из-за неудобной позы не сразу получилось встать.

— Мисс Хоггарт! — окликнул меня инспектор Аддерли. Я не ответила, поскольку пыталась подняться на ноги, и ему пришлось повторить: — Мисс Хоггарт, вы в порядке?

Я услышала шаги и поняла, что инспектор решил спуститься следом. Очень неловко было от того, что он застал меня, чуть ли не ногами вверх. Слава богу, что здесь было темно, если не считать света из заслоненного фигурами констеблей проема. Ну вот, теперь все эти мужчины стали свидетелями моего постыдного фиаско. Я попыталась извернуться, но нога застряла в прутьях лестничного ограждения.

— О вашем везении можно анекдоты рассказывать, — послышался голос сверху.

— Это вы сейчас издеваетесь, инспектор? — возмутилась я, злясь на себя за то, что никак не получалось вытащить ногу и принять уже более приличную позу.

— Прощу прощения.

Вот тут непонятно было, за что именно извиняется инспектор, то ли за свои слова, то ли за действия, которые за ними последовали.

Мужчина аккуратно взял меня за ногу в районе щиколотки и медленно развернул ступню, а потом, немного надавив, освободил застрявший ботинок из плена металлических прутьев. Ему не стоило никакого труда взять меня за талию и, снова пробормотав извинения, поставить на ноги, убедившись, что я больше не упаду. Ничего более интимного еще не случилось в моей жизни, по крайней мере, в той, что я помнила. Позволив ему осмотреть себя, насколько это было возможно, я подавила стон и постаралась забыть об ушибах. Стоило сохранить хоть каплю достоинства.

— Благодарю, — пробормотала я и отвернулась.

Чтобы спрятать неловкость, решила заняться чем-то полезным и отыскать лампу или что-то подобное. Инспектор, похоже, озабочен тем же. Он достал сигарные спички и, чиркнув одной о коробок, добавил немного света. Керосиновая лампа дожидалась своего часа неподалеку, на столе.

— Похоже на ювелирную мастерскую, — сказала я, как только стало светлее.

— Это неудивительно, — заметил инспектор. — Мистер Оддеркот ювелир.

— Я имела в виду, что он не только торгует, оценивает или гравировывает. — Я взяла лампу и поднесла ее ближе к инспектору, чтобы и он мог рассмотреть стол. — Вот посмотрите на верстак, это финагель — упорная часть для выпиливания, а вот это тигель — емкость для нагрева и плавления плюс разного рода напильники, молоточки, линзы и щипцы. Это инструменты мастера ювелирного дела. Мистер Оддеркот не только продает украшения, но и создает их.

— Или переделывает, — задумчиво сказал инспектор.

Мне показалось, что мысленно он отправился куда-то далеко, некоторое время помолчал, разглядывая инструменты, а потом будто очнулся.

— А вы откуда так много знаете о ювелирном деле? — В его вопросе прозвучало колючее подозрение, брови нахмурились.

Инспектор насторожился, как борзая на лисьей охоте, почуяв зверя. Взгляд стал тяжелым, но я выдержала его, понимая, что в этом вопросе мне нечего скрывать.

— Я люблю драгоценности. — Пожала плечами и отставила лампу, освобождая руки. — Мой предмет — история, инспектор, и я прочла большое количество литературы. Пансион миссис Баррингтон довольно обособлен, вечерами бывает нечем себя занять, и тогда я пополняю свои знания. Ювелирное дело странным образом притягивает меня, поэтому я изучала и его, правда, не скажу, что очень глубоко. И девочкам немного рассказывала.

— А разве это не то место, где обучают магии?

— В том числе, — согласилась я, перебирая пальцами несколько полудрагоценных камней, что лежали в открытой коробочке на столе. — Среди магов тоже были ювелиры, и как раз сегодня мы с моими ученицами говорили об одном из них.

— Вот так совпадение.

Я спиной ощущала его взгляд, он нервировал до такой степени, что захотелось дернуть плечом, чтобы сбросить неприятное чувство.

— Не верю в совпадения, — ответила я.

Инструменты у мастера были хорошие, качественные. Бросалось в глаза, что за ними тщательно ухаживали, и вообще на рабочем столе хозяина царили чистота и порядок.

— Вы всегда ходите именно этой дорогой, когда посещаете почтовое отделение? — прозвучал вопрос.

— Да, она самая удобная, и вы наверняка не хуже меня об этом знаете. — Устав от его намеков, я развернулась к инспектору лицом и открыто посмотрела в глаза. — Вы считаете, что я как-то причастна к ограблению?

Инспектор ничуть не растерялся, так же смело отвечая на мой взгляд. Показалось, что он пытается меня разгадать, понять, кто я на самом деле и как ко мне относиться.

— Пока не знаю, мисс Хоггарт, но все это по меньшей мере подозрительно.

— Что именно, инспектор Аддерли? — Я вскинула брови. — Что я оказалась в этом районе? Что я нашла мешочек, который так неосторожно обронили преступники, тем более приходили они, по всей видимости, именно за ним? Или что я совсем чуть-чуть разбираюсь в ювелирном деле? А может, подозрительно то, что я благодаря своему любопытству нашла эту мастерскую?

— Все сразу, — сказал мистер Аддерли и отвернулся. — Констебль Брикман! Хозяин пришел?

— Нет еще! — послышался голос сверху.

— Ладно, тогда давайте поднимемся, — обратился инспектор снова ко мне, — и вы наконец опишете мне беглецов.

Я не стала отвечать, просто направилась к ступенькам, ощутив, что рядом с инспектором мне стало мало воздуха. Подъем прошел без происшествий. Я, как и собиралась, присела в кресло и приготовилась неспешно диктовать все, что мне запомнилось. Однако инспектор Аддерли меня удивил. Он сделал жест рукой, который тут же был понят и расценен как призыв к какому-то действию. Вскоре Райли Брикман принес ему широкий блокнот и карандаш.

— Прошу вас, — попросил он меня и приготовился рисовать.

Отойдя от первого шока, я осознала, что наша беседа затянется на неопределенный срок.

— Прежде чем мы начнем, вы не могли бы послать кого-нибудь с запиской в пансион? Миссис Баррингтон с ума сойдет от беспокойства. Уже очень поздно, и на улице гроза.

— Конечно, — ответил инспектор и повернулся к констеблям, которые, услышав мои слова, будто все перепугались разом. — Уильям, отправляйтесь в пансион миссис Баррингтон и деликатно, чтобы не напугать, объясните, что мисс Хоггарт в безопасности, но немного задержится.

Молодой, розовощекий, на вид ужасно застенчивый юноша тоже был немного напуган, но все же кивнул.

— Не переживайте, Уильям, — сказала я. — Привидения так же, как и живые люди, не любят грозу и не покажутся вам на глаза, а миссис Баррингтон кусается, только если девочки стерли не всю пыль или не выучили урок. Ни то, ни другое к вам не относится.

Может, и зря я так пошутила, но довольно быстро простила себя, оправдавшись тем, что мне пришлось немного понервничать, побывав в перестрелке. Инспектор посмотрел на меня с укоризной.

Чтобы загладить свою вину, я постаралась детально вспомнить внешность двух мужчин, которых встретила в переулке. Как оказалось, инспектор весьма недурно рисовал, и лица получились очень даже похожими. Спустя примерно полчаса, развернув ко мне рисунки, он попросил поправить, если что-то отражено недостоверно. Человек,

которого я заметила, когда создавала щит для инспектора, казался особенно неприятным. Один его глаз походил на сплошной шрам, будто ему его выкололи, а потом зашили. Нарисовано было так подробно, что я поежилась.

— Все верно, инспектор, — тихо сказала я.

— Прекрасно, спасибо.

Мне показалось, благодарил он неискренне, но вполне могло быть, что это повлияла усталость.

В зале, где хозяин вел торговлю, послышался какой-то шум и возбужденные голоса. Я, как по команде, поднялась на ноги и схватила шляпку, которую любезно подобрал кто-то из констеблей и вернул мне. В комнатку ворвался высокий, худощавый и слегка лысоватый человек с круглым носом и недовольно изогнутыми губами. Он осмотрел свой кабинет, открыл рот, заметил инспектора, сурово взирающего на него, и тут же захлопнул его, правда, при этом ноздри мужчины возмущенно раздулись, словно он проглотил свое негодование и его остатки выпорхнули через нос.

— Что здесь происходит? — усердно работая над интонацией, проговорил мужчина.

— Мистер Оддеркот, я полагаю? — спросил инспектор и после утвердительного кивка спокойно добавил: — Вас ограбили.

Немного поостыв, хозяин магазина осмотрелся, и первое, что бросилось ему в глаза, это распахнутый люк в полу, ведущий в его мастерскую.

— Как? — побагровел он. Мне показалось даже, что он сейчас взорвется. — Каким образом?..

— Прошу прощения, мистер Оддеркот, — вмешалась я. — Это моя вина, я случайно провалилась...

— А вы еще кто такая? Это одна из них? Это она?..

— Мистер Оддеркот! — Инспектор поднялся на ноги и полностью развернулся к мужчине. — Прошу вас, успокойтесь. Мисс Хоггарт стала невольной свидетельницей и теперь изо всех сил пытается нам помочь.

Голос Аддерли звучал спокойно, мягко, даже я заслушалась и почувствовала разливающееся в груди тепло. Мистеру Оддеркоту вдруг совсем расхотелось кричать, он будто устыдился своего поведения, потупился и смущенно улыбнулся, терзая вымокшую

шляпу руками. Со стороны это выглядело странно. Краем глаза я уловила, как констебль Брикман спрятал усмешку в кулак. Видимо, он привык наблюдать, как его начальство умиряет особо впечатлительных горожан.

— В зале, кроме побитых витрин, ничего не пострадало. Нужен, конечно, полный учет, но, как мне показалось, — все на месте, — сказал ювелир.

— Не хотите сейф осмотреть? — пристально вглядываясь в лицо Оддеркота, спросил инспектор.

— Мой сейф — самый надежный! Я заказывал его у...

Договорить ювелир не успел. Я отошла чуть в сторону, и теперь перед ним открылась полная картина, являющая собой распахнутый железный ящик. Мужчина снова покраснел, его глаза сделались круглее, а губы задрожали, впрочем, как и руки. Он чуть было не сшиб меня с ног, когда бросился к сейфу.

— Нет, нет, нет... — бормотал он, переворачивая все внутри в поисках чего-то конкретного.

Мы с инспектором невольно переглянулись, хорошо понимая, что именно ищет хозяин магазина.

— Вы ведь не только торгуете? — как бы невзначай спросил Аддерли. Мне показалось, он сделал это нарочно, воспользовавшись возбужденностью мистера Оддеркота. — Изготавливаете украшения?

— А? Что? — Ювелир резко развернулся к нам, и я заметила капельки пота у него на лбу. — Нет, ну что вы. Украшений я не делаю.

Я чуть было не вступила с ним в спор, но инспектор вовремя вставил свое слово:

— А как же мастерская внизу?

— Она принадлежала моему отцу, он когда-то занимался этим ремеслом.

Меня бросило в праведный жар, я перевела возмущенный взгляд на инспектора, но он медленно кивнул мне, давая понять, что тоже не поверил. Безусловно, я понимала — все это не мое дело, но даже такой дилетант, как я, заметил, что инструментами пользовались. К тому же в мастерской пыли было меньше, чем в кабинете, а это значило, что хозяин много времени проводил именно там.

— Вы заметили какую-то пропажу? — Аддерли прищурился, пытливо всматриваясь серыми глазами в лицо ювелира.

— Нет, — слишком быстро ответил хозяин магазина. Он ужасно нервничал, его глаза бегали по комнате, а лицо потело все сильнее. Заметив взметнувшиеся кверху брови инспектора, он дернулся и передумал: — То есть да! Простите, я немного растерян. Меня впервые грабят.

Инспектор Аддерли вынул мешочек из кармана пальто, продолжая буравить взглядом неумелого лжеца. Стоило мистеру Оддеркоту увидеть предполагаемую пропажу, как из него будто весь дух вышел.

— Вы нашли... но как? — Трясущимися руками мужчина взял мешочек и тут же выложил его содержимое на стол.

Даже не знаю, как я смогла сдержаться, чтобы не вскрикнуть от удивления. Мое сердце забилося чаще, как только я пристальнее рассмотрела то, что таилось в мешочке.

Глава 3

ЗАГАДОЧНЫЙ ЮВЕЛИР

— Но как же это? Я ничего не понимаю... — утирая платком пот со лба, спросил мистер Оддеркот.

— Судя по всему, грабители приходили именно за этой вещицей, — спокойно сказал инспектор, и я отметила его абсолютное безразличие к драгоценностям.

Многие люди, и не только женщины, но и мужчины, благоговеют перед украшениями, любят прикасаться к ним, подолгу держать в руках либо просто любоваться. Инспектор Аддерли оказался из тех, кого подобные вещи не трогают. Он смотрел на изысканный, выполненный рукой настоящего мастера кулон лишь как на улику.

На столе лежал изумительный по своей красоте и размеру васильково-синий сапфир, обрамленный вычищенной до блеска серебряной оправой с россыпью маленьких бриллиантов. Я не могла оторвать от него глаз. Роскошная оправка тоже была выполнена, безусловно, талантливым ювелиром. Петельки и завитки на ней хоть и строго, по-мужски, но ласково, словно любя, касались граней камня, выгодно выделяя его и заставляя буквально сиять. Украшение определенно предназначалось мужчине.

Кулон и правда был потрясающим, но не только это привлекло мое внимание и заставило на время замереть от удивления. В голове снова пронеслась мысль о неслучайности случайных вещей. Вопрос был в том, почему все эти случайности произошли?

— Это очень дорогое украшение? — спросил инспектор, и я невольно бросила на него изумленный взгляд. Мистер Оддеркот сделал то же самое. Он выглядел так, будто его оскорбили лично. — Мне еще не приходилось иметь дел с драгоценностями.

Слова инспектора почему-то заставили меня присмотреться к его одежде внимательнее. Я понимала, что полицейские, как, впрочем, и учителя, зарабатывали немного, около ста пятидесяти — двухсот фунтов в год. Но внешний вид мистера Аддерли говорил об обратном. Шерстяной костюм был явно сшит на заказ и сидел на нем идеально, жилет из хлопка, белоснежная сорочка, галстук; все это указывало на

иной доход, что показалось мне странным. Пальто и шляпа дополняли этот непростой ансамбль. Да и сам инспектор выглядел опрятным, пристально следящим за своей внешностью. Мне уже доводилось видеть полицейских, но еще ни один не выглядел так, словно собрался на ужин к друзьям, а не на службу. Оттого его слова о драгоценностях показались мне неправдоподобными.

— Этот сапфир бесценен, инспектор, — излишне пафосно заявил хозяин магазина, а потом демонстративно убрал кулон обратно в мешочек.

Но спрятать сапфир в сейф он не успел, поскольку ловкий инспектор аккуратно, но настойчиво забрал украшение:

— И все же? Сколько оно может стоить?

Мистер Оддеркот снова начал потеть, дергано достал платок, утер лысеющую голову, скомкал его, потом снова расправил и зажал в кулаке, поглядывая на заветный мешочек.

— Этот камень вместе с оправой оценивается примерно в семнадцать с половиной тысяч фунтов стерлингов.

Позади меня послышался выразительный свист констебля Брикмана, который, стоило нам всем обратить на него внимание, стушевался и вернулся в торговый зал. Осознав стоимость кулона, я согласилась с удивлением юноши. Цена казалась мне немного завышенной, но, возможно, дело было как раз в том самом секрете, который так поразил меня при первом взгляде на сапфир. Интересно, а ювелир в курсе, что именно попало ему в руки?

— И поскольку он так дорого стоит, я попросил бы вас вернуть его, инспектор. — Глаза мистера Оддеркота лихорадочно блестели, он выглядел как обезумевший. — Эта вещица предназначена для одного весьма влиятельного человека, и ему не понравится, если она будет фигурировать в каком-либо скандале.

— Скандале? — переспросил инспектор, вьедливо изучая ювелира и его реакцию на происходящее. — Сапфир — улика в деле об ограблении! Я должен его изъять, и верну, как только дело будет раскрыто.

— Да вы что?! — возмутился мужчина. У меня сложилось такое впечатление, что если инспектор Аддерли начнет упрямяться, то ювелир кинется на него с кулаками и попытается с боем вернуть себе сокровище. — Я не позволю! Это произвол!

В какой-то момент мне показалось, что инспектор сдастся и вернет кулон временному владельцу, поэтому я попыталась привлечь его внимание. Это оказалось непростой задачей, особенно если учесть, что ювелир тоже мог заметить мои более чем странные манипуляции. Я несколько раз резко махнула рукой и выпучила глаза, стараясь обратить внимание инспектора на себя, что и случилось в конце концов. Мужчина перевел на меня удивленный взгляд и вопросительно приподнял брови, в ответ я многозначительно посмотрела на мешочек и отрицательно замотала головой. Инспектор Аддерли подозрительно прищурился, но догадался, что мне есть о чем рассказать, поэтому задумчиво посмотрел на ювелира, немного помолчал и, продолжая сохранять спокойствие и невозмутимость, ответил:

— Я вынужден.

— Но подождите, я не буду подавать заявление, ничего ведь не было украдено! — обрадовался собственной придумке ювелир. Он даже просиял как новенький пенни.

Я ощутила бесконтрольный страх, что юридические тонкости могут заставить инспектора подчиниться, а этого ни в коем случае не должно было случиться.

— Как же не было? Грабители убегали именно с кулоном! И обнаружили мы его за пределами вашей лавки. Плюс они отстреливались, а значит, делу дадут ход, — пожал плечами инспектор. — Райли! Вы закончили? Все сфотографировали? Запротоколировали?

— Да, сэр! — отозвался констебль. — Можем возвращаться в участок.

— Еще пара вопросов, мистер Оддеркот, — вернулся к пострадавшему и почти впавшему в отчаяние ювелиру инспектор. — Исходя из того, что ничего, кроме упомянутого кулона, грабители не взяли, я делаю вывод, что им нужен был именно он. Как давно он у вас?

— И с-суток не прошло, — чуть заикаясь, ответил мистер Оддеркот и снова занервничал, обливаясь потом. — Я привез его из столицы, куда, в свою очередь, мне привезли его издалека.

— Как вы расплачивались?

Этот вопрос заставил ювелира облизать пересохшие губы и опять начать дергаться. Было очевидно, что эта тема для него скользкая.

— Собственными средствами...

— То есть средствами, доверенными вам клиентами, желающими приобрести драгоценности где-то за пределами Вичпорта? Правильно я понимаю?

Вот тут я чуть было не присвистнула, понимая, что инспектор, похоже, прав, судя по тому, как побледнел ювелир.

— Это не редкость в нашем деле... — забормотал мужчина растерянно. Вероятно, он подумал, что Аддерли арестует его за это.

— И последний на сегодня вопрос, — сказал инспектор. — Кто знал, что вы привезли этот сапфир из столицы и он хранится именно в сейфе?

— Никто, даже моя жена и заказчик! Я прибыл ночным поездом, хотя клиенту сказал, что приеду дневным! Жена в мои дела не сует нос, поэтому я не говорил, что именно покупаю или продаю, а заказчик не торопил.

— А почему вы прибыли раньше? — нахмурившись, спросил инспектор.

— Вспомнил о назначенной встрече с другим клиентом на сегодняшнее утро, — слабым от страха голосом ответил ювелир.

Инспектор задумчиво кивнул, а потом поблагодарил хозяина и повернулся к своему проворному помощнику.

— Заберите это, — велел он, протягивая констеблю свои рисунки. — В участке покажите сержанту Грэмси, если он не знает этих двоих, то завтра с самого утра займитесь поисками. Выясните, кто это, уж больно примечательная внешность у одноглазого. Можете отправляться.

— А вы, сэр?

— А я возьму кеб и отвезу мисс Хоггарт, — ответил инспектор и повернулся ко мне.

— Но... позвольте... а как же я? Как же камень? — взволновался мистер Оддеркот, делая шаг к упрямому блюстителю порядка. — Я буду жаловаться вашему начальству!

— Ваше право, — ответил инспектор. — Вы можете подать жалобу на имя комиссара Трэйси. И если он даст свое согласие, то я верну вам эту улику.

Мистер Аддерли повернулся ко мне и устало потер лоб, будто вспоминал, чего хотел именно от меня. Лицо его просветлело, и

появилась слабая улыбка лишь одним уголком губ, однако это полностью преобразило почти постоянно сосредоточенное лицо. Я поймала себя на том, что залюбовалась подобной переменной.

— Пойдемте, мисс Хоггарт, уже и правда слишком поздно, я отвезу вас в пансион, пока дотошная миссис Баррингтон сама не приехала к нам.

— Ох, — удивилась я. — Вам известно о причудах ее непростого характера?

— Я много слышал о хозяйке единственной еще живой части Хэксмен-хауса, — сказал он мне, а потом внезапно развернулся к ювелиру. — И, кстати, а кому предназначалось это украшение?

— Мистеру Хардману, — вздрогнув, как от пощечины, ответил мистер Оддеркот.

— Дэниелу Хардману? — уточнил слегка удивленный инспектор. — Хотя, конечно, кто бы еще мог позволить себе такую дорогую вещицу...

— Именно, — горделиво задрал подбородок, заявил ювелир, — милейшему человеку, меценату и филантропу.

— Ну-ну, — пробормотал едва слышно Аддерли сам себе и мягко подтолкнул меня в спину к выходу.

Мы вновь прошли мимо побитых витрин, снаружи раздался чудовищный раскат грома, и дождь шумел как высокий водопад в горах. Ассоциация ненадолго вернула меня к тому времени, что я провела у королевских магов. Мне нравилась моя нынешняя жизнь, хоть и была она несколько скучна и однообразна, но иногда казалось, что ключ к моему прошлому остался именно там. Быть может, я зря убежала? Может, стоило позволить Огюсту докопаться до истины?

— Мисс Хоггарт, — донесся до меня голос инспектора откуда-то издалека, даже показалось, что звал он меня уже не в первый раз. — Вы еще с нами?

— Да, простите.

— Я поймал вам кеб, сэр, — заглянув в двери, сообщил констебль Брикман. — Он прямо у дверей.

С улицы на нас смотрела непроглядная тьма и завеса проливного ледяного дождя. Я поежилась, ощущая ее холодное дыхание. На душе тоже неожиданно стало скверно, словно что-то нехорошее

подкрадывалось из-за угла, а я чувствовала его присутствие, но не могла увидеть и противостоять должным образом.

Кеб спасал от дождя, но не от холода. Инспектор Аддерли попросил минутку и задержался под козырьком, чтобы выкурить новомодную сигарету. Я наблюдала за мужчиной, который не обращал внимания на грозу и не заботился о сухости собственной одежды. Казалось, он глубоко погрузился в размышления, но вовремя опомнился и пожалел кебмена, который жался к стене магазина поблизости.

Когда инспектор опустился на сиденье рядом со мной, я еще раз обратила внимание на его рост и телосложение. Он занял почти все пространство небольшой кабинки, оттеснив меня к стенке. Кеб слишком резко дернулся, и я завалилась на плечо мистера Аддерли. Инспектор мягко поддержал меня и неловко поерзал, пытаясь освободить мне чуть больше места, а я попыталась не улыбнуться.

— Так, что вы там хотели сказать о кулоне? — снова кашлянув в кулак, спросил инспектор.

— Ох, да! Это очень важно, инспектор! — словно опомнившись, заговорила я, развернувшись к моему попутчику. — Кулон ни в коем случае нельзя отдавать никому, кроме истинного владельца!

— Но истинный владелец теперь мистер Хардман.

— Нет, вы не поняли, истинный владелец — это тот, для кого он был сделан!

— Эх ты! — удивился Аддерли. — Этой вещице немало лет, украшение-то старинное, судя по оправе.

— Погодите, — наступила моя очередь удивляться, — а разве вы не сказали, что не имели дел с драгоценностями? Как же вы поняли, что оно старинное? Выходит, солгали? Но для чего?

— Видите ли, мисс Хоггарт, иногда, чтобы уличить лжеца, нужно и самому в чем-то слукавить или прикинуться неосведомленным, а потом послушать, о чем будет петь свидетель, — бросая тревожные взгляды в окно, сказал инспектор.

— А наш ювелир, как вы выразились, распевал на все голоса. — Я предпочла не заметить, как взлетели брови мистера Аддерли после слова «наш». — Вы ведь тоже заметили, как он нервничал? А зачем сказал, что не делает украшений? Обманывает ведь. В мастерской ни

пылинки, инструменты ухоженные, материалы, опять же камни! Почему такие секреты?

— Дело может быть не в том, что он их делает, а в том, что переделывает!

— Ох! — воскликнула я, откидываясь на спинку сиденья. — Вы имеете в виду, что он занимается переделкой краденых украшений? А вот это, конечно, совсем другое дело! Теперь понятно, почему он нервничал. Плюс ко всему мистер Оддеркот чуть было не потерял и сапфир, и деньги других клиентов! Скажите, а как это происходит?

Я ощущала, как сердце ускоряется, возбужденное загадками и все новыми и новыми вопросами. Этот случай будто оживил меня, словно пробудил давно забытый вкус к жизни, заставил думать и желать докопаться до истины. Хотя что уж тут непонятного? Ювелир привез дорогую вещь, не успел вручить хозяину, и его ограбили. Правда неудачно, и сапфир вернулся на место, ну или почти на место. Главное, не попал в руки бандитов.

— Вы про покупку на чужие средства? — уточнил инспектор. — Мистер Оддеркот прав, это не ново в деле ювелиров и антикваров. Клиент дает вам некую сумму, чтобы, скажем, в столице или даже в соседней стране вы купили для него какой-нибудь предмет. То есть сами съездили на торги как его представитель, а потом привезли нужную вещь ему. Таким образом, у ювелира или антиквара может собраться определенная сумма одновременно от нескольких клиентов. Конечно, деньгам ведется строгий учет, но бывают и такие вот нерядовые ситуации, когда дельцы, как мистер Оддеркот, используют эти средства не по назначению, планируя перекрыть недостающую сумму при продаже, какой-нибудь безделушки.

— Рискованно, — заметила я. — А почему вы не стали расспрашивать ювелира подробнее, он бы сдался и рассказал вам все как на духу? И про мастерскую, и про свои подпольные дела.

— Я задал вопрос, он ответил. В данном случае, мисс Хоггарт, ювелир — пострадавший, и я не имею права копаться в его делах, тем более предварительный осмотр ничего противозаконного не показал. Если бы я начал давить, все могло обернуться не слишком приятно. Несмотря на то что ювелир весьма эмоционально отреагировал на мои расспросы, он мог довольно быстро взять себя в руки. Вы ведь сами понимаете, сколько влиятельных знакомых у него может быть.

Полиция Вичпорта действует очень осторожно в таких случаях. Я терпелив, мисс Хоггарт, и все, что мне было нужно знать на данный момент, узнал.

— Не все, — заявила я. — Я все еще не сказала вам, почему нельзя отдавать сапфир никому, кроме истинного хозяина!

— Хорошо, — снисходительно кивнул головой инспектор. — Говорите.

Кеб двигался довольно быстро в пределах города, но стоило выехать на окраину, как экипаж замедлился и начал слегка вилять на размытой дороге. Нахмуренные брови Аддерли свидетельствовали о том, что ему это не нравилось. Если честно, мне тоже.

— Этот кулон непростой! — Мое сердце дрожало от волнения. Я полностью развернулась к мистеру Аддерли и даже немного наклонилась к нему, будто собиралась поведать тайну. — Он действительно старинный, но дело даже не в этом! Его создал сам Томас Марлоу!

Если не считать шума падающих на крышу тяжелых капель дождя и редких раскатов грома, в кебе повисла тишина. Инспектор приподнял брови, и выражение его лица стало непонимающим. Я даже немного разочаровалась.

— Я никогда не слышал о таком ювелире, — сказал он, пожав плечами.

— Ну да, возможно, — пробормотала я, понимая, что инспектор далек от мира магии. — Чуть больше сотни лет назад в Аддлтоне жил маг — ювелир Томас Марлоу! Он создавал удивительные вещи, причем только по индивидуальному заказу! Его изделия были не просто украшениями, они таили часть души владельца!

— Вы хотите сказать, что этот сапфир часть чьей-то души? — недоверчиво скривился инспектор.

— И не только. Он не просто сам по себе магический, но в нем еще может быть заключена чья-то магия. Ну или какое-то пророчество, а может, и заклинание! Это уникальная вещь!

— Если это украшение создано больше сотни лет назад, то и хозяина уже давно в живых-то нет, — отмахнулся, как от небылицы, мой спутник.

— В том то и дело, что он жив. — А вот эти слова я прошептала, сама ужасаясь сказанному.

— То есть как?

— Именно из-за этого я и узнала работу Марлоу! Достаньте-ка сапфир, я вам покажу.

Инспектор явно смотрел на меня как на немного ненормальную, но любопытство, присущее каждому сыщику, все же взяло верх. Аддерли кивнул каким-то своим мыслям, а потом вынул мешочек из кармана. Поскольку в кебе было темно, инспектор отдал кулон мне, а сам достал спички. В голове промелькнула мысль, зачем ему удлиненные сигарные спички, если курит он сигареты.

Я с восторженным придыханием выложила сокровище на ладонь, а инспектор поднес к ней дрожащий огонек. Мы оба склонились к сапфиру, едва не касаясь лицами.

— Обратите внимание, инспектор, — не скрывая восхищения, сказала я, — что внутри камня мерцает темная дымка. Даже немаг может это увидеть.

Инспектор Аддерли склонился еще ближе и старательно присмотрелся к кулону. Мужчина оказался настолько близко ко мне, что я смогла уловить аромат его тела, смешанный с табаком. Внутри что-то сжалось, я вдруг почувствовала желание вдохнуть его снова. Испугавшись собственных мыслей, отпрянула. В этот момент кеб резко накренился, и я полетела в сторону, кулон выскользнул из рук и теперь уже инспектор завалился на меня, придавив к стенке кабинки.

— Черт возьми, — пробормотал Аддерли. — Мы, похоже, увязли.

— Застряли, сэр! — сквозь шум дождя прокричал кебмен, подтверждая догадку инспектора. — Дорогу размыло!

Мистер Аддерли неуклюже развернулся и попытался освободить меня, но вышло не сразу. Ему и без того было мало места, а уж когда экипаж застрял, завалившись на один бок, выпрямиться стало сложнее. Инспектор бурчал и скрипел, все время извиняясь и пытаясь не придавить меня сильнее. Я же прикусывала губу, каждый раз, когда он больно сдавливал руку или наступал мне на ногу. Нервное перевозбуждение чуть было не заставило меня рассмеяться, но я сдержалась, опасаясь смутить инспектора еще сильнее и выглядеть в его глазах легкомысленной.

— Боже! — воскликнула я и не очень вежливо оттолкнула мистера Аддерли. — Сапфир! Я уронила сапфир!

Не успела я опомниться, как инспектор выскочил из кеба, чтобы посмотреть, что же случилось и сможем ли мы продолжить путь. Борясь с паникой, я приступила к поискам сапфира. А если он выпал? Если затерялся где-то на дороге? Мы за всю жизнь его не отыщем! Не переставая нервничать, я обшарила руками сначала сиденье, а потом и пол, довольно грязный, надо сказать.

— Нет, нет, нет... ну давай же... найдись... — бормотала я, закусывая нижнюю губу чуть не до крови. — Семнадцать с половиной тысяч фунтов!

Сердце замирало, стоило подумать о цене кулона, и я начинала искать усерднее. Удача не отвернулась от меня, и в скором времени я обнаружила камень, который тут же схватила и зажала в кулаке, прижимая руку к груди и облегченно выдыхая. Но на этом мои злоключения не закончились. Кабинка резко накренилась сильнее, я буквально вывалилась из незапертой двери наружу и угодила прямо в руки инспектора. Дождь мгновенно залил лицо, одежда быстро стала мокрой.

— Нужно что-то решать, мисс Хоггарт, — негромко сказал мистер Аддерли, аккуратно возвращая меня в кеб, но я так растерялась, что намертво вцепилась в лацкан его пальто и не желала отпустить. Инспектору пришлось взять меня за руку и буквально оторвать ее от своей одежды. В итоге мы оба перепачкались и вымокли. — Кеб дальше не проедет. Колесо глубоко ушло в грязь и даже не двигается с места.

— Можно дойти пешком, — не очень уверенно сказала я, усаживаясь обратно на сиденье.

— Кебмен выбрал не самую ближнюю дорогу, полагаясь на то, что она надежнее, — запахивая плотнее пальто и поднимая воротник, сказал инспектор, — поэтому до пансиона идти довольно далеко.

— Но не ночевать же нам прямо на дороге? — пропищала я.

Если потребуются, то, конечно, и в кебе заночую, не такая уж и привередливая, но я ведь не одна! Наблюдая за лицом мистера Аддерли, обратила внимание на то, что его терзает какая-то мысль, но он упрямо не хочет ею поделиться. Инспектор отвернулся ненадолго, а когда снова посмотрел на меня, скривился и сказал:

— До моего дома ближе. Буквально несколько минут.

Мне показалось, что эти слова он буквально выдавил из себя. Не хотел, чтобы я оказалась у него дома? Зачем тогда звал? И как он себе это представляет? Я бросила испуганный взгляд на кебмена, которому, в сущности, было все равно, он лишь ждал, когда мы определимся.

— Благодарю, но я не думаю, что это хорошая идея, — пробормотала я.

— Если вас беспокоят правила приличия, то в моем доме есть женщины, и, войдя в двери, мы можем разойтись в разные стороны и более не увидеться, — совершенно спокойно сказал инспектор. — Не оставаться же нам прямо на дороге, когда можно переодеться в сухое и выпить горячего чая с мятой.

Прозвучало очень заманчиво, но я снова посмотрела на мужчину, переминавшегося с ноги на ногу за спиной Аддерли. Было похоже, что кебмен ждал, когда я соглашусь, и он сможет укрыться от дождя внутри экипажа. Мне стало жалко несчастного, вымокшего насквозь человека, и я кивнула, соглашаясь.

Инспектор помог мне спуститься, а потом уверенно повел за собой. Он позвал и кебмена, предложив ему тот же уют, что и мне, но мужчина предпочел остаться в кебе до утра, в ответ Аддерли обещал прислать помощь с рассветом. На том и договорились. В крошечной тьме идти и без того непросто, а тут еще скользкая дорога. Я то и дело оскальзывалась и падала на колени. Видимо устав все время поднимать меня на ноги, инспектор подхватил меня под локоть и удерживал каждый последующий неровный шаг. Ледяные капли пробирались под одежду, стекали по лицу и прилипли к щекам волосам. Промозглый ветер трепал отяжелевшую юбку, в ботинках хлюпало. Сырые ноги ооченели, но идти и правда оказалось недалеко.

Вскоре сквозь завесу дождя я заметила огонек, потом еще и еще. Уже через несколько шагов не поверила собственным глазам, узнав очертания огромного дома. Мы подходили к старейшему и богатейшему поместью Вичпорта, к Олридж-холлу. Главный дом, окруженный несколькими коттеджами, походил на замок. Я несколько раз гуляла неподалеку и мечтала побродить в его садах или покататься на лодке по озерной глади, но не решалась даже приблизиться. Говорят, хозяева давно покинули поместье, но дом все равно не открывали для посетителей.

— Вы снимаете здесь коттедж? — спросила я инспектора.

— Что-то вроде того, — ответил он и направился к ближайшему строению чуть в стороне от «замка».

Глава 4

НОЧНОЕ ЗНАКОМСТВО С ОЛРИДЖ-ХОЛЛОМ

Двери маленького коттеджа открыла высокая сухопарая женщина с затянутыми в строгий узел поседевшими волосами и заостренным прямым носом. Она осмотрела нас придирчивым взглядом от макушки и до пят. Задержалась на мне чуть дольше положенного, недовольно поджав губы, а потом перевела сердитый взгляд на моего спутника.

— Мистер Аддерли, вы почему бродите пешком в такую погоду? Не приведи господь, простудитесь! — отворяя шире входную дверь, сказала она.

— Наш кеб остался на дороге, колесо увязло в размытой дождем земле, — ответил инспектор, пропуская меня вперед.

Мы вошли в уютный дом, чистый и прогретый, из-за внезапного тепла и сухости неприятное ощущение от налипшей мокрой одежды усилилось. Под ногами уже образовались грязные лужицы, от вида которых густые брови женщины сами собой сошлись на переносице.

— Мисс Хоггарт, позвольте представить вам хозяйку этого дома миссис Додсон, — сказал инспектор, помогая мне снять вымокшее насквозь пальто. — У нас найдется что-нибудь сухое и теплое для мисс Хоггарт?

— Здравствуйте, — дрожа от холода, сказала я.

Женщина снова осмотрела меня, только теперь что-то прикидывая у себя в голове. Ее колючие глаза темно-коричневого цвета изучали мою фигуру. Стало немного неловко, особенно если учесть, что блузка тоже промокла и теперь неприлично облепила тело. Я обхватила себя руками, стараясь не смотреть на инспектора, который, слава богу, в этот момент наклонился, чтобы снять ботинки.

— Не раздевайтесь, мистер Аддерли, — сказала женщина. — Я отведу вас в дом. Мистер Хакстон велел разжечь камин в большой гостиной. Вам обоим нужна горячая ванна и не менее горячий ужин. А еще я распоряжусь, чтобы приготовили грог.

Женщина проворно обулась и накинула плащ. Протянула нам два зонта, а сама спряталась под капюшоном. Мне пришлось снова нацепить промокшее пальто. Переход в большой дом не занял много времени, и я была рада, что появилась возможность погреться в ванне. Стало очень интересно, что это за миссис Додсон такая, раз у нее есть право впускать в большой дом посторонних?

Как ни странно, вошли мы через парадный вход. Оказавшись в просторном холле, я забыла обо всем на свете. Красота и богатство убранства мгновенно привлекли к себе мое внимание. Привезенные из других стран ковры, чудесные картины, изображавшие поместье, его окрестности и былых обитателей, сияющая, отполированная мебель, фарфор и хрусталь, спрятанные за кристально чистыми стеклами витрин. На потолках гипсовая лепнина, а дубовый паркет, будто отражение в зеркале, повторял ее узоры. Мы прошли через небольшую гостиную, выдержанную в пыльно-розовом цвете, с узкими диванчиками и небольшими столиками красного дерева.

— Проводите мисс Хоггарт в мятную комнату, а мистера Аддерли в голубую, — распорядилась миссис Додсон.

Миловидная девушка с румяным лицом и светлыми кудрями робко улыбнулась мне, а потом бросила немного испуганный взгляд на инспектора. Краем глаза я успела уловить его легкий кивок, и горничная тут же двинулась вперед. Мы поднялись по широкой лестнице, застеленной бордовой дорожкой, и оказались на развилке.

— Я сам найду, Мэдди, — сказал инспектор и зашагал направо.

— Нам сюда, мисс, — улыбнулась девушка и новела меня налево.

Миновав несколько дверей, мы вошли в небольшую, но очень красивую спальню. Я тут же поняла, почему ее назвали мятной. Стены, шторы и мягкий ковер были нежного, очень приятного зеленого цвета. Высокая кровать с огромными белыми подушками, покрытая изумительной красоты расшитым покрывалом. Проходя мимо нее в ванную, я поежилась, вспоминая, как выгляжу. Интересно, на протяжении всего пути много грязных следов мы оставили с мистером Аддерли?

— Ванна готова, мисс, — сказала Мэдди, складывая руки на переднике и, видимо, ожидая еще каких-либо просьб.

— Но... когда вы успели? — удивилась я.

— В такую погоду мистер Хакстон всегда велит быть готовыми к разного рода ситуациям. Не часто, но у нас бывают гости. — Очевидно, довольная моим приятным удивлением, девушка улыбнулась. — Проходите, я помогу вам раздеться.

— Благодарю, — только и смогла выговорить я.

В ванной комнате уже стоял пар, от которого стало немного теплее. Я не привыкла к тому, чтобы мне помогали, но вылезти из намокшей одежды оказалось задачей непростой. Помощь Мэдди пришлась как нельзя кстати. Девушка не была навязчивой или болтливой, поэтому ее общество не тяготило. Она помогла мне забраться в белую ванну на бронзовых львиных лапах и указала на мыло и всевозможные масла.

— Скажите, Мэдди, — обратилась я к ней, наслаждаясь приятным теплом, которое медленно пробиралось под кожу и согревало еще трясущееся тело, — почему хозяева покинули этот прекрасный дом?

— Графиня Олридж скончалась, когда мне было лет семь, я плохо ее помню. Ее единственный сын задолго до этого уехал из поместья вместе с семьей. Между ними случился какой-то скандал, вынудивший лорда Олриджа распрощаться с матерью. В последний раз он приезжал сюда на ее похороны.

— Но теперь ведь ее нет, почему бы не жить в поместье? Такое живописное место и доход приносит хороший, — недоумевала я.

— Наследниками стали внуки графини, но они не желают приезжать, поручив все заботы управляющему. Надо сказать, он прекрасно справляется.

— А миссис Додсон?

— Она экономка, преданная семье до мозга костей, — почему-то шепотом ответила горничная. — Они с мистером Хакстоном, нашим дворецким, следят за порядком в доме. Держат его в чистоте и полной готовности круглый год. Все еще надеются, что Олриджи вернуться.

— Если они так ревностно относятся к своей службе, то почему пускают чужих людей? Да еще и в спальни?

— Чужих? Не волнуйтесь, мисс, — сказала девушка, почему-то отворачиваясь от меня и делая вид, что поправляет и без того идеально сложенные полотенца. — Мистер Аддерли давно снимает здесь коттедж, и разрешение наследников у него есть. Порой он ночует в

большом доме и помогает управляющему с делами. Мы все его очень любим и полностью доверяем.

Пока Мэдди говорила, я всматривалась в ее напряженную спину и гадала, отчего ее голос звучал так неуверенно. Я не то чтобы засомневалась в правдивости слов девушки, но что-то необъяснимо смущало.

Горячая ванна пошла на пользу, я согрелась и даже немного разомлела, понимая, что не желаю выходить из теплой комнаты. Немного удивлял тот факт, что ни миссис Додсон, ни горничная ни разу не спросили, кто я такая и почему мистер Аддерли привел меня с собой. Хотя, возможно, в этом доме было не принято задавать лишних вопросов. Все же заставив себя вынырнуть из теплой неги, я обтерлась мягчайшим полотенцем и вошла в спальню.

На кровати лежало чудесное платье нежно-лилового цвета, расшитое бисером и того же цвета крупными бусинами. Наряд был роскошным, таким, глядя на который, тут же хочется его примерить и хоть разок посмотреть на себя в изысканном платье. Я неуверенно взглянула на Мэдди, которая улыбалась во весь рот.

— Это самое скромное платье из тех, что могли бы вам подойти, — сказала девушка.

— Чье оно? — спросила я, снова переводя взгляд на лиловое чудо.

— Леди Катарини Олридж, супруги лорда, — пояснила девушка, помогая мне одеться. — Нужно поторопиться, скоро подадут ужин.

Девушка принесла мне и нижнее белье. Нежнейшую белоснежную сорочку, панталоны и мой немного просушенный корсет. Она помогла мне вытереть волосы и уложила их в несложную прическу, а потом сбрызнула лицо цветочной эссенцией, от чего приятно защекотало в носу. Платье село прекрасно, только оказалось великовато в груди. По всей видимости, его истинная хозяйка обладала бюстом чуть большего размера. Мэдди обошла меня со всех сторон, осмотрела, а потом кивнула самой себе и попросила подождать.

В комнате уже горел небольшой камин, щеки покраснелись, и показалось, что воздух улетучивается, слегка кружа мне голову. Мэдди вернулась довольно быстро, она робко улыбнулась и продемонстрировала новомодные подкладки, сделанные из нескольких слоев кружева.

— Я хотела, чтобы Бэтси привезла мне другие, на китовом усе, но она посмеялась надо мной, — заявила девушка. — И правильно, я и эти ни разу не использовала. Они совсем новые, мисс.

Сделав пару нехитрых движений, девушка спасла положение, которое в общем-то не было критичным. Я неуверенно взглянула на свое отражение в высоком узком зеркале. Лицо пылало, глаза блестели, элегантная прическа делала меня заметно моложе. На некоторое время я залюбовалась платьем. Вдруг в голову пришли навязчивые мысли о прошлом. Кто же я? Или, точнее, кем я когда-то была? А может, у меня была семья или такой вот дом? Маги, изучавшие меня, сказали, что детей я никогда не рожала, да и в связи с мужчиной не состояла. Интересно, я когда-нибудь влюблялась? Существовал ли в моей жизни мужчина, который восхищался мной, кому я была дорога? За долгие годы одиночества я не раз задавалась подобными вопросами. Временами, очень редко, на меня нападала хандра, и я ощущала несоответствие внешности и возраста, однако быстро отметала неприятные мысли, признавая, что в душе я осталась все той же, что и двадцать пять лет назад.

Мэдди уже приоткрыла дверь и с неизменной улыбкой ждала, когда я оторвусь от своего отражения. Смущенно усмехнувшись, я вышла из комнаты. Проходя по длинному коридору, заметила, что одна из дверей приоткрыта и на стене комнаты пляшет тень от огня в камине.

— В доме еще кто-то ночует? — застыв на месте, спросила я.

Мэдди вздрогнула, а потом проследила за моим взглядом и, кажется, побледнела. Послышались негромкие голоса — слабый девичий и чуть более уверенный мужской.

— Нет, мисс, это, должно быть, Бэтси, — сказала она и тут же прикрыла дверь.

Странное поведение горничной еще пару минут занимало мои мысли, но потом я поняла, что, в сущности, это не мое дело. Чем занимаются слуги этого дома — забота хозяев. Мы снова прошли через розовую гостиную, потом через библиотеку и оказались в столовой. В дверях я растерянно замерла.

Мистер Аддерли стоял у окна с бокалом. Инспектор идеально вписывался в эту комнату. Серый костюм сидел на нем как влитой, пиджак выгодно подчеркивал ширину плеч, делая уже талию. Волосы

аккуратно расчесаны и уложены на правую сторону. Мужественный профиль заставил сердце дрогнуть. Сейчас, при свете, инспектор Аддерли выглядел гораздо привлекательнее, чем в проулке или магазине мистера Оддеркота. Я снова ощутила силу, исходившую от него и внушающую уверенность и надежность.

Посреди комнаты был накрыт чудесный стол, сервированный всего на две персоны. Сверкающие приборы, причудливо сложенные салфетки, свежие цветы, срезанные, видимо, еще этим утром в личной оранжерее. Я несмело сделала шаг вперед и заметила высокого статного мужчину с сединой в пышной шевелюре и до крайности серьезным лицом. Чопорный — вот как я бы его назвала. Позади одного из стульев стоял молоденький лакей. Мне кажется, я никогда прежде не испытывала подобной неловкости, робея перед слугами. Они пугали меня и заставляли стесняться саму себя. Но тут мистер Аддерли повернулся ко мне, и отчего-то на душе стало заметно легче.

В окне за спиной инспектора сверкнула молния, отблеск которой каким-то немислимым образом вспыхнул в серых глазах. Внутри появилась томительная дрожь, ставшая откровением для меня, и унять ее оказалось нелегко. Я смотрела в лицо Аддерли и видела лишь его восхищенный взгляд. Восторг заставил сердце взволнованно трепыхаться в груди, дыхание мое стало глубоким и прерывистым. Еще никто и никогда не смотрел на меня так. Казалось, что я ощущаю этот взгляд ласковым дуновением по коже, едва уловимым касанием, обволакивающим, пьянящим ароматом. Голова закружилась от нахлынувших неожиданно для меня самой чувств. Этот мужчина вызывал во мне совершенно новые эмоции, которые невероятно будоражили и немного пугали. К щекам прилила кровь, а с губ сорвался дрожащий выдох.

Инспектор Аддерли моргнул и слегка дернул головой, будто прогоняя видение:

— Платье очень идет вам... и этот цвет... и фасон...

От того, как неловко прозвучал из его уст этот комплимент, мне стало вдвойне приятно, поскольку я уловила в нем лишь искренность. Мистер Аддерли обошел стол и аккуратно отодвинул для меня стул. Я присела, все еще ощущая изводящую меня дрожь. Поправляя стул, инспектор склонился ближе, и его теплое дыхание скользнуло по плечу, которым я тут же мягко повела, волнуящее покалывание

спустилось ниже по спине. Чтобы скрыть возрастающий трепет, я схватила салфетку и не слишком деликатно скомкала ее под столом. Ощущения от близости инспектора были потрясающими, и это обескураживало. Разве так бывает? Я знаю этого человека всего несколько часов. Разве тело может так реагировать на чье-то присутствие или просто взгляд?

Чтобы хоть как-то отвлечься от мужчины, манящего меня, я посмотрела на стол, где уже дымился и источал аромат суп из зайчатины. Также нам приготовили картофельное пюре и седло барашка, свежий хлеб и соусы. Некоторое время я была поглощена едой, отмечая потрясающее мастерство кухарки, но не забывая о манерах и приличиях. Я неплохо управлялась со столовыми приборами, и хоть здесь мне не было стыдно перед угрюмым дворецким. Несколько лет назад миссис Баррингтон подробно рассказала мне о том, как вести себя в высшем обществе. Прекрасная женщина надеялась, что я возглавлю пансион после ее кончины, а эта должность обязывает иногда бывать в обществе. «Даже несмотря на то, что большинство людей, в том числе и высокопоставленных, немного опасаются нас, по благосклонному велению его величества короля Эдрета они должны принимать магов как положено. А что это значит? Что вам, мисс Хоггарт, нужно уметь держать лицо и выглядеть в их присутствии более чем достойно!» — нередко повторяла она. «Я верю, что рано или поздно все ваши трудности разрешатся и мои науки принесут вам пользу». Сейчас я с благодарностью вспоминала милую женщину, рассказавшую мне о разновидностях ложек и ножей.

— Вы давно живете здесь, инспектор? — поинтересовалась я, переходя ко второму блюду.

Услужливый и почти незаметный лакей полил мясо соусом и наполнил бокал душистым вином, от которого голова снова немного закружилась.

— Что-то около пяти лет, — ответил Аддерли. — А вы?

— Примерно столько же, — уклончиво сказала я, беря в руки бокал и отпивая немного.

— Я никогда прежде не видел вас в городе.

Я ощущала на себе пристальный взгляд мужчины, но глаз не подняла.

— Это потому, что редко покидаю пансион, находя окружающий его лес чудесным местом для прогулок.

— Это как-то связано с тем, что вы маг? — прямо спросил инспектор, и у меня за спиной что-то звякнуло.

Молодой лакей не справился с удивлением и за это был награжден испепеляющим взглядом дворецкого. Снова стало не по себе, поскольку даже сдержанный мистер Хакстон едва заметно побледнел. Хотя это могло быть всего лишь игрой света или разыгравшимся под действием вина воображением.

— В том числе, — пожала я плечами. — Мы не боимся людей, но стараемся меньше попадаться им на глаза, поскольку зачастую это вызывает непредсказуемую реакцию.

— Вас обижали? — тут же насторожился инспектор.

— Нет, ну что вы! В Вичпорте — никогда! — поспешила я его успокоить. Для убедительности заглянула мужчине в глаза, о чем практически сразу пожалела. Они снова околдовали меня, затягивая в зыбкий омут. — Я говорила о другой реакции: излишнее любопытство, тревога, беспокойство, очень редко — страх. Лично меня это огорчает, ведь я не несу в себе зло, а всего лишь обладаю несколькими способностями, иногда полезными, иногда не очень.

— Вы сказали, что в Вичпорте вас никогда не обижали, а где-то в другом месте? — зацепился он за мои слова.

— Нет, — солгала я, опуская глаза. — Я лишь хотела добавить убедительности своим словам.

На некоторое время снова повисла тишина, в которой я ощущала уже три пары глаз, обращенных ко мне.

— Я так и не поблагодарил вас за то, что вы спасли мою жизнь! — вдруг сказал инспектор, вынуждая меня вновь посмотреть на него. — Спасибо.

— Не стоит, мистер Аддерли, — ответила я. — Я думаю, в данной ситуации мы квиты, поскольку несколькими минутами ранее вы спасли мою!

Мужчина смотрел на меня, продолжая изучать каждую черту моего лица, его мимику и реакции. Это приводило в смятение, но странным образом нравилось мне. Я никогда в жизни ни с кем не флиртовала и не была уверена, что смогла бы, даже если бы захотела. В эту минуту мне хотелось флиртовать. Впервые. Вместо этого я

демонстративно отложила вилку, давая понять, что закончила с ужином.

Инспектор посмотрел на дворецкого и кивнул:

— Вы что-то хотели, Хакстон?

— В большой гостиной вас ждут напитки и пирожные. Миссис Додсон посчитала — вам там будет уютнее и теплее вести беседу, сэр.

— Благодарю, — ответил Аддерли и поднялся с места.

То, как именно слуги говорили с ним, подтверждало слова Мэдди об уважении и любви к инспектору. Я никогда не жила в подобном доме, по крайней мере, в то время, что я помню, и не могла судить о порядках и приличиях, но даже мне показалось это странным.

Просторная гостиная встретила нас ласкающими слух звуками потрескивающих дров в камине и шумом дождя за двумя большими окнами. Когда на улице такая гроза, на сердце становится особенно хорошо оттого, что можно погреться у огня и насладиться уютом. Эта комната была выполнена в теплых пастельных бледно-коричневом и бежевом тонах. Два больших бежевых дивана, стоящих друг к другу спинками, — один смотрел на окна, а другой на входную дверь. Возле второго приютились низкий столик с угощениями и два глубоких кресла с высокими спинками. Неподалеку разместился круглый стол для игр в карты, окруженный четырьмя резными стульями. Я обратила внимание, что резьба на них была точно такой же, как и на подлокотниках дивана и кресел. Смотрелось очень гармонично. Вообще, эта комната вызывала только приятные эмоции. На украшенном лепниной камине стояли белые подсвечники и несколько миниатюрных фотографических портретов на подставках. Возле камина тоже расположились два кресла из того же гарнитура. Мягкий ковер заглушал мои шаги.

Я предпочла устроиться в кресле у камина, будто все еще пыталась согреться.

— Откуда вы, мисс Хоггарт? — спросил инспектор, пристраиваясь напротив.

— С севера. — Я смотрела, как языки пламени плясали в камине, облизывая небольшие поленья. — Из Аркома.

Эту легенду мы придумали вместе с миссис Баррингтон. Арком — один из немногих городов, которые я хорошо знала и могла быть уверена, что не попадусь на лжи.

— Как вы попали в Вичпорт? — Я слышала настоящий интерес инспектора, а не просто жажду владеть информацией о собеседнике, присущую полицейским.

— Родители умерли, и я осталась совсем одна. В родных стенах было тяжело. Некоторое время я искала себя, немного путешествовала и, наконец, осела в пансионе миссис Баррингтон.

Жгучая тоска снова опалила сердце. Говорить о себе, как о той, у которой была семья, — порой просто невыносимо. Мне отчаянно хотелось принадлежать кому-то или чему-то: городу, дому, комнате. Какому-то человеку. Но я понимала, что, даже если у меня и была семья когда-то, они уже давно умерли и там, за дверью далекого дома, меня никто уже не ждал. Слезы сами собой покатались из глаз, и я постаралась утереть их, прежде чем инспектор заметит.

— У вас есть семья, инспектор? — спросила я, продолжая смотреть в огонь, будто он манил меня своими плясками.

— В какой-то степени да.

— Странный ответ.

— Какой есть. — Мистер Аддерли поднялся из кресла и, взяв со столика рюмку с чем-то темным и ароматным, опрокинул напиток в рот.

Инспектор подошел к большому окну, которое при внимательном рассмотрении оказалось дверями, и положил руку на ручку, словно хотел приоткрыть дверцу и впустить свежий воздух. В этот момент я не возражала бы.

— Инспектор, прошу вас не отдавать кулон, — тихо сказала я.

— На каком основании? Эта вещь приобретена мистером Хардманом законно. Боюсь, что уже завтра меня вынудят вернуть ее ювелиру для дальнейшей передачи хозяину.

За окном гроыхнуло так, что я вздрогнула и обняла себя за плечи, но желание отворить дверь никуда не исчезло.

— Тогда оно хотя бы не останется у вас, — задумчиво сказала я.

— А это было бы проблемой?

— Кулоны Томаса Марлоу должны находиться либо у него самого, либо у хозяина, иначе они несут смерть.

— Не понял, — развернулся ко мне инспектор.

— Именно это я пыталась вам сказать в кебе. Кулоны опасны для тех, кому не принадлежат.

— Но сейчас он у меня, и я в порядке.

— Технически — он все еще у меня, — уточнила я и достала кулон, который положила за пояс платья.

— Он был некоторое время и у ювелира, тот тоже жив и здоров.

— Рамок и границ нет, но совершенно точно его магия оставляет отпечаток.

— Это написано в ваших книжках? — хмыкнул инспектор.

— Вы просто не понимаете, о чем говорите! — Его реакция возмутила меня. — Для инспектора вы довольно беспечны и ограничены.

— А по-вашему, я должен придавать большое значение байкам столетней давности? — спокойно спросил он.

Я тоже поднялась на ноги, гонимая нетерпением и негодованием. Подошла к нему ближе и заглянула в лицо.

— Я понимаю, что вы вовсе не обязаны верить мне с первых минут знакомства, к тому же до сих пор смотрите на меня с подозрением! Однако здравый смысл должен присутствовать! Вы же не отрицаете существование магии? Не будете спорить, что она может быть опасной?

— Спорить не буду, но человеку сложно судить о том, чего он никогда не видел, — продолжая сохранять невозмутимость, ответил Аддерли.

— А хотели бы? — не ожидая от самой себя, спросила я у него.

Инспектор оторвался от стены, к которой прижимался плечом, и сделал шаг ко мне. Его глаза, пытливые и такие притягательные, пристально вгляделись в мои и взволновали душу, которая тут же устремилась резко вниз, а потом вспорхнула ввысь.

— Хотел бы, — признался он.

Повинуясь сиюминутному желанию, я завела руку за спину и прикрыла глаза, взывая к своей магии. Она откликнулась мгновенно, будто только и ждала призыва. Дальше я смотрела только на инспектора, который как замороженный наблюдал за огоньком, выпрыгнувшим из камина и направляющимся к моей ладони. Стоило ему коснуться моей руки, как я продемонстрировала его инспектору.

— Откройте дверь, — попросила я.

Мистер Аддерли повиновался, а я чуть отстранила его и вытянула руку под дождь, ощущая, как тяжелые капли падают на запястье.

— Сивало шукате димори сатахо... уэй! — пробормотала я заклинание и подбросила огонек.

Пламя рассыпалось на множество искр, которые впитывали дождевую влагу и росли, превращаясь в сияющие теперь уже голубым цветом снежинки. Они переливались и сверкали на фоне ночной непогоды.

— Очень красиво, — проговорил инспектор тихо.

Продолжая наблюдать за его реакцией, я сжала пальцы в кулак, а потом резко разжала, и каждая снежинка взорвалась, ударив нам в лица неприятной волной. Инспектор закрылся руками, а потом недоуменно посмотрел на меня, поправляя взъерошенные волосы.

— Даже такая красота может быть опасной! — сказала я. — Прошу вас не закрывать глаза на мои предупреждения, мистер Аддерли. Вы можете пострадать. Не обязательно, но такое возможно.

— И что, по-вашему, нужно сделать с этим кулоном? — прищурился инспектор, довольно быстро овладевший собой.

— Если хозяин не найдется, лучше всего уничтожить его, — сказала я. — Доброй ночи.

До лестницы добралась довольно быстро. Этот вечер и наступившая ночь встревожили меня, разбередили былые раны, вернули печаль в сердце. А также открыли нечто новое в желаниях и стремлениях.

Проходя по коридору, я услышала тихий кашель. Немного притормозила и прислушалась. Звук доносился из той комнаты, что привлекла мое внимание чуть раньше. Кашель был глубоким, надрывным и казался наполненным страданиями. Не задумываясь, я шагнула к двери и приоткрыла ее.

Комната, в которую я попала, была слабо освещена тусклой лампой, стоявшей на столике у кровати. В окна, распахнутые настежь, врывался свежий ветер с холодными брызгами. На кровати лежала молодая девушка. Ее светлые волосы разметались по подушкам, а на бледной коже яркими пятнами проступал румянец. На лбу серебрились капельки пота, глаза девушки были прикрыты. Она едва-едва дышала. Настолько медленно, что я захотела подойти ближе и прислушаться. Новый раскат грома напугал меня. Я затаила дыхание, а потом, осмотревшись, направилась к кровати. Сверкнула молния, и в ее коротком сиянии лицо девушки показалось мне мертвым. Внутри все

сжалось от страха. Я сделала еще шаг, и девушка внезапно открыла глаза, заставив меня вскрикнуть и схватиться за сердце.

— Кто вы? — хриплым голосом спросила она, а я так перепугалась, что и слова не смогла вымолвить.

— Мисс Хоггарт! — раздался сердитый голос за спиной, и я обернулась. В дверях стояла миссис Додсон, и она правда была сердита, о чем свидетельствовали неприкрытая злость в ее глазах, направленных на меня. — Идемте, провожу вас в вашу комнату.

— Благодарю, — тихо ответила я и, бросив еще один взгляд на девушку, вышла из комнаты.

Ночью мне снились тревожные сны, я часто просыпалась и прислушивалась к звукам в коридоре. Иногда мне слышались негромкие шаги и даже шепот, а потом, когда все стихало, я еще некоторое время не могла уснуть. Пробуждение было тяжелым, но теплая вода, принесенная заботливой Мэдди, немного привела меня в чувство. Умывшись, я оделась в свои вещи, приведенные в порядок усердными слугами этого дома.

— Завтрак готов, мисс, — сказала горничная и улыбнулась. — После него приготовят экипаж, который доставит вас в пансион.

— Благодарю, Мэдди, — ответила я и последовала за ней.

За столом мы с инспектором почти не разговаривали, хотя мне очень хотелось спросить о девушке, что я видела ночью. Мистер Аддерли явно был не в самом приятном расположении духа, поэтому я подавляла желание начать разговор. Когда завтрак подходил к концу, дворецкий принес записку.

— Констебль ожидает у вашего коттеджа, — сказал мистер Хакстон и, поклонившись, вышел.

Инспектор Аддерли развернул записку, прочел ее и нахмурился. Новости, похоже, были недобрыми.

— Что случилось? — негромко спросила я.

— Этой ночью убили мистера Оддеркота.

Глава 5

НЕПРИЯТНОЕ ОТКРЫТИЕ

— Едем, — сказала я, отбрасывая салфетку и поднимаясь из-за стола.

— Не понял. — Не успев встать со стула, инспектор сел обратно. — Куда едем? Кто?

— Мы с вами, — разведя руками, ответила я. — На место преступления.

— Я, конечно, поеду, мисс Хоггарт, а вот вам нужно возвращаться в пансион, — твердо сказал мужчина, наконец придя в себя.

— Я с вами!

— Об этом не может быть и речи! — воскликнул он, приближаясь. — С какой стати вы собрались ехать со мной?

— Вы забыли о нашем вчерашнем разговоре? Здесь не обошлось без магии, и только я могу определить это!

— Вы издеваетесь? — совершенно искренне спросил инспектор. — Вы серьезно считаете, что ювелира убил камень? Или проклятье или что там еще?

— Скоро узнаем. — Я пожала плечами и направилась к выходу. — Все равно доберусь до магазина, с вами или без.

Спорить не видела смысла, просто сделала по-своему. Даже если инспектор не был готов к тому, что магия повлияла на судьбу ювелира, это не значило, что я должна отступить.

У коттеджа констебль Брикман проводил меня недоумевающим взглядом и слегка приоткрыл рот, будто собирался что-то сказать, но лишь приподнял руку вдогонку и промолчал. Его лицо показалось мне усталым, словно он не спал всю прошедшую ночь. Скорее всего, так и было. Я проследовала к полицейскому кебу, рассчитанному на четверых пассажиров, и постаралась как можно элегантнее забраться в него, ощущая на себе два пораженных взгляда. Понимала, что играю с огнем и терпение инспектора имеет границы, однако и он не мог отрицать того факта, что я могла быть полезной. Пусть для него мои слова похожи на небылицы и он довольно скептически настроен, пусть он никогда не признает, что моя помощь может пригодиться, я

негордая, стерплю. Не вышвырнет же он меня из кеба, в конце концов? Или осмелится? Сердце все же дрогнуло, но я попыталась отмахнуться от этой мысли. Объяснить, почему меня так влекло это дело, я не могла даже самой себе. Внутри появилось гнетущее чувство, что это важно и я во что бы то ни стало должна разобраться с украшением и отыскать его хозяина. Это было похоже на навязчивую идею, на паранойю, но в мире магии необъяснимые вещи не редкость.

Ворча и хмуря брови, инспектор устроился напротив. Он не скрывал недовольства, но, бросая осторожные взгляды на констебля, вступать в полемику не стал. То ли себя позорить не хотел, то ли меня.

— Я знаю, что вы недовольны, инспектор Аддерли, — сказала я, желая немного смягчить ситуацию, — но я не буду мешать. Лишь удостоверюсь, что не было магического вмешательства. Вы меня даже не заметите.

— Магического вмешательства? — подпрыгнул на сиденье констебль. — Вы полагаете, что в убийстве мистера Оддеркота замешана магия? Вот это да!

Лицо юноши покрылось румянцем, казалось, даже волосы его покраснели от возбуждения. Глаза наполнились ребяческим воодушевлением, я не смогла не улыбнуться.

— Я прошу вас, Райли, — обратился к нему Аддерли, — не потакайте мисс Хоггарт в ее безумных идеях, иначе она заразит всех вокруг своим неуместным энтузиазмом.

— Неуместным? — возмутилась я. — Вы упорно не хотите меня слушать, инспектор! Этот кулон зачарован, в нем таится нечто необычное и принадлежащее магу, а значит, в этом деле без магии точно не обошлось.

— Не обязательно! Вполне может быть, что тот, кто его покупал, рассматривал сапфир лишь как украшение, а вы пытаетесь заморочить нам голову глупостями о магии...

— Мисс Хоггарт, может быть, права, сэр! — снова воодушевился констебль. — То, как именно был убит ювелир, рождает множество вопросов. Магазин был закрыт на все замки изнутри. Побитые окна мистер Оддеркот заколотил досками, чтобы оставшееся добро не растащили. Так вот, все замки так и остались закрытыми и ни одна доска не сдвинута с места! Ключ есть только у супруги, которая и

пришла узнать, почему ювелир так и не вернулся домой, чтобы хоть немного отдохнуть!

Я многозначительно вскинула брови и кивнула инспектору, который отвернулся, пытаюсь скрыть, что закатывает глаза, раздражаясь.

— Этому наверняка есть какое-то нормальное объяснение, — сказал он, глядя в окно. — Как убили мистера Оддеркота?

— Ножом в спину, — ответил констебль, глядя мне в глаза, будто ждал, что я сейчас все объясню.

Инспектор тоже посмотрел на меня и, похоже, с той же целью. Только, в отличие от своего помощника, настроен был более скептически. Я не стала больше ничего говорить, чтобы он и в самом деле не прогнал меня. Этим утром Аддерли был не в духе, а мне не хотелось испытывать судьбу.

Кеб остановился у ювелирного магазина, стеклянные окна которого и правда были заколочены. Возле входа уже ждал другой констебль, который учтиво поздоровался с вышедшим инспектором. Мистер Аддерли подал мне руку и помог выбраться из экипажа. Если у его людей и возникли вопросы, то они оставили их при себе. Представляю, что могло прийти им на ум, если я даже одежду не сменила. Только сейчас эта мысль заставила меня хоть немного подумать о собственном поведении.

Под ногами уже не хрустело стекло, а украшения были убраны из витрин. Бархатные подставки смотрелись уныло. Я целеустремленно направилась в кабинет ювелира и буквально врезалась в магический заслон. Это столкновение причинило боль, и я вскрикнула, хватаясь за живот.

— Что с вами? — спросил инспектор, поддерживая меня за плечи сзади.

Я не могла ни вдохнуть, ни выдохнуть, колючий ком застрял в горле. Мне казалось, если я попытаюсь говорить, он вонзится в шею изнутри и раздерет ее в кровь. Из рта вылетали сдавленные хрипы, я пыталась сделать глоток воздуха, но вместо этого просто цеплялась за руки инспектора и пыталась не завалиться на него.

— Мисс Хоггарт? — шептал Аддерли, прикрывая меня своей мощной спиной от любопытных глаз. — Что случилось? Что происходит? Вы стали похожи на мертвеца!

Когда спазмы чуть утихли, я позволила инспектору усадить меня на принесенный Райли стул, но рук его не отпустила, продолжая хвататься как за спасительную нить.

— Здесь был хозяин кулона! И он был зол! Его гнев чуть не лишил меня чувств! — быстро заговорила я. — Вы понимаете, что это значит? Я была права! Тот, кому предназначался кулон, еще жив, и он не успокоится, пока не отыщет его!

— Как вы узнали? — Инспектор непонимающе тряхнул головой и присел рядом со мной на корточки. — Как поняли, что это именно он?

— Когда я увидела сапфир — распознала магию, а теперь узнала ее! Я могу узнавать магов по их дарам, могу угадывать, какой именно маг наложил то или иное заклятие, при условии, что встречалась с ним ранее. Едва заметный, но все же уловимый след из сапфира идентичен тому, что витает в кабинете ювелира!

— Это подтверждает тот факт, что убило мистера Оддеркота вовсе не какое-то проклятие сапфира! И не магия!

Я вскинула брови, вглядываясь в лицо инспектора. На нем читался явный вопрос: «Вы серьезно?»

— Маг — возможно, но не магия же сама по себе!

— Инспектор Аддерли, — вкрадчиво заговорила я, — а что такое, по-вашему, проклятие сапфира? Вы думали, что это ОН убивает тех, кому не принадлежит?

Инспектор заметно растерялся и, когда смысл моих слов начал доходить до него, рассердился, правда, изо всех сил пытался это скрыть. Мне стало даже немножечко жаль мистера Аддерли. Не его вина, что мир магии ему неведом.

— У всех более или менее знаменитых драгоценностей, магические они или нет, проклятие одно — необузданное желание людей, ну или магов, ими обладать! Любое мало-мальски примечательное украшение сопровождается кровавый след, инспектор, и вы должны знать об этом не хуже меня! У тех изделий, которые создал Томас Марлоу, есть и еще одна особенность, они сами стремятся к хозяину. Даже если маг-ювелир заточил в них часть магии, которая по той или иной причине пока не доступна хозяину, кулоны, серьги, перстни и прочее все равно должны находиться рядом с теми, кому предназначались. Маги, потерявшие такую вот вещь, будут одержимо следовать за ней и уничтожать всех, кто встанет на пути, а

их украшение в этом поможет, так или иначе! Вот о какой опасности говорила я!

Плеча инспектора коснулась рука одного из констеблей.

— Санитарная тележка прибыла. Дивизионный хирург уже произвел осмотр, вы посмотрите, сэр? Мы ждем вас, чтобы отправить тело в морг.

— Да, спасибо, Барти, попросите врача подождать еще немного.

Констебль кивнул и отправился исполнять просьбу инспектора, который повернулся ко мне и приоткрыл рот, видимо решив что-то сказать, но не успел.

— Детектив-инспектор Аддерли! — раздался зычный голос, и мой собеседник тут же обернулся, а потом поднялся на ноги.

В дверном проеме стоял невысокий человек в форме, с округлым животиком и густыми бакенбардами. Разглядеть лицо не получалось, поскольку солнце выглядывало из-за его плеча. После вчерашней грозы на улице распогодилось, весенние лучи уже не просто освещали, но и согревали.

— Докладывайте, — нетерпеливо сказал, уже приблизившийся, мужчина.

За ним следом вошел еще один человек в форме, выглядел он растерянно и даже немного напуганно. Его глаза бегали по магазину, словно искали огрехи, которые срочно нужно прикрыть, прежде чем его спутник заметит.

— Это главный комиссар Трэйси, — шепотом оповестил меня констебль Брикман, притаившийся у меня за спиной. — И если он сам прибыл на место преступления, то за этим делом будет наблюдать пристальнее, чем кот за канарейкой.

— А разве это не в порядке вещей? — вполголоса спросила я.

— Что вы! Нет. Сдается мне, что все дело в его близком знакомстве с мистером Хардманом, тем самым, для которого ювелир и купил сапфир.

— И как же ваш комиссар так быстро узнал о случившемся? — наблюдая за тем, как инспектор Аддерли негромко рапортует, поинтересовалась я.

— Телеграф, мисс. Наши дивизионы уже давно оснащены прямой связью друг с другом и с начальством.

— А кто тот второй, который очень заметно волнуется?

— Это суперинтендант нашего дивизиона Джеймс Уорлок, — уточнил Райли Брикман. — Я не удивлюсь, если в скором времени сюда и помощники комиссара заявятся.

Наш разговор был прерван комиссаром, который сделал широкий шаг по направлению ко мне. Теперь, когда солнце не мешало мне, я могла рассмотреть мистера Трэйси. Его лицо показалось мне более чем неприятным: маленькие, беспокойно бегающие глазки, широкий нос с раздувающимися, будто крылья, ноздрями, грубая кожа, покрытая следами от ветряной оспы.

— Это вдова? — спросил он у Аддерли.

— Кто, я? — удивилась я, поднимаясь со стула.

— Нет, сэр, — ответил инспектор, который стоял справа и чуть позади начальства и всем своим видом будто умолял не надеть глупостей. — Это мисс Хоггарт, свидетель.

— Убийства? — нахмурился комиссар.

— Нет, вчерашнего ограбления, — твердо сказал Аддерли.

Мистер Трэйси развернулся к подчиненному всем телом, и его ноздри раздулись еще шире.

— Тогда какого лешего она все еще здесь? Вы что, ее вызвали?

Я четко понимала, что еще немного — и комиссар прогонит меня отсюда, поэтому, воспользовавшись взбучкой, которую получал инспектор, — держался он, кстати сказать, весьма достойно, — я сделала несколько осторожных шагов к кабинету. Суперинтендант шептался с констеблями, незаметно раздавал поручения и на меня тоже не обращал внимания.

— Констебль, — обратилась я к Райли Брикману, который с готовностью кивнул и, бросив взгляд на начальство, прикрыл меня своей неширокой спиной.

Теперь я была готова к удару магии, поэтому выдохнула и сделала робкий шаг внутрь. На этот раз ничья сила не помешала мне. След хозяина кулона исчез. Очень интересно, слишком быстро для такой мощной магии. Я даже оробела от неожиданности. Что же это за чародей такой, чьи эмоции обладают подобной мощью, а потом испаряются, будто их и не было? Уж не сошла ли я с ума?

Тело мистера Оддеркота покоилось наполовину в кресле, наполовину на столе. Его голова лежала на раскрытом бухгалтерском журнале, где, вероятно, его рукой были записаны доходы и расходы.

Возможно, он подводил итоги и напоминал себе, с кем из клиентов ему нужно расплатиться, как только мистер Хардман выплатит стоимость сапфира. Было похоже, но необязательно, что ночь прошла именно за этим занятием. Открытые глаза ювелира казались застывшими в вечности стекляшками. Меня слегка передернуло от вида искривившегося рта, но я продолжила смотреть. В спине ювелира торчал нож, а коричневый пиджак пропитался кровью, которая стекла и на пол.

Не обращая внимания на неприятные ощущения, которые появились, даже несмотря на то, что это уже не первое в моей жизни мертвое тело и даже не десятое, я склонилась к ножу. Клинок не был магическим, не излучал совершенно никакой силы.

— Ваш вердикт? — спросил инспектор, тоже склоняясь над трупом и заглядывая через мое плечо.

Его тон показался мне саркастичным, но я предпочла не обратить на это внимания и все же высказаться.

— Несомненно, ювелир убит обычным человеком, но я по-прежнему настаиваю на том, что маг здесь был. Рано или поздно он выйдет на след своего кулона, и тогда я боюсь представить, что будет с тем, в чьих руках окажется сапфир.

Я резко разогнулась, вынуждая инспектора отступить. Мужчина сделал несколько шагов назад и застыл, всматриваясь в мое лицо. Под взглядом глубоких серых глаз я чуть было не смутилась, но вовремя взяла себя в руки и взглянула на Аддерли так же открыто.

— Вы всегда так активно участвуете в делах, которые по большому счету не имеют к вам никакого отношения?

— Вообще-то не в моих привычках быть навязчивой, инспектор, — сказала я, поправляя отвороты пальто, чтобы не смотреть в лицо мужчине, — но, столкнувшись с этим делом, я посчитала нужным помочь вам, чем смогу, поскольку даже при всем вашем профессионализме о магии вы почти ничего не знаете.

— Вы же признали, что мистер Оддеркот был убит обычным человеком, на этом, я думаю, ваше участие должно закончиться. Если появятся новые вопросы о деталях прошедшей ночи, я пришлю констебля. Благодарю вас, мисс Хоггарт, за бесценную помощь, но теперь мне нужно приступить к своим непосредственным обязанностям.

Несмотря на то что слова были вроде бы вежливыми, я не смогла не заметить доли иронии в них. Впервые за много лет в душе зародилась обида. Этот человек не воспринимал меня всерьез, он пусть и не откровенно, но насмеялся надо мной и моими опасениями.

— Что ж, инспектор Аддерли, — в моем голосе прозвучал непривычный лед, так нужный мне сейчас, чтобы скрыть горечь, — не буду более навязывать вам свое общество, но прежде чем уйти, попрошу об одолжении. Предупредите, пожалуйста, мистера Хардмана об опасности, возможно, он прислушается.

— Спасибо, мисс Хоггарт.

Ответ Аддерли убедил меня в том, что ничего подобного делать он не собирается. Искра негодования вспыхнула в груди. Захотелось назвать его чурбаном и остолопом, но я сдержалась, предполагая, что это его начальство осталось недовольно моим вмешательством. Совладав с собственными эмоциями, я развернулась на каблуках и направилась к выходу, но на пороге все же задержалась:

— И еще, инспектор, я бы настоятельно рекомендовала вам выяснить, что именно заключено в кулоне, чтобы понимать, чем грозит нам его воссоединение с хозяином!

Всю дорогу до пансиона я фырчала, ворчала и негодовала. От любезного предложения констебля Брикмана подвезти меня отказалась, чтобы успеть успокоиться по пути к поместью Хэкменхаус. Злилась я в основном на саму себя. Не сиделось мне спокойно! Хорошо еще, что за время, проведенное с инспектором, он не стал раскапывать подробностей о том, кто я и откуда. Поверхностных вопросов ему, вероятно, хватило.

Миссис Баррингтон пила успокоительную настойку, когда я вошла в ее кабинет. Несчастливая женщина была бледна больше обычного, обмахивалась стареньким, но горячо любимым веером и глотала ртом воздух. Вокруг нее суетилась моя подруга Уиннифред, которую я звала просто Фредди. Пышная, лучистая, всегда искрящаяся оптимизмом и весельем.

— Мисс Хоггарт! — воскликнула хозяйка пансиона. — Ну нельзя же так пугать в самом деле! Я всю ночь просидела в чайной гостиной, ожидая вашего возвращения. Миссис Элмерз до последнего разогревала воду, чтобы обогреть вас по прибытии, а мистер Тодд то и дело выходил на порог с лампой!

От этих слов стало немного стыдно, я ведь не привыкла так обременять людей. Бросила взгляд на Фредди, которая, уперев руки в бока, смотрела на меня выжидающе.

— Ты расскажешь нам, где тебя носило?

Миссис Баррингтон не одобряла немного грубоватую манеру общения моей подруги, упрекая ее и всячески выражая свое недовольство. Однако девушка не переходила границ, разговаривая так вольно лишь со мной, но никогда со своими ученицами, поэтому наша строгая хозяйка не предпринимала радикальных мер.

Присев в кресло у стола, я перевела дух и рассказала все, что со мной приключилось. Миссис Баррингтон поохала и поахала, хватаясь за голову, но уже к концу моего монолога полностью овладела собой.

— Вам не стоило сегодня ехать на место преступления, дорогая Аделаида, — задумчиво сказала она. — Вы могли привлечь ненужное нам внимание к своей персоне и зародить в голове инспектора лишние вопросы. Вы поступили неосмотрительно.

— Я понимаю, миссис Баррингтон.

За более чем двадцать лет знакомства я так и не научилась называть ее Элиной, хотя, когда я вторглась в ее жизнь, она была фактически моей ровесницей. Если не считать тех ста лет, что я проспала во льдах. Миссис Баррингтон всегда была строгой и благовоспитанной и с самого первого дня будто прочертила невидимую границу между нами, которую переходила крайне редко, а я так и не осмелилась. Я знала, что она искренне любит меня, заботится и считает себя кем-то вроде ангела-хранителя, оберегающего мой покой. Моя тайна завораживала ее, возбуждала любопытство всякий раз, когда мы заводили о ней беседу.

— В чем дело, Ада? — спросила подруга, присаживаясь на подлокотник кресла и обнимая меня за плечи. — Ты так долго избегала неосторожных знакомств, что изменилось?

Не сразу найдя слова, я благодарно улыбнулась Уиннифред и встала. Воспоминания о возродившихся чувствах тут же засверкали с новой силой. Я подумала о том, как моя душа устремилась к раскрытию тайны, как внутри разгорался азарт, движимый любопытством. Да, я много лет старалась держаться в тени, но стоило случиться чему-то загадочному и интересному, не смогла удержаться.

Иногда мне казалось, что в прошлом, в том, которое забылось, я была совсем другой. Не такой закрытой и сдержанной.

— Это дело манит меня, интригует и заставляет забыть о прочем, — сказала я, немного приоткрывая плотные шторы и выглядывая в окно. — Я не могу это объяснить, но кулон будто притягивает мое внимание, и я пренебрегаю осторожностью. Что-то есть в этом деле, в этом украшении. Нечто такое, что не позволяет душе успокоиться.

Некоторое время в комнате стояла тишина. Обе мои собеседницы задумчиво молчали, и, повернувшись к ним, я заметила, как они многозначительно переглянулись.

— Интересно, — опережая мой вопрос, сказала миссис Баррингтон и заправила выбившуюся из прически прядь. — Возможно, магия кулона притягивает не только вас и ваше любопытство, но и вашу магию.

— Как это? — не поняла я.

— Видите ли, мисс Хоггарт, я не исключаю вероятности, что вы тоже как-то связаны с этим сапфиром.

— Каким образом? — Тут уже и Фредди поразились словам хозяйки пансиона.

— Мы ничегошеньки не знаем о вашем прошлом и вполне может быть, что вы уже когда-то видели этот кулон. Неспроста встреча с ним так... активировала, что ли, ваши эмоции и стремления.

— А ты не можешь заглянуть в прошлое этого сапфира? Вернуться ко дню его создания? — загорелась идеей Уиннифред.

— Не знаю... — ответила я, уже прикидывая в голове, как это правильно сделать. — Без самого кулона вряд ли получится, но попробовать стоит.

— Так и попробуйте, — подхватила миссис Баррингтон, — вдруг это хоть что-то прояснит.

Самым действенным я посчитала возврат к Томасу Марлоу, к его работе, к его жизни. Прежде я никогда этого не делала, и сейчас неожиданно пришла в голову мысль, что мог бы получиться прекрасный урок для моих девочек.

Я сосредоточилась, закрутила руками, образуя воздушные потоки, представила улыбающееся лицо с портрета и прикрыла глаза. Кабинет миссис Баррингтон закружился, завертелся и померк. Часть комнаты

будто стерлась, но часть все же осталась. Я видела двух моих собеседниц, которые наблюдали за мной, но в той части, что исчезла, не было ничего. Стоило мне всмотреться, как голова пошла кругом, меня замутило, и тошнота подкатила к горлу. Сквозь медленно образующийся туман робко вырисовывалось знакомое лицо, обрамленное медными кудрями. Из прошлого на меня смотрело мое собственное лицо.

— Ничего не понимаю, — пробормотала самой себе.

Другая я испуганно посмотрела мне в глаза и поднесла палец к губам, словно призывая к молчанию, а потом отрицательно мотнула головой и исчезла. Кабинет миссис Баррингтон вернулся на место.

— Ну как? — спросила Фредди, беря меня за похолодевшие ладони и заглядывая в лицо. — Что ты видела?

— Ничего, — растерянно ответила я, пытаюсь понять, что же произошло. — Ровным счетом ничего. Путь в прошлое Томаса Марлоу по каким-то причинам для меня закрыт.

— Такое случалось? — нахмурилась миссис Баррингтон.

— Никогда.

Глава 6

ТАИНСТВЕННОЕ ПРИГЛАШЕНИЕ

— Сегодня мы поговорим о магистиуме, — объявила я, и девочки встрепенулись, заерзали на стульях, воодушевленно захлопали глазками.

С тех пор как я покинула ювелирный магазин почившего мистера Оддеркота, прошло три дня. Наш конюх мистер Тодд по моей просьбе ежедневно приносил свежие газеты, чего мы прежде почти не делали. Я пыталась следить за расследованием инспектора Аддерли, но оно редко освещалось в прессе. Было лишь сказано, что в деле задействованы лучшие умы полиции Вичпорта и что за ним пристально следит главный комиссар Брендон Трэйси. Я искала хотя бы строчку о продвижении, но тщетно. История сапфира почти постоянно занимала мои мысли. Я хотела понять, почему его судьба так увлекла меня, почему я поддалась чувствам, забывая об осторожности, и почему так и не смогла увидеть его создание.

Азарт немного поутих, и уже сегодня утром я чуть легче отбросила мысли о кулоне и приступила к своим обязанностям. Вспомнив прошлое путешествие, которое оставило много вопросов без ответов, я решила немного поговорить о магистиуме и о его создателе.

— Кто расскажет нам, что это такое? — спросила я у девочек.

— Это самый первый магический институт, созданный сильнейшим колдуном Окартом, — ответила Каролина. Ее глаза вновь заблестели, стоило только упомянуть магистиум.

— А для чего он его создал? — спросила я. — Элла?

— Ну... Окарт хотел собрать вокруг себя талантливых магов и обучать их, направлять. По преданиям он отвращал безумцев от темной стороны, брал под свое крыло, помогал вернуться к свету, — неуверенно сказала юная мисс Гилл.

— Но если учесть то, что мы видели, он и сам не гнушался использования темных заклятий, — вставила Ева, и в классе повисло молчание.

Шесть пар глаз обратились ко мне, а я, признаюсь, даже не знала, что им на это сказать.

— Нам всем годами внушали, что Окарт был лучшим из когда-либо живших магов. Он прожил достойную жизнь и творил лишь добро! — заметила Инди Крамер. — А теперь что? Выходит, это все неправда?

— Я понимаю ваше негодование, — аккуратно подбирая слова, сказала я. — Но мы ведь до сих пор точно не знаем, что именно там произошло.

— А по-моему, все очевидно! — возразила Каролина. Она единственная из девочек, кто не был задет открывшейся темной стороной светлейшего мага. — Мы видели, как величайший из нас творит древнее колдовство! И это было поразительно!

— Каролина! — строго одернула ее Ева. — Твое восхищение неуместно!

— Отчего же? — Мисс Кэри смерила недовольным взглядом подругу. — Такая мощь не может не вызывать восхищения!

— Так, девочки! — призвала я их к порядку, пока этот разговор не зашел слишком далеко. Порой Каролина бывает слишком вольна в своих высказываниях о темной стороне магии, и это немного пугало меня, поэтому я пыталась заглушить такие разговоры, меняя тему или давая собственные разъяснения. — То, что мы видели, не стоит воспринимать однозначно. Это... словно фрагмент, вырванный из контекста. Чтобы делать выводы, нужно видеть картину целиком.

— Вы хотите сказать, что при определенных обстоятельствах темное колдовство допустимо? — изумилась Софи Форстер.

Впервые за годы преподавания я не очень хотела что-то обсуждать. Мне не нравилась эта тема. Я пыталась сохранить веру девочек в незыблемость вложенных в них знаний и при этом как-то объяснить то, что эту самую незыблемость пошатнуло.

— Я бы не выразилась именно так, нет, недопустимо, конечно, но бывает объяснимо. — Мне даже стало немного жарко, поскольку я шагала по тонкому льду. — Но мы сейчас не совсем об этом. Давайте сосредоточимся на магистиуме. Что еще вы можете сказать о нем?

— Создав его, Окарт сконцентрировал там фактически всю магию Аврии, и это место и по сей день является своего рода магическим

артефактом, который хранит в себе остатки мощного колдовства, — ответила на мой вопрос Инди.

— Хорошо, мисс Крамер, — кивнула я, и голубые глаза девушки блеснули. — И что с ним стало?

— Около семидесяти лет назад магистиум был разрушен. — Каролина пожала плечами. — Никто не знает, что именно там произошло. Просто однажды ночью прогремел взрыв, и стены магистиума рассыпались, а о судьбе Окарта почти ничего не известно. Многие маги, которые в тот момент находились внутри, погибли.

— Верно, — согласилась я, — с тех пор долгие годы маги были рассредоточены и растеряны, но молодой еще тогда принц Эдред решил это исправить. Он заручился поддержкой отца и объявил о том, что хочет вновь дать магам приют, и начал строительство новых институтов магии. Он объехал почти всю Аврию лично и знакомился с теми, кто мог бы возглавить эти учебные заведения.

— Говорят, ему тогда было лет семнадцать, — восхищенно пробормотала Софи. — Это правда?

— Восемнадцать, если быть точнее, — поправила Ева. — И уже почти двадцать лет он достойно держит свое слово, помогая магам и ни в чем их не притесняя. Также ходят слухи, что все это он затеял неспроста, что он сам обладает каким-то даром, правда незначительным. Как вы думаете, мисс Хоггарт, это может быть правдой?

— Мне сложно судить, поскольку об этом не упоминается в каких-либо официальных источниках, но я тоже слышала такие разговоры, — сказала я, проходя по классу и мечтая впустить хоть немного свежего воздуха. На самом деле его величество никаким даром не обладал, но заявлять об этом категорично я не могла, чтобы не появилось еще больше вопросов. — Итак, нам известно, что институтов магии всего семь, где они находятся, Молли?

Девочка с готовностью вскочила с места, ее завивающиеся волосы подпрыгнули, а губки растянулись в довольной улыбке. Я тут же поняла, что она хорошо знает ответ.

— Самый большой и значимый расположен в горах, недалеко от ледника Кромсворт, на севере. Он относится к территории нашей столицы Аддлтона. Его построили там, потому что ледник проявлял небывалую магическую активность. Это место больше всего любят

посещать наш король Эдред и его супруга Ядвига. Институт так и называют — Кромсвортский или просто «столичный».

Я машинально одобрительно кивнула девочке, а мыслями вернулась в каменные стены института и вспомнила лицо Огюста, помешавшегося на жажде бессмертия. Голосок Молли Пейдж звучал где-то вдали, а в голове шумели слова мага: «Вспоминай! Ты не стараешься, черт возьми! Напрягись! Старайся лучше!»

— Второй по размеру находится в Дурве, там обучаются только мальчики. Третий — в Вопринге, он, напротив, женский. Четвертый — в Маприе, институт для тех, кто осваивает лишь травничество и зельеварение. Там выращивают всевозможные виды растений. По сути это огромная оранжерея. И построен он там исключительно потому, что почва позволяет и... южный климат. Остальные три института совсем маленькие: в Галье, Топроке и Двонте. Союз семи институтов именуют магистиум!

— Прекрасный ответ, Молли! — похвалила я девочку и погладила ее по голове.

Я изо всех сил постаралась не допустить, чтобы неприятные воспоминания испортили настроение и хоть как-то отразились на ведении урока. Девочка, довольная моей похвалой, радостно села на место, не переставая сиять.

— Все семь институтов разбросаны по стране так, чтобы охватить всю территорию Аврии. Они связаны между собой невидимыми глазу обычного человека магическими потоками, способными привести заплутавшего мага туда, где его будет ждать кров и уют, а также немного подпитать силы, если маг ослаб, — добавила я. — Это было обязательным условием его величества короля Эдрета.

— Говорят, эти потоки могут показаться лишь светлым магам, — сказала Элла.

— Глупости, — скривилась Каролина, — по-твоему, потоки распознают и цвет магии?

М не показалось, что Каролина сегодня была настроена немного агрессивно. Нужно будет провести с ней беседу, которую я откладывала уже некоторое время. Ее чрезмерная возбудимость и раздражительность, а также увлечение рассказами о темных магах беспокоили меня.

— По идее, — прервала я их спор, — потоки должны улавливать намерения, темные или светлые, но это в идеале, а на самом же деле и эта система дает сбой. Бывали случаи, когда темные маги использовали эти потоки в своих целях. Однако король Эдред посчитал, что их польза все же ощутимее, чем вред. Итак, на сегодня достаточно. В следующий раз мы поговорим об Окарте, его учениях и жизни.

Когда урок закончился, девочки разбрелись по комнатам, чтобы подготовиться к занятию у мистера Огlsi. Этот мягкий и отзывчивый человек деликатно раскрывал таланты наших учениц и помогал их развивать, занимаясь с девочками практической магией.

В класс вихрем влетела Уиннифред. Ее упитанные щеки пылали румянцем, а дыхание сбилось от быстрой ходьбы и возбуждения. Она уселась на мой стул и попыталась отдышаться, обмахиваясь чем-то белоснежным из твердого картона.

— Ада! — воскликнула она, глотая воздух. — Ну-ка посмотри, что тебе прислали! Мы с миссис Баррингтон минут пять разглядывали лакея, который его принес.

— Что это? — удивилась я. — Это принесли мне? Но я ведь не получаю почту!

Моя подруга протянула красивую карточку, на которой нежно-лиловыми буквами было написано: «Уважаемая мисс Аделаида Хоггарт, Вы приглашены на ежегодный благотворительный прием в Чепстон-хаус».

— Это через неделю, судя по дате, — уточнила Фредди. — С ума сойти!

Я еще раз посмотрела на карточку и залюбовалась витиеватым вензелем с инициалами «Д. Х.».

— Но я не знаю никого с такими инициалами! Возможно, это какая-то ошибка? Я почти ни с кем не знакома в этом городе, и среди них уж точно нет того, кто бы мог пригласить меня на прием.

— Этот дом принадлежит мистеру Дэниелу Хардману, — послышался голос миссис Баррингтон, которая застыла в дверях. — Один из самых больших и красивых домов в городе.

— Но с какой стати он приглашает меня? — еще больше поразила я.

Сердце испуганно заколотилось в груди. Что мистеру Хардману может быть известно обо мне? Зачем ему приглашать меня на этот прием? Какое я могу иметь отношение к благотворительности?

— Ни в одних документах вы еще не значитесь как моя преемница, поэтому пригласить вас, как представительницу нашего пансиона, он не мог. Может, это как-то связано с расследованием? — предположила миссис Баррингтон, оглядывая коридор и прикрывая дверь.

— Но как? — все еще не до конца понимала я.

— Ты, вероятно, указана в протоколах как свидетель, — пожалала плечами Фредди. — А что, если мистер Хардман уже завладел своим кулоном и теперь хочет поблагодарить тебя? По сути, это же ты его вернула.

— Ты думаешь, у него есть доступ к протоколам? — задав вопрос, даже я поняла, как глупо он прозвучал. — Миссис Баррингтон? Как мне поступить? Я не могу явиться на прием, где будет присутствовать половина города! Тогда мне придется поставить точку в многолетней скрытной жизни. Если я откажусь, то еще останется хоть маленькая вероятность, что все это забудется и никто меня больше не побеспокоит. Но с другой стороны, я уверена, что инспектор Аддерли даже не озаботился тем, чтобы предупредить мистера Хардмана об опасности, таящейся в кулоне! Будет ли правильным смолчать?

Миссис Баррингтон присела на стул, который обычно занимала Ева Мейсон, и нахмурилась, тщательно обдумывая мои слова. Она устало потерла пальцами виски и вздохнула:

— Рано или поздно это должно было случиться. Я много думала, мисс Хоггард, как оградить вас от опасного любопытства. Когда придет время и вы займете мое место, жители Вичпорта все равно заметят ваш слишком продолжительный цветущий вид. Как это можно объяснить? Представляете, сколько будет таких, как Огюст, желающих знать секрет вечной молодости?

— Придумали что-нибудь? — с надеждой в голосе спросила Фредди.

— Признаюсь, пока нет, но в связи со сложившимися обстоятельствами продолжу изыскания. Только в этот раз тщательнее, потому как теперь время не на нашей стороне.

— Могу я расценивать ваши слова как одобрение?

Я обняла себя руками за плечи. Волнение будоражило кровь, но и страх скребся на задворках сознания.

— Дорогая моя Аделаида, — как никогда мягко ответила хозяйка пансиона, — вам не нужно мое одобрение, для того чтобы принимать судьбоносные решения.

Я присела на корточки рядом с миссис Баррингтон и взяла прохладные ладони в свои руки, а потом склонила голову на ее колени.

— Миссис Баррингтон, вы более двадцати лет были моей опорой, моей душой. Я не могу не учитывать ваше мнение.

Женщина погладила меня по волосам и прокашлялась, кажется скрывая застрывший в горле ком и накатившие слезы.

— За эти годы я не раз думала о том, что вы и не живете вовсе. Так... существуете, заточенная в стенах этого мрачного дома. Вы молоды, привлекательны и могли бы найти свой путь. Да, я опасаясь за вашу жизнь, но сколько можно бояться, обрекая себя на унылое существование в одиночестве? Я думаю, если все же что-то пойдет не так, вы сможете покинуть Хэкмен-хаус и отправиться дальше. Но я очень надеюсь, что делать этого не придется.

Внутри меня бушевал ураган эмоций. Я почувствовала, как от волнения кровь прилила к щекам, а сердце забилося, будто маленькая птичка, ощутившая свободу. Я поднялась на ноги и посмотрела на подругу, которая от души улыбалась и одобрительно кивала. Чтобы хоть как-то отвлечься от приятного возбуждения, я решила поговорить о грустной стороне вопроса:

— Но в чем же я пойду? Прием в самом богатом доме Вичпорта, там соберутся самые достойные люди города! Моего жалования просто не хватит!

— Об этом не беспокойся. — Уиннифред обняла меня за плечи. — В день приема просто доверься мне!

— Вот и славно. — Миссис Баррингтон поднялась с места. — Я отправлюсь на кухню и узнаю, что там с обедом.

Мне показалось, что она отчаянно скрывала свои истинные чувства и хотела поскорее покинуть наше общество, чтобы иметь возможность их выпустить. Как только наша милая хозяйка вышла из класса, мы с Фредди решили присутствовать на интереснейшем уроке мистера Огlsi. Он иногда позволял нам подсматривать

краешком глаза за тем, как девочки практикуются. Я положила приглашение за пояс юбки, чтобы потом отнести в свою комнату.

Большая игровая комната служила мистеру Огlsi классом, где он занимался с каждой девочкой по очереди. Мы пристроились на краешке дивана, получив согласный кивок учителя.

— А твои девочки где? — спросила я шепотом у подруги.

— На уроке миссис Крофтон. Снова за обедом буду слушать жалобы и стоны о том, что она была слишком строга и непреклонна к тем, кто не выполнил задание.

Я тихонько усмехнулась и перевела глаза на очаровательную Еву Мейсон, которая практиковалась в создании щитов. Быстро и четко у нее получалось лишь в состоянии стресса, а в классе выходило через раз, а то и через два.

— Мисс Крамер, — позвал учитель, — будьте добры, помогите подруге.

Инди послушно кивнула и встала из кресла. Эта девушка обладала отменными боевыми способностями и умела защищаться, невзирая на легкую неуклюжесть. Мистер Огlsi расставил девушек друг против друга и создал нечто похожее на барьер, отделяющий их от остальных учениц. Мне нравилось наблюдать за этим милейшим человеком. Его мягкие черты лица, возрастные морщинки, ласковые голубые глаза, немного помутневшие с годами, редящие волосы и добрейший голос — все привлекало в этом мудром человеке преклонного возраста. Мистер Огlsi никогда и ни при каких обстоятельствах не повышал голоса. Относился к ученицам с почтением и трогательной заботой.

— Вы знаете, что делать, мисс Крамер, — негромко сказал он и отошел, размашистым жестом призывая Инди к действию.

Девушка чуть расставила ноги и неуверенно посмотрела на Еву, которая кивнула, давая понять, что готова. Я невольно схватила Фредди за руку, жутко переживая за девочек. Я понимала, что практика им необходима, но это понимание не помогало справиться с волнением. Каждая из них была мне дорога. Ева уже к осени закончит обучение, а Инди остался еще год, как и Каролине. Я буду скучать по ним безмерно.

Первый удар заставил Еву отступить, поскольку щит нужной мощности ей создать не удалось. Девушка стиснула зубы и

нахмурилась, а потом с чувством сжала кулаки и снова кивнула. Инди, судя по ее бледному лицу, чувствовала себя неуютно, да и характер у нее был, в общем-то, небоевым.

— Эй, эй! — громким шепотом возмутилась Фредди. — Ты мне руку ломаешь!

— Прости, — извинилась я и отпустила подругу. — Я немного волнуюсь. Ева говорила, что мистер Огlsi не зачет ей этот экзамен до тех пор, пока она не научится выставлять щит мгновенно.

— У нее еще есть время, — успокоила меня Уиннифред.

Прежде чем Инди успела нанести новый удар, окно резкотраспахнулось и десяток крупных, черных как ночь воронов влетели в комнату. Они громко каркали и летали по кругу над головами девочек. Мы с Уиннифред вскочили на ноги и попытались выгнать воронов на улицу, но ни одно наше заклинание не возымело должного эффекта. Мистер Огlsi изо всех сил пытался оградить девочек, которые перепугались до смерти и визжали на весь пансион. Лишь Ева не растерялась. Девушка бросилась к младшим и, закрыв их собой, молниеносно выставила щит. Умница!

Птицы принесли с собой чувство безысходности, боли и одиночества. Безмерная, всепоглощающая пустота заползала в душу, вызывая желание лечь прямо на пол и, свернувшись в клубок, рыдать от безнадежности и собственной никчемности. Прежде чем погрузиться в тоскливое уныние, я краем глаза заметила движение. В центре комнаты стояла Каролина и как замороженная смотрела на дьявольских птиц. Ее и так бледная от природы кожа казалась сейчас белой как мел, а венки под ней превратились в черные реки, ярко контрастирующие с бесцветными лицом и шеей. Я видела, как почерневшая кровь бежала вверх, будто вся стремилась попасть в одно-единственное место — к глазам.

— Каролина! — окликнула я девушку, но она никак не отреагировала, чуть подрагивая под действием какого-то колдовства.

Превозмогая нахлынувшую апатию, я попробовала подойти к ней, но не успела. Вороны закричали особенно громко и так же стремительно выпорхнули из окна. Все неприятные ощущения тоже исчезли, будто их и не было. Каролина схватилась за живот, громко выдохнула, а потом выпрямилась.

— Что случилось? — спросила она растерянно.

— Хороший вопрос, — послышался мужской голос.

Я обернулась и увидела инспектора Аддерли, застывшего в дверях. Судя по выражению его лица, мужчина ничего не пропустил. Сердце предательски дрогнуло, словно ощутило облегчение, — кажется, я и не надеялась больше увидеть мистера Аддерли. Осмотрев учениц и удостоверившись, что все, включая Каролину, в порядке, я повернулась к вошедшему.

— Что вы здесь делаете, инспектор? — спросила я, помогая Еве рассаживать младших девочек.

Мои ученицы довольно быстро взяли себя в руки, только Молли еще дрожала, но даже она с любопытством взирала на вошедшего в комнату мужчину. Винить девочек в подобном интересе нельзя, поскольку гостей в пансионе никогда не было.

— Я пришел к вам за помощью, — открыто глядя мне в глаза, сказал Аддерли.

Мои брови сами собой поползли вверх, и тут же захотелось высказаться в не совсем культурной форме, но я сдержалась, сохраняя чувство собственного достоинства.

— А разве мое участие в этом деле не закончилось?

У меня еще подрагивали руки от пережитого, но я старалась не заострять внимания инспектора на том, что случилось минуту назад, поскольку объяснить это не могла даже самой себе. Я посмотрела на мистера Огlsi и взглядом попросила его выйти, прихватив с собой учениц. Пожилой учитель кивнул.

— Да... я так сказал и, в общем, я от своих слов не отказываюсь, но...

Я слушала его слова, но смотрела на Каролину, которая выглядела потерянной. Она вертела головой направо и налево и бессвязно отвечала девочкам на их тихие вопросы. Я же упорно делала вид, что все произошедшее в порядке вещей, решив, что мы с девочками и учителями обсудим этот вопрос без посторонних, так не вовремя посетивших пансион.

— ...Видите ли, мисс Хоггарт, я не считаю себя человеком впечатлительным и уж тем более мнительным, — продолжал инспектор, — но я бы все же хотел выяснить, что таится в этом кулоне.

Мистер Аддерли достал сапфир из кармана и протянул мне. Впервые я увидела нечто похожее на страх в его глазах. Это заставило

меня забыть об обедах и полностью сосредоточиться на неожиданном визите. Все ученицы, которые не успели выйти из класса, тут же остановились и замерли в ожидании.

Глава 7

ДРАКОНЬЕ ПЛАМЯ

— Что вас так насторожило? — поинтересовалась я, стараясь не обращать внимания на Фредди, которая и не думала хоть как-то скрыть свой изучающий взгляд. Она исследовала инспектора Аддерли от макушки и до пят, чтобы потом непременно высказать свое авторитетное мнение о его персоне.

Мужчина повертел головой, прошелся взглядом по моим ученицам и нахмурился. Вероятно, ему хотелось побеседовать наедине, но я не стала облегчать инспектору задачу, сделав вид, что не заметила.

— Видите ли, мисс Хоггарт, возможно, вам мои слова покажутся бредом или воспаленной фантазией, но две ночи подряд я будто слышу шепот оттуда.

— Откуда? — не поняла я.

Инспектор прокашлялся и произнес почти шепотом:

— Из сапфира.

В комнате образовалась гнетущая и даже какая-то зловещая тишина. Мои девочки, те, что еще остались с нами, медленно подбирались ближе, чтобы не упустить ни единого слова.

— Так, давайте-ка я уточню. Вы слышите шепот из кулона? — переспросила я, всматриваясь внимательнее в лицо мужчины.

Было вполне очевидно, что для инспектора Аддерли прийти ко мне с этим, скажем так, не совсем стандартным заявлением оказалось очень и очень непросто. Мне захотелось подшутить над ним, но я не стала, отметив про себя, что рядом с ним я будто меняюсь, оставляя привычную тихую жизнь позади. Когда он где-то поблизости, хочется улыбаться и получать удовольствие от жизни.

— Да, именно это я и сказал, — подтвердил он.

Настроившись на серьезный разговор, я взяла сапфир в руки и снова пожалела о том, что не могу вернуться к моменту его создания. Тогда узнать, что именно в нем заключено, не составило бы труда. Я посмотрела на Еву.

— Ты знаешь, что это такое?

Девушка подошла поближе и хорошенько рассмотрела украшение. Попросила разрешения взять его в руки и повертела пальцами так и эдак. За ее спиной, заглядывая через плечо, маячили Инди и Софи.

Каролину мистер Огlsi повел в кабинет хозяйки пансиона. Мысль о несчастной девушке заставила сердце дрогнуть, но ее на первый взгляд вполне здоровый вид после случившегося немного успокаивал. Где-то в подсознании все еще мелькал вопрос о том, что же все-таки произошло и откуда в пансионе взялись эти птицы? Однако мне придется решать проблемы по мере возможности. Сейчас передо мной стоял другой вопрос.

— Мисс Хоггарт, это ведь одно из украшений, созданных Томасом Марлоу? — с трепетом в голосе спросила Ева.

— Ты можешь узнать, что ювелир спрятал в нем? — поинтересовалась я. — Я пыталась вернуться в то время, когда он был создан, но у меня не получилось.

— Как это? — удивилась Инди Крамер.

— Не знаю, — пожала я плечами. — Отчего-то я не могу заглянуть в жизнь Томаса Марлоу. Софи, будь добра, пригласи мистера Огlsi и миссис Баррингтон.

— Я не уверен, что стоит собирать здесь такое количество свидетелей... — сказал инспектор, пытаясь забрать у Евы сапфир.

Я его опередила и спрятала кулон в ладони. Софи Форстер выскочила из комнаты, чтобы выполнить мое поручение. Из вежливости я предложила инспектору присесть на диван, а сама расположилась в кресле напротив. Мои девочки встали позади, а Фредди решила пристроиться рядом с мистером Аддерли. Это соседство, похоже, ничуть не беспокоило моего нового знакомого, как и ее все еще не самый приличный взгляд.

— Вы просто не понимаете всю серьезность происходящего, инспектор Аддерли. Единственная из нас, кто может добраться до истины, — это мисс Мейсон, но она моя ученица, и без позволения хозяйки пансиона я не осмелюсь подвергать ее какой-либо опасности.

— А это опасно? — насторожился мужчина, переводя взгляд на Еву.

— Не думаю, но и безрассудства допускать нежелательно. Мы не сможем извлечь то, что заключено в камне, и вернуть хозяину, но ненадолго высвободить, чтобы распознать, мы способны. Я не могу

быть уверена, что это не нанесет никакого урона мисс Мейсон. Миссис Баррингтон будет решать, стоит ли оно того, а мистер Оглси поможет сдержать силу, если внутри именно она, а не просто какое-то пророчество.

— А хозяин сможет заполучить то, что спрятано в кулоне?

— Хороший вопрос, инспектор, — ответила я. — Нет, хозяин тоже не сможет. Мог только Томас Марлоу.

— Тогда для чего все это? — искренне удивился мистер Аддерли.

— Вот и мне непонятно, — задумчиво сказала я.

— Возможно, он нашел иной способ, — предположила Фредди. — А что, если он уже давно знает, как вернуть то, что скрыто в камне?

Слова подруги почему-то встревожили меня. Неясное беспокойство шевельнулось в груди. Нужно обладать очень большой силой, чтобы сделать такое. Во времена Томаса Марлоу настолько сильных магов не было, за исключением разве что Окарта. Но тот никогда бы не пришел к ювелиру.

От раздумий меня отвлекли миссис Баррингтон и мистер Оглси, которые вошли в комнату и прикрыли за собой дверь. Хозяйка пансиона дотошно осмотрела инспектора прищуренными глазами и недовольно поджала губы. Однако она вежливо поприветствовала его и подошла ко мне. Я тихонько рассказала ей, что хочу сделать.

— Вы уверены, что мисс Мейсон готова? — встревоженно спросила она, а я просто кивнула. Тогда миссис Баррингтон повернулась к Еве. — А вы, мисс Мейсон, уверены, что готовы? Поскольку, если я и одобрю эту авантюру, то последнее слово все же за вами.

— Я бы хотела попробовать. — Девушка сдержанно улыбнулась, хотя я заметила — ей пришлось постараться, чтобы не подпрыгнуть от радости.

— Ладно, — строго сказала наша хозяйка, — давайте сделаем это.

— Миссис Баррингтон! — воскликнула Инди. — Позвольте и нам с Софи поучаствовать!

Девушки хватались за руки и восторженно взирали то на меня, то на хозяйку пансиона. Глаза их горели озорным огнем, щеки алели и даже рты приоткрылись от волнения. Миссис Баррингтон хотела было возмутиться, но потом все же смирилась, ведь чем больше магов

участвует в обряде, тем надежнее. Инди, пусть и была немного неуверенной и по-детски нескладной, но магия в ней жила мощная. И к семнадцати годам девушки сила уже успела окрепнуть.

Ева снова взяла камень в руки и встала в центре комнаты. Я видела, что она волнуется, но дело было не в страхе, а в желании все сделать правильно. Девушка несколько раз дернула себя за узкий воротник, словно он внезапно начал ее душить, а потом прикрыла глаза. Все остальные, кроме инспектора, встали вокруг нее и взялись за руки. Я освежила в памяти защитное заклинание, прочитав его одними губами.

Ева раскрыла ладонь, и сапфир будто подмигнул нам, сверкнув, когда на него упал робкий лучик солнца из окна. Изумительное украшение притягивало взгляд, переливалось и влюбляло в себя. Я дернула плечами и сжала руки Фредди и Инди, которые стояли по обе стороны от меня. Миссис Баррингтон кивнула, и тут же послышались голоса, в унисон читающие заклинание.

— Гралинос фуэро сатидо тхари цирато матос!

Мы повторили эти слова, созданные древними магами и знакомые многим колдунам, вновь и вновь и ощущали, как наша сила сливается в единый барьер, способный защитить и Еву, и эту комнату. Моя ученица занесла руку над сапфиром и начала перебирать пальцами так, словно крутила невидимое колесико. Сначала ровным счетом ничего не происходило, и мисс Мейсон даже немного растерялась, но потом снова взяла себя в руки и продолжила. Вскоре сапфир вспыхнул, и в нем колыхнулась дымка. Поверив в свои силы, Ева забормотала заклинание, чтобы древнее колдовство явило себя. Неохотно, словно из всех сил сопротивляясь, дымка поползла наружу. Девушка заговорила чуть громче, настойчиво выуживая сокровище из каменных тисков. В конце концов, сапфир поддался и выпустил то, что Томас Марлоу спрятал в своем изделии.

Тонкая, темная как могильная мгла струйка магии вознеслась над камнем. Она извивалась и будто корчилась над ладонью девушки, а потом резко рванула в сторону, но наткнулась на магический заслон. Чужая темная магия, а это была именно она, металась от одного из нас к другому, пытаясь отыскать брешь в защите. Далеко она бы не ускользнула, но бед наделать успела бы. Я ощущала, как чья-то сила заскучала за годы, проведенные в камне, и как рвалась на свободу, но

теперь, как и все присутствующие в этой комнате, я отчетливо понимала, что ее ни в коем случае нельзя выпускать. Лучше всего — уничтожить. Но это тоже мог сделать только Томас Марлоу.

— Драмаааанас, — по комнате прокатился шелестящий шепот, заставивший ледяные мурашки поползти по спине, а волосы зашевелиться на затылке.

Ева Мейсон побледнела, и бисеринки пота выступили у нее на лбу. Девушка устала, прилагая все свои усилия, чтобы вытащить наружу то, что стало причиной гибели ювелира, а может, и не только его. Не в силах больше удерживать темную струйку, девушка резко опустила свободную от сапфира руку, и дымка тут же вернулась на место, заставив Еву вскрикнуть и отбросить камень, который оставил на ее ладони легкий ожог.

— Вы это слышали? — испуганно спросил мистер Огlsi.

— Слышали, — тихо ответила миссис Баррингтон. — Мисс Мейсон, что вы можете сказать о магии, скрытой в кулоне?

— То, что она темная, вы и так поняли, — словно пребывая в каком-то трансе, проговорила девушка, — но ее природа не просто темная. Она исходит из самой древней магии, которая когда-либо существовала на земле. И этот шепот подтверждает мои слова. Я ощущала неистовый огонь внутри! Разрушительный, беспощадный и неукротимый!

— Драконье пламя, — прошептала Фредди слова, которые никто больше не решался произнести вслух.

— И, кажется, я знаю, кому может принадлежать этот кулон, — проговорила Софи Форстер.

— Кому? — спросила я, недоумеваю.

— Помните магистиум и Окарта? И того мага, что был с ним? И еще магическую ладонь, вынырнувшую из котла? — быстро заговорила любознательная девушка. — После того как мы вернулись из прошлого, мне все не давала покоя мысль, что я уже откуда-то знаю про эти лиловые всполохи, котел и прочее...

Софи говорила возбужденно, торопливо и немного сбивчиво. Она сжимала в кулаках ни в чем не повинную юбку, словно заручалась невидимой поддержкой. Я мягко улыбнулась ей, чтобы подбодрить, потому что понимала, как волнительно говорить со взрослыми, тем более учителями, о чем-то действительно серьезном.

— Так вот, — прокашлялась она и сделала большой глоток воздуха, — в нашей библиотеке есть очень старая книга, потрепанная такая, у нее еще корешок в нескольких местах порвался и отстает. Это справочник драконов, переписанный и переведенный с языка древних магов несколько сотен лет назад. Единственный в своем роде. Его еще несколько раз переводили, но миссис Крофгон говорила, что те переводы недостаточно достоверны, а этот...

— Софи, — мягко прервала я ее, хорошо зная, что если моя ученица увлечется, то мы прослушаем полную историю возникновения всех имеющихся на земле справочников, — милая, мы ничуть не сомневаемся в твоих глубоких познаниях, но ты не могла бы перейти к сути?

— Ой! — Девушка тут же залилась краской. — Простите. Конечно, мисс Хоггарт. Как раз в этом справочнике говорилось, что самые древние драконы — первородные — помимо известного всем пламени, обладали огромными силами, и потому древние маги желали найти хоть одного и завладеть его мощью. Один из таких магов описал встречу с драконом и его магию. И вот, по словам колдуна, магия драконов выглядела именно так.

В комнате воцарилась оглушающая тишина, я читала на лицах присутствующих то же недоумение, что наверняка они видели и на моем. Инспектор совсем затих, пораженно наблюдая за всем происходящим. Нужно будет сказать миссис Элмерз, чтобы принесла ему шерри, которое для миссис Баррингтон присылают ее сестры из столицы. Наша кухарка бережет этот напиток для особых случаев, поскольку любителей выпить в пансионе нет. Надеюсь, глоток крепкого вина вернет лицу мистера Аддерли прежние краски.

— И как же выглядит магия драконов? — спросила Уиннифред нетерпеливо.

— Именно так, как мы и видели с мисс Хоггарт. Поскольку у драконов нет рук, — это я дословно пересказываю то, что написал маг, видевший древних существ, — они используют магическую длань, которая переливается разными цветами. По его предположению, магия самых сильных драконов имела темные цвета: синий, пурпурный, темно-зеленый или черный. А вот у тех, что были слабее, отливала желтым, розовым, нежно-голубым. — Софи обвела нас взглядом и перешла на шепот: — Мне кажется, мы видели, как Окарт дарует тому

человеку драконье пламя. Именно так для простоты называли любую магию драконов.

— Но это не более чем миф! — растерянно сказал мистер Огlsi. — Драконов нет несколько сотен лет, и никому и никогда не удавалось завладеть их магией. Я тоже слышал об этом и читал тот самый справочник, о котором рассказывает мисс Форстер.

— Но разве не вся магия произошла от драконов? — спросила Софи.

— Это тоже легенда, — пояснил учитель. — Одна из версий, не более.

— И что это за версия, позвольте спросить? — включился в разговор инспектор, и мы все разом повернулись к нему.

Казалось, у него голова идет кругом от всего, что он здесь услышал, но природное любопытство и пытливый ум брали свое.

— Есть поверье, что за спасение своей жизни один из драконов даровал нескольким людям магию. За долгие годы она делилась, передаваясь от отцов к детям, источалась и на сегодняшний день стала гораздо слабее, чем та — самая первая искра.

— Так, — сказал инспектор, прохаживаясь по комнате и мотая головой, — опустим пока древние легенды. Важно то, что вы, оказывается, знаете того, кому принадлежит кулон!

Я скривилась, не желая расстраивать внезапно воодушевившегося инспектора. В эту минуту он был похож на мальчишку с сияющими глазами.

— Что? — спросил он, заметив мое кислое лицо.

— Дело в том, что мы видели предполагаемого, — последнее слово я специально выделила, — хозяина кулона в прошлом. С тех пор прошло довольно много времени, и найти его будет непросто.

— То есть как в прошлом?

— Я как-нибудь объясню вам, сейчас не время, — сказала я и задумалась, пытаюсь воскресить в памяти лицо того мага, который был с Окартом. — Странно, я совсем не помню его лица.

— Вы знаете, мисс Хоггарт, я тоже, — пораженно сказала Софи. — Как ни пытаюсь, но вспомнить, как он выглядел, не могу.

Очень странно все это. Вообще, с того самого путешествия в магистиум началась вся та круговерть, которая кардинально изменила

мою жизнь. С того самого дня я больше не чувствую себя прежней Аделаидой Хоггарт и уже не уверена, хочу ли к ней возвращаться.

— Так! — воскликнула миссис Баррингтон, разводя руки в стороны. — Давайте немного приостановимся и переведем дух. Инспектор Аддерли, дайте нам немного времени, чтобы изучить этот вопрос, покопаться в древних писаниях и осмыслить то, что выяснится. У вас есть такая возможность?

— Точнее будет сказать: у меня нет выбора, ведь самостоятельно я уж точно не разберусь с тем, что происходит, — сказал мужчина.

— Вы сказали, будто слышите шепот, — напомнила я ему.

— Да, именно тот, что прозвучал здесь несколько минут назад, — подтвердил инспектор.

— Это неудивительно, — заметил мистер Огlsi, — такая мощная магия ищет выход. Если бы вы были личностью внушаемой или падкой до блестяшек, то кулон мог бы свести вас с ума и заставить искать его хозяина до самой смерти.

— Чьей? — непонимающе мотнул головой Аддерли.

— Вашей, естественно. Такие случаи бывали в истории. Люди босиком по снегу шли на поиски, ведомые чудовищной силой таких вот украшений. Но это грозит лишь слабым и безвольным. Вы правильно сделали, что принесли кулон сюда.

— Как мне оградить себя от его воздействия? — спросил инспектор.

— Вам следует оставить его здесь, пока мы не решим, что с ним делать, — ответила миссис Баррингтон. — У нас есть место, где он не доставит никому беспокойства.

— Кстати, а почему он все еще у вас, инспектор? — спросила я. — Мне казалось, вы должны были уже отдать сапфир мистеру Хардману.

— В связи с убийством мистера Оддеркота, — пояснил Аддерли. — Мне пришлось настаивать на том, чтобы кулон задержался в участке.

— Понимаю, — сказала я твердо. — Тогда вам ничего другого не остается, кроме как настаивать, чтобы сапфир некоторое время провел у нас!

Глаза инспектора вспыхнули, и в эту минуту я многое бы отдала, чтобы понять, что творилось в его голове. Мне нравилось смотреть в

лицо этого мужчины. Он пробуждал во мне невероятные чувства, и эти чувства почему-то перестали меня пугать. Мужчина рассматривал мое лицо, а я позволяла ему это, делая то же самое в ответ.

— Мне пора, — тихо сказал мистер Аддерли и едва заметно улыбнулся каким-то своим мыслям.

— Я вас провожу, — так же негромко ответила я.

— Я не знаю, как долго кулон сможет оставаться у вас, но я попробую выбить больше времени, под свою ответственность, — сказал инспектор хозяйке пансиона, она лишь кивнула в ответ, мысленно уже покинув эту комнату.

После того как инспектор поблагодарил нас и попрощался, я попросила его подождать меня несколько минут у входа и обратилась к миссис Баррингтон:

— Как Каролина?

— Я осмотрела ее и не нашла ничего страшного. Она полностью здорова и физически, и душевно. Эта девушка немного чувствительна, и мы понаблюдаем за ней, но главный вопрос не в этом, мисс Хоггарт. Меня волнует, каким образом эти чертовы птицы преодолели нашу защиту?

Моя подруга даже тихо присвистнула, услышав ругательство из уст хозяйки пансиона, а для меня это значило лишь одно — миссис Баррингтон напугана. Действительно, очень напугана. Она сжимала кулаки и глубоко дышала, но скрыть переполняющих ее чувств не смогла. По крайней мере, от меня.

— Я займусь изучением этого вопроса, миссис Баррингтон, — успокоил ее мистер Огlsi. — Не волнуйтесь, я восстановлю барьеры над пансионом и выясню, как чужая магия проникла сюда.

— Я не сомневаюсь. — Женщина похлопала его по плечу. — Спасибо. Я призываю всех, будьте бдительны и предельно внимательны к ученицам. Что-то недоброе творится в последнее время, и нам просто необходимо выяснить, что именно! Я должна знать, кто посягнул на нашу безопасность и зачем!

— Не думаю, что посягали на нашу безопасность, — вмешалась Фредди, — ведь никакого вреда не нанесли! Здесь дело в чем-то другом.

— Неизвестность — самая большая опасность, мисс Чапман! — задрав подбородок, ответила миссис Баррингтон, а потом недовольно

поджала губы. Она быстро пожалела о резкости своего тона и, уже смягчившись, повернулась ко мне. — Мисс Хоггарт, проводите инспектора, его присутствие волнует обитателей пансиона.

Я поняла смысл ее слов, только когда вышла на улицу. Инспектор Аддерли терпеливо ждал, раскуривая сигарету и вытаптывая лишнюю тропинку на газоне недалеко от входа. Почти из всех окон первого этажа на него смотрели обитательницы пансиона. Девушки перешептывались, хихикали и мечтательно закатывали глаза. Мне стало немного неловко, но мистер Аддерли будто и не замечал, погружившись в размышления. Его до крайности серьезное лицо выглядело хмурым, между бровей залегла глубокая складка, напряженный рот то и дело жевал сигарету. Мужчина довольно часто растирал пальцами виски, едва не опаяя волосы тлеющим табаком. Глядя на него, я поняла, что не хочу, чтобы он уходил. Не сейчас, не сразу. Само собой, я хотела спросить о расследовании, но дело было не только в этом. Мысли об этом мужчине рождали трепет и легкое волнение, где-то в животе распускались шелковые бутоны, которые заставляли меня дрожать изнутри.

— Не хотите прогуляться, инспектор? — спросила я.

Мистер Аддерли поднял голову, заметил меня и отчего-то смутился. Попытался спрятать сигарету, но, осознав, что это глупо, перестал метаться. Его движения показались мне забавными, и я улыбнулась. Искренне, от души. Инспектор криво усмехнулся и кивнул, дожидаясь, пока я поравняюсь с ним, чтобы идти рядом.

Весеннее солнце улыбалось нам с неба, подмигивая то одним, то другим лучиком. Щебет птиц стал громче, стоило войти в лес. Кеб инспектор отпустил, поэтому мы остались совсем одни. Молчание рядом с мистером Аддерли не тяготило и было даже приятным. Мне нравилось ощущать присутствие этого мужчины, нравилось видеть на его лице робкую улыбку, нравились его неловкость и смятение. Все это не лишало инспектора мужественности, и я все еще чувствовала его внутреннюю мощь, волю и уверенность в себе.

— Как продвигается расследование? — осторожно задала я волнующий меня вопрос.

— Медленно, — вздохнул инспектор. — Мы все еще не поняли, как убийца проник в магазин ювелира, а потом вышел, не оставив следов.

— А если мистер Оддеркот сам впустил его? Если он его знал и не ждал нападения?

— Но это не объясняет, как убийца вышел, оставив все двери закрытыми изнутри, — ответил Аддерли. — Те портреты, что мы с вами нарисовали, были показаны всем констеблям, которые патрулируют город, но только один из них смог сказать хоть что-то более или менее полезное. Одноглазый довольно приметный, поэтому не высовывается, но все же человека, очень похожего на него, видели раз или два в одном из... — Инспектор бросил на меня быстрый взгляд. — Как бы это выразиться... в одном из значных мест в районе каменщиков.

Так называли рабочий район, где жили в основном каменщики. Несколько лет назад там обосновались и железнодорожники. Не самый бедный район, но и не престижный, мягко говоря. Я слышала об этом месте и о его пабах, и о притонах с девицами, и об игровых домах.

— В пабе? В игровом доме? — спросила я, чем вызвала удивление мистера Аддерли. — Мне приходилось... доводилось... ну, в общем, это не важно.

Впервые я подумала о том, что, наверное, некоторые вещи из скитаний моего прошлого я бы не хотела рассказывать этому человеку. Не только сейчас, никогда.

— Вы не перестаете меня удивлять, — улыбнулся инспектор без тени упрека или намека на какие-либо домыслы с его стороны. — В вас есть что-то... загадочное, что-то... таинственно-привлекательное.

Я подняла на мужчину взгляд и вдруг оказалась в плену его выразительных глаз. Сердце подпрыгнуло, разогнав ворох приятных мурашек по всему телу. На миг мне стало страшно даже дышать. Эти серые глаза согревали душу и давно уже одинокое сердце. Я ощутила неудержимое желание коснуться его лица и почувствовать тепло гладко выбритой щеки. Взгляд инспектора медленно спустился к моим губам, а я выдохнула и застыла, боясь спугнуть очарование момента. Буря внутри меня нарастала, клокотала и будоражила, пробуждая ото сна все самые нежные чувства. С ветки вспорхнула птица, и мистер Аддерли моргнул, а потом чуть отступил.

— Так о чем мы? — Он прошелся ладонью по волосам и кашлянул. — Да, о пабе. Поговаривают, что этот самый одноглазый

бывает там изредка по вечерам. Я наведывался туда уже дважды, сегодня снова пойду.

— Вы? — удивилась я. — Так вас наверняка уже давно заметили. Ваши манеры и щегольская стрижка, этот костюм...

Я обрисовала рукой его фигуру в воздухе, чтобы он обратил внимание на свой внешний вид. Мне действительно приходилось бывать в пабах, и одетых с иголки господ я там никогда не видела. Хотя, конечно, пабы бывают разными, но что-то мне подсказывало — в том, куда заходит одноглазый, господ не увидишь.

— Мне хватило ума сменить костюм на одежду каменщика, мисс Хоггарт!

— А манеру говорить, походку, взгляд? Вы тоже сменили?

Инспектор Аддерли смерил меня таким взглядом, что я подняла руки кверху, будто сдаваясь, и улыбнулась. Странно, что он сегодня так спокойно говорил со мной о деле, и не отмахивался от меня, и не насмехался. Возможно, поверил мне? Я тут же себя одернула, не стоило забегать вперед с выводами. А вдруг он все еще считает меня причастной и поэтому так ведет себя, чтобы усыпить мою бдительность, если я преступница? Эта мысль заставила меня потряхнуть головой.

— Что такое? — заметив это, спросил инспектор.

— Нет-нет, ничего. Значит, одноглазый периодически появляется там? Это хорошо. Требуется терпения, но если иного выхода нет...

— Да, — не сразу понял мой настрой инспектор, — он не просто грабитель, ему хватает мозгов не светиться и не мозолить глаза горлопанам из пабов и игорных домов... Ой, простите, иногда я выношу жаргон из здания полицейского участка.

Жаргон не резал мне слух, и, насколько я могла судить, у инспектора неплохо и довольно естественно получалось выражаться, как принято на не самых благополучных улицах Вичпорта.

— Хорошо, — улыбнулась я. — А выяснить, где он живет, не удалось?

— Нет, как я понял, он неразговорчив.

— Ясно, — протянула я задумчиво.

— О, нет-нет-нет! — замотал головой инспектор и остановился. — Знаю я этот ваш взгляд. И думать не смейте!

— Что такое? — изобразила я невинность.

— Даже не думайте идти в этот паб! Я вам категорически запрещаю! — Он прикрыл глаза и сделался совершенно несчастным. — И кто меня за язык тянул?

— Не беспокойтесь, инспектор, я не создам вам проблем!

— Это означает, что вы не пойдете в паб?

— Не пойду, — улыбнулась я, понимая, что вступать с ним в неравный бой нет смысла. Ответ инспектора очевиден. Он точно не поддастся на уговоры, поэтому действовать придется по-своему.

Глава 8

ОДНОГЛАЗЫЙ ГАРРИ И СУТУЛЫЙ МО

— Ты уверена?

Уиннифред сидела на моей кровати и с любопытством наблюдала за тем, как я готовлюсь к чистой воды авантюре. Подруга не отговаривала меня, но и не сказала, чтобы поддерживала. Я открыла створки шкафа и залезла в него с головой. Нужный мне сверток лежал у дальней стенки. Я так и не решилась выбросить одежду, в которой пришла в пансион более двадцати лет назад. Даже старенькие прохудившиеся ботинки приберегла. Не знаю почему. Возможно, мне хотелось сохранить хоть какую-то связь с прошлым. Поскольку я не ответила Фредди, она задала новый вопрос:

— Почему ты считаешь, что справишься лучше, чем этот твой инспектор?

— Во-первых, он не мой! — ответила я и бросила на подругу выразительный взгляд, на что она скептически скривилась. — Во-вторых, на нем слишком много лоска и это не скроешь, а я не просто видела, как живут бедные люди, я некоторое время жила среди них.

— Звучит немного самоуверенно, тебе не кажется? Я не думаю, что мистер Аддерли настолько глуп, да и ты так не считаешь.

Я нахмурилась, обдумывая ее слова. Я действительно не считала себя умнее инспектора, но очень хотела воспользоваться собственным опытом. С каждой минутой идея, посетившая меня при разговоре с мистером Аддерли, нравилась мне все больше.

— Как любая женщина, я чуть более внимательна к определенным деталям, чем мужчина, и, на мой взгляд, нужно говорить как раз таки с женщинами!

— Что ты хочешь этим сказать? — насторожилась Фредди.

— Этот человек не настолько богат, чтобы позволить себе жилье с собственной прачечной! Я хочу пройтись по прачечным в районе каменщиков. Внешность у него приметная, кто-то из прачек, может, и подскажет, — рассуждала я, спрятавшись за ширмой и стягивая юбку.

— Ну а если у него есть семья? А если его жена стирает одежду?

— Ну... — Я высунула голову и посмотрела на подругу, — тогда я не угадала и прогулка будет напрасной. Но попытаться-то стоит?

— Хорошо, — согласилась Уиннифред, — предположим, ты права, но с чего бы прачкам рассказывать тебе о своих клиентах? Да, и что ты скажешь? Зачем ищешь одноглазого?

Я облачилась в старое платье, как в другую кожу, и почти сразу почувствовала себя напуганной и незащищенной, как в то время, когда носила его. Неприятно, но эти чувства могут оказаться полезными.

— Буду импровизировать! — Я вышла из-за ширмы и покрутилась, давая подруге возможность рассмотреть меня хорошенько.

— Знаешь, — начав с носков туфель и закончив осмотр на моем лице, сказала Фредди, — ты меняешься прямо на глазах. Я прежде никогда не видела тебя такой увлеченной, сияющей, такой деятельной. Твои глаза горят и передо мной будто совсем другой человек! Девушка, которая больше не боится, которая открылась этому миру и смело шагает навстречу судьбе! Такая ты нравишься мне даже больше!

— Правда? — спросила я совершенно искренне и присела рядом с подругой. — Ты правда так считаешь?

— Мне кажется, что ты и была как раз такой, как сейчас! Ну, тогда, еще до того, как оказалась во льдах. Я думаю, что вот эта новая ты и есть настоящая!

— Да. — Я улыбнулась, отводя глаза. — И чувствую себя иначе! У меня в душе будто кто-то расправил крылья! Захотелось жить по-другому. Нет-нет, я все еще люблю свою работу и девочек... но этого стало мало, понимаешь? Я больше не хочу быть затворницей. Мне все еще страшно, и я все еще злюсь, что прошлое скрыто, но мне надоело жить, повинувшись этому страху, давая ему власть надо мной и моим будущим! Я хочу просто жить, Фредди! Понимаешь?

— Понимаю, — улыбнулась подруга, — и полностью тебя поддерживаю!

Я поблагодарила ее и попросила помочь завязать ленты передника. На мне было простенькое, выдавшее виды платьице из грубой, немного колючей материи грязно-серого цвета. Я неоднократно штопала его, а некоторые пятна уже не отстирывались.

Передник почти ничем не отличался от платья, поэтому образ получился очень убедительным.

— Скажи-ка мне, Ада, — попросила Фредди, когда мы обе взглянули на меня в зеркало, — а вот эти вот чудесные перемены, что случились с тобой, никак не связаны с неким инспектором полиции?

Мое лицо тут же вспыхнуло, что не укрылось от внимания Фредди. Она улыбнулась и обняла меня.

— Не знаю, — сказала я, глядя на подругу в зеркало, — я не очень хорошо понимаю, что со мной происходит. Мне нравится его общество, и я порой теряюсь в его глазах, но не слишком ли это скоро? Мы ведь едва знакомы! И не кажусь ли я тебе легкомысленной?

— Я видела, как ты смотришь на него! И как он смотрит на тебя.

Уиннифред мягко взяла меня за плечи и развернула к себе. Она поправила выбившуюся из небрежной прически прядку, ласково коснулась моей щеки и снова улыбнулась:

— Милая, ты так долго была совсем одна. Мы, то есть я, миссис Баррингтон и прочие обитатели пансиона, безусловно, чудесная компания и всегда будем близкими тебе людьми. Даже миссис Элмерз!..

После этих слов мы обе рассмеялись, а потом подруга снова стала серьезной.

— Мы есть и всегда будем твоей семьей, но мужчина — это совсем другое! Если этот мистер Аддерли нравится тебе, в этом нет ничего плохого и уж тем более удивительного. Я не говорю, что нужно мгновенно поддаваться чувствам, но и отмахиваться от них не стоит. Пусть все идет своим чередом, жизнь сама расставит все по местам!

Я приобняла подругу в ответ на ее теплые слова и снова посмотрела на себя в зеркало. Очевидно, что я еще не совсем похожу на работающую женщину, ведь мои руки и лицо, а также волосы были слишком чистыми и ухоженными. Очень медленно, постоянно озираясь по сторонам, будто заговорщики, мы с Фредди добрались до спален учениц и постучались в нужную дверь. В этой комнате жили Инди Крамер, Каролина Кэри и маленькая Молли. Инди немного удивилась, но уже через секунду шире распахнула дверь, впуская нас.

— Молли, — позвала я тихонько девочку.

Моя самая маленькая ученица сидела возле кровати Каролины и будто проверяла, дышит ли она. Я немного встревожилась, но Инди

успокоила меня:

— С Каролиной все хорошо, она задремала перед ужином, просто мы... переживаем немного...

— Молли, милая, ты не могла бы мне помочь? — спросила я девочку, после того как проверила Каролину, та спала мирным сном и выглядела прекрасно.

— Конечно, мисс Хоггарт, — с готовностью отозвалась юная мисс Пейдж.

Я склонилась к девочке и прошептала несколько слов. Она сначала немного удивилась, а потом осторожно кивнула. Молли обладала интересным даром — менять внешний вид вещей. До этого момента многие девочки считали его бесполезным, но я никогда так не думала, а сейчас и вовсе убедилась в своей правоте.

Молли нахмурила бровки, сосредотачиваясь, и закусилась нижней губой. Она очень волновалась, но в ее способностях я ни на минуту не усомнилась. Мне стоило лишь вытянуть руки вперед, как кожу закололо и стянуло, будто я намочила ладони, а потом подставила ветру. Руки покраснели, потрескались и тут же зачесались. Неприятное дополнение к натуральности вида. Я заметила, как Фредди восторженно посмотрела на мои волосы. Это заставило меня повернуться к зеркалу. Теперь я выглядела как надо: чуть покрасневшее лицо, тусклые, взлохмаченные волосы и руки как у истинной кухарки или прачки.

— То, что нужно, Молли! — воскликнула Уиннифред. — А теперь со мной!

— Это еще зачем? — развернулась я к подруге.

— А ты думала, я тебя одну отпущу? Ты же не станешь спорить, что мне не нужна специальная подготовка, чтобы научиться говорить как надо? — С этим я и правда спорить не стала. — Только вот зачем ты платье меняла, не пойму? Можно было и его заколдовать.

Я неопределенно кивнула, не желая объяснять, что, надев именно это платье, я и ощущения нужные получила. Оно лучше всякого колдовства могло вернуть меня в то время и к тем людям. Еще через несколько минут Фредди и я были полностью готовы.

— Как только понадобится, — сказала Молли, — произнесите обратное заклинание и колдовство рассеется. Оно несильное, но надежное.

— Спасибо, Молли. — Я потрепала девочку по голове и благодарно улыбнулась.

— Мисс Хоггарт, это как-то связано с камнем, который принес инспектор? — тихо спросила Инди. — Вы помогаете ему с расследованием?

Мы с Уиннифред переглянулись, и обе разом поняли, что обижать девочек ложью не станем.

— Да, мы бы хотели помочь инспектору в его расследовании, — ответила я. — В этом деле замешано колдовство, а значит, одному ему не справиться.

— Вы ведь скажете, если вам потребуется еще какая-нибудь помощь? Мы уже взрослые и тоже на многое способны! — заверила меня Инди.

— Я знаю, спасибо. Обещаю, если ваша помощь будет нужна, я непременно обращусь за ней!

Район каменщиков и железнодорожников был одним из самых старых в городе. Первый и чуть ли не единственный в стране кирпичный завод построили именно в этой части Вичпорта, а уже вокруг него разросся сначала деревянный, а потом и кирпичный район каменщиков. Позже буквально сквозь него, разделяя это место на две половины, прошла железная дорога, по которой кирпич отправляют в другие города Аврии. Железнодорожники заселялись медленно и очень осторожно, поскольку каменщикам такое соседство было не по нраву. Новые жильцы района зарабатывали больше и частенько ущемляли интересы каменщиков, что вызывало конфликты и даже драки и по сей день. Эта часть города считалась хоть и не самой гиблой, но и не спокойной. Люди здесь обитали с характером — сильные, грубые и прямые, как рельсы.

— Забудь о манерах, говори прямо, держись вольно... — тихо сказала я подруге, когда мы оказались в сердце района.

— В общем, быть собой? — спросила Фредди и громко рассмеялась.

Ее смех привлек внимание, но никого не удивил. Здесь люди открыто выражали чувства и не боялись смутить кого-то своим поведением. Моя спутница держалась вполне раскованно, ничего не страшилась, но с любопытством разглядывала район и его обитателей.

Я обратила внимание, что Фредди нравится эта авантюра, о чем тут же спросила.

— Конечно, — ответила она, — ведь самое интересное только начинается!

Как оказалось, прачечных здесь было всего три: две дешевые в разных частях района и одна подороже, как мы поняли для железнодорожников. Первая попытка не удалась, за долгие годы я растеряла навыки общения с простыми людьми и постоянно извинялась, мямлила и запинаясь. Очень неожиданно. Женщина, с которой мы говорили, смотрела на меня как на припадочную, таких здесь сторонились. Спасибо Фредди, она спасла положение и смогла добиться ответа. Одноглазого здесь не видели, таких клиентов у них точно не было.

— Кто-то говорил, что это в инспекторе много лоска! — громким шепотом отчитала меня подруга, утаскивая за локоть подальше от явно что-то заподозрившей женщины. — Да ты только в ноги ей не поклонилась!

— Прости, — выдохнула я, когда мы скрылись за поворотом. — Не знаю, что на меня нашло. Я растерялась.

— Ладно, что уж там, — ответила Фредди. — Хорошо еще, что она товарок своих не позвала и не погнала нас мокрым бельем.

Уиннифред нисколько не растерялась, и эта ситуация по меньшей мере забавляла ее. Жизнь моей подруги хоть и немного разнообразней моей, но все же назвать ее увлекательной было никак нельзя.

Следующая прачечная, что встретилась по пути, оказалась подороже. Мы через проулок вышли во двор, где несколько женщин развешивали белье. Огромные белые полотна развевались на ветру, а усталые женщины снова и снова нагибались к огромным корзинам, чтобы извлечь очередную партию. Стало немного стыдно, ведь мои руки только выглядели так, словно постоянно находятся в воде и распухают от жуткого мыла, которое варят где-то неподалеку.

Все прачки были одеты одинаково: неприметные платья серого или коричневого цвета, мокрый передник и косынки, из-под которых волосы все равно выбивались и падали на лицо. Я засмотрелась на одну из женщин. Она была еще молода, примерно как мы с Фредди, конечно, если от моего возраста отнять лет сто двадцать, а то и сто двадцать пять. Один край ее юбки совсем вымок, поэтому она задрала

его кверху и засунула за пояс, обнажая стройные ножки, которые, кстати сказать, тоже были немного припухшими от постоянной влаги и усталости. Женщина медленно разогнулась и приложила покрасневшую ладонь ко лбу. Несмотря на усталость, она улыбнулась, увидев другую женщину, чуть старше и пониже ростом.

— Эй, Люсия! — окликнула она. — Ну как, твой Монти ошастливил тебя вчера? Он ведь вечером вернулся из столицы?

Женщина, привлекая мое внимание, перевела взгляд на подруг и подмигнула им, а потом они все вместе рассмеялись. Не нужно было быть семи пядей во лбу, чтобы понять, о чем она спрашивала. Фредди чуть слышно присвистнула, наблюдая за прачками.

— Да щас, — ответила та, у которой спрашивали, — этот мерзавец попросил сначала жрать, а потом отправился в паб, чтобы пропить все заработанное с такими же лоботрясами, как и он сам!

— Но ты же успела урвать свое? — спросила полная женщина, которая закончила развешивать последнюю простыню.

— А то как же! Велела Робби стащить у отца треть заработка, пока он ужинал. После двух пинт он уже и не помнит, сколько прогулял.

— Ох и нарвешься ты однажды, Люсия! Узнает Монти и отлупит тебя, как тогда, когда ты за ним слежку устроила! — со смехом сказала все та же молодая.

— А что же мне прикажешь делать, Анна? Я спины не разгибаю, а этот боров пьет не просыхая! Чем детей кормить?

— Говорила я тебе, — присоединилась к разговору еще одна прачка, — улыбнись лишний раз мистеру Коулу, дай себя потискать, он тебе тут же жалованье повысит!

Громкий, заразительный смех прокатился по двору. Та, кого называли Люсией, сначала насупилась, а потом тоже не выдержала и поддалась всеобщему веселью.

— Ох и дура же ты, Марла, — сквозь смех сказала она.

— А что? Ему все равно большего и не надо! Стручок-то высох давно, а потрогать он завсегда рад! С тебя, чай, не убудет, а монетка на пользу пойдет!

И снова женщины от души рассмеялись, но при этом работы своей не бросили. Они упорно трудились, но не забывали отдыхать, пусть не физически, но душевно. В этом разговоре не было ничего

злого или обидного, они просто привыкли называть вещи своими именами, не пряча суть за высокопарными речами. Фредди тут же поддавалась настроению и незаметно влилась в беседу:

— Эй, подруги, — улыбаясь, окликнула она женщин, — помогите еще одного мерзавца отыскать!

Женщины разом обернулись и некоторое время с подозрением присматривались к нам, но, разглядев хорошенько, кто перед ними, расслабились.

— Что за мерзавец? — прищурилась Люсия.

Уиннифред вышла чуть вперед и будто слилась с обстановкой. Мне даже показалось, что здесь она больше своя, чем я, хоть сама когда-то подрабатывала прачкой.

— Да есть один, обрюхатил мою подругу, — кивнула она на меня.

Я едва сдержалась, чтобы глаза не округлить и не выразить протест. Что ж, надо вживаться в роль. Раз не получилось стать той, кто сможет разговорить этих женщин, придется изобразить жертву. Мне приходилось видеть несчастных девушек, которых использовали и бросали. А Фредди тем временем продолжала:

— Эта шваль попользовался ею и думать забыл, а теперь ее отец требует, чтобы она из дома убралась.

— А чего к нам-то пришли? — спросила та, что предложила Люсии интересный приработок.

— Так мы смекнули, что где-то же должна эта гнида свое белье стирать да пинжаки с портками. Мы по пабам его караулили, в одной прачечной уже были, только проку нет. Может вы чем подсобите, а?

Я чуть не поперхнулась, услышав все эти словечки из уст подруги. Хорошо, что голова моя была понуро опущена. Для убедительности всхлипнула и скомкала юбку.

— Эх, бедолажка, — сочувственно сказала молоденькая, — что ж ты каждому стервецу доверяешь-то? Он небось золотые горы обещал?

— Обещал, — согласно кивнула я. — Сказал, что я одна ему нужна, что заберет меня у отца, а сам...

— А как выглядит этот твой поганец? — спросила Люсия, которая поставила корзину и подошла ближе.

— О, он приметный, — ответила Фредди. — Глаз у него один разворочен.

Женщины на миг застыли, а потом испуганно переглянулись. По их лицам я сразу поняла, что они знают, о ком речь. Однако испуг дал мне понять, что говорить они вряд ли станут.

— Не знаем мы такого, — ответила молодая и демонстративно нагнулась за очередной простыней.

Сердце мое заколотилось в груди как безумное. Я знала, видела, что она соврала. Смех стих, веселость разом исчезла с их лиц. Каждая вернулась к своему занятию.

— Шли бы вы своей дорогой, — негромко сказала Люсия.

— Да как же так! — в сердцах возмутилась Фредди. — Как же это? Вы же сами знаете, каково это всю жизнь одной горбатиться! Знаете, что такое нищета и голод! Помогите, а? Вижу же, что знаете, о ком говорю!

Женщины снова переглянулись. Они хмурились и не прятали страха, но и помочь искренне хотели.

— Помогите отыскать его, — взмолилась я, ощущая, как слезы сами собой потекли из глаз. — Я не скажу, что от вас узнала. Клянусь, не скажу!

Уж не знаю, что именно они увидели на моем лице и что именно их убедило — мои слезы или слова, но Люсия кивнула молодой и та подошла ближе.

— Если скажешь, что я проболталась, — найду и волосы повыдергиваю! — предупредила она. — Если одноглазого Гарри ищешь, то живет он с дружкой своим сутулым Мо в квартирке на Красной улице. Дом семнадцать. Но не советовала бы я тебе искать его. Не будет толку, сама небось знаешь. Пришибет он тебя, как пить дать, и имени твоего назавтра не вспомнит. И как только угораздило тебя связаться с ним? Глупая.

И было что-то в ее голосе, что заставило меня поверить. По спине тут же холодок пробежал, но вместе с ним пришла едва сдерживаемая радость. Мы нашли его! Мы справились! Фредди рассыпалась в благодарностях и заверениях, что никто из нас ничегошеньки не скажет «поганцу» и «стервецу», а потом подхватила меня под руку и повела прочь. Некоторое время мы шли молча, погруженные каждая в свои мысли, но, когда прошел первый восторженный порыв, я остановилась и повернулась к подруге.

— Что это были за словечки?

— Обычные словечки. — Она пожала плечами. — Они все разве не так говорят?

— Они-то так, а вот ты откуда их знаешь? — Я приподняла брови и уперлась руками в бока, едва сдерживая нервный смех.

— Я недавно видела, как каменщики вагоны разгружали, — улыбнулась Фредди. — До ужаса хотелось повторить, вот и пригодилось.

Я посмотрела в ужасно довольное лицо подруги, и мы расхохотались. Как же на душе хорошо от того, что Фредди была рядом. Моя самоуверенность могла сыграть со мной плохую шутку. Нужно будет извиниться перед инспектором.

— Итак, что дальше? Сообщим мистеру Аддерли? — спросила Фредди.

— Красная улица совсем недалеко. Может, сами посмотрим? А вдруг это совсем не тот одноглазый?

— И какова вероятность, что в Вичпорте на один район два одноглазых? — недовольно спросила Фредди.

— Ты забыла, что это за район? — спросила я и направилась дальше. — Мы только посмотрим, обещаю!

Над городом сгущались вечерние сумерки, люди возвращались с работы, лавки закрывались на ночь, а пабы и прочие зланные места, наоборот, оживали. То тут, то там у входов уже собирались усталые мужчины, которые жаждали промочить горло и пожаловаться друг другу на судьбу. Странно, но только теперь мои воспоминания вернулись с новой силой. Только в эту минуту, когда трудовой день подходил к концу, я вновь ощутила себя той потерянной девушкой, что скиталась по городам и перебивалась любым доступным заработком. Я была и прачкой, и кухаркой, мыла полы в пабе, убирала за скотиной. В то время я считала, что Огюст не остановится, пока не найдет меня, поэтому выбирала многолюдные места, где работники надолго не задерживаются, чтобы хозяева не запомнили всех, кто когда-то у них служил. Мне казалось, что это верное решение. Я нервно оправила платье и дернула воротник, ощутив желание снять эту одежду и больше не надевать. Среди знакомых голосов подвыпивших завсегдатаев пабов, городской вечерней суеты и болтовни женщин, встретившихся после тяжелой смены, стало неудобно.

— Вот он, — прошептала Уиннифред, — дом номер семнадцать. — Что будем делать? Просто ждать?

— Давай попробуем, — попросила я, — немного, не больше часа. Вдруг повезет?

— Что ж, давай попробуем.

Мы задержались на углу и сделали вид, что просто повстречались на улице случайно и решили поболтать. Так прошла четверть часа, потом и половина. Над нами зажегся, чуть ли не единственный поблизости наполовину разбитый фонарь. Моя подруга занервничала.

— Слышишь странный гул позади? — спросила она.

Я прислушалась, но ничего не услышала и отрицательно мотнула головой, продолжая смотреть на дверь дома номер семнадцать.

— Что-то странное, будто топот и разговоры. Толпа! — громким шепотом воскликнула она, и я тоже наконец услышала. — Надо убираться отсюда. Ты же знаешь, что здесь часто бывают беспорядки.

Я снова бросила взгляд на дверь, понимая, что подруга права. Очень жаль не довести дело до конца, но и рисковать напрасно не было смысла. Гул нарастал, толпа приближалась. Вокруг нас уже начали собираться каменщики. Их можно было узнать по вечно покрытой кирпичной пылью одежде, по закатанным рукавам и запыленным волосам. Фредди потянула меня за руку, но я обернулась напоследок, все еще надеясь, что увижу тех, кого искала. И не напрасно. Как по волшебству дверь открылась, и на пороге показались двое. Я отдернула руку и сделала шаг по направлению к нужному дому, чтобы рассмотреть мужчин.

— Вот они! — вырвалось у меня, когда я убедилась, что передо мной те самые преступники, что убежали от констеблей в ночь, когда моя жизнь изменилась.

Не знаю, как так вышло, но одноглазый будто услышал меня, хотя говорила я негромко, да и мужчины были достаточно далеко. Он тоже сделал шаг и присмотрелся. Внутри колыхнулся ужас, будто его единственный глаз смотрел мне прямо в душу и уже знал, кто именно перед ним.

— Уходим, Ада, — сказала Фредди, тоже заметив интерес Гарри, — быстро!

Далеко уйти мы не успели. Прямо на нашем пути в мгновение ока образовалась стычка между каменщиками и железнодорожниками. Бог

знает, из-за чего она началась на этот раз, но было очевидно, что не возражали ни те ни другие. Мы с Уиннифред оказались прижатыми к стене. Мужчины были вооружены дубинками, железными прутьями и прочим доступным оружием. Они, как большая волна, нахлынули стремительно и заполнили собой всю улицу.

Я поняла, что мы можем пострадать, поэтому выставила щиты и начала продвигаться сквозь толпу. Фредди тоже усердно работала локтями, чем немало удивила меня. Сейчас моя подруга уже совсем не выглядела напуганной. Видимо, дерущаяся толпа была не такой страшной, как одноглазый Гарри.

Внезапно со всех сторон послышались полицейские свистки и голоса констеблей, разгонявших толпу. Полицейские хватали всех подряд без разбора. Фредди попыталась отбиться от одного из железнодорожников, который хотел скрыться, но налетел на нее. В этот момент нас и схватили констебли.

— Не говори ни слова, — шепнула мне подруга. — Пусть думают, что мы прачки, не хватало еще миссис Баррингтон опозорить.

В ближайшем полицейском участке нас рассадили по камерам. Каменщиков и железнодорожников разделили, чтобы они и здесь не устроили погром. Мы с Фредди попали в камеру к женщинам. Она оказалась ближе всех к столам констеблей.

Я осторожно разглядела участок. Он был небольшим — на пару десятков констеблей, не более. Здесь имелась пара кабинетов для начальства и несколько столов, шкафы с картотеками и стойка для приема жалоб. Ничем не примечательный участок. Слава богу, что здесь не располагались детективы-инспекторы, да и никакие прочие инспекторы тоже.

Ночь показалась нам холодной и промозглой, но как мы ни пытались объяснить констеблям, что просто возвращались домой, нас никто не отпустил. Тот полицейский, который нас забрал, уверял, будто видел, как Фредди участвовала в беспорядках и не была похожа на напуганную происходящим жертву обстоятельств. Скверно.

Ближе к рассвету я услышала знакомый голос:

— Констебль Броней, определите этих двоих. Они устроили поножовщину в пабе!

— Принесла нелегкая, — проворчала Фредди, глядя на мистера Аддерли. — Не приведи господь, узнает, разноса не избежать!

В этот момент я была абсолютно согласна с мнением подруги, поэтому отвернулась и попыталась сделаться совершенно незаметной.

— Открывай, — прозвучал совсем рядом голос, и я съежилась.

Звякнули ключи, и дверь соседней камеры открылась, а потом с тем же скрипом закрылась.

— А это что за женщины? — спросил инспектор, и я поняла, что все пропало.

— Вон те — проститутки, — пояснил дежурный констебль, — та украла одежду с веревки, а эти две участвовали в потасовке. Правда, они утверждают, что просто домой возвращались, и один из парней на них налетел.

Этот констебль, похоже, верил нам, поскольку в голосе его прозвучала мягкость.

— Так выпустите их. У них наверняка семьи, дети!

— Сержант не велел!

— Под мою ответственность, — ответил Аддерли, и теперь уже дверь нашей камеры отворилась.

— Эй, вы! Выходите! — прокричал констебль.

Фредди скривилась и, опустив глаза, поднялась с лавки, я последовала за ней. Деваться-то было некуда. Мы попытались проскользнуть мимо инспектора, а констебль пошел оформлять наше освобождение.

— Мисс Хоггарт? — громким шепотом окликнул меня Аддерли и схватил за локоть.

Я подняла голову и встретила полные недоумения серые глаза инспектора. Сказать, что он был удивлен, — ничего не сказать. Дар речи временно покинул мужчину, но я видела, как меняется выражение его лица. И эти перемены ничего хорошего ни мне, ни Фредди не обещали.

— Прежде чем вы начнете ругаться, инспектор, — гордо сказала я, — знайте, что мы, в отличие от вас, нашли одноглазого!

Молнии сверкнули в глазах инспектора, и я невольно съежилась.

Глава 9

ОПАСНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Инспектор Аддерли нервно постукивал пальцами по деревянной стойке, пока констебль заполнял бумаги. Мы с Фредди наблюдали за тем, как он пыхтит и сдерживается, чтобы не отчитать нас прямо на глазах у всех обитателей участка. Это приключение запомнится мне навсегда, и теперь можно даже сказать, что оно было забавным, но я рада, что все закончилось. Мистер Аддерли оставил размашистый росчерк на каком-то бланке и, кивнув нам с Уиннифред, поспешил покинуть участок. Шел он стремительно, твердой походкой, вынуждая нас семенить за ним, едва поспевая.

Инспектор не сказал ни слова, но это стоило ему немалых усилий, о чем свидетельствовали сжатые кулаки и редкие передергивания плечами. На улице почти рассвело, вот-вот горожане проснутся и начнут собираться кто куда. Вичпорт оживал рано. Инспектор вывел нас из района каменщиков, а потом взял брум. Извозчик посмотрел с подозрением, поскольку и сам мистер Аддерли был одет, как и говорил, в простую рубаху и штаны на подтяжках. Похоже, он дежурил в пабе, ожидая одноглазого Гарри. Как его только в участке узнали? Возможно, констебли привыкли к тому, что инспекторы совершают подобные вылазки.

Брум остановился недалеко от той самой улицы, где находился ювелирный магазин мистера Оддеркота. Покойного мистера Оддеркота. Мистер Аддерли вышел, помог нам с Уиннифред и направился к стеклянной двери изысканной кофейни, на которой висела табличка «закрито».

— Инспектор, — робко обратилась я к нему, — еще ведь закрыто.

— Вы наверняка голодны, — сказал он, заглядывая мне в лицо и немного морщась. Я и забыла, на кого мы с Фредди похожи. — Я, признаться тоже. Поговорим за чашкой кофе.

Инспектор негромко постучал в стекло. Спустя несколько секунд в зале кофейни зажегся свет, и за стеклом показалось лицо пожилого мужчины, который сначала прищурился, разглядывая гостей, а потом улыбнулся и открыл дверь.

— Артур! — воскликнул он, и я впервые услышала имя мистера Аддерли. — Проходите скорее!

Инспектор повернулся ко мне и слегка поклонился, пропуская вперед. Хозяин если и удивился, то вида не подал, радушно поприветствовав и нас.

— Сью! Милая, посмотри, кто к нам пришел!

Из двери за узорной витриной, которая еще пуста, но вскоре наполнится свежей выпечкой, вышла молодая женщина с очень выразительными голубыми глазами и соблазнительными формами. Она выглядела чуть старше нас с Фредди, ей можно было дать примерно двадцать восемь или двадцать девять лет. Женщина была очень красивой, и стоило ей увидеть инспектора, как она стала еще привлекательнее; будто засветилась изнутри, засияла искренней радостью.

— Здравствуйте, Артур! — воскликнула Сью, и я заметила, как блеснули ее глаза, которые уже больше ничего не видели, кроме привлекательного лица мужчины.

— Здравствуйте, Сьюзен, — довольно сдержанно ответил инспектор. — Прошу прощения за вторжение, но у меня и моих спутниц была очень тяжелая ночь и ваш чудный пирог с мясом и кофе были бы как нельзя кстати.

— Ну что вы, Артур, вы знаете, как мы рады вашим визитам, — ответил хозяин.

— Позвольте вам представить, — повернулся к нам мистер Аддерли, — мисс Хоггарт и мисс Чапман мои... — Инспектор замешкался, вероятно не представляя, какой статус придать нашим взаимоотношениям. — Помощницы в расследовании. А это мистер Фултон и его дочь Сьюзен, которые своей безмерной добротой часто спасают меня от голодной смерти.

Мы с Уиннифред улыбнулись радушному хозяину. А вот его дочь не была настроена так же доброжелательно. Стоило ей нас заметить, как взгляд стал колючим, придирчивым, будто Сьюзен этим взглядом пыталась выпотрошить нас. В голову пришла внезапная мысль, я тут же перевела взгляд на инспектора. Дочь хозяина была влюблена в него, и то, что он заявился к ним в кофейню не один, ей очень не понравилось. Однако пробежав взглядом по нашим лицам и одежде, женщина будто расслабилась. Представляю, как мы выглядели после

такой-то ночи. То, что Сьюзен мгновенно сбросила нас со счетов, вызвало необъяснимое недовольство во мне, поэтому я не стала долго думать. Взяла за руку подругу и произнесла обратное заклинание.

Легкий, освежающий ветерок пробежал по телу и ласково коснулся лица. Да, мое платье осталось прежним, но кожа вновь стала белоснежной и красивой. С волос исчезла пыль, и они сложились в скромную, но аккуратную прическу. Я стала собой, как и Фредди.

Сьюзен ахнула, а потом сделала шаг назад, словно испугалась. Признаюсь, это потешило мое самолюбие. Теперь она не посмеет смотреть на меня как на пустое место. Мистер Фултон вздрогнул и отступил к инспектору, который взглянул на меня с упреком и как можно спокойнее улыбнулся своим друзьям.

— Мои спутницы преподают в пансионе...

— В том самом? — воскликнула Сьюзен, и мне показалось, что она сейчас ринется заслонять собой инспектора, будто мы представляли для него угрозу.

— Что значит — в том самом? — ошетинилась Фредди.

— Сьюзен ничего такого не хотела сказать, — всполошился хозяин кофейни, и я увидела явный страх на его лице.

Возвращая себе естественный вид, я и не подозревала, что все так может обернуться. Моей целью не было напугать этих людей, я лишь хотела, чтобы Сьюзен увидела меня настоящей.

— Мистер Фултон, — обратилась я к мужчине как можно мягче, — прошу прощения, если невольно напугала вас. Мы не причиним вам никакого зла...

Мужчина смутился и снова посмотрел на инспектора, ожидая поддержки.

— Так, — примирительно поднял руки Аддерли, — давайте начнем сначала. Мисс Хоггарт, мой друг ни в коем случае не сделает ничего дурного. Да, они с подругой обладают некоторыми... магическими талантами, но эти таланты вполне мирные.

Мистер Фултон взглянул на меня, и я снова улыбнулась, не скрывая, что чувствую себя виноватой. Сьюзен недовольно смотрела то на меня, то на Аддерли, и, только взглянув на позу инспектора, я поняла почему. Наш спутник выставил руку, будто ограждая меня, а не ее с отцом.

— Простите... — начал старик.

— Так, хватит извинений для одного утра, — бесцеремонно перебила его Фредди, — мы очень устали и не спали всю ночь. Инспектор что-то говорил о пироге, и я просто умираю от желания его попробовать.

Простота и открытость моей подруги пришлись по вкусу мистеру Фултону, он тут же кивнул и велел дочери вернуться на кухню, что она и сделала, не скрывая недовольства.

— Итак, — сказал инспектор, присаживаясь за один из уютных столиков, покрытый скатертью василькового цвета, — теперь я бы хотел услышать ваш захватывающий рассказ.

Аддерли устало потер переносицу и несколько раз зажмурился, прогоняя сонливость. В его глазах больше не было осуждения, лишь легкое беспокойство. Фредди подтолкнула меня вперед и кивнула, давая понять, что говорить придется мне. И куда делась ее бойкость? Я выдавила из себя слабую улыбку и аккуратно примостилась на соседнем с инспектором стуле. Выдохнула, уже не ощущая той уверенности, что помогла не ступешеваться в участке. Я взялась за край скатерти и тихо поведала инспектору обо всем, что произошло минувшим вечером, неустанно комкая и тиская ни в чем не повинную ткань.

— Вы обещали мне! — сказал инспектор, и я поняла, что он вновь подавляет злость.

— Я обещала не ходить в паб! — возразила я. — И не пошла.

— Но вы все равно умудрились сделать все по-своему, да еще и подругу втянули, — развел руками инспектор.

— Я сама втянулась, не отпускать же ее совсем одну. — Уиннифред тоже присела к столу.

— Вот, — кивнул Аддерли, — вы ведь понимали, что это может быть опасно, зачем вообще сунулись в этот район?

— Но ведь это дало плоды! Мы ведь нашли его, и даже ИХ, обоих нашли. Одноглазого зовут Гарри.

— Вы уверены, что это именно он? — очень серьезно спросил инспектор.

— Да, он смотрел на меня прямо как вы сейчас, я его узнала.

— Он смотрел на вас? — переспросил Аддерли, а потом закрыл лицо ладонью и потер его. — Он мог вас узнать?

— Н-н-нет... не думаю, — растерялась я и посмотрела на Фредди, которая тут же испугалась, осознав, к чему клонит инспектор. — Вы нас не сразу узнали, а он видел меня мельком, поздно вечером в темноте...

— Мисс Хоггарт, когда вы уже поймете, что все это не шутки? — повышая голос, спросил Аддерли.

В этот момент из кухни вышла Сьюзен с ароматным пирогом на широком блюде. От золотистой узорной корочки поднимался пар, а аромат распространялся по кофейне просто умопомрачительный.

— Мисс Хоггарт, посмотрите на меня, мисс Хоггарт! — недовольно позвал инспектор. — Я настоятельно прошу вас больше не делать ничего подобного! Прошу, пообещайте мне!

Что-то в голосе инспектора заставило меня отвести глаза от чудесного пирога с мясом и посмотреть ему в лицо. На нем я увидела тревогу, неподдельную, такую трогательную, что сердце дрогнуло.

— Вы не можете запретить мне помогать вам, — тихо, только для него одного сказала я и опустила глаза. — Я смогу себя защитить в случае чего, а вы против магии бессильны.

Сьюзен поставила наконец пирог на стол и замерла над нами, на что инспектор не обратил никакого внимания, продолжая смотреть на меня своим проникновенным взглядом. Я заметила, как его рука дернулась в мою сторону, будто мужчина хотел коснуться моих ладоней, сложенных на коленях, но не решился и вместо этого взялся за горемычную скатерть.

— Приятного аппетита, — прозвучал голос Сьюзен над головой.

— Благодарю, — ответила я ей и почувствовала себя глупо. — Очень вкусно пахнет.

— О да! — ответил ее отец, который принес кофе. — Моя дочь готовит самые вкусные пироги в городе. Благодаря этому у нас нет недостатка в посетителях.

Я увидела такую гордость в глазах мистера Фултона, что волей-неволей прониклась уважением к таланту его дочери. На мгновение устыдившись своей выходки, решила присмотреться к женщине получше. В конце концов, я очень хорошо понимала, что так влечет ее к инспектору Аддерли. Не воспылать к нему нежными чувствами довольно сложно, особенно таким одиноким, как я и Сьюзен. Заглянув в ее лицо, я безошибочно уловила эту схожесть между нами.

— Сьюзен, — обратился к женщине Аддерли, — Тимми дома? Отправьте его, пожалуйста, в участок с запиской для констебля Брикмана. — Инспектор перевел глаза на меня. — Нужно установить слежку за домом номер семнадцать.

Женщина принесла инспектору листок бумаги, чернила и металлическое перо. Аддерли написал несколько слов и благодарно кивнул Сьюзен, которая отдала записку мальчику лет десяти и тут же вернулась к столу.

— Так вы верите мне? — осторожно поинтересовалась я.

— А у меня есть выбор? — криво усмехнулся инспектор и сделал долгожданный глоток кофе.

— А почему бы сразу не схватить их? — спросила Уиннифред после того, как Сьюзен положила ей кусочек мясного пирога.

— Исходя из того, что мы знаем о Гарри, он не действует на свой страх и риск или импульсивно, и за ним кто-то стоит. Украсть такое украшение — это половина дела, главное — продать. Сам одноглазый вряд ли обзавелся подобными связями, поэтому я склоняюсь к выводу, что он пытался украсть его для кого-то. Если мы арестуем их сейчас, можем не добиться ответов...

— Вы будете ждать, когда он приведет вас к тому, кто в действительности хотел заполучить кулон? — уточнила я.

Инспектор кивнул, сразу после того как откусил кусок пирога и с удовольствием принялся жевать. Я решила не отставать от друзей и тоже попробовала угощение. Пирог был божественным. Стоило откусить кусочек, и остановиться не хватило сил. Фредди и инспектор Аддерли разделяли мое желание молча продолжить завтрак. Как только я насытилась, тут же ощутила невероятную усталость. Глаза медленно закрывались и еще медленнее открывались, даже кофе не взбодрил. Мне ужасно захотелось оказаться в собственной кровати, под воздушным одеялом, в тепле и уюте.

— Вам необходимо хорошенько отдохнуть, мисс Хоггарт, — шепотом сказал инспектор, и его рука снова потянулась к моей.

Я подняла глаза и увидела нежную улыбку на лице мистера Аддерли. В груди робко расправил плечи восторг. Эта улыбка лишала меня способности мыслить и оставаться самой собой. Прежде чем пальцы инспектора коснулись моей ладони, между нами буквально вклинилась Сьюзен, которая собрала пустые тарелки и спросила:

— Хотите еще чего-нибудь?

— Благодарю, Сьюзен, — ответил инспектор за нас всех, — но, думаю, нам пора. Моим спутницам стоит вернуться домой и хоть немного поспать, а я должен попасть в участок.

— А вам отдых не полагается? — спросила я, поднимаясь со стула и стараясь не обращать внимания на пронзительный взгляд мисс Фултон, прожигающий спину.

— И я отдохну, но чуть позже, — ответил инспектор.

Он расплатился с хозяевами, от души поблагодарил и снова извинился за ранний визит. Мистер Фултон пригласил нас с Фредди посетить его кофейню снова, на что мы с радостью согласились. Сьюзен сдержанно улыбнулась и пробормотала что-то похожее на «рада была вас видеть», что никак не соответствовало выражению ее лица.

Инспектор подозвал брум и помог Уиннифред забраться в него, а потом заглянул в мое лицо:

— Мисс Хоггарт, я могу надеяться, что вы больше не будете ввязываться в подобные авантюры и рисковать собственной жизнью?

— Инспектор Аддерли, а я могу надеяться на то, что вы будете держать меня в курсе и рассматривать мою помощь серьезно? Вы недооцениваете меня и...

— Поверьте мне, я оцениваю ваши способности по достоинству, но это не игра и не способ развлечься...

— Что, простите? — возмутилась я. — То есть вы полагаете, что я заскучала в стенах пансиона и, чтобы не зевать от скуки, решила поиграть в расследование?

Я не кричала, не визжала, но тон моего голоса тут же изменил выражение лица инспектора.

— Я вовсе не то хотел сказать...

— Знаете что, инспектор Аддерли?! Я искренне пыталась помочь вам разобраться в преступлении, в котором замешана магия! И дело вовсе не в скуке, а в том, что это очень опасно для вас!

Больше объяснять ничего не хотелось, обида и негодование сменяли друг друга. От его руки я отказалась, развернулась и сама забралась в брум, радуясь про себя, что смогла сделать это более или менее элегантно. Всю дорогу до Хэксмен-хауса я кипела и бурлила. Доля правды в словах инспектора была, и это меня еще больше

расстраивало. Его слова задели за живое. Признаюсь, я сама не ожидала, что так быстро втянусь в это дело, и оно так изменит меня, и настолько воодушевит. Я чувствовала потребность выяснить истину и понять, чем обернется встреча кулона с хозяином, а еще необъяснимым образом ощущала связь с этим делом, будто оно и ко мне какое-то отношение имело. Глупости, но мне как никогда прежде захотелось узнать, кто же я такая.

Прежде чем отправиться спать, я провела Каролину. Выглядела она прекрасно, даже более того. Девушка показалась мне радостнее и более благодушнее, чем обычно. Это настораживало, но не хотелось думать о чем-то загадочном в подобном состоянии. Усталая и измученная, я просто порадовалась за нее и отложила любые размышления на потом. Уснула я почти мгновенно, не забыв вспомнить инспектора Аддерли прямо перед погружением в сладкую дрему и пожалеть о своем поведении.

Сон мне приснился мрачный, полный страдания и одиночества. Я слышала мольбы о помощи, стоны и ощущала стекающую по рукам вязкую кровь. Вообще, в последнее время сны меня посещали один неприятнее другого.

Спустя два дня я застала Каролину в своей спальне и даже оторопела, не зная, что сказать. Подобного никогда еще не было. Девушка ужасно смутилась, глаза ее забегали, руки задрожали.

— Каролина? — только и смогла выговорить я.

Мисс Кэри стояла возле моего шкафа, и мне показалось, что она только-только его закрыла. Хотя я очень надеялась, это мне просто показалось.

— Мисс Хоггарт... я... я... искала вас, — неуверенно сказала девушка.

— Меня? Зачем? Наше занятие закончилось всего полчаса назад. — Странное ощущение заставило меня осмотреть собственную комнату.

На первый взгляд все было на месте. Я подняла глаза на ученицу и устыдилась своих подозрений. Ну что такого? Искала меня, забрела в комнату, возможно, что-то привлекло ее внимание. Мы все любопытны, тем более ничего ценного у меня не было.

— Я... я... хотела рассказать вам кое о чем... — все так же несвязно пробормотала Каролина, — но сейчас уже нет времени, у

меня вот-вот начнется урок у мистера Огlsi, а он не любит опозданий.

Прежде чем я успела хоть что-то сказать, девушка выскользнула из комнаты и быстро миновала коридор. Неосознанно я схватилась за шею и поежилась, словно от промозглого сквозняка. Повеяло могилой, и я даже взмахнула рукой, прогоняя наваждение.

— Глупости какие-то в голову лезут, — пробормотала я.

— Мисс Хоггарт, — послышался голос, и я вздрогнула, едва сдержав крик.

У двери стоял наш конюх, по совместительству привратник, мистер Тодд. Он очень удивился моей реакции, посмотрел на меня с подозрением. Точно, с ума уже схожу.

— Простите, мистер Тодд, — как можно спокойнее улыбнулась я ему, — что-то нервы расшатались.

— Вам записка, — сказал он и протянул клочок бумаги.

Я взяла листок, развернула и прочла. Насторожилась, а потом снова посмотрела на привратника.

— Кто принес?

— Мальчонка из города, — настороженно ответил мистер Тодд. — А что? Нужно было спросить от кого оно?

— Нет-нет, спасибо, здесь написано от кого.

Мистер Тодд пожал плечами и, не услышав от меня больше ни единого слова, ушел, а я села на кровать и задумалась. Очень странно. Записка была от инспектора Аддерли, он просил о встрече в участке этим вечером в восемь.

После обеда я поделилась мыслями с Фредди. Мы решили прогуляться в лесу и навестить мистера Эртона, чтобы передать ему пудинг, приготовленный старательной миссис Элмерз. Лесничий любил это угощение, но сам приходит в пансион не решался.

— Интересно, а почему бы инспектору самому не приехать к тебе? — спросила Уиннифред.

— Раз в участок приглашает, значит, разговор будет о деле. Может, есть какие-то подвижки? — задумчиво ответила я. — А что, если они вышли на след того, кто нанял Гарри?

— Да? И сердобольный инспектор решил пригласить тебя, чтобы сообщить об этом? — не без иронии спросила Фредди. — Я пойду с тобой.

— Нет, — возразила я, — у меня к тебе будет другая просьба. Присмотрись, пожалуйста, к Каролине.

— А что такое?

— Она какая-то странная в последнее время, после того случая с воронами...

— О чем ты говоришь? Что тебя смущает? Она вроде бы нормально выглядит.

— Да, — я остановилась и посмотрела на подругу, — выглядит она нормально, и даже слишком. А если это напускное? Что, если она переживает случившееся глубоко в душе и не может ни с кем поделиться? Я волнуюсь за нее. Эта неожиданная активность и веселость будто ненастоящие, понимаешь? Может, я зря переживаю, но что-то меня настораживает...

— Я поняла, — перебила Фредди. — Ты обычно зря не паникуешь. Я слежу за ее поведением. Но ты уверена, что мне не стоит пойти с тобой?

— Уверена, — улыбнулась я ей, — не думаю, что мне нужна защита от инспектора!

— Тебе нужна защита от себя самой, — рассмеялась подруга. — Видела бы ты свое лицо, стоило заговорить о нем!

— Что не так с моим лицом? — тут же вспыхнула я.

— Ты сияешь, как шары на рождественской елке в мерцании свечей!

— Надо же, как поэтично, Уиннифред, — немного обиделась я.

— Ладно, прости, не хотела обидеть тебя. Пойми, я очень рада, что ты так сияешь, и теперь думаю, что мне и правда нечего тащиться за тобой как нянечке за младенцем!

— Ох, Фредди! — Я улыбнулась и взяла девушку под руку. — Мне бы хоть немного твоего оптимизма и заряда энергии!

Вечером Уиннифред и мистер Тодд проводили меня до города и велели нанять брум и не возвращаться затемно пешком. Сумерки уже спустились на город, густые тени плясали на стенах домов, в окнах зажигался свет. На душе у меня снова стало беспокойно. Я думала о кулоне, заключенной в нем магии, Окарте и его молодом друге, которого мы с девочками повстречали в прошлом. Это путешествие было необычным, не таким, как всегда, и именно с него все и началось.

Я резко остановилась, когда голову пронзила мысль: «А что, если я должна была это увидеть?»

Странное, давящее чувство заставило меня тревожно обернуться, а потом ускорить шаг. Я никогда прежде не боялась ходить по городу, даже ночью. Моя магия способна меня защитить, но сейчас я будто места себе не находила. Мне казалось, что за мной следят из-за каждого угла. Это походило на паранойю.

Свернув в очередной проулок, я услышала шаги. Они вторили стучу моих каблучков и точно так же эхом отражались от стен. Сердце дрогнуло, но я поспешила успокоить себя. Я ведь не одна хожу вечером по Вичпорту. Хотя все лавки и магазины уже закрылись, улица была прекрасно освещена и не казалась опасной. Я постаралась выровнять сбившееся дыхание и подумала о том, что до участка рукой подать. Совсем немного, и я окажусь под надзором суровых серых глаз. Мой недавний выпад в адрес инспектора был чистым ребячеством, но я простила себе его, поскольку не имела опыта в общении с мужчинами. Должного опыта. Подобные словесные дуэли в новинку для меня, я сама для себя сейчас в новинку.

Мысли о близости участка немного меня успокоили, да и шаги больше не звучали за спиной. На этой улице я осталась совсем одна. Я даже немного замедлила темп своего шага и облегченно выдохнула, смеясь над собственными страхами. Это все нервы.

Окончательно расслабившись, я свернула за угол и даже пикнуть не успела, как в округе погасли почти все фонари разом, а чьи-то грубые руки схватили меня и прижали к стене. Инстинктивно я попыталась выставить щиты, но у меня ничего не вышло, сердце ухнуло в пятки, руки моментально похолодели.

— А теперь мы познакомимся ближе, дамочка, — прозвучал голос, и из темноты на свет единственного оставшегося фонаря выплыло лицо с изуродованным глазом.

Глава 10

НЕОЖИДАННОЕ ЗНАКОМСТВО

Одноглазый Гарри прижимал меня к стене и пытливо всматривался в лицо. От него неприятно пахло потом и чем-то острым, травами или пряностями. Его широкая ладонь накрыла мой рот, и позвать на помощь стало невозможно. Как странно, еще даже не очень поздно, а вокруг ни души. Я попыталась вывернуться, но у меня ничего не вышло, завизжала, но рука одноглазого заглушила звук. Я мотала головой и дергалась, но не сдвинулась с места ни на шаг.

— Чего ты все выискиваешь, вынюхиваешь? — злобно, сквозь зубы процедил Гарри, больно сдавливая мое лицо. Я не удержалась и заскулила, ощущая, как слезы сами собой покатались из глаз. — Ты чего лезешь, куда тебя не просят? Думала, я тебя не узнаю?

Я усиленно замотала головой, выражая протест, но хватка только усилилась. Пальцы Гарри были похожи на железные тиски, они вполне способны и челюсть сломать.

— Потихе, Гарри, — раздался другой голос. — Ты же не хочешь ее убить, прежде чем она расскажет, чего хочет от нас?

Неприятный, шипящий, я бы даже сказала, ползущий по траве, словно ядовитая змея, голос пробрал до мурашек. А его слова! Убить прежде... Значит, они пришли с явным намерением от меня избавиться. Впервые за двадцать с лишним лет, с тех пор как я очнулась, страх сковал все тело, мешая думать и действовать. Хотя действовать у меня и без него не получилось бы. Я ощущала, как моя магия бьется, словно птичка, о стенки клетки, но выбраться наружу не может. Я даже подумала сбежать в прошлое, но и здесь наткнулась на огромную стену, которая отделила меня от моих сил. В такой ситуации я еще ни разу не оказывалась, поэтому совершенно не представляла, что делать.

Но как же так? Одноглазый Гарри и его дружок совершенно точно не маги. Даже сейчас, оказавшись в этой подворотне, скованная какими-то чарами, я готова была поклясться, что этот блок создан не ими.

Гарри послушал своего дружка, он, вероятно, и был тем самым сутулым Мо, о котором говорила прачка. Одноглазый отпустил мое лицо, но отодвигаться не стал. Так, стоп! А где же констебли? Разве инспектор не устроил слежку за домом, в котором квартировала эта парочка? Происходившее все меньше и меньше нравилось мне. Убьют они меня прямо здесь, бросят в тень и даже утром тело не скоро найдут. От этой мысли засосало под ложечкой.

— Ну-ка выкладывай, зачем к дому нашему приходила? — прищурил свой единственный глаз бандит.

— Я... я... вы что-то путаете, я никуда не приходила...

— Ну-ка цыц! — рявкнул он и, схватив меня за волосы, приложил головой о стену. — Я ненавижу, когда со мной играют! Я помню тебя, ты была возле магазина ювелира. А потом и у моего дома. Еще раз спрашиваю, зачем приходила?

Продолжить врать или сказать правду? А разницы никакой. Если уж они собрались меня убить, то любой ответ приведет к единственному финалу. Хотя... Огюст когда-то говорил, что человек любит обманываться и, если повторять одну и ту же ложь неустанно, он сам захочет в нее поверить. Да что там он, ты и сам согласишься в собственные слова.

— Да, возможно, вы и видели меня где-то поблизости, но это всего лишь случайность, не более. Я совершенно...

Удар по лицу оказался внезапным, настолько, что я едва на ногах устояла. Боль принесла с собой оглушительный звон, я попыталась поднять руки, но Гарри тут же схватил меня за них и вдавил в камень стены.

— Ты влезла туда, куда не стоило, — сказал мужчина, и я зажмурилась, пытаясь отстраниться от его неприятной физиономии. — Чего тебе не сиделось в своем пансионе с клушками и не щебеталось? Нос слишком длинный? Так я укорочу!

Гарри опустил руку в карман, а когда вынул, в неярком свете фонаря блеснул нож, я вскрикнула и снова попыталась вырваться. И мне даже позволили. Но далеко убежать не получилось. Передо мной тут же возник Мо, который расставил руки в стороны и улыбнулся, демонстрируя наполовину сгнившие зубы. Инстинктивно я обратилась к своей магии, но она, как и прежде, так и не откликнулась на мой зов. От досады слезы побежали быстрее. Я попыталась обогнуть мужчину,

но он перехватил меня в районе живота и отшвырнул на землю. Я упала и больно ушибла ногу, раздался треск, юбка разорвалась.

Одноглазый не заставил себя ждать. Прежде чем я вскочила на ноги, он снова взял меня за волосы и резко дернул вверх, вынуждая потянуться за ним и до крови прикусить губу от боли. Лезвие его ножа скользнуло по скуле, я вскрикнула и дернулась.

— Отпустите меня! — Гнев, собравшийся внутри, искал выход.

Я никак не могла понять, почему же моя магия не работает. Почему эти бандиты так легко могут хватать, толкать и даже бить меня, а я ничего не могу с этим поделать? Гарри поднял меня на ноги и швырнул обратно. Я тут же угодила в руки Мо. Они пихали и толкали меня еще несколько раз, а я тщетно била руками и пыталась бежать. Крик тоже ничего не дал. Сколько я ни шумела, на зов никто не пришел. Моя одежда превратилась в грязные лохмотья. Тиская меня, бандиты разорвали пальто, отбросили в сторону, искромсали рукав блузы. Ярость нарастала, вытесняя отчаяние и страх. Если и умирать, то с боем! Хватит надо мной измываться!

В следующий раз, когда я оказалась возле Мо — а он выглядел слабее своего приятеля, я пустила в ход кулаки. Да, я не сильна и драться не умею, но мне нужно было лишь добраться до участка. Хоть как-то: добежать, дойти, доползти. Я с силой сжала пальцы в кулаки и замахнулась со всей своей яростью, угодив негодяю прямо в грудь. Мо отскочил и начал хватать ртом воздух, будто ему легкие передавило. Бандит хрипел, одну руку приложил к груди, а второй начал усиленно махать, превозмогая боль. Я не стала дожидаться, когда Гарри осознает, что произошло, и бросилась прочь в сторону участка.

Одноглазый нагнал меня в три прыжка, повалил на землю и сел сверху, прижимая мои руки к брусчатке коленями. Я вскрикнула от боли и начала бить ногами и брыкаться, за что тут же снова получила удар по лицу. Из всех сил я извивалась под тяжелым телом Гарри и голосила. Поскольку я успела выскочить из подворотни на более оживленную улицу, то заметила прохожих, но ни один из них никак не отреагировал на происходящее. Более того, горожане шли дальше по своим делам, будто ничего и не было. Это снова навело меня на мысль, что дело в магии, но почему же я ее не распознаю? Гарри схватил меня двумя руками за горло и сжал. Я всхлипнула и забилась в панике, а бандит продолжал с остервенением душить.

Выворачиваясь и дергаясь, я смогла освободить одну руку, которой тут же начала отпихивать мерзавца. Мы боролись довольно долго, поскольку я никак не желала сдаваться, несмотря на то что силы меня покидали вместе с остатками кислорода. Внезапно моя рука зацепилась за что-то, и я непроизвольно дернула, стащив с шеи одноглазого какой-то шнурок. В эту же секунду моя магия прорвалась и, выставив щит, отшвырнула Гарри подальше. Борясь с головокружением, я поднялась на ноги и, не разглядывая то, что сорвала с шеи бандита, зажала в кулаке. А потом закричала.

Гарри кинулся было вперед, но за моей спиной послышался цокот лошадиных копыт, и он засомневался. Приближался экипаж. Я снова закричала, но одноглазый явно хотел вернуть то, что я отобрала, поэтому убежать не торопился. Застыв в нерешительности, Гарри чертыхнулся, а потом посмотрел мне прямо в глаза:

— Оставь это дело и посоветуй своему инспектору вернуть кулон, иначе шутки закончатся. Я убью вас обоих. Медленно и мучительно.

Экипаж резко остановился, и пассажирская дверца тут же распахнулась. Из него выскочил высокий мужчина, который бросился ко мне:

— Мисс, с вами все в порядке? — спросил он, аккуратно касаясь моего плеча.

Только в это самое мгновение, заметив удаляющуюся спину Гарри, я громко выдохнула и почувствовала, как подкосились ноги. Надежные руки незнакомца подхватили меня, не позволив осесть на землю.

— Мисс? Как вы?

Я повернулась. Передо мной оказался мужчина среднего возраста, с чуть посеребренными сединами волосами, приятными чертами лица, добродушными глазами и мягкой улыбкой. Мне тут же захотелось улыбнуться в ответ. Настолько этот почтенный господин вызывал доверие и симпатию.

— Благодарю вас, — ответила я и выпрямилась, чтобы собрать остатки самообладания. Я потянулась к шее, ощущая желание прокашляться, будто что-то застряло в горле и мешало нормально дышать. Голова кружилась и болела, многочисленные ссадины и ушибы, словно ждали затишья, чтобы напомнить о себе и начать болеть.

Человек, пришедший на помощь, явно был очень богат и знатен, но его нисколько не смущал мой внешний вид и то, что он, вероятно, увидел из окна своего экипажа.

— На меня напали... бандиты... там... — я неопределенно махнула рукой за спину, — в подворотне.

— Вас ограбили? — спросил мужчина ласково.

Мне почему-то пришла в голову мысль, что скорее наоборот. Это же я ограбила Гарри, а не он меня. Захотелось смеяться, громко и безудержно. Я ощущала приближение истерики и знала, кто может вмиг привести меня в чувство.

— Я могу вам помочь? Давайте я отвезу вас в госпиталь, вас нужно осмотреть.

Столько участия и заботы было на лице этого человека, что я невольно засмотрелась. Он еще не стар, возможно, ему было около сорока пяти или чуть больше, но глаза казались молодыми, такими живыми и даже задорными. Во всех движениях его крепкого и бодрого тела читались любовь к жизни и энергичность.

— Простите, — слабо улыбнулся мужчина, — я не представился. Меня зовут Дэниел Хардман.

Это имя заставило меня окончательно прийти в себя и забыть про боль и прочие неприятные ощущения. Дэниел Хардман, собственной персоной, стоял передо мной и улыбался, сияя как новенький пенни.

— Аделаида Хоггарт, — представилась я.

— Не может быть! — улыбнулся мужчина. — Не думал я, что мы с вами познакомимся вот так.

— Со мной? — непонимающе тряхнула я головой.

— С вами, мисс Хоггарт! Я отправил вам приглашение на прием, чтобы лично поблагодарить за спасение кулона с сапфиром, который хотели похитить!

— А как вы узнали, что именно я его нашла? — насторожилась я, присматриваясь к мистеру Хардману.

Мой собеседник и в какой-то степени спаситель обаятельно улыбнулся и произнес заговорщицким тоном:

— Комиссар Трэйси по вечерам играет в покер в мужском клубе, который принадлежит мне. Мы давно знакомы, и я попросил старого друга рассказать о той, кто спасла мое невероятно дорогое украшение. Теперь я лично могу сказать вам спасибо, мисс Хоггарт.

Мистер Хардман склонился в элегантном поклоне и ласково взял мою ладонь. Я невольно пискнула, когда его пальцы коснулись царапин на внешней стороне кисти. Мужчина с виноватым видом отпустил мою руку.

— Прошу прощения, мисс Хоггарт, я не хотел сделать вам больно.

— Это не вы, а те, от кого вы меня спасли. Кстати, это те самые бандиты, что ограбили покойного мистера Оддеркота.

Мужчина нахмурился и придирчиво осмотрел меня от макушки и до пят. Покачал головой недовольно. В этот момент я поняла, что, как бы ни был приятен этот человек, мне все же хочется поскорее покинуть его общество и оказаться там, где я действительно хочу быть.

— Как же они вас нашли? — спросил он серьезно.

— Это долгая история, — не скрывая усталости, ответила я и бросила взгляд на виднеющуюся вдали крышу участка, — простите, я сейчас не готова к долгим беседам.

— Ну что вы, мисс Хоггарт, это вы меня простите, — снова чуть склонился он, — позвольте я отвезу вас, куда нужно. В госпиталь, быть может?

— Нет, я спешила в участок, куда и отправлюсь, здесь недалеко...

Договорить я не успела, из экипажа мистера Хардмана вышел высокий, очень худой мужчина, с довольно внушительным орлиным носом и недобрыми голубыми глазами. Такими светлыми, что казались прозрачными и очень холодными.

— Я прошу прощения, мистер Хардман, — низким голосом, от которого у меня мороз по коже пробежал, сказал мужчина, бросив на меня пренебрежительный взгляд, — вы неприлично опаздываете, а это может отразиться на итоге запланированных переговоров.

— Ох! — воскликнул мой спаситель и взглянул на золотые карманные часы с выгравированным вензелем на крышке. — Ты прав, Эдгар, совет не простит мне этого! Мисс Хоггарт, умоляю вас простить меня, но проводить вас до участка лично я не смогу. Однако настоятельно прошу воспользоваться моим экипажем.

— Но как же так? А вы?..

— А мы с Эдгаром пройдемся пешком, мы тоже почти на месте, — обворожительно улыбнулся мистер Хардман, и его лицо будто помолодело. — Я очень надеюсь, что у вас все будет хорошо и мы увидимся на приеме!

Мужчины помогли мне забраться в экипаж и откланялись, а я разместилась на сиденье и прислонилась головой к бархатной обивке. На меня навалилась усталость, тело заныло, боль вернулась. В последние дни я постоянно попадаю в неприятности одна хуже другой. Однако сетовать, кроме как на себя саму, больше не на кого. Я искренне хотела помочь инспектору, потому что там, где замешана магия, ему одному не справиться. Но я не предусмотрела одного — маг, что стоит по ту сторону, очень умен и невероятно силен.

Экипаж плавно остановился и слуги мистера Хардмана помогли мне выйти на улицу, а потом проводили в участок. В обители констеблей кипела работа. Этот участок был самым большим в Вичпорте, и сюда, по обыкновению, стекались основные жалобы. Дежурный констебль нахмурился при виде меня, но, заметив надменных лакеев, насторожился.

— Я бы хотела увидеть инспектора Аддерли.

В этот момент я осознала, что держусь из последних сил. Тело била мелкая дрожь, ноги подкашивались, я испытывала острую необходимость присесть или опереться на что-нибудь. И как я продержалась все это время? Пока говорила с мистером Хардманом, словно позабыла о том, что со мной приключилось, а теперь едва на ногах стою.

Констебль снова осмотрел меня и будто смягчился, вышел из-за своей стойки и подозвал одного из сослуживцев, шепнул что-то на ухо и велел мне следовать за юношей. Двигалась по участку я медленно, привлекая внимание всех, кто там находился. Меня провожали любопытные взгляды, которые буравили спину, но я стиснула зубы и чуть приподняла подбородок, сохраняя крупицы самообладания.

Стеклянная дверь одного из кабинетов открылась, из нее вышел инспектор, который на ходу изучал какие-то документы и направлялся в кабинет напротив. На двери было написано: «Суперинтендант Джеймс Уорлок». Я застыла на месте, наблюдая за мистером Аддерли, и почему-то оказалась не в состоянии вымолвить ни единого слова. Ком, застрявший в горле, мешал говорить, но, слава богу, этого и не понадобилось. Будто почувствовав мое присутствие, инспектор повернул голову, скользнул по мне взглядом, не узнавая, и снова опустил глаза в документ, продолжая движение. Уже взявшись рукой за ручку двери, мужчина резко замер и повернулся ко мне.

Его глаза расширились от изумления. Представляю, что он увидел. Изодранную, грязную одежду, взлохмаченные волосы, торчащие в разные стороны, измазанное дорожной пылью и кровью лицо, синяки, ссадины и кровоподтеки. Мои руки, которые Гарри прижимал к стене, а потом и к брусчатке, были исцарапаны, колени тоже, но судьба пощадила меня, и юбка хоть как-то прикрывала ноги. Увидев лицо Артура Аддерли, я вдруг расплакалась, чувствуя себя жалкой и глубоко несчастной. Да что это со мной? Эмоции меняются, будто на качелях.

— Мисс Хоггарт, — пробормотал инспектор, а потом бросился ко мне, — что с вами случилось?

Мужчина аккуратно, очень бережно взял меня под локти и направился обратно к своему кабинету, на котором значилось его имя.

— Райли! — позвал он, и к нам тут же примчался констебль Брикман. — Срочно принесите мне воды и антисептик и попросите Барти отправиться за доктором Джарви.

Юноша посмотрел с сочувствием, а потом бросился исполнять распоряжение. Инспектор усадил меня на стул и опустился рядом на корточки, тщательно изучая все повреждения.

— Что произошло? — спросил он, не скрывая беспокойства.

Я подняла глаза и заметила, что чуть ли не весь полицейский участок смотрит на нас сквозь наполовину стеклянные стены кабинета. Мистер Аддерли поднялся на ноги и опустил деревянные жалюзи, скрывшие нас от посторонних глаз. Констебль Брикман вернулся довольно быстро, протянул Аддерли все, что тот просил, и, выразив свои сожаления о моем состоянии, мягко закрыл за собой дверь.

Инспектор подвинул стул, сел напротив и, смочив кусок серой ткани в воде, протянул руку к моему лицу. Я затаила дыхание, но возражать не стала, поэтому мужчина осторожно приложил влажную ткань к кровоточащей скуле.

— Ну же, мисс Хоггарт, расскажите, что случилось, — теряя терпение, сказал инспектор.

Я ясно видела, как в нем клокотали чувства, они вынуждали его руки подрагивать. Дыхание стало тяжелым, прерывистым. Мужчина то и дело стискивал зубы, его желваки играли, а ноздри недовольно раздувались. Это гнев, а еще страх, беспокойство и снова гнев.

— Я направлялась к вам, когда одноглазый Гарри и его друг Мо напали на меня в подворотне, сразу после Бастертон-авеню.

Мои слова вызвали новый шквал эмоций. Прежде чем перейти к обработке моей верхней губы и носа, инспектор поднялся на ноги, прошелся по кабинету, с жутким скрежетом отодвинул стул и снова сел.

— Что за необходимость заставила вас выйти из дома в такой час? — сердито спросил он.

— Как что? Ваша записка, — пробормотала я.

— Моя записка? — переспросил Аддерли. — Какая записка?

Я засунула руку в глубокий карман юбки и выудила клочок бумаги, который тут же протянула инспектору. Мужчина буквально вырвал его у меня и пробежался глазами по строчкам.

— Я этого не писал, — сказал он. — Я бы никогда не пригласил вас в участок так поздно. Вам не пришло это в голову?

Он был зол, очень зол, и его злость только росла.

— Нет, не пришло! — с вызовом ответила я, подавляя обиду. — Я думала, может, что-то важное и срочное заставило вас позвать меня. Думала, может, вам помощь моя понадобилась.

— Мисс Хоггарт, это, по меньшей мере, глупо, полагать, что я мог вызвать вас в участок, чтобы попросить о помощи! Если вы забыли, то в прошлый раз, когда она мне понадобилась, я прибыл в пансион сам!

Его слова больно ударили по самолюбию, но лишь потому, что он был прав. Я поступила безрассудно, бездумно и импульсивно, чего раньше никогда себе не позволяла. В последнее время я сама себя не узнавала и некоторым поступкам не находила объяснений.

Я резко встала на ноги, тут же пожалев об этом, потому как голова закружилась, вынуждая меня опереться о стол инспектора. Я понимала, что, возможно, заслуживаю все эти слова, но выслушивать их прямо сейчас у меня не было сил.

— Простите, что побеспокоила вас, инспектор Аддерли, — сдерживая слезы, сказала я и оторвалась от стола, чтобы покинуть его кабинет.

Мужчина стремительно преградил мне путь и настойчиво, но аккуратно снова усадил на место.

— Простите, простите меня, мисс Хоггарт, — заглядывая мне в глаза, сказал он. — Я дал волю эмоциям, но... но с вами иначе не

получается. Вы упрямо не хотите прислушиваться к голосу разума, постоянно делаете все по-своему и попадаете в неприятности! А что, если бы они вас убили?

Сначала Аддерли говорил тихо, но с каждым словом его голос становился все громче, и последние слова, вероятно, слышал весь участок. Мужчина пытался контролировать свой гнев, но у него ничего не вышло.

— Чего они хотели от вас?

— Хотели знать, что я делала у их дома. Бандиты, может, и убили бы меня, но их спугнули.

— А почему же вы не выставили защиту? — спросил инспектор, снова взявшийся за тряпку.

— В этом-то и странность. — Я уклонилась от его руки и заговорила тише: — Моя магия не работала, словно отключилась. Более того, прохожие шли мимо, будто ничего не слышали и не видели! Кто-то помогал одноглазому. И этот кто-то очень силен! И именно этот кто-то помог Гарри и Мо убить ювелира, я абсолютно уверена.

— Вы почувствовали ту же магию, что и в магазине? — спросил инспектор, настойчиво прикладывая тряпицу к моему лицу и продолжая промывать раны.

— В том-то и дело, что нет! Я не чувствовала вообще никакой магии до тех пор, пока не сорвала с одноглазого какую-то подвеску. Тогда-то и смогла защититься.

— А что за подвеска? — воодушевился инспектор.

Из того же кармана я достала обычный шнурок, на котором висел какой-то причудливый серебряный амулет с черным агатом внутри. Только сейчас я могла хорошо его рассмотреть. Окантовка была выполнена в виде каких-то древних символов, мне совершенно незнакомых.

— Красивый, явно старинный, но больше ничего, — разочарованно пробормотала я и протянула украшение инспектору.

— Он не магический? — нахмурился Аддерли.

— Ума не приложу, как так вышло, — ответила я. — Я совершенно точно помню, что стоило мне сорвать эту вещь, и моя магия пробудилась. Но я ничего не чувствую, абсолютно!

Аддерли прошел к своему столу, поднес амулет к лампе и взял лупу. Он некоторое время пристально рассматривал амулет, что-то тихо бормоча себе под нос.

— Инспектор, а можно вас спросить?

— Конечно. — Аддерли повернулся ко мне и тут же заметил печаль на моем лице.

— А почему поблизости не было констеблей? — очень тихо спросила я, опустив глаза к разодранной юбке и пытаясь собрать обрывки в кулак. — Вы ведь установили слежку за домом номер семнадцать на Красной улице?

Сначала я услышала его шаги, а потом и увидела обувь. Инспектор снова присел у моих ног. Его рука скользнула мимо, и мне показалось, что он дотронется до моего плеча, но нет, мужчина оперся о спинку стула и негромко сказал:

— Ни Гарри, ни сутулый Мо больше по этому адресу не появлялись.

— Выходит, мы их спугнули? — Я вскинула голову и заглянула мистеру Аддерли в глаза, чувствуя себя ужасно виноватой. — Простите, мне нужно было сразу все вам рассказать, а не соваться туда самой. И где теперь их искать?

Гневное выражение глаз Аддерли сменилось, и теперь они смотрели ласково, в уголках появились маленькие паутинки смешливых морщинок. Он все же протянул руку к моему лицу и аккуратно отодвинул упавшую на глаза прядь волос.

— Я очень рад, что вы наконец это поняли: действовать самой было безрассудно, — сказал он, и мое сердце растаяло от приятного тембра и добродушной интонации.

Его лицо оказалось так близко, и так приятно было на него смотреть. Я невольно тоже улыбнулась, правда, это вызвало неприятные ощущения, каждая ссадина ответила болью. Инспектор заметил это и тут же снова нахмурился.

— Итак, что мы узнали? — Аддерли поднялся и начал рассуждать, вертя в руках амулет одноглазого:

— Они знали, что вы маг, иначе не запаслись бы подобной вещицей. Одноглазый узнал вас и понял, что вы каким-то образом нашли его, поэтому не стал рисковать и возвращаться в свой дом. Они выяснили, кто вы, и даже смогли выманить из пансиона, чтобы застать

вас совсем одну и расспросить, а может, и убить. А почему вы отправились в город пешком?

— Мистер Тодд сказал, что старушка Бетси захромала, и я не стала их беспокоить. К тому же я почти всегда хожу в город пешком.

Инспектор кивнул, а потом прошелся ладонью по волосам.

— Я отдам эту записку констеблю Брикману, пусть выяснит, где куплена бумага, а заодно узнает про чернила, — сказал он. — Не уверен, что это нам поможет, но попробовать стоит.

В дверь негромко постучали и, когда инспектор пригласил посетителя войти, голова Райли Брикмана просунулась в проем. Он смущенно осмотрел кабинет, отметил наше расположение и шире открыл дверь. Следом за юношей вошел невысокий человек, плотного телосложения. Его круглую голову украшала лысина, на носу красовались очки, а добрые глаза тут же внимательно всмотрелись в мое лицо.

— Так-так-так, что тут у нас? Здравствуйте, инспектор Аддерли. — Попутно поздоровавшись, мужчина подошел ко мне ближе и поставил рядом саквояж с инструментами и лекарствами. — Ох, милочка, вам и досталось!

Доктор тщательно осмотрел меня, а потом велел инспектору и его помощнику выйти из кабинета. Некоторое время мистер Джарви обрабатывал мои раны, ворчал о жестокости нынешней молодежи и вслух надеялся, что такие, как инспектор и славные констебли, переловят всех бандитов и хулиганов. Руки у доктора были теплыми и ласковыми, а голос тихим и певучим. Я полностью расслабилась.

— Голова болит? — спросил он, протягивая мне порошок, снимающий боль, я кивнула и приняла лекарство. — Инспектор!

Доктор не кричал, но Аддерли все равно его услышал и сразу вернулся в кабинет.

— Вашей подопечной я рекомендую крепкий сон, успокоительный чай и покой на несколько дней, — отчитался мистер Джарви, закрывая саквояж. — Я оставил ей несколько конвертиков с порошком от головных болей, они еще вернутся. — Последние слова уже были адресованы мне. — И повторяю, покой!

— Я тут же вернусь в пансион и обязательно хорошенько выплюсь, спасибо, доктор, — заверила я его.

— Об этом не может быть и речи! — строго сказал Аддерли. — Вам нельзя возвращаться в пансион. Вы забыли, что бандиты знают, где вас искать?

— Но куда же мне податься? — спросила я.

— Некоторое время поживете в Олридж-холле, — ответил он, пожав плечами.

— Это совершенно невозможно! — воскликнула я и поспешно поднялась со стула, чем вызвала новый приступ резкой головной боли. — В пансионе мне будет безопасней, девочки быстро подлатают меня, и все будет хорошо!

— Во-первых, вы сами сказали, что наш противник очень силен, вы хотите подвергнуть опасности девочек? Во-вторых, пусть я покажусь вам жестоким, но вам не повредит немного поболеть, чтобы впредь думать, прежде чем делать! И в-третьих, мне будет спокойнее, если вы побудете немного у меня на глазах. Так я буду знать, что вы не вязались в очередную опасную авантюру.

— Но... но это не вам решать, в конце концов! — возмутилась я.

Доктор молча взирал на разыгравшуюся сцену, а потом усмехнулся и произнес:

— Ну это уже не мое дело, кто и где остановится, главное, соблюдайте мои рекомендации, мисс Хоггарт.

В полицейском кебе я снова оказалась прижатой к стенке, но это не мешало мне тихо сердиться на инспектора за то, что я не смогла его переубедить. За пределами города поняла, насколько устала, и глаза сами собой начали закрываться. Последнее, что я услышала, прежде чем провалиться в сон, это слова инспектора о том, что он знает какого-то человека, который мог бы помочь выяснить происхождение и свойства амулета, попавшего мне в руки.

Глава 11

СЕКРЕТЫ ИНСПЕКТОРА АДДЕРЛИ

Я почувствовала, как кеб остановился и как мистер Аддерли вышел из него, но открыть глаза была не в состоянии. Чудовищная усталость и, возможно, порошок доктора Джарви сделали свое дело. Мое тело не желало двигаться, все его части будто отключились, протестуя против каких-либо действий. Не знаю, как инспектор это понял, но тревожить меня он не стал, просто поднял на руки, позволив прислонить голову к его плечу. В крепких мужских руках было уютно и тепло, мерный стук его сердца успокаивал.

Аддерли внес меня в просторный холл и отдал распоряжения слугам. Где-то на краю сознания снова промелькнула мысль о загадочных взаимоотношениях в этом огромном доме. Аддерли поднялся по лестнице, прошел по коридору, и мы снова оказались в маленькой спальне, ночевать в которой мне уже приходилось. Движения инспектора были четкими и последовательными, я не сопротивлялась, поскольку оказалась не в состоянии. Полностью доверилась его заботам. Мужчина усадил меня в кресло.

— Мэдди, — подозвал он так понравившуюся мне в прошлый раз девушку, — позови кого-нибудь и помогите мисс Хоггарт устроиться. Будьте крайне осторожны, не потревожьте раны и ушибы.

Я слегка приоткрыла глаза и успела поймать на себе обеспокоенный взгляд инспектора. Его тревога обо мне выглядела трогательно, и на душе стало теплее. А еще в голову пришла мысль, что этого мужчину мне бы не хотелось больше разочаровывать. Мэдди подошла к стене и дернула за тонкий шнурок, что висел у кровати, а потом слабо улыбнулась мне и затворила дверь за инспектором.

— Что же с вами случилось? — тихо спросила она.

Мне стало очень неловко от того, что я была похожа на тряпичную куклу, которую приходилось наклонять, чтобы добраться до застежек на блузке. Борясь со звоном в голове, я открыла глаза и попыталась взять себя в руки, чтобы самостоятельно раздеться.

Дверь снова распахнулась, и вошла другая девушка, одетая в ту же форму, что и Мэдди.

— Лизи, — обратилась к ней моя заботливая помощница, — давай-ка поможем мисс Хоггарт.

Лизи, не скрывая своего удивления, вызванного моим внешним видом, подошла и тут же включилась в процесс.

— Кто же это вас так, мисс? — очень бережно снимая с меня рукав, снова попыталась дознаться Мэдди.

— Неприятная встреча с бандитами, — пробормотала я, медленно разворачиваясь, чтобы девушки могли снять с меня остатки блузки.

— Завтра утром я приготовлю вам ванну с лавандой, чтобы вы восстановили силы, — улыбнулась Мэдди. — И попрошу Кори, нашу кухарку, чтобы она побаловала вас чем-нибудь сладким после завтрака. Сладкое поднимает настроение.

— Спасибо, Мэдди, — с чувством сказала я, поднимаясь на ноги.

Чтобы не заставляя меня долго стоять, девушки мигом стащили с дрожащих ног разорванную юбку и освободили тело от корсета. Как они вели меня к кровати, я вряд ли уже вспомню, но долгожданную мягкость перины и ароматных подушек мне точно никогда не забыть. Уснула я мгновенно и спала без тревог и сновидений.

Пробуждение было затяжным, некоторое время понадобилось, чтобы понять, где я нахожусь, и вспомнить, почему я вновь оказалась в Олридж-холле. Медленно села на кровати и прислушалась к себе. Голова уже не гудела, но казалась тяжелой, некоторые движения причиняли дискомфорт, а иногда и боль. Я поднялась на ноги и поняла, что стоять силы есть, это радовало.

В комнате царил полумрак, который создавали плотные портьеры темно-зеленого цвета. Распахнув их, я зажмурилась. За окном было пасмурно, но даже несмотря на тучи, контраст в освещении причинил неудобство глазам. Накрапывая мелкий дождь, я вздохнула и осмотрела комнату. На полу возле кресла стоял мой старенький саквояж, я удивленно вскинула брови и подошла к нему. Внутри лежали мои вещи, очень странно.

Не желая больше задаваться вопросами, я, совсем как Мэдди накануне, дернула за шнурок, и расторопная девушка была в моей комнате уже через пару минут. Мэдди, как и обещала, приготовила ароматную ванну, попутно поведав о том, что мистер Аддерли еще вчера послал какого-то Джозефа за моими вещами в пансион,

приложив объяснительную записку. Сам инспектор вышел из дома с рассветом и обещал быть к обеду.

Ванна принесла расслабление телу и вместе с тем неприятные ощущения в ранах. Я лежала в воде до тех пор, пока она не остыла. Уже без помощи Мэдди оделась и привела волосы в порядок. Девушку отпустила, чтобы не тратила время на меня, наверняка у нее были и другие дела.

Я вышла из комнаты и решила побродить по дому, который украшали чудесные пейзажи на стенах, портреты, антиквариат, а убранство комнат отличалось разнообразием оттенков. Я не спешила, любуясь работами художников, скульпторов и мастеров-мебельщиков. Это было увлекательное путешествие. Редко встречавшиеся слуги не возражали, некоторые приветливо улыбались, а некоторые просто не обращали на меня внимания.

Я задержалась у портрета пожилой дамы. Меня привлек ее взгляд: суровый, непреклонный, твердый. Он пробирал до костей, вызывая желание спрятаться. Внизу была табличка с именем: графиня Изольда Олридж.

— Вот, значит, какой вы были, графиня, — пробормотала я самой себе, вглядываясь в строгое лицо.

Художник изобразил хозяйку Олридж-холла полной достоинства и гордости, а возможно, и гордыни. Женщина сидела в роскошном кресле и опиралась одной рукой на трость с золотым набалдашником. Ее заостренные черты лица и прямая спина поведали мне о силе духа и непоколебимой воле, и я добавила:

— Вы были с характером, с очень сильным характером.

Чуть дальше я заинтересовалась еще одним портретом. На нем были изображены двое: мужчина и женщина. Мужчина, высокий, темноволосый, очень похожий на усопшую графиню, по всей видимости, сын, однако в глазах читалась мягкость, и вообще, лорд казался добродушным. Женщина, что держала его под руку, улыбалась и выглядела веселой. Она была ниже супруга почти на целую голову. Тоненькая, миниатюрная, со светлыми локонами и прекрасными голубыми глазами. Я еще немного полюбовалась на приятные лица и пошла дальше.

Внезапно мое внимание привлекли голоса из приоткрытой двери, я остановилась и застыла в нерешительности.

— Артур, это дело до добра не доведет. — Голос был мужской, но мне не знакомый. — Ты же знаешь, там, где замешана магия, всегда только смерть.

— Ты слишком категоричен, Ноа, — ответил Аддерли, и я сделала робкий шаг вперед. — Не вся магия во зло.

— Что доброго принесло тебе это расследование?

— Расследования крайне редко бывают добрыми, даже если в них не присутствует магия.

Я заглянула в приоткрытую дверь и увидела инспектора, который сидел в кресле и устало потирал переносицу. Его вид не казался мне бодрым и свежим, скорее измученным и усталым. Инспектор откинулся на спинку кресла и посмотрел куда-то перед собой. Всю комнату разглядеть я не могла, но прошла еще чуть вперед, чтобы попытаться увидеть собеседника Аддерли.

— Я бы не хотел, чтобы ты связывался с магией, друг мой, — сказал высокий темноволосый мужчина примерно одного с инспектором возраста. Он немного повернулся, и я смогла его рассмотреть, насколько это было возможно. Привлекательный молодой мужчина с красивыми светлыми глазами, решительными чертами и рваным шрамом на правой скуле.

— И я понимаю тебя, поверь, — ответил инспектор, взирая на друга теплым взглядом. — Твоя история сама говорит за себя, по я не могу отказаться от этого расследования только из-за колдовства. Был убит человек и, по словам мисс Хоггарт, за всем этим стоит кто-то очень сильный.

— Ты доверяешь ее мнению? — Его друг прищурился, всматриваясь в лицо Аддерли.

— Не знаю. — Инспектор взерошил волосы. Он, конечно, не обязан всецело доверять мне, но услышать об этом было не очень приятно. — Эта девушка возникла так неожиданно. В городе никто толком ее не знает, она не появлялась на людях. Сам пансион достаточно обособлен, однако с ним никогда не возникало проблем. Либо она оказалась не в то время не в том месте, либо...

— Ты думаешь, она как-то связана со всем этим? — совершенно серьезно спросил Ноа, и я затаила дыхание, ощущая, как сердце взволнованно ускорило свой бег.

Инспектор Аддерли не спешил с ответом, и это настораживало. Он поднял глаза на собеседника и ответил на взгляд друга. Некоторое время мужчины будто вели безмолвный разговор, а потом Аддерли сдался:

— Я ни в чем не уверен, но очень не хочу, чтобы мисс Хоггарт была как-то замешана во всей это чертовщине.

Я даже не заметила, что не дышала все это время. От сердца немного отлегло. Пусть инспектор не сказал, что уверен во мне, но и сразу отречься от меня не стал.

— Возможно, это и так. В конце концов, бывают же и случайности, воля судьбы или какое-то совпадение.

— Ты сейчас говоришь то, что думаешь, или то, что я хочу услышать? — усмехнулся Аддерли.

— А ты хочешь что-то услышать? — лукаво приподнял брови его друг.

Инспектор стрельнул в приятеля глазами, чем вызвал у того смех: искренний и очень заразительный. Сначала Аддерли держался, но потом не выдержал и тоже расхохотался. Слышать их смех было приятно, на душе стало радостно и светло. Но вот смех стих и Ноа снова стал серьезным:

— Что мисс Хоггарт знает о нас?

Инспектор тоже вмиг переменился, глубокая складка залегла между бровей. Даже глаза перестали искриться радостью. Я похолодела, совершенно не понимая, о чем идет речь.

— Ничего, все это не только моя тайна и не мне решать, что можно рассказывать кому бы то ни было.

Собеседник Аддерли подошел к открытому графину и плеснул темно-коричневую жидкость в хрустальный бокал. Сделал жадный глоток, едва заметно поморщился и без тени смеха спросил:

— А ты хотел бы?

Инспектор резко поднял голову, и в его глазах мелькнуло нечто похожее на муку. Он долго вглядывался в лицо Ноа, а потом негромко произнес:

— Сам не понимаю почему, но да.

Друг мистера Аддерли подошел к нему ближе и положил руку на плечо инспектора. Сейчас он оказался лицом к двери, за которой я стояла, и это могло привести к нежелательным последствиям. Затаив

дыхание, я нехотя сделала осторожный шаг назад, а потом еще один и еще. Мягкий ковер под ногами заглушал шаги, поэтому мое бегство осталось незамеченным.

Я покидала коридор, не желая того, поскольку в голове появились вопросы, которые назойливо кружили, не давая мне покоя, а ответы на них я так и не услышала. Выходит, я не одна обзавелась тайнами, но кто я такая, чтобы судить кого-то? Я брела по дому, думая о том, что секреты инспектора разжигают пламя любопытства. Что могут скрывать эти люди? Кто такой Ноа? Возможно, это его голос я слышала, когда в прошлый раз гостила в поместье. Но почему он не показывается на глаза? И вообще, очень странно, что в Олридж-холле проживает так много посторонних людей.

— Мисс Хоггарт! — окликнула меня явно запыхавшаяся Мэдди. — Я ищу вас по всему дому. В столовой для вас накрыли обед.

— А мистер Аддерли? — спросила я.

— Он приносит свои извинения, что задержится, но к столу непременно спустится.

— Благодарю, — задумчиво пробормотала я и последовала за девушкой.

Меня ждали овощной суп, запеченная рыба, картофель и свежий хлеб. Все тот же молодой лакей, которого Мэдди называла Альфредом, ненавязчиво ухаживал за мной. Блюда были приготовлены отменно, сладкий картофель таял во рту, а нежная рыба вызвала желание попросить вторую порцию. Инспектор присоединился ко мне, когда я закончила с основными блюдами и собиралась приступить к десерту.

— Добрый день, мисс Хоггарт, — поздоровался мужчина, опускаясь на стул и придирчиво меня рассматривая. — Как вы? Вам лучше?

— Да, благодарю, — слабо улыбнулась я.

Мистеру Аддерли подали суп, и он с аппетитом начал есть. Я тайком наблюдала за ним из-под опущенных ресниц. Мои мысли возвратились к невольно подслушанной беседе. Таинственный друг инспектора не жалуется магов, насколько я поняла, может, именно по этой причине нас не представили друг другу? Других объяснений я не находила.

— Я забыл вас вчера спросить, — прервал мои размышления мистер Аддерли. — Вы упомянули, что кто-то помешал одноглазому

убить вас...

— Да, — воодушевилась я, вспоминая привлекательного спасителя, — мне очень повезло, что мистер Хардман проезжал мимо, и, как только я сорвала амулет с шеи Гарри, он смог увидеть происходящее и тут же вмешаться!

Инспектор очень удивился и даже отложил в сторону ложку, забыв о голоде. Он нахмурился, что-то обдумывая, а потом настороженно спросил:

— Вы уверены, что это был мистер Хардман?

— Конечно! Он представился, — не справившись с чувствами, нахлынувшими вместе с воспоминаниями о вчерашнем вечере, я понизила голос до шепота и опустила глаза, — после того как одноглазый сбежал.

Горячие пальцы накрыли мою руку, я вздрогнула и подняла голову. Серые глаза смотрели ласково и будто извинялись. Я даже представить себе не могла, какую бурю способны разбудить во мне прикосновения этого мужчины. Сердце подпрыгнуло от восторга, и в животе распустились цветы. На душе стало тепло и радостно, все мрачные мысли будто развеялись, а появившиеся им на смену чувства походили на озорные лучики солнца. Продолжая смотреть в глаза мистера Аддерли, я улыбнулась. Инспектор немного смутился, кашлянул и осторожно убрал свою руку. Чтобы скрыть неловкость и заполнить возникшую паузу, я заговорила:

— Мистер Хардман оказался прекрасным человеком! Очень чутким и вежливым.

Инспектор снова взялся за ложку и, когда я расхваливала своего спасителя, приподнял брови, уставившись в тарелку. Внезапная мысль заставила меня подпрыгнуть на месте, и столовый прибор мистера Аддерли звякнул о посуду.

— Что такое? — испугался он.

— Вот же голова моя пустая! — разочарованно воскликнула я, прикладывая пальцы к губам. — Я даже не подумала предупредить его об опасности, которую таит в себе кулон!

Я засуетилась, откладывая салфетку и пытаюсь подняться на ноги, будто собиралась тут же броситься к мистеру Хардману, где бы он ни находился, и исправить ошибку.

— Как же так? Ну почему не вспомнила об этом? — корила я себя, так и не встав из-за стола и растерянно глядя на инспектора. — Я была так растеряна... и напугана...

— Вот вы и сами ответили на свой вопрос, — мягко сказал Аддерли. — Вам не стоит волноваться. Тем более сапфир находится в ваших руках. К тому же вы еще успеете сообщить мистеру Хардману...

— Точно! — облегченно воскликнула я. — На приеме! Я смогу предупредить его об опасности на приеме!

— Вы тоже приглашены? — спросил Аддерли.

— Да, и была ужасно удивлена этому, — ответила я. — И вчера, когда мистер Хардман сказал, что хотел познакомиться со мной! Он уверял, что причина тому — желание поблагодарить за спасение его драгоценности. — Заметив явное удивление моего собеседника, я решила уточнить: — Мистер Хардман сказал, что ваш начальник — завсегдагай его мужского клуба. Отсюда и такая осведомленность.

— К сожалению, это не редкость среди высоких чинов. — Инспектор позволил Альфреду сменить блюда и скривился, увидев перед собой рыбу. Он поднял глаза на лакея, который виновато потупился. — Прием уже через два дня, вы пойдете?

— Мы с миссис Баррингтон решили, что мне пора выходить в свет и знакомиться с горожанами, — неуверенно ответила я.

— Я имел в виду... — ковыряя вилкой рыбу, попытался объяснить инспектор. — Ну...

— Вы имели в виду, отважусь ли я показаться на глаза высшему обществу Вичпорта с синяками, ушибами, ссадинами и прочими прелестями на моем лице? — улыбнулась я ему.

— Нет, я не совсем это хотел сказать, — оставляя наконец в покое несчастную рыбу, так и не проглотив ни кусочка, твердо сказал мужчина. — Слово «отважитесь» не очень уместно, на мой взгляд. Вы еще не здоровы, и доктор Джарви прописал полный покой. Ваши раны еще не зажили, а приемы отнимают много сил.

— Вам доводилось часто бывать на приемах? — удивилась я, уклоняясь от нежелательной темы.

— Доводилось, — отмахнулся мистер Аддерли и кивнул лакею, чтобы подавал десерт.

Юноша поставил перед нами чудесный бисквит, состоящий из коржей розового и желтого цветов и скрепленных в шахматном порядке ароматным абрикосовым джемом. Сверху лакомство было покрыто аппетитной марципановой глазурью. После первого же кусочка настроение инспектора заметно улучшилось. Его лицо осветила задумчивая улыбка, когда он повернулся к окну.

— Вы позволите спросить? — осторожно воспользовалась я моментом. Сердце задрожало в страхе испортить расположение духа собеседника.

Аддерли повернулся ко мне и кивнул, прищуривая глаза, словно ждал от меня подвоха. И не зря.

— Кто та девушка, которую я видела, когда гостила в прошлый раз? Миссис Додсон наверняка сказала вам о том, что я случайно оказалась в той комнате.

Некоторое время инспектор молчал, глядя прямо на меня и одновременно будто мимо. Мой вопрос не разозлил его, уже хорошо, но и отвечать Аддерли не торопился. Он отодвинул бисквит, потеряв к нему всякий интерес, что вызвало у меня легкий укол вины, и поднялся на ноги.

— Она гостья в этом доме, и это все, что я могу вам сказать, — проговорил наконец инспектор и раздвинул шторы у окна. — Если это возможно, я попросил бы вас не беспокоить ее и больше не входить в комнату. Я могу на вас надеяться?

В его вопросе прозвучало столько доверия, что я тут же кивнула. Было немного грустно от того, что инспектор не доверил мне своего секрета, но он и не обязан был. Не сдержавшись, я вздохнула и тоже поднялась из-за стола, попросив Альфреда передать мою похвалу и благодарность кухарке.

Я тоже подошла к окну и обняла себя руками, понимая, что не вправе осуждать кого-то за секреты. Мне вдруг подумалось, а могла бы я рассказать о своей жизни мистеру Аддерли? Его мужественное лицо было повернуто к стеклу, поэтому он не заметил, что я снова наблюдаю за ним. В сущности, я ничего не знала о нем. Мое отношение к инспектору складывалось из наблюдений, его поступков и собственных ощущений. Но могла ли я ошибиться? Могла ли так увлечься им лишь оттого, что моему сердцу не доставало любви и нежности? Возможно, причиной тому стало наше необычное

знакомство. Я чувствовала невероятное притяжение и желание находиться с ним рядом, говорить с ним, наблюдать за переменами в его настроении и слышать мягкий голос. Может, дело в том, что инспектор стал первым мужчиной, которого я встретила на пути, как только на время покинула свое пристанище, в котором скрывалась долгие годы?

— Инспектор, я помню, вы говорили о каком-то знакомом, который мог бы рассказать об амулете? — чтобы хоть как-то отвлечься, спросила я.

Мистер Аддерли будто очнулся от размышлений, бросил на меня быстрый взгляд и снова отвернулся.

— Да, — вздохнул он, будто смирившись с моим вмешательством в его расследование, — есть у меня такой знакомый. Профессор Литсби изучает оккультные науки, обладает знаниями о древних артефактах, интересуется символами. Сегодня я был у него. Амулет его очень заинтересовал, он обещал к утру изучить его подробнее и попытаться порадовать хоть какими-то ответами.

— Это прекрасно, — улыбнулась я, — но не лучше ли было?..

Инспектор не дал мне договорить, стрельнул сердитым взглядом, и я тут же сдалась. Мне пришла в голову мысль, что мистеру Аддерли нужна почва под ногами, и сейчас то, что он мог получить ответы от кого-то, помимо магов, приближало его к обычному течению жизни. Он привык все делать по-своему, быть хозяином положения, а я и все то, что окружало сапфир, выбивало его из привычного русла.

— Утром я отправлюсь к нему и буду надеяться, что профессор сможет вывести нас на след того, кто сделал этот амулет. Ну или хотя бы подскажет, в каком направлении двигаться дальше.

— Нас? — с надеждой переспросила я.

— Это все, что вы услышали? — Мистер Аддерли усмехнулся и развернулся ко мне, подавляя очередной обреченный вздох. — Если пожелаете, можете отправиться со мной. Это путешествие не будет изнурительным, и вы вряд ли сможете побороть собственное любопытство.

Дождь за окном прекратился, и выглянуло приветливое солнце, подмигивая нам из-за окружающих деревьев.

— Мне пора, — сказал инспектор. — У меня есть дела, а вы можете смело пользоваться гостеприимством Олридж-холла. Если

хотите, Мэдди покажет вам библиотеку или проводит в сад. Я надеюсь, вы не будете скучать.

— Не беспокойтесь. — Я благодарно улыбнулась и проводила мужчину взглядом.

«Забавно, — мелькнула мысль, — мы ничегошеньки друг о друге не знаем и оба упрямо храним свои секреты, отчаянно желая поделиться ими».

Остаток дня я читала, засидевшись в огромной библиотеке, в которой были созданы все удобства для любимого мною времяпрепровождения. Я разместилась в глубоком кресле у широкого окна, подставив под ноги пузатый пуф. Время от времени отвлекалась, думая о том, что в этом доме кроме меня есть еще два гостя, которых в течение дня не было ни слышно и ни видно. Это немного смущало, но и совать свой нос туда, куда меня просили не лезть, больше не хотелось. Потеряв счет времени за увлекательным любовным романом, я чуть было не пропустила ужин. Мэдди пришла за мной и снова проводила в столовую, поведав о том, что инспектор до сих пор не вернулся. Девушка заверила меня, что это не редкость и беспокоиться не о чем.

Глубокой ночью меня разбудил душераздирающий крик о помощи. Сначала я не поняла: услышала я его во сне или наяву. Испуганно распахнула глаза и прислушалась. Некоторое время стояла тишина, а потом крик повторился, и я вскочила с кровати. Накинула на плечи халат и взяла в руки свечу, которую не погасила, читая перед сном. Я приоткрыла дверь и высунулась наружу. Услышала какую-то возню и стоны.

Нетрудно было догадаться, что звуки исходили из комнаты, где жила та самая девушка. Она снова закричала, и я бросилась к ее двери. Где-то на задворках памяти всплыла просьба инспектора не входить в эту комнату, но я отмахнулась от нее. Я понимала, что не должна беспокоить гостью из любопытства или чего-то подобного. Для этого мне доставало и такта, и воспитания, но девушка продолжала стонать и вскрикивать, а на помощь к ней никто не спешил. Неужели не слышат? В таком огромном доме — неудивительно.

Следующий крик, который я бы назвала воплем, уничтожил последние крупницы сомнений. Я резко отворила дверь и вошла в комнату. То, что я увидела, удивило меня не на шутку.

Глава 12

ЕЩЕ ОДНО ТЯЖЕЛОЕ ИСПЫТАНИЕ

Девушка металась на кровати и выглядела довольно зловеще в мерцании свечей. Ее удерживали с двух сторон: с одной — Ноа, гость поместья, а с другой — миссис Додсон. Я застыла в дверях, глядя на то, как девушка мечется из стороны в сторону, при этом рыдая и пытаясь вырваться из плена цепких рук. Волосы ее были растрепаны, ночная сорочка пропитана потом, а взгляд казался безумным.

Первым порывом было броситься ей на помощь, оттолкнуть жестоких истязателей и попытаться успокоить несчастную. Но что-то меня остановило. Какая-то мысль не давала покоя, навязчиво кружа в голове. Девушка упала на подушки и захныкала, а потом резко снова поднялась и закричала. В памяти тут же всплыла похожая картина, я поежилась и посмотрела на происходящее другими глазами.

— Позвольте мне помочь, — сказала я, воспользовавшись недолгим затишьем.

Миссис Додсон бросила на меня испуганный взгляд, а потом перевела его на мужчину, который смотрел совсем недобро. Я бы даже сказала, что его лицо выражало настоящую ярость.

— Не смейте приближаться к ней! — зло сказал он. — Вы...

Договорить он не успел, поскольку девушка снова начала метаться. Ее стоны уже были тише, но нескончаемая мука с лица никуда не делась. Мое сердце сжалось от боли. Я уже видела подобное и действительно могла помочь. Сделав несмелый шаг, я попыталась поймать взгляд Ноа. Да, из их разговора с инспектором я поняла, что гость поместья Олридж-холл не жалуется магов, но не до такой же степени, чтобы не разрешить помочь измученной девушке. Оказалось, до такой.

— Покиньте комнату! — рявкнул он, и в голосе его прозвучала боль. Заметив, что я все так же стою на месте, мужчина сорвался на крик: — Немедленно!

— Я действительно могу ей помочь, — твердо сказала я, оставаясь спокойной и изо всех сил пытаюсь понять этого мужчину.

То, что происходило с этой девушкой, будь то ночной кошмар, истерика или даже вмешательство магии, можно было прекратить. Я склонялась к последнему варианту, но не была уверена. Для мужчины, что держал бедняжку за руку и пытался успокоить, поглаживая по голове и нашептывая какие-то теплые слова, я стала словно красная тряпка для быка. Его реакция на мое присутствие показалась мне излишне эмоциональной, поэтому появилась шальная мысль, что виновником такого состояния близкой ему женщины стала именно магия. Сложно понять, кем эта девушка была для него. Родственницей? Они не очень похожи, поскольку мужчина темноволосый, а девушка, напротив, имела светлые локоны. Может, невестой? Подругой? Муки на его лице говорили совершенно точно о том, что она ему очень дорога.

Много лет назад, скитаясь по стране в поисках места, где можно было бы осесть, я бралась за разную подработку. В том числе и в госпиталях. Эти наполненные стонами и плачем мрачные места, в которых пахло смесью крови, гниения и спирта, навсегда оставили свой след в моей памяти. Именно там я видела такие же выражения лица, какое сейчас было у Ноа.

Я привыкла находиться рядом с чужой болью, слышать упреки и подбирать слова утешения. Конечно, воспоминания потускнели, но ощущения остались прежними.

— Я могу не нравиться вам и не обязана вызывать доверие, но сейчас речь не обо мне, — как можно мягче сказала я. — Она мучается, страдает...

Мужчина посмотрел на миссис Додсон, которая, не скрывая надежды в глазах, ласково кивнула. Это дало мне надежду на то, что Ноа перестанет упрямяться. Нежно потрепав девушку по щеке, пока она снова не опустилась на кровать и не притихла, он отступил, освобождая мне место и стараясь не встречаться взглядом.

Я не стала терять времени, присела на кровать, чуть приподняла девушку и прижала ее спиной к себе.

— Как ее зовут? — спросила у миссис Додсон, предполагая, что мужчина может снова заупрямиться.

— Эдолин, — ответила экономка.

— Откройте, пожалуйста, окно, — попросила я, ни к кому конкретно не обращаясь. Как только моя просьба была выполнена,

полностью переключилась на девушку. — Эдолин, слушай мой голос, следуй за ним.

Девушка дернулась, будто сопротивляясь, но я мягко придержала ее. Соприкоснувшись с телом Эдолин, я обратила внимание, насколько ее кожа горячая. Вероятно, дело было не только в психике, но и в физическом недуге. Еще в прошлый раз я заметила, как она бледна и слаба. Я решила добавить немного прохлады, и в комнату ворвался бодрящий ветерок. Он окутал наши тела, вызвав у меня легкий озноб, а у Эдолин хоть небольшое, но облегчение.

— Так, хорошо, — прошептала я ей на ухо. — Ты видишь какой-то кошмар, он мучает и терзает тебя, моя милая. Но мы ему больше не позволим. Слушай мой голос, следуй за ним. Где бы ты ни была, что бы тебя ни окружало, скоро снова выглянет солнце. Ты видишь его? Крошечный, еще очень робкий луч уже выглядывает из-за туч. Смотри, он подмигнул тебе.

Девушка еще несколько раз дернулась и затихла. Ее глаза смотрели куда-то в открытое окно и будто застыли.

— Видишь его? Он будто ребенок играет с тобой в прятки. Если спрячется, не пугайся, лучик вернется и приведет с собой друзей.

Капелька пота скатилась по виску Эдолин, она чуть склонила голову набок, и на лице ее появилась слабая улыбка.

— Очень хорошо, милая. Ты уже видишь ласковое солнышко. — Я погладила девушку по волосам, а потом начала перебирать прядки. — Слышишь шум? Это море. Прислушайся.

Эдолин прикрыла глаза и прижалась головой к моей груди. Она расслаблялась, и я не могла не обрадоваться этому.

— Почувствуй, как ласковая зыбь касается твоих ног. Как ее прохлада освежает. Как мерный шелест волн приносит покой и умиротворение.

Я обхватила голову девушки и прошептала несколько слов на древнем языке магов. Это заклинание показывал мне Огюст. Тогда я еще не знала, что обладаю магией, и с интересом наблюдала, как он усыпляет раненых животных, чтобы излечить их, а потом выпустить на свободу. В те дни я считала его прекрасным человеком и выдающимся магом.

Уже через несколько секунд Эдолин задышала ровно, и лицо ее совсем расслабилось. Очень осторожно я опустила ее голову на

подушку и помогла миссис Додсон укрыть девушку одеялом.

— Не закрывайте окно, это поможет сбить жар, — сказала я и повернулась к Ноа.

Слегка вздрогнула, заметив, что он уже не один. Инспектор Аддерли стоял по правую руку от друга и смотрел на меня странным взглядом. Я не смогла сразу распознать, какие именно меня ждут последствия: разочарование, потому что я практически сразу нарушила данное слово, или же благодарность, что казалось мне маловероятным.

— Мисс Хоггарт, я бы хотел с вами поговорить, — довольно сдержанно сказал он, и его тон снова не приблизил меня к ответу.

Я бросила взгляд на спящую девушку и последовала за мистером Аддерли. Его друг отправился с нами. Темными, уже дремавшими коридорами мы прошли в большую гостиную. Как ни странно, здесь горел камин, к которому мне тут же захотелось оказаться ближе.

— Позвольте представить вам моего друга мистера Ноэля Гаррисона, — устало сказал инспектор, и я взглянула на мужчин.

— Рада знакомству, — негромко ответила я, хоть и понимала, что мужчина не разделяет моих чувств.

— Ты обещал, что она не войдет в комнату! — недовольно сказал мистер Гаррисон другу.

Его поведение возмутило меня до глубины души, но, даже несмотря на обиду и вопиющую несправедливость, я промолчала.

— Мисс Хоггарт, — посмотрел на меня инспектор, — я же просил...

— В свое оправдание скажу, что не могу оставаться в стороне, когда слышу душераздирающие крики, — подавляя негодование, ответила я. — Вы сейчас будете отчитывать меня за желание помочь несчастной девушке?

Вопрос прозвучал с вызовом. Наверное, вид у меня был воинственный, раз мистер Аддерли ощутил необходимость обороняться:

— Я вовсе не собираюсь вас отчитывать, — сказал он, опускаясь в кресло, — поскольку считаю это занятие совершенно бесполезным. И мне пора привыкнуть, что вы не выполняете ни одной моей просьбы.

— Вы несправедливы! — В этот раз я не смогла сдержать обиду. — Я проснулась от криков и, поскольку они не прекращались, подумала, что рядом с девушкой никого нет. Ведь никто из слуг так и

не появился на шум! На что вы рассчитывали, когда поселили меня рядом с комнатой мисс Эдолин? На то, что я останусь глухой? Я уверена, что подобное случается не в первый раз и еще не раз случится.

— Признаюсь, я надеялся, что приступов в ближайшее время не будет, — развел руками инспектор. — Последний был буквально на днях, а раньше они не случались так часто.

Мистер Гаррисон прошел к столику с напитками и налил в два стакана янтарную жидкость. Он осушил одним глотком один из них, потом снова его наполнил примерно на треть и подал другой инспектору.

— Если вы расскажете мне о причине ее кошмаров, я смогу избавить ее от них. Не сразу, но со временем...

— Нет, ты это слышал? — пораженно замер мистер Гаррисон. — Она хочет, чтобы мы рассказали ей!

— Не веди себя по-скотски, Ноа, — резко сказал инспектор. — Прошу прощения, мисс Хоггарт. Мой друг очень устал и крайне обеспокоен состоянием младшей сестры. Не воспринимайте его грубость на свой счет.

— Я был и всегда буду груб с магами! Ведь это магия стала причиной... — Мужчина осекся, а потом отпил из стакана и с громким стуком поставил его на столик.

— Вы не можете упрекать меня в том, к чему я не имею ни малейшего отношения! Даже если магия виновна в нынешнем состоянии вашей несчастной сестры, я к этому не причастна!

— Возможно, и так, — уже мягче сказал мистер Гаррисон. — Но, кроме зла, я от магии не видел ничего.

— Буквально несколько минут назад вы собственными глазами видели, как магия помогла мисс Эдолин успокоиться. И я могу заверить вас, что она проспит спокойным и безмятежным сном до самого утра. Более того, ваша сестра увидит самые яркие и добрые сны, какие только сможет придумать ее воображение!

Я видела страдание на лице мистера Гаррисона, глубокие переживания оставили отпечаток в его голубых глазах и отразились на мыслях и действиях. Я не винила его за такое проявление боли, но и несправедливость терпеть не хотела.

— Я понимаю, что вы переживаете за сестру, и давить на вас не буду, — как можно увереннее сказала я ему, — но прошу вас обдумать мои слова. Для меня стало очевидным, что бедняжка не совсем здорова, — на этих словах мистер Гаррисон резко вскинул голову и посмотрел на меня, — и я уверена, что вы оба измотаны ее недугом, поэтому предлагаю избавить мисс Эдолин хотя бы от кошмаров. Никаких иных намерений, кроме как помочь, у меня нет. Подумайте об этом.

Мистер Гаррисон ничего не ответил. Он развернулся и быстро покинул гостиную, оставив после себя тягостное молчание.

— Отправляйтесь спать, мисс Хоггарт, — тихо сказал инспектор, глядя на пламя в камине. — Завтра утром у нас есть дела, вам нужно отдохнуть.

Он не смотрел на меня, лишь печально сдвинул брови и задумчиво сделал глоток из стакана. В голову пришла непрошенная мысль: «А кто эта девушка для мистера Аддерли? Как много она для него значит?» Вглядевшись в лицо инспектора, я увидела ту же боль, что и у брата Эдолин. В груди что-то сдавило, стало как-то не по себе, и, пока я не зашла в своих предположениях слишком далеко, лучше действительно отправиться в постель. Я развернулась и успела сделать несколько шагов, когда голос Аддерли донесся со стороны камина:

— Спасибо вам, мисс Хоггарт.

Остаток ночи прошел спокойно и даже можно сказать, что я более или менее выпалась. Завтракали впервые втроем. Мистер Гаррисон решил больше не прятаться, а занял стул как раз напротив меня. Беседа не клеилась, и было немного неловко. Благодарности от брата мисс Эдолин я, конечно, не дождалась, но судя по тому, что он соизволил сесть со мной за один стол, мистер Ноэль заставил себя проявить некое подобие учтивости.

Как и обещал, инспектор взял меня с собой к профессору Литсби. Мистер Аддерли воспользовался экипажем Олридж-холла, который был намного комфортнее кебов. Погода выдалась пасмурная, низкие тучи нависли над городом, угрожая в скором времени пролиться холодным дождем. Мы сидели на противоположных сиденьях, тем самым не стесняя друг друга. Экипаж двигался плавно, неспешно, будто тот, кто им управлял, был предупрежден о моем состоянии.

Такое размещение в экипаже позволило мне из-под полуопущенных ресниц наблюдать за интересным лицом инспектора. Он смотрел в окно, будто нарочно избегая встречаться со мной глазами. Это немного огорчало, потому что я успела привыкнуть к тому, как будоражат мою кровь его глаза. Порой взгляд инспектора говорил мне о многом, хотя из-за неопытности я отмахивалась от собственных фантазий на этот счет.

Спустя полчаса неторопливой езды экипаж остановился у серых стен института. Довольно унылое здание, на мой взгляд. Инспектор помог мне спуститься на землю и вежливо предложил руку, на которую я могла опереться при ходьбе. Не то чтобы в этом была необходимость, но я с радостью воспользовалась заботой мистера Аддерли.

К моему удивлению, мы не пошли на территорию института, а направились к маленькому каменному дому с заросшей мхом крышей, который располагался в некотором отдалении. Инспектор негромко постучал. Мы некоторое время подождали, но дверь так никто и не открыл. Мистер Аддерли нетерпеливо осмотрелся, заглянул в окно, прикрывая руками глаза от хоть и неяркого, но все же дневного света. Стало как-то тревожно на душе, и я снова постучала. Еще минута тягостного ожидания — и дверь отворилась. На пороге стоял забавный старичок с крючковатым носом, густой кудрявой шевелюрой и тонкими очками на носу.

— Что же вы так шумите, молодежь? — спросил он довольно бодрым голосом. — Я не могу уже так быстро передвигаться.

— Простите, профессор, — сказал Аддерли. — Вы долго не открывали, и я забеспокоился.

— Что ж, молодой человек, приятно, что о таком древнем холостяке хоть кто-то беспокоится. Проходите.

Мы вошли в уютную гостиную, заставленную книгами и всевозможными артефактами. Стены были завешаны картами, в том числе и звездного неба, изображениями символов и слов на незнакомых языках.

Профессор подошел к своему столу и выудил из-под кипы бумаг тот самый амулет, что я сорвала с шеи одноглазого Гарри.

— Знаете ли, инспектор, — сказал он, сдвигая немного очки с носа и глядя на амулет поверх стекол. — Занятную вещицу вы мне

принесли. Очень древнюю. Я изучил символы, что нацарапаны на амулете, и пришел к выводу, что он служил своего рода оберегом от магии и при этом сам создавал магический заслон.

— А кому он принадлежал? — поинтересовалась я. — Кто его создал? Вы смогли выяснить?

Профессор снял очки, почесал переносицу и поднял на меня свои темно-карие, почти черные глаза.

— Это стоило мне немалых усилий, но если знаешь, где именно искать...

Мистер Литсби говорил ужасно медленно, вызывая во мне зудящее нетерпение. В этот момент мне казалось, что мы вот-вот станем на шаг ближе к разгадке тайны. Я кожей ощущала необходимость выяснить, что за маг стоит за всей этой историей с сапфиром, и иногда самой себе напоминала одержимую.

— ...я перекопал почти всю литературу, что была мне доступна, и даже заглянул в городскую библиотеку, а в мои годы это, знаете ли, не так просто. Я едва справляюсь с дорогой до института и хоть и редкими, но важными для меня лекциями.

Я перевела взгляд на инспектора, который пожал плечами, демонстрируя, что такое поведение профессора ему привычно. Одними губами, только для меня, мистер Аддерли проговорил:

— Придется просто потерпеть.

И я смирилась, понимая, что давить на профессора не самая лучшая идея. Пока старичок во всех красках рассказывал, как и где он искал информацию, я рассматривала его дом. Заглянула в соседнюю комнату, где была спальня, прочитала названия нескольких книг. Надо отметить, что библиотека у профессора оказалась очень занятой.

— Такие амулеты заговаривают маги, очень сильные маги, — уловил мой слух, и я снова повернулась к мужчинам. — Как правило, для тех, кто собственными силами не обладает.

Это я и так знала, но ворчать не стала, понимая, что мистер Литсби наконец приближается к самому важному.

— Я нашел упоминание о нем в одном свитке, написанном пару сотен лет назад.

Внутри меня что-то дрогнуло, я ощутила странную вибрацию и невольно приблизилась к инспектору, прислушиваясь к ощущениям. Что-то назревало, сердце возбужденно забилося, тревога расправила

крылья, заставляя меня насторожиться. Я схватила мистера Аддерли за руку и крепко ее сжала.

— Что? Что такое, мисс Хоггарт? — встревоженно спросил он.

Что-то до боли знакомое ощутила моя магия, свободная рука потянулась к горлу.

— Что-то не так, инспектор, — прошептала я. — Я чувствую что-то... или, вернее сказать, кого-то...

Осознание пришло неожиданно, когда вибрация в груди усилилась, вызывая жгучее желание почесать саднящую кожу. И я сделала это, жадно, остервенело. Я чесала и чесала, но мне казалось мало, зуд все не проходил.

— Он здесь, — прошептала я непослушными губами, когда мистер Аддерли настойчиво отнял мою руку от покрасневшейся кожи.

— Кто?

— Маг! Тот, что был в ювелирном магазине мистера Оддеркота.

Инспектор тут же выхватил откуда-то из-под пальто свое оружие и завертел головой. Наверное, он тоже понимал, что против мага с пистолетом не выстоять, но так моему спутнику, вероятно, было надежнее.

Входная дверь резко открылась, и в дом ворвались двое. Мне не нужно было присматриваться, чтобы узнать их. Это оказались одноглазый Гарри и сутулый Мо.

— Прячьтесь! — скомандовал Аддерли. — Мисс Хоггарт, спрячьте профессора!

Гарри набросился на инспектора, а Мо кинулся к хозяину дома. Я вскинула руку и резко отшвырнула бандита к стене. Это на время оглушило его, но Мо меня не пугал. Я ощущала присутствие мага, а это значит, что все мы здесь можем погибнуть. Мне не одолеть его, я не настолько сильна. Схватив профессора за руку, я кинулась с ним в дальнюю комнату.

— Здесь есть еще один выход? — спросила я у него.

— Н-н-нет, — растерянно сказал старичок. — Разве что в окно...

Что ж, не имея иных вариантов, можно и в окно. Я бросилась к шторам и резко распахнула их, потом потянулась к раме. Окна были довольно старые и не сразу поддались моим усилиям.

— Вы что? — засуетился профессор, — и впрямь решили уходить через окно? Но... но я слаб...

— Вместе мы справимся, профессор, — заявила я, думая о том, почему маг сам не вышел, почему не напал? Все это время он старался держаться в тени, а значит, мы можем рассчитывать хоть на какую-то надежду покинуть этот дом живыми.

Я подставила к подоконнику стул и протянула руку старику, который забился в угол и усиленно мотал головой, не желая двигаться с места.

— Прошу вас, профессор, — взмолилась я. Бандиты не зря пришли сюда, им нужен был именно мистер Литсби, а это могло означать только одно — он знает то, о чем не должен рассказывать. — Я помогу!

Профессор оторвался от стены и на дрожащих ногах шагнул ближе. Ухватив его за руку, я бесцеремонно потянула старика на себя и помогла подняться на подоконник. Хорошо, что окно было достаточно широким, чтобы мы могли уместиться вместе. Прежде чем спрыгнуть на улицу, я прислушалась к звукам борьбы в комнате. Подавила порыв броситься инспектору на помощь, но, если я потеряю профессора, мистер Аддерли будет недоволен. К тому же я была уверена, что справиться с Гарри ему под силу.

Очень осторожно я спрыгнула на землю, а потом бесконечно долго помогала старику сделать то же самое. Прислушавшись к собственным ощущениям, я поняла, что почему-то не чувствую больше постороннюю магию. Это должно бы обрадовать меня, но, наоборот, насторожило.

Я высунулась из-за угла и, никого не обнаружив, потянула профессора за собой. Мой план был прост — нужно добраться до института, там есть люди, а это хоть как-то должно помочь. Остаться здесь, вдали от посторонних глаз, было опасно.

Двигались мы очень медленно, поскольку мистер Литсби не соврал, ноги его уже едва держали. От нетерпения и страха, что не смогу его уберечь, я жевала нижнюю губу и постоянно оборачивалась.

— Профессор, вы хотели рассказать, кто создал амулет, — на ходу сказала я, глядя назад поверх головы старика.

— Да... да... хотел, — борясь с отдышкой, сказал он. — Я выяснил, что этот амулет...

Мощный удар взявшей ее из ниоткуда магии сбил меня с ног, и я выпустила руку профессора из своей. Сам удар не причинил мне боли,

но падение привело к новым ушибам, которых и так было достаточно на моем теле.

Я с трудом поднялась и завертела головой. На этот раз мой взгляд наткнулся на человека в глубоком капюшоне. Твердой походкой он направлялся прямо к нам. Инстинктивно я выставила щит и встала перед насмерть перепуганным профессором. Маг, под капюшоном которого виднелась темная маска, вытянул вперед руку, и профессор упал на колени, хватаясь за горло. Без труда человек в капюшоне пробился сквозь мою защиту. Испугавшись как никогда в своей жизни, я тоже взмахнула рукой, но мой выпад лишь притормозил мага, который продолжал душить профессора.

— Нет! — взмолилась я, совершенно отчетливо понимая, что старик долго не выдержит. — Пожалуйста, не надо! Он же ни в чем не виноват!

Маг медленно приближался, никак не реагируя на мои слова. Профессор корчился на земле. Его лицо покраснело, все вены вздулись, глаза сделались огромными, в них стояли слезы.

— Это бесчеловечно! — сквозь рыдания крикнула я. — Он всего лишь немощный старик!

Понимая, что магия мне не поможет, я кинулась на руку мага и попыталась оттолкнуть его, уже слыша за спиной жалобные хрипы умирающего профессора.

— Хватит! — крикнула я, но маг остался глух к моим мольбам и продолжил душить старика.

Раздался выстрел, маг обернулся, сбрасывая меня со своей руки. Я успела заметить, как Гарри выскочил из дома и помчался прочь. Инспектор выбежал следом, но, заметив нас, сменил направление. Маг резко развернулся к старику, лежащему на земле, присмотрелся, а потом исчез.

— Вы целы? — на бегу спросил меня инспектор и кинулся к профессору. Старик уже был мертв.

Глава 13

НАПРЯЖЕННОЕ УТРО И ТРЕВОЖНЫЙ ВЕЧЕР

Я сидела на земле, обхватив голову руками, и не могла оторвать взгляда от раскрытых, остекленевших глаз профессора. Они смотрели в небо, но уже ничего не видели. Внутри нарастал праведный гнев, слезы лились ручьем.

— Зачем нужно было убивать старика, Артур? Я не понимаю, — пробормотала я, вытирая влажные щеки.

Инспектор присел на корточки возле меня, неуверенно коснулся пальцем подбородка и приподнял мою голову. Серые глаза смотрели ласково, с сочувствием. Теплое касание грело не только кожу, но и душу.

— Я думаю, что они точно так же, как и я, догадались о том, что профессор может вывести на создателя амулета. Наш противник очень умен и самоуверен. Вы видели его лицо?

— Кого? Мага? — дрожащими губами спросила я. — Нет, но вы правы, он очень силен. Настолько, что я против него словно беззащитный ребенок. — Слезы полились еще быстрее, я снова посмотрела на мертвого старика. — Я не смогла, Артур, не смогла его защитить. Простите меня, прошу... простите меня...

— Вы ни в чем не виноваты. — Мистер Аддерли порывисто прижал меня к себе, и я уткнулась в его грудь, давая волю рыданиям. — Вы сделали все, что могли. Никто бы не смог сделать больше...

Инспектор нежно гладил мои волосы и шептал слова утешения. Его сердце взволнованно билось в груди, а руки прижимали меня теснее. Я судорожно выдохнула, осознавая, что за последние двадцать пять лет, с самого дня моего пробуждения, ни разу не чувствовала себя более безопасно. Этот человек менял меня, рядом с ним я оживала, хотела дышать, смеяться и, хоть и не приходилось до сих пор, любить. Любить хотелось отчаянно, безудержно, страстно и самозабвенно.

Я медленно отстранилась, понимая неуместность этих мыслей в сложившейся ситуации, и снова погрузилась в тепло и участие пронзительных глаз инспектора. Меня будто окутали заботой и нежностью, трепетно берегли, словно хрупкий сосуд.

Артур медленно вдохнул, а потом потянулся к моему лицу. Я застыла, опасаясь спугнуть его очередной порыв.

— Вы были молодцом, мисс Хоггарт, — сказал инспектор и, едва касаясь кожи, стер остатки слез с моего лица. — А теперь давайте подниматься на ноги. У меня будет к вам просьба.

Очень бережно, аккуратно придерживая меня за плечи, инспектор помог встать. Я сделала несколько порывистых вдохов и выдохов, чтобы взять себя в руки. На несчастного профессора старалась не смотреть. Его мертвое лицо и так навсегда отпечаталось в моей памяти.

— Что я должна делать?

— Отправляйтесь в институт, у них должен быть телеграф. Попросите отправить сообщение в участок. Нужно перевезти тело профессора в морг и конвоировать Мо.

— Мо? — изумилась я. — А он разве не сбежал?

— Нет, — мягко улыбнулся Аддерли. — Вы, кажется, хорошо его приложили. Я успел его связать, пока и Гарри был без сознания. Жаль, что одноглазый ускользнул.

— Но у нас теперь есть Мо! — тут же воодушевилась я, хватая инспектора за руку. — Мы можем узнать, что за маг управляет ими.

— Будем надеяться, мисс Хоггарт, будем надеяться.

Я выполнила просьбу инспектора так быстро, как смогла. Некоторое время понадобилось, чтобы объяснить сотруднику института, что именно от него требуется. Новость о смерти профессора разлетелась довольно быстро. Когда я вернулась обратно, мистер Аддерли уже уговаривал студентов и некоторых преподавателей отойти подальше и не беспокоить тело мистера Литсби, все еще лежавшее прямо на земле.

Наблюдая за работой инспектора, я только сейчас заметила усталость и некую потрепанность в его внешнем виде. Пальто он где-то потерял, пиджак был надорван на рукаве, брюки помялись, на них осела пыль, на скуле ссадина. Результаты борьбы с Гарри.

— Сейчас прибудет полицейский кеб, я попрошу отвезти вас в Олридж-холл, — очень тихо сказал инспектор. — Некоторое время здесь будет не до вас.

— Могу дожждаться вас, мистер Аддерли. — Я невольно вспомнила, что дважды обратилась сегодня к нему по имени. Смутилась, но инспектор если и заметил, то не стал подавать вида.

— Не стоит, — заглядывая в глаза, улыбнулся он. — Вы не так давно подверглись нападению и еще не успели оправиться. Уже завтра прием в доме мистера Хардмана, а мы с вами выйдем весьма интригующе. Оба.

Я понимала, что инспектор не хотел меня обидеть или задеть, а просто констатировал факт, но крупница сожаления все же поселилась в груди. Хотелось бы слышать только комплименты.

— А можно мне тогда отправиться в пансион? Я думаю, у миссис Баррингтон могли появиться новости.

Я вложила в свой взгляд всю мольбу, на какую только была способна. Артур сначала серьезно взирал на меня с высоты своего роста, а потом сдался, и один уголок его губ приподнялся в подобии улыбки.

— Хорошо, — сказал он, и я ощутила внутреннее торжество, — но, как только я закончу с делами, заберу вас домой.

Это «домой» прозвучало так странно, так неожиданно приятно, что я не справилась с волнением и смущенно улыбнулась, пряча глаза. Инспектор отступил, развернулся, хотел отойти, но вернулся ко мне.

— Я хочу, чтобы вы были в безопасности. Раз уж вас затянуло в самую гущу расследования, моя задача уберечь вас. Особенно после того, что с вами произошло.

Инспектор, как мальчишка, оправдывался, и я снова улыбнулась. Милее ничего не слышала. Спустя десять, быть может, пятнадцать минут всю территорию возле дома профессора заполонили констебли. Стало совсем тесно. Кто-то фотографировал, доктор осматривал тело, а потом пожимал плечами и что-то неуверенно говорил инспектору, который, в свою очередь, что-то пояснял. Наверняка пытался объяснить, как именно умер профессор.

— Мисс Хоггарт, — обратился ко мне констебль Брикман, — я буду сопровождать вас до пансиона.

— Благодарю вас, Райли, — ответила я и кивнула.

Молодой человек проводил меня до кеба, помог разместиться в нем и осторожно пристроился рядом. Казалось, он боялся шевелиться, чтобы никак не побеспокоить меня.

— Могу я спросить, мисс Хоггарт? — заговорил констебль, когда я рассматривала в окно город и растирала виски, ощущая вернувшуюся головную боль.

— Конечно, — ответила я.

— Какими именно силами вы обладаете? — Юноша смотрел на меня широко раскрытыми глазами и с откровенным интересом. — В чем заключается ваша магия? Или все маги умеют одно и то же?

Я задумалась над его вопросом, решая, как коротко и достаточно развернуто ответить. Это было не так-то просто.

— Я спросил что-то неприличное? — смутился Райли.

— Нет, ну что вы, — успокоила я его. — Просто пытаюсь подобрать слова, — и снова сделала паузу. — Нет, маги не обладают одним и тем же набором способностей. Есть, конечно, нечто общее между ними. Почти все мы можем ощущать присутствие чужой силы, но не все могут распознать ее, угадать, в чем она заключается. Большая часть магов обладает способностью передвигать предметы силой мысли, чувствовать погоду, ощущать присутствие живого существа поблизости...

Я понимала, что говорю так, будто рассказываю урок своим девочкам, но констебля Брикмана моя манера изложения, похоже, не беспокоила. Он с чуть приоткрытым ртом ловил каждое слово.

— Есть колдуны, способные управлять чужими мыслями, внушать идеи, побуждать к нежелательному действию.

— А вы умеете превращать один предмет в другой? — спросил он.

— Я — нет. — Меня радовало подобное любопытство. Вообще, этот юноша был мне очень симпатичен с его часто краснеющим лицом, подвижным умом и внимательными глазами. — Но у меня есть ученица, которая на это способна. Ей всего шесть лет, но она может изменить внешний вид любого предмета и даже внешность человека.

— А сражаться вы умеете?

— Не скажу, что мне приходилось часто это делать. — Я отвернулась к окну, чтобы юноша не увидел печаль, проснувшуюся в сердце и отразившуюся на лице. — Но в случае необходимости

защититься я, пожалуй, смогла бы. Вы спрашивали, какими способностями обладаю именно я, — чтобы отвлечься от грустных мыслей, напомнила ему. — Я могу вернуться в прошлое. В любое место в любое время. Могу избавить от кошмаров, страха, паники. Могу ненадолго зачаровать кого-то. Ну и прочие мелочи, которые было бы просто невозможно перечислить.

— А почему вы такая одинокая? — неожиданно спросил он, и я вскинула голову, глядя юноше в лицо.

В горле образовался ком. Он мешал говорить свободно, поэтому я кашлянула, прежде чем ответить:

— Почему вы решили, что я одинокая?

— Не знаю. — Райли пожал плечами. — Просто вижу. Иногда я замечаю блуждающий взгляд, словно вы все время ищете кого-то. Кого?

— Себя, наверное, — пробормотала я, а потом уже громче сказала: — Мне некого искать. Я совсем одна на этой земле.

За эти годы я часто думала о том, была ли у меня семья. Тогда, чуть ли не полтора века назад. Если и была когда-то, то они давно умерли, не оставив даже памяти обо мне.

Больше констебль ничего не спрашивал, а я не хотела говорить. Сердце радостно подпрыгнуло, когда глаза увидели стены родного пансиона. Я распрощалась с Райли и буквально выскочила из кеба. Меня встретили радостные крики и объятия. Время близилось к обеду. Теоретические занятия закончились, практические начнутся не скоро.

Фредди охала и ахала, когда я поведала ей все, что произошло со мной за это время. Моя подруга ходила по классу, где были и мои ученицы, которые наотрез отказались уходить и уверяли, что им можно доверять. Я несколько не сомневалась, поэтому позволила девочкам остаться. Юная Элла Гилл с помощью своих сил залечила мои раны, однако головная боль так и не прошла.

По мере рассказа я наблюдала за Каролиной, поскольку, пока отсутствовала, переживала за девушку. Она казалась немного отстраненной, но больше ничего странного я не заметила. Отбросив наконец свои подозрения, я решила больше не вспоминать о воронах и прочем. В конце концов, это никак не отразилось на здоровье моей ученицы, а излишнее беспокойство может довести до безумия.

Уиннифред поведала, что миссис Баррингтон и мистер Оглси уже два дня неустанно изучают кулон и книги о драконьем пламени. Они запираются в кабинете хозяйки пансиона и никого туда не пускают, дабы не подвергать обитателей пансиона лишней опасности. Где миссис Баррингтон хранила сапфир, никто не знал, да и знать не хотел. Опасная вещь все-таки. Я было подумала присоединиться к изысканиям своей благодетельницы, но Фредди уверила меня, что, пока они сами не выйдут из кабинета, попасть внутрь я не смогу.

Пообедав вместе с девочками, я ушла в комнату и переоделась, сожалея о прекрасной ванной в Олридж-холле. Странно, но я уже скучала по этому просторному дому, его запахам, его обитателям, его непередаваемо-чарующей атмосфере. Приведя себя в порядок, вышла из комнаты и направилась в гостиную, чтобы выпить чаю с Фредди, прежде чем посетить практические занятия, дождаться хозяйку пансиона и поговорить о новостях.

Спустившись вниз, я оказалась в узком коридоре. Сделала пару шагов и услышала странный звук. Сердце тревожно забилося. Остановилась, прислушалась. Из стены медленно показалась кучерявая шевелюра. Я присмотрелась, узнавая одно из привидений этого дома.

— Так и с ума сойти можно, — пробормотала я себе под нос. — В собственном доме буду искать опасность. От каждого звука шарахаться.

Привидение давно почившей женщины посмотрело на меня странно. Открыло рот, будто кричало во все горло, но звуков, как и положено, я не услышала. Повеяло холодом и пустотой. Я поежилась и обняла себя руками, делая новый шаг. И снова этот звук. Я решила просто покинуть коридор как можно скорее, но не успела. Когда проходила мимо приоткрытой двери, газовые лампы замигали, а потом и вовсе погасли. Я вздрогнула от испуга и, как только собралась прибавить шаг, почувствовала, что уже не одна. Прежде чем разобралась, меня резко втолкнули в комнату и захлопнули дверь. Я вскрикнула от неожиданности, а потом услышала все тот же звук. Обернулась. Позади меня зияла дыра в пространстве. Портал. Словно почуяв мое присутствие, он шевельнулся, расширяясь, а потом поглотил меня.

Немного придя в себя от ужаса, приоткрыла глаза и не удержалась от удивленного возгласа. Я оказалась в той самой башне, с которой началась череда странностей в моей жизни. Посреди продуваемого ветрами зала все также стоял котел. Светло-желтый кирпич сейчас казался серым от влаги и вообще складывалось впечатление, что башня первого магистиума заброшена и позабыта.

— Вы уже бывали здесь, мисс Хоггарт, — послышался голос за спиной, и я вздрогнула от неожиданности. — Правда, не одна, и видели то, что вам видеть не полагалось.

Голос не казался знакомым, а обернуться и взглянуть в лицо говорившего я не решалась. Понимала, что трусить не время, но на словах быть храбрым легко, а столкнуться лицом к лицу с кем-то настолько сильным и безжалостным на деле оказывается очень страшно. Добавили ужаса воспоминания о ювелире и профессоре.

— Прошу прощения, мисс Хоггарт, — продолжил он, — вы ведь так сейчас называете себя?

Я снова вздрогнула, только на этот раз по спине поползли леденящие душу мурашки. Этот человек знал меня прежнюю? Теперь ничто не могло меня остановить, я резко обернулась. Передо мной стояла все та же фигура в плаще и маске. Не знаю даже, какое чувство преобладало во мне: разочарование или облегчение.

— Что вы знаете обо мне? — дрожащими от волнения губами произнесла я.

— Немного на самом деле, — ответил маг, и мне показалось, он усмехнулся. — Но даже те крупницы, что мне известны, не достигнут ваших ушей. Вы должны узнать о своем прошлом сами.

— Что это значит?

— Лишь то, что я сказал. Вы должны выяснить сами, кто вы и откуда.

— Тогда кто вы и чего хотите от меня?

Как бы мне ни хотелось вытрясти из него все, что он знает, я понимала — мне это не под силу, поэтому хоть и с трудом, но подавила горечь.

— Мое истинное имя вам знать необязательно, оно ничего вам не даст, а вот в тесном кругу... мм... самых близких меня называют Лютером. — Маг говорил медленно, можно даже сказать, лениво, а я

наблюдала за тем, как он бродит вокруг котла. — Отвечая на ваш второй вопрос, скажу: у вас есть то, что принадлежит мне.

— Кулон с сапфиром, — выговорила я.

— Именно. — В голосе Лютера послышалась угроза, которая вызвала мороз по коже. Я обняла себя руками. — И вы отдадите его мне!

— Ради него вы убили ювелира и несчастного профессора!

— Согласитесь, мисс Хоггарт, брать чужое нехорошо, — с нажимом на последнее слово сказал он. — Вы, как никто другой, понимаете, что у подобных вещиц есть настоящие хозяева, для которых они и создавались! Вы ведь уже выяснили, что магию заточил туда Томас Марлоу.

Это не было вопросом. Лютер уже знал обо всем, что мне известно. Это пугало до дрожи, до безумия, до смерти. Маг не ждал ответа, казалось, просто разглядывал меня, изучал.

— Не мне вам объяснять, что кулон с заключенной в нем магией опасен для того, кому не принадлежит, поэтому должен вернуться к хозяину.

— Мне понятно ваше желание вновь обладать кулоном. — Я не стала говорить, что мы уже знаем, какая магия в нем таится. Почему-то решила об этом умолчать. — Но мне непонятно, зачем он вам? Ведь магию высвободить вы не сможете. Только Томас Марлоу обладал такой властью.

— О! — Маг развел руками, и мне показалось, там за маской пряталась хищная улыбка. — Пусть вас это не заботит, милейшая мисс Хоггарт. Вы верните кулон, остальное — моя проблема.

Внутри у меня все похолодело, стоило только представить, что этот монстр каким-то образом вернет себе утраченную ранее силу. Он и сейчас колоссально силен, что будет потом? Сердце тревожно заныло, предчувствуя недоброе. Как я могу отдать ему кулон? Я и раньше говорила, что его нужно уничтожить.

— Не могу, — еле слышно, неуверенно ответила я, чувствуя, как от страха подкашиваются ноги.

— Простите, что? — переспросил маг, медленно приближаясь.

— Я не могу отдать вам кулон, его у меня нет.

— Не играйте со мной, мисс Хоггарт, это опасно! — Лютер буквально всем своим видом демонстрировал угрозу.

По сути, я и не лгала, ведь сапфир находится под присмотром миссис Баррингтон, а она точно его не отдаст. Хозяйка пансиона жизнь свою положит, но такую мощь темному колдуну не вернет.

Мне вдруг в голову пришла мысль, чудовищно глупая, наверное, и несвоевременная, но ведь мысли свои контролировать мы не в состоянии, верно? Я подумала о том, зачем живу на этом свете? Почему мне выпала доля бессмертия? Нет, я, конечно, не бессмертна в привычном понимании, но тело мое не стареет, никак не меняется, и это было бы прекрасно, если бы не было так чудовищно. Почему я пролежала под толщей льда сотню лет и проснулась живой? Почему именно сейчас? А если я сейчас умру прямо здесь? Лютер не оставит меня в живых, если я не дам ему то, что он просит. Достаточно ли я прожила? Вышел ли мой срок? Подобные мысли уже приходили в голову, и порой я не чувствовала абсолютно ничего, думая о смерти. Но теперь все изменилось. Сердце дрогнуло, когда перед глазами возник образ прекрасного мужчины, что занимал мои мысли почти постоянно. Ласковая улыбка, добрые глаза и чарующий голос, от которых сбивалось дыхание и пела душа. Кровь прилила к щекам, когда подумала о его губах и о своем желании узнать их вкус.

Я тряхнула головой и подняла глаза на безликую маску Лютера. Тот факт, что невозможно было увидеть его лица, и пугал, и радовал.

— Я знаю, что кулон в пансионе, — сурово сказал маг. — И вы принесете его мне.

— А если нет? — Слова дались нелегко, но я должна была знать.

Лютер отстранился, склонил голову набок, а потом приглашающим жестом указал на котел. Я медленно двинулась вперед, ноги отказывались слушаться, но я была вынуждена.

— Загляните, мисс Хоггарт, и увидите ближайшее будущее, — сказал маг, и я сделала, как он велел. — Вот что будет, если вы не подчинитесь.

В котле готовилось какое-то варево, над поверхностью клубилась белая дымка. Маг махнул рукой, и дымка рассеялась. Передо мной появился Хэксмен-хаус во всей своей красе. Будто издеваясь, маг показал его утопающим в цветах и зелени парковых деревьев. Летом поместье выглядит поистине волшебным. Еще один взмах руки, и мы уже в гостиной. Увиденное настолько поразило меня, что я зажала рот рукой, заглушая вопль. Я видела тела. И не просто тела, а

растерзанные и изуродованные останки. Мои ученицы, истерзанные, в крови. К горлу подкатила тошнота, я зажмурилась.

— Смотрите, мисс Хоггарт, — велел мне маг, и я ощутила сильное давление на шею. Давление переросло в боль, и мне пришлось открыть глаза и продолжить смотреть. — Ради того, чтобы вернуть свое, я готов выпотрошить ваших девочек собственноручно.

Его вкрадчивый шепот пробирал до костей. Хотелось бежать без оглядки, бежать как можно дальше и никогда не оглядываться назад.

— Я приду в пансион лично и устрою там бойню, а вас оставлю жить, чтобы вы никогда не смогли забыть то, чему стали виновницей. Почуввав кровь, я уже не смогу остановиться. Вы видели, на что я способен, думаю, сомневаться в серьезности моих намерений вам не придется.

Вынужденная смотреть на мертвые изувеченные тела, я глотала слезы. Как можно угрожать смертью детей? Кем нужно быть, чтобы совершить подобное?

— Мне пришлось пойти на жертвы, мисс Хоггарт, и немалые, чтобы заполучить силу, которую хранит сапфир! Я ни перед чем не остановлюсь, чтобы вернуть его!

— Зачем же вы заключили это в камень? — спросила я наконец, отвернувшись.

Лютер, похоже, решил, что мне достаточно, и разворачивать обратно не стал. И без того эта картина уже выжжена в моей памяти.

— Я не смог сразу совладать с такой мощью, — с горечью в голосе сказал маг. — Пришлось часть магии скрыть. Некоторое время я постигал ее могущество, а когда понял, что уже готов, кулон ускользнул от меня. Я искал его очень долго, мисс Хоггарт, и лишь двадцать пять лет назад ощутил его едва бьющийся, будто сердце, зов.

Маг отошел от котла, энергично жестикулируя. Его движения выдавали нетерпение и недовольство. Когда такая власть постоянно ускользает из рук, любой ощутит подобные эмоции.

— Четверть века я сходил с ума! Буквально!

Лютер развернулся ко мне, и я невольно отступила. Этот человек безумен, и я понятия не имела, чего от него ждать.

— Вы даже представить себе не можете, на что это похоже! — Голос мага звучал все громче. — Это как подкожный зуд, который невозможно ничем успокоить. Навязчивые сны, чувство чего-то

недостающего, постоянная тревога и наваждение. И в тот момент, когда я его нашел, сапфир буквально вырвали из моих рук! Я зол, мисс Хоггарт, очень зол, но я дам вам возможность решить эту проблему мирным путем. Я даже сделаю больше! Окажу вам услугу.

Маг снова подошел ко мне, и в этот раз настолько близко, что я заглянула в его ледяные глаза в прорезях маски. Ничего более безжизненного мне видеть не приходилось. Глаза его казались мертвыми, словно в них не было души.

— Я подарю вам ключ к вашему прошлому, мисс Хоггарт. Совершенно безвозмездно, просто потому, что искренне хочу помочь вам его обрести.

— Мне не очень верится в искренность ваших порывов, — не скрывая неприязни, горячо заявила я.

— Ваше право! — Он пожал плечами. — Для того чтобы найти ответы, вам придется вернуться к придворным магам и забрать то, что они нашли в том леднике вместе с вами.

— И что же это?

— Я не могу знать наверняка, но это должен быть какой-то небольшой магический предмет. Поинтересуйтесь у Огюста.

Услышав ненавистное имя, я передернулась.

— Вы знаете Огюста? — Голос предательски дрогнул.

— Придворный маг глуп и самоуверен. К тому же одержим вашим долголетием. Вы сумели скрыть от него магию, а это иначе как позором и не назовешь.

— Полгода магия во мне не просыпалась. — Не знаю, почему сказала это, будто оправдывая Огюста.

— Все равно, — махнул рукой Лютер. — Вернитесь в горы и заберите этот предмет. Он откроет ваше прошлое, вы сможете все вспомнить.

— Так просто? — с сомнением спросила я.

— Иногда самые желанные ответы — самые простые, — сказал маг. — А теперь вам пора возвращаться. Поговорите с вашей милой хозяйкой и примите решение. Мне бы не хотелось врываться в пансион и делать все самому. Исход определять вам.

— Как я вас найду?

— Я узнаю, что вы готовы вернуть мне сапфир, и приду сам.

Больше Лютер ничего не сказал, качнул головой и исчез. Ощушая удушье, я подошла к краю башни и вдохнула прохладный воздух полной грудью. Страшно было до боли. Запоздалые вопросы завертелись в голове. Вот почему они не приходят вовремя? Я хотела знать, почему маг держит себя в руках и не действует еще более жестоко? В его нежелание убивать я по очевидным причинам не верила. Знала, что добраться до кулона даже он не смог бы, поскольку миссис Баррингтон обладала уникальной способностью прятать вещи. Ее тайник обнаружить просто невозможно. Видимо, Лютер знал об этом, поэтому решил действовать иначе. Однако ничто не мешало ему заявиться в пансион и, угрожая нашими жизнями, просто вынудить хозяйку вернуть сапфир. Что-то беспокоило меня в его поведении, что-то никак не давало покоя, что-то такое, до чего я пока никак не могла додуматься.

Глава 14

НЕПРОСТЫЕ РЕШЕНИЯ

Вновь очутившись в коридоре пансиона, я ощутила озноб. Мне предстояло пересказать нашу беседу с темным миссис Баррингтон, а потом принять решение. Я не торопилась, уже потеряв желание пить чай. Некоторое время бродила туда-сюда, прокручивая в голове все, что услышала от Лютера. Его слова о моем прошлом. На минуту стало страшно, сердце сжалось. Столько лет я живу в неведении, что только не придумывала себе о том, кем была и как жила. Хочу ли я знать правду? Впервые ощутила необходимость посоветоваться с кем-то помимо хозяйки пансиона. Аддерли, вот кому стоило все рассказать. Но я пока не представляла, как именно это сделать.

— Знаете ли, инспектор, мое имя не Аделаида Хоггарт, мне больше ста двадцати пяти лет, и я почти бессмертна, — пробормотала себе под нос и качнула головой. — Ужас.

Представила себе его выражение лица: сначала растерянное, потом удивленное и, наконец, испуганное. Нет, я вовсе не считала его трусом, но такие вот слова любого напугают. Горько вздохнула. Как бы ни было трудно, рассказать нужно. Я теперь крепко связана с его расследованием, и утаивать что-то было бы неправильно. Покопавшись в собственных чувствах, поняла: я абсолютно доверяю ему, однако реакцию предсказать не могу.

Еще немного потопталась в коридоре, не забыв поразмышлять о том, каким образом в защищенном пансионе появился портал и кто же толкнул меня в него, отправилась в свою комнату. К вечеру голова разболелась еще сильнее, она буквально раскалывалась, принося невероятные мучения. Покопавшись в маленькой сумочке, отыскала порошок, который дал мне любезный доктор Джарви, выпила и присела на кровать. Не заметила, как задремала. Разбудил меня робкий стук в дверь. Фредди просунулась в проем, а потом, получив приглашение, вошла.

— Миссис Баррингтон ищет тебя и готова поговорить.

— Спасибо. — Я поднялась с кровати, понимая, что голова болеть не перестала. Даже показалось, стало хуже. К тому же ужасно хотелось

спать.

В кабинете миссис Баррингтон я сразу же присела и попыталась растереть пальцами виски. Боль немного уменьшилась, но не прошла окончательно. Хозяйка пансиона встретила меня ахами и вздохами. Хорошо, что я успела привести себя в порядок и она не видела, как я выглядела раньше. Сглаживая углы и насколько возможно утаивая подробности, я рассказала о том, что произошло и почему инспектор решил оставить меня при себе. Несчастливая женщина хмурилась, сердилась, а потом снова охала, хватаясь за голову. Мистер Огlsi задумчиво молчал, особенно когда я поведала о портале и разговоре с магом.

— Это невысмыслимо! — возмущенно подскочила со своего стула миссис Баррингтон. — Кто осмелился создать портал в моем пансионе? Как такое возможно? И как, черт побери, мы этого не почувствовали?

Такие слова редко вырывались из уст женщины, исполненной достоинства, поэтому мы сделали вид, что не заметили ругательств. Милая хозяйка была возмущена до глубины души, а еще ужасно расстроена и даже подавлена.

— Как же так? Как я могла не заметить, не почувствовать? Я же так и девочек убереечь не смогу. — На глазах миссис Баррингтон выступили слезы, губы ее задрожали, и мое сердце вновь сжалось.

— Это не ваша вина, милейшая миссис Баррингтон, — попытался ее успокоить мистер Огlsi. — Все мы уже понимаем, что столкнулись с кем-то настолько сильным, что противостоять ему в одиночку невозможно. Мы усилим охрану пансиона и отныне будем крайне внимательны и осторожны.

— О чем вы, мистер Огlsi? — печально вздохнула женщина, снова опускаясь в свое кресло. — После тех воронов мы и так максимально укрепили защиту здания, все жители пансиона настороже. И еще. Я никак не пойму, почему не ощутила вторжения? Магическое заклинание привязано ко мне, и о любом вмешательстве мне должно стать известно. Пусть я не смогла бы его остановить, но так чтобы совсем не знать о нем — это уже невысмыслимо.

Я сидела в кресле и сквозь боль пыталась разобраться в словах миссис Баррингтон. Что-то в них меня насторожило. Ах, если бы не это недомогание и жуткое желание спать. Зря я выпила порошок.

Тряхнув головой и прогоняя непрошеную сонливость, я изо всех сил сосредоточилась на предмете размышлений.

— А если вторжения не было? — непослушными губами выговорила я, и три моих собеседника резко обернулись ко мне.

— Как это не было? — спросила Фредди, заглядывая в мои глаза. По выражению ее лица я поняла, что она догадывалась, о чем я говорила, но верить в это не хотела.

— Если портал создал кто-то внутри этих стен? — продолжила я, переводя взгляд на побледневшую миссис Баррингтон. — Кто-то же втолкнул меня в него.

— Это абсурд, — поджимая губы, сказала женщина. — Просто невозможно. Я не верю... нет, я отказываюсь в это верить.

— Ты подозреваешь кого-то конкретного? — спросила Уиннифред.

— Да, но, как и миссис Баррингтон, верить не хочу.

— Каролина? — одними губами и только для меня произнесла подруга, и я кивнула, ощущая полное опустошение.

Мисс Кэри обладала поистине сложным характером, но в ней не было зла. Или я не заметила? Не хотелось верить, что она делала это нарочно. Вороны вновь закружили перед глазами, сами собой отвечая на все мои внутренние вопросы. С этим еще предстояло разобраться. Гул в голове снова усилился, глаза резало от усталости.

— Миссис Баррингтон, вам что-нибудь удалось выяснить? — спросила я, отчего-то решив, что времени у меня осталось немного. Инспектор должен был забрать меня в Олридж-холл, а я хотела еще успеть узнать новости.

— Да, — справляясь с ворохом эмоций, ответила она, после того как попросила мистера Огlsi сходить в тот самый коридор, где меня отправили в путешествие, и осмотреться. — Выяснили мы немного, и даже не знаю, чем это сможет помочь.

— Расскажите, и мы вместе подумаем, — ответила я тихо. Боль стала невыносимой, я даже скривилась, опуская голову на ладонь.

— Записей о первом магистиуме и о его создателе в моей личной библиотеке не очень много. Пришлось выискивать любые упоминания о них. Мистер Огlsi занимался поисками информации о сапфире. — Не в силах усидеть на месте, женщина вновь поднялась и, потирая ладони, прошлась по комнате. — В итоге мы выяснили следующее:

Окарт не любил рассказывать о себе, личностью был закрытой. Но, как общеизвестно, легендарной! Его ученики всегда с благоговением вспоминали о заслугах мага и о том, как Окарт изменил их жизнь. Почти все из них стали уважаемыми людьми, известными в определенных кругах, умелыми. Но есть упоминание еще об одном ученике, чье имя не указывается.

Услышав последние слова, я насторожилась и села прямо, стараясь не пропустить ни одного слова.

— В записях о нем сказано мало: молод, напорист, талантлив, страстен. Ни описания внешности, ни описания талантов. Этого ученика Окарт будто скрывал, занимался с ним индивидуально в своей башне.

— Очень странно, — пробормотала Фредди.

— Именно! А если учесть, что все учителя любят так или иначе хвалиться своими учениками, то выглядит это еще и подозрительно. Особенно если ученики очень талантливы. Также мы выяснили, что Окарт изучал драконье пламя.

Миссис Баррингтон затихла, наблюдая за нашей реакцией, и была весьма ею довольна. Она сжала губы, будто скрывая удовлетворенную улыбку, которую наверняка посчитала неуместной. Я бы тоже улыбнулась от умиления, если бы предмет нашей беседы не был настолько серьезным.

— Окарт собрал почти все книги о нем и даже отправлялся на поиски мест прежнего обитания драконов. В последние годы жизни Окарт стал одержим их магией настолько, что чуть не лишился рассудка. Однако незадолго до смерти успокоился и будто переменялся, как пишут современники.

— Похоже, успокоился он как раз потому, что это самое пламя обнаружил, — сказала я. — Но если он сам был так им одержим, почему не оставил себе, а передал ученику? Как я понимаю, молодой мужчина, которого мы видели в башне, и был тем самым учеником.

— Возможно, Окарт не мог совладать с пламенем, — предположила Уиннифред.

— Маловероятно, — ответила миссис Баррингтон. — Окарт был сильнейшим из нас.

— Но это не означает, что не нашлось кого-то еще могущественнее. А если ученик далеко превзошел своего учителя?

Если Окарт это понимал и вынужден был отдать магию драконов ему?

Я рассуждала, пытаюсь уловить суть случившегося чуть ли не полтора столетия назад. У меня не осталось сомнений.

— Итак, подводя итоги, что мы имеем? Ученик Окарта скрывал свою мощь от всех остальных жителей магистиума. Занимался индивидуально, опять же чтобы скрыть свои способности. Скорее всего, вместе с Окартом был одержим драконьим пламенем. Они его обнаружили, и по какой-то неизвестной нам причине сила досталась ученику.

Я ненадолго прикрыла глаза, чтобы свет не причинял еще большую боль. Мне становилось все хуже.

— Как оказалось, ученик тоже не совладал с пламенем и обратился за помощью к Томасу Марлоу, который создал кулон, поместив в него часть этой самой силы. Опять же по неизвестной нам причине кулон затерялся, и ученик, будем называть его именно так, как он представился, то есть Лютер, искал его долгие годы.

Я снова замолчала, вспоминая наш разговор с темным магом. Страшная догадка сдавила сердце ледяной рукой. Я ахнула и хотела вскочить на ноги, но голова закружилась, и мне пришлось остаться в кресле и немного переждать, чтобы недомогание чуть прошло.

— В чем дело, Ада? — испуганно спросила Фредди.

— Лютер сказал, что он вновь ощутил присутствие кулона двадцать пять лет назад, — прошептала я, поднимая на подругу глаза.

Девушка непонимающе посмотрела на меня, а потом повернулась к миссис Баррингтон, которая тоже недоуменно пожала плечами.

— Миссис Баррингтон, совсем недавно вы говорили мне, что я могу быть как-то связана со всем этим делом, помните?

Женщина медленно кивнула, все еще не понимая, к чему именно я клоню.

— Двадцать пять лет назад меня нашли в леднике. А если мое пробуждение как-то связано с активностью кулона? А если я имею к этому всему прямое отношение?

В комнате повисла тяжелая тишина. Мне казалось, что в ней я могла разобрать стук каждого встревоженного сердца, почувствовать страх и тревогу, притаившиеся в сердцах моих милых подруг.

— Такое возможно, — медленно проговорила Уиннифред, — но слишком уж невероятно!

— Нет-нет, Фредди, — горячо заговорила я, протягивая ей руку в поисках поддержки, — не могу этого объяснить, но я чувствую, понимаешь? А если все, что произошло, не случайно?

— Кхм, — издала девушка странный звук, не то усмешку, не то подавленный испуганный взглас. — Это уже за гранью. Чтобы вот так? Все сошлось в одной точке?

— И точка эта... я.

— Ну, не знаю, — сжимая мои пальцы, сказала Фредди.

— Томас Марлоу сделал украшение, — нахмурившись, проговорила миссис Баррингтон, продолжая рассуждать, — но почему-то не отдал его владельцу. Примерно сто двадцать пять лет назад его зверски убили, запытав до смерти.

Сердце заколотилось как безумное, я все же поднялась.

— Откуда у вас эти сведения? Во всех моих книгах написано, что он погиб при странных обстоятельствах.

— Мистер Огlsi наткнулся на эту информацию, когда... мм... как бы это сказать, — замялась хозяйка пансиона, — связывался с архивами магистиума в Аддлтоне.

— Он знает кого-то из магистиума? — удивилась Фредди.

— Да, его родственница работает в архиве. Благодаря кровной связи они смогли побеседовать, используя магию.

— Хорошо, тогда вполне может быть, что Томаса Марлоу убили именно из-за этого кулона! — сказала я, ощущая жар.

Пот покрыл спину, гул в голове превратился в убийственный колокольный звон. Мне казалось, что кровь пойдет из носа и ушей. Я зажала голову руками.

— Мисс Хоггарт, что с вами? Вы очень бледны, — испугалась миссис Баррингтон и усадила меня обратно.

— Нет-нет, все нормально, — ответила я сквозь зубы. — Голова болит. Это скоро пройдет. Продолжайте, прошу вас.

— Твои предположения могут быть верны, но могут оказаться простыми домыслами, — сказала Уиннифред. — Ты подвела все к себе просто из-за слов темного мага. Из-за того, что он дал тебе надежду на информацию о твоём прошлом. Я понимаю, что...

— А почему я тогда не могу вернуться в прошлое Томаса Марлоу? Почему не могу увидеть процесс создания кулона? Фредди, я уверена, что связана со всем этим. Мы близко, и для того, чтобы выяснить все

наверняка, я должна вспомнить, Фредди, понимаешь? Я должна вспомнить!

— Тише-тише, милая, — попыталась успокоить меня миссис Баррингтон. — Успокойтесь, мы все выясним.

— Миссис Баррингтон, прошу вас, велите мистеру Тодду заказать мне билет на поезд. Я отправлюсь в Аддлтон и доберусь уже до правды!

— Не поступайте опрометчиво, Аделаида, — взволнованно попросила женщина. — Прошу вас, не спешите с выводами. Вы сейчас явно не совсем здоровы, вам нужно хорошенько отдохнуть, выспаться. Завтра прием у мистера Хардмана, и вам необходимо там появиться, вы помните? Давайте будем действовать с холодной головой. Тем более встреча с Огюстом для вас опасна!

По всему телу распространялся какой-то странный гул, вызывая легкое покалывание. Голова угрожала вот-вот взорваться от боли. Я готова была плакать и бегом бежать в Аддлтон. Такой невероятной тяги к чему бы то ни было я еще никогда не испытывала. Словно Лютер к сапфиру. Слезы все же покатались из глаз. Все мое тело бунтовало, призывая к действию.

— Миссис Баррингтон, я должна выяснить наконец правду! Я должна ехать в столицу, немедленно!

— И зачем вам в столицу, мисс Хоггарт?

Немного встревоженный мужской голос заставил меня обернуться. Инспектор Аддерли в сопровождении мистера Оггси стоял в дверях и растерянно взирал на происходящее. «Ужасная привычка приходить в неподходящий момент», — подумала я, прежде чем в глазах потемнело.

Первое, что я услышала, медленно возвращаясь из обморока, — это тишина. Тяжелая, даже мучительная. Прежде чем открыть глаза, чуть повернула голову и отметила, что боль ушла. Выдохнула и распахнула глаза. Я лежала в своей комнате, на кровати, уже хорошо. Рядом, в кресле, которое неизвестно откуда взялось, сидел инспектор Аддерли и сурово подпирал кулаком голову. Он не сразу заметил, что я очнулась, и это дало мне несколько секунд безнаказанного любования его лицом. Мужчина казался не только сердитым, но и очень печальным. Морщинки у глаз расплзлись паутинками, брови чуть

сдвинулись к переносице, губы были слегка поджаты. Умные серые глаза смотрели куда-то в вечерние сумерки за окном.

— Как вы себя чувствуете? — внезапно спросил он, так и не повернувшись ко мне.

— Спасибо, лучше, голова уже не болит. — Я попыталась приподняться на подушке — продолжать беседу лежа стало неудобно.

Инспектор тут же подскочил и помог мне приподнять подушку, а потом и усадил удобнее. Его близость волновала меня, но и смущала. Мне казалось, что я не так лежу, не так смотрю, не так улыбаюсь и вообще рядом с ним абсолютно все делаю не так. Стоило нам оказаться наедине, как голова сразу наполнялась сущими глупостями, а сердечко тревожно трепетало.

— Отчего вы так встревожены, инспектор? — полюбопытствовала я, решив заполнить гнетущую тишину между нами.

— Оттого, что вас совершенно нельзя оставлять одну ни на минуту. — Голос Аддерли прозвучал порывисто, недовольно. — То вы отправляетесь на поиски закоренелого бандита, то на вас нападают, а теперь и вовсе похищают для приватной беседы с могущественным колдуном! Хоть привязывай вас к себе в самом деле.

— Вы так говорите, словно это я во всем виновата! — не менее горячо парировала я, возмущаясь. Мистер Аддерли многозначительно приподнял брови, но я не желала сдаваться и признавать его полную правоту. — Ну хорошо, мне не следовало отправляться на розыски одноглазого, признаю, это было более чем глупо. Но ведь не я виновата, что бандиты подстерегли меня возле вашего участка!

— Во-первых, лишь ваши действия привели к тому, что одноглазый обратил на вас свое внимание, — чуть повышая голос и поднимаясь на ноги, заявил Аддерли. — А во-вторых, вы могли бы и догадаться о засаде!

— Не могла! — выкрикнула я, тоже поднимаясь с кровати и шагая к нему. — Это вы постоянно живете в мире, где царят произвол, предательство и разного рода преступления. Мой мир другой, и я не думаю первым делом о худшем, я же не параноик! Возможно, глупо было полагать, что вы могли обратиться ко мне за помощью, но я очень хотела быть полезной! Вы не можете винить меня в этом.

Дышала я тяжело, взволнованно. Праведный гнев и обида брали верх над прочими чувствами, вытесняли осторожность и правила приличия. Я буквально напирала на инспектора, а он медленно отступал к окну.

— Я не за это вас виню! — Аддерли остановился, вынуждая меня замереть в непристойной близости. Его серые глаза буквально впились в мои, а губы едва-едва не касались лба. — То есть я вас вообще не виню... не в этом дело, мисс Хоггарт. Я говорил о неосторожности, о нежелании помнить о безопасности и пренебрежении здравым смыслом. Поверьте, я понимаю, что вы действуете из лучших побуждений, но нельзя же делать это настолько опрометчиво! Вы как мотылек летите на огонь, и я никак не могу разгадать, почему же вы это делаете? Вы далеко не глупы, не скажу, что своевольны или капризны, но ваше поведение порой ввергает меня в ступор.

Выслушав эту своего рода отповедь, я ощутила, как лицо медленно заливают румянец. Неловкость заставила меня отступить, а стыд — потупить взор. Я начала перебирать оборки блузы:

— Вы правы, инспектор. Возможно, порой я бываю слишком страстной в своих поступках, но видите ли, это дело оказалось... как бы это выразиться... в общем оно связано со мной, и очень тесно.

Я выдохнула, чувствуя, как от волнения подогнулись колени, и прикусила нижнюю губу. Все, слово сказано, назад не воротишь. Инспектор нахмурился и внимательней всмотрелся в мое лицо. Осторожно так, будто ласково руками коснулся, внутри все вспорхнуло, но я заставила себя не отвлекаться.

— Миссис Баррингтон уже рассказала мне о встрече с колдуном и его угрозах, — пристально следя за моей реакцией, произнес инспектор, — но это еще не все, верно? Вам есть что мне рассказать?

Не в силах вымолвить и слова, я кивнула, продолжая теревить бедную ткань. Аддерли вздохнул, обошел меня и опустился в кресло.

— Хорошо, вот как мы поступим. Мы отправимся в Олридж-холл, хорошенько отужинаем и выпьем кофе в большой гостиной. Там вы мне все и расскажете, после чего мы примем решение, что же делать с сапфиром мистера Хардмана.

— Хорошо, — послушно ответила я, — завтра на приеме я хотела побеседовать с ним самим, ведь мистер Хардман должен знать, что происходит вокруг его кулона.

— Резонно, — устало пробурчал инспектор и вновь поднялся. —
Ваша подруга уже готова.

— Подруга?

— Мисс Чапман наотрез отказалась отпускать вас одну. Мы даже
вступили в бой чуть ли не до первой крови, и мне пришлось уступить,
пригласив ее в поместье.

— Это очень на нее похоже, — улыбнулась я.

— Эта девушка вызывает уважение, — усмехнулся Аддерли и
открыл дверь, пропуская меня вперед. — И как вы нашли друг друга?

Вопрос был риторическим, я не посчитала нужным на него
отвечать. Шествуя за инспектором по коридору, думала о своей
головной боли и ее причинах. Ну не могла она возникнуть только лишь
из-за того, что я недавно пережила нападение. Было в ней что-то
странное, необычное, трудно объяснить, просто чувства, просто
ощущения.

Провожая нас, миссис Баррингтон тихонько, будто извиняясь,
сказала:

— Я рассказала инспектору о портале. Может, и не стоило, но он
должен знать все о том, с кем имеет дело.

— Вы все сделали правильно, — мягко улыбнулась я и от души
обняла женщину.

— Будьте осторожны. Пусть Лютер и дал нам время, но мы не
можем знать, когда именно закончится его терпение.

— А вы что думаете? — с мольбой в глазах спросила я ее. — Мне
нужно отдать ему кулон?

— Я скажу так, милая моя, эта вещица крайне опасна и
возвращать ее жестокому убийце — преступление! Но и рисковать
девочками я не вправе. Возможно, мы с мистером Огlsi найдем выход,
но обещать ничего не могу. Такая темная мощь мне неподвластна.

Несчастливая женщина понуро опустила голову, будто чувствовала
вину за все происходящее. Мое сердце чуть не разорвалось, когда я
снова заключила ее в объятия. Бог миловал меня, приведя зимним
вечером к дверям пансиона.

Глава 15

ТАЙНЫ ПРОЧЬ

В Олридж-холл прибыли довольно поздно, и по пути я успела расспросить задумчивого инспектора о допросе сутулого Мо. Как и предполагала, бандит молчал как рыба. Никаких сведений о своем нанимателе он не дал и, конечно, не выдал местонахождение Гарри. Мистер Аддерли был удручен, но и он иного не ожидал. Я попросила разрешение побеседовать с ним утром, на что мужчина, как ни странно, почти сразу согласился.

Ужинали в полной тишине. Мне и кусок в горло не лез, инспектор жевал медленно, ни разу не подняв на меня глаз. Возможно, он чувствовал что-то, понимал — моя тайна радости не принесет. Признаюсь, я откровенно трусила, буравя глазами сосредоточенное лицо, покрытое едва отросшей щетиной. А если мои слова изменят его отношение ко мне? Чушь. Артур Аддерли не из тех, кого можно так легко разочаровать. Вопрос лишь в том, легким ли будет мой рассказ для восприятия. Уиннифред тоже помалкивала, хоть немногословность ей несвойственна.

Моя подруга была восхищена помещьем, разглядывала убранство и слегка приоткрывала рот, когда ей на глаза попадались слуги. За ужином она бросала короткие взгляды на инспектора, а мне дарила сочувственные. Фредди предложила помощь в разъяснении, но я решила, что этот разговор пройдет только между нами с мистером Аддерли. Так будет правильно. От вечернего кофе девушка отказалась, ссылаясь на усталость, поэтому отправилась в отведенную ей комнату, расположенную рядом с моей. Мы же с инспектором устроились в гостиной. Миссис Додсон лично принесла напитки и пирожные. Кофе совсем не хотелось, Аддерли тоже к нему не притронулся, словно этот стол был накрыт лишь по традиции или ради приличия.

Начать разговор оказалось непросто, и я медлила, набираясь сил и решимости. Артур стал очень дорог мне, и отрицать этот факт было глупо, да и бессмысленно. Я прониклась к нему доверием, полюбила его общество и каждую черту лица. Что ж, если этим вечером я потеряю его расположение, значит, так тому и быть.

Проигнорировав правила приличия, я подошла к маленькому столику и плеснула шерри в рюмку на короткой ножке. Инспектор если и был удивлен, то вида не подал. Сделала крошечный глоток и с удовольствием ощутила, как приятное тепло выдержанного напитка разливается по телу. Я отошла к окну и намеренно отвернулась от мистера Аддерли. Смотреть на него в этот момент я не могла.

— Что бы вы подумали, инспектор, если бы я сказала вам, что имя Аделаида Хоггарт не настоящее? Ну то есть не мое?

Выговорив эти слова непослушными губами, я застыла, чувствуя, как отяжелели ноги, как они буквально врастают в пол. Сердце мучительно заныло, страх волной пробежал по телу, замораживая его. Я не решалась повернуться к мужчине, просто прикусила нижнюю губу и, сдерживая слезы, молчала в ожидании его ответа. Кроме миссис Баррингтон, я больше ни единой живой душе не рассказывала свою историю. Обитатели пансиона узнали ее уже от самой его хозяйки.

— Я бы подумал, что ваша жизнь не была простой. — Тихий голос раздался прямо за спиной. Я даже не заметила, как мужчина оказался так близко. — А еще о том, что очень бы хотел услышать вашу историю.

После его ответа из груди вырвался тягостный выдох, будто до этого мгновения я и не дышала вовсе. По телу прошла мелкая дрожь, а какое-то сумасшедшее облегчение вызвало чуть ли не истерику. Инспектор взял меня за плечи и развернул к себе, чтобы заглянуть в лицо, но я не сразу решилась посмотреть на него. Мужчина очень аккуратно, согнутым указательным пальцем, приподнял мой подбородок, вынуждая поднять на него глаза.

— Вы можете рассказать мне абсолютно все, Аделаида, — вкрадчивым шепотом сказал он, и две непрошеные слезы скатились-таки из моих глаз.

То самое чувство, которое я испытала рядом с этим человеком в первую нашу встречу, вернулось. Необъяснимое на тот момент, абсолютное доверие и покой. Собственное имя, услышанное из его уст, оказалось слаще меда и нежнее шелка. Глядя в пытливые серые глаза, захотелось прижаться к его груди и положить голову, чтобы ровный стук сильного сердца обласкал душу. От невозможности сделать это

слезы покатались быстрее. Сначала инспектор должен узнать все, а потом я уже смогу понять, чем обернется для меня подобный порыв.

— Своего имени я не знаю, — начала рассказ, медленно высвобождаясь из таких необходимых мне рук, — как и прошлого, и даже возраста.

Я снова сделала паузу, ожидая каких-либо реплик Аддерли, но он молчал, предпочитая, вероятно, дослушать. Я не стала заставлять его ждать.

— Двадцать пять лет назад мое тело нашли замороженным в леднике Кромсворт, — четко проговаривая каждое слово, продолжила я. — Меня обнаружили прямо в толще льда! Вы можете себе это представить? До сих пор бросает в дрожь, стоит только подумать об этом.

Я снова развернулась к окну и, испытывая ужасную нехватку воздуха, отодвинула шторы и распахнула створку. Ночная прохлада ворвалась в комнату свежим дуновением, обласкала лицо и осушила следы былых слез.

— После того как оттаяла, приходя в себя, билась в агонии. Говорят, кричала, дралась и видела галлюцинации. Некоторое время, а именно что-то около полугода, меня изучали королевские маги. Огюст был самым усердным. Его крайне интересовал вопрос, как же это я смогла пролежать во льдах целую сотню лет и ни капельки не измениться. Чтобы выяснить ответ, маг не гнушался никакими методами. Он называл меня Анной, и вскоре я возненавидела это имя. Если бы не запрет на насильственные действия, данный письменно самим королем Эдредом, то Огюст, наверное, разобрал бы меня на мелкие детали.

— Чего именно он хотел? — спросил Аддерли, тоже наливая себе выпить и жестом предлагая мне, но я сделала еще один крошечный глоток и отказалась.

Теперь мы подобрались к самому сложному вопросу, и страх вернулся. Иррациональный, слепой и неукротимый.

— Огюст был одержим бессмертием, мечтал постичь эту неведомую ему и его магии территорию, но у него так и не вышло, — горько усмехнулась я, вспоминая тот вечер, который послужил причиной моего бегства из Аддлтона. — Однажды он так рассвирепел, что крепко ударил меня по лицу. Его злило, что он никак не мог

вернуть мою память. Маг полагал, что именно в моем прошлом кроется ответ на мучивший его вопрос. Я убежала к себе вся в слезах и всю ночь мечтала о побеге. Знала, что утром он отправится на еженедельный доклад к королю, поэтому упростила девушку-служанку помочь мне исчезнуть. Ее звали Ада и, рискуя собственной жизнью, она вывела меня из магистиума прямо посреди бела дня. Тогда я не знала, что нужно было отыскать все вещи, бывшие со мной в леднике.

— Почему вы не защитились с помощью магии? — удивился инспектор.

— Она проявилась лишь в ту самую ночь, и, испугавшись, что этот факт станет новым поводом для злости Огюста, я решила ничего никому не говорить об этом.

— Не скажу, что силен в медицине, но даже я понимаю — ваше тело не могло постареть, находясь во льдах. Хотя бы потому, что все тела привозят в морг, а там как раз холодно. Это, конечно, не бог весть какое умозаключение, но все же... Тогда о каком бессмертии могла идти речь?

— Вы знаете, это похоже на шутку судьбы. Огюст тогда не мог мне объяснить, почему так решил, хотя это я, наверное, не очень внимательно слушала. Большую часть времени я была растеряна и к внешнему миру адаптировалась очень сложно и крайне медленно. Чаще всего его слова я пропускала мимо ушей. Тогда понять, что маг прав, я не смогла, а вот сейчас...

Не договорив, я посмотрела на Аддерли и успела заметить, как его лицо озаряет догадка. Я видела, как она ошарашила его, как поползли его брови друг к другу, как зашевелились губы, когда он бормотал что-то себе под нос. Я прижала руку к сердцу и ждала. Вот инспектор замер, а потом вскинул голову, всматриваясь в черты моего лица, изучая его с особой тщательностью.

— Вас же не могли найти младенцем, — тихо сказал он, не отрывая взгляда. — А это значит, что вы либо очень медленно стареете, либо не стареете вовсе.

— Именно, — прошептала я в ответ, — с того самого дня я ни капельки не изменилась.

Повисла долгая, тяжелая пауза. Инспектор удивленно хлопал глазами и казался растерянным.

— Я не знаю, с чем именно это связано и обратима ли эта особенность. Думаю, ответы в моем прошлом.

— Вот зачем вы хотите вернуться в магистиум?

Нужно отдать инспектору должное, он довольно быстро взял себя в руки и старательно спрятал свою оторопь, однако я понимала: он из тех, кому нужно время, чтобы обдумать и сделать вывод. Окончательный. Да, сейчас он реагировал нормально, и даже хорошо, но что будет, когда он со всем этим переночует? Ведь, как известно, утро вечера мудренее.

— Не только, — сказала я. — Мне необходимо понять, как я связана с кулоном и почему он активировался именно тогда, когда я очнулась. Лютер ясно дал понять, что я имею ко всему этому непосредственное отношение. Мне просто необходимо вспомнить, кем я была.

Я почувствовала приближение мигрени, где-то в затылке стрельнуло, в висках запульсировало. Неужели опять?

— Вы позволите мне поехать с вами? — Этот неожиданный вопрос заставил меня резко поднять голову и забыть о боли.

Сердце отчаянно заколотилось в груди, выдумывая всякие глупости, на которые втайне надеялось. Я невольно шагнула ближе и поймала взгляд инспектора.

— Почему вы хотите поехать со мной? — с придыханием спросила, пытаюсь поймать любую искру в его серых глазах.

Аддерли тоже сделал шаг вперед, но замер, так и не приблизившись. Легкое разочарование коснулось души, и я снова не удержана слезы. Мои чувства сегодня были ранимы как никогда за эти двадцать пять лет. Горячие ручейки побежали по щекам, но глаз я не отвела. Мужчина рвано выдохнул и все же шагнул ближе, разбивая все мои глупые опасения. В его глазах было столько тепла и нежности, что я почти смогла улыбнуться.

— Я не могу отпустить вас одну, — ласково сказал Артур и коснулся пальцем моей щеки, мягко утирая слезы. — Во-первых, вы тут же попадете в какую-нибудь неприятность.

Его слова заставили улыбнуться шире, на что мужчина тоже нежно усмехнулся, продолжая убирать влажные дорожки с моего лица.

— Во-вторых, очень тяжело открывать тайны собственного прошлого в одиночку. Я хочу быть вашим надежным плечом. —

Сердце замирало от счастья и восторга, в которые повергли его слова Артура. — В-третьих, я бы и сам хотел во всем разобраться как можно скорее.

— А в-четвертых? — сорвалось с моих губ.

Я словно замороженная смотрела в лицо инспектора, чувствуя, как земля уходит из-под ног.

— А в-четвертых, я уже не могу себе представить и минуты, проведенной вдали от вас, мисс Аделаида Хоггарт.

Инспектор, повинуясь каким-то силам свыше, медленно выдохнул и взял мое лицо в свои ладони, а потом едва ощутимо скользнул губами по моим губам. В этот миг земля перестала вращаться, все вокруг замерло и даже наши сердца замедлились. Я улыбнулась, и не думая вырваться из его рук. Просто решила сделать то, что было мне так необходимо: прильнула к его груди и позволила крепко себя обнять. Почему-то в эту минуту я отчетливо поняла — моя жизнь уже никогда не станет прежней. Я уже никогда не стану прежней.

Мы еще недолго побеседовали, переместившись на диван, и я поведала Артуру о своих скитаниях и знакомстве с миссис Баррингтон. Когда начала проваливаться в сон, мужчина проводил меня до комнаты, где я почти сразу уснула.

Проснулась внезапно, даже не поняла, что меня разбудило. Попыталась вспомнить сон, который всплывал в памяти очень медленно, будто нехотя. За окном еще было темно, ночь не отступила. Сколько же я проспала? Час? Два? В голове вертелись образы ювелира и профессора. Еще секунда — и я наконец поняла, что именно вытолкнуло меня из сна. Слезла с кровати, накинула халат и бросилась искать комнату инспектора. Пролетела мимо комнат Фредди и Эдолин, чувствуя, как сердце от волнения рвется наружу.

— Только бы успеть, только бы успеть... — бормотала я, буквально влетая в противоположное крыло.

Дверей было несколько, и я понятия не имела, какую из комнат занимает Аддерли. Выбрав наугад, забарабанила в нее, желая разбудить Артура во что бы то ни стало. Как я весь дом на ноги не подняла, удивляюсь. Дверь наконец распахнулась, и наружу высунулось заспанное лицо Ноэля Гаррисона.

— Прошу прощения, — торопливо заговорила я. — Простите, мистер Гаррисон, я искала комнату инспектора.

— Что-то случилось? — спросил он, а потом резко проснулся и побледнел. — Эдолин?

— Нет-нет, с ней все в порядке, у вашей сестры тихо, — поспешила успокоить его.

— Но что-то случилось? — повторил он свой вопрос.

— Пока нет, но может. Где его комната?

Мистер Гаррисон указал на нужную дверь, и я поспешила к ней. Снова постучала и, когда мистер Аддерли вышел, поспешила объясниться:

— Едем в участок, инспектор. Прямо сейчас. — Инспектор удивленно взирал на меня и собрался уже ответить, но я ему такой возможности не дала. — Вспомните о ювелире и профессоре, мы не успели. Маг все время был на шаг впереди! Если мы будем ждать до утра, то живым сутулого Мо можем уже не застать.

Всего несколько секунд понадобилось мистеру Аддерли, чтобы обдумать мои слова, а потом он кивнул и поспешил одеваться.

Дорога до участка показалась мне бесконечной. Я постоянно ерзала на сиденье, то и дело высовывалась в окно и комкала в руках перчатки. Инспектор хмуро смотрел перед собой. О чем он думал, оставалось только догадываться. Пока мы одевались, мистер Гаррисон велел подготовить экипаж, принадлежащий поместью. Он был похож на изысканную карету прошлых лет, но внутри обит уже современными материалами. Здесь оказалось довольно удобно. Мы с мистером Аддерли сидели друг против друга, но старались не встречаться взглядами. Снова оказавшись с ним наедине, я испытывала неловкость, будто все, что произошло несколькими часами ранее, приснилось, и теперь мне стыдно за такой интимный сон. Я все еще ощущала губы Артура на своих и помнила, как сердце вспорхнуло от счастья. Это был мой первый поцелуй, по крайней мере, в той жизни, которую я помнила. И это оказалось так прекрасно. Ничего прекраснее и быть не может, но я опасалась, что инспектор не разделяет моих чувств. А если этот жест был продиктован лишь порывом? Если он уже пожалел об этом? Ведь стоило нам встретиться в коридоре, как его обращение ко мне вновь стало сугубо официальным. Я понимала, что фантазия сама диктует мне эти страхи, но спросить напрямую считала чудовищно неприличным.

Чтобы хоть как-то отвлечься от переживаний, я погрузилась в размышления о том, как разговорить сутулого Мо.

— Если вы не возражаете, — прервал Аддерли мои размышления, — я сам озабочусь покупкой билетов на поезд. Когда вы считаете нужным выехать?

Инспектор все так же не глядел на меня, что не могло не расстраивать. Я сглотнула подступивший к горлу ком, пытаюсь справиться с обидой и разочарованием, и обдумала его вопрос:

— Завтра вечером, думаю, будет в самый раз. Сегодня прием у мистера Хардмана, и мы вернемся довольно поздно. Нужно отдохнуть и успеть собрать вещи.

Я говорила сухо, стараясь не проявлять каких-либо эмоций, чтобы, не приведи господь, не выдать своих тревог. Инспектор это заметил, поднял голову и всмотрелся в мое лицо, прищуriv глаза. Теперь я намеренно избегала его взгляда. Все это походило на игру в кошки-мышки, но мне очень не хотелось выдавать своих чувств, чтобы не выглядеть глупо. Конечно, я понимала, что инспектор — человек очень ответственный и сейчас его волнует только расследование и предстоящий допрос, но все же легкая холодность не ускользнула от меня.

— Мисс Хоггарт... — Ну вот, снова обратился официально, а как бы мне хотелось услышать свое имя из его уст. А если он не хочет теперь называть меня по имени? Оно же не мое. Ох, так вот что делает с людьми любовь? Сводит с ума?! — Я много думал и хотел бы предложить вам кое-что... правда, не знаю, как именно вы отнесетесь к моим словам... Дело в том...

Чем медленнее он подбирал слова, тем тревожнее и неудобнее мне становилось. Почему-то решила, что мистер Аддерли хочет сказать что-то крайне неприятное и боится меня обидеть. Я скрутила в руках несчастные перчатки и затаила дыхание.

— Ох... — выдохнул он и тоже заерзал на сиденье. Инспектор явно нервничал, и мне все меньше это нравилось. — Как же трудно говорить об этом. Ладно, тянуть нет смысла.

Мужчина поднял глаза и поймал мой взгляд:

— Как вы отнесетесь к тому, что в путешествие мы отправимся как семейная пара?

Если бы я умела свистеть, я бы свистнула, а так просто застыла с открытым ртом, ощущая, как сердце срывается в пропасть. Голова пошла кругом, и даже захотелось расстегнуть тугой воротник блузки, чтобы стало легче дышать. Вот это поворот!

— Вы... вы... что, сейчас делаете мне предложение? — едва шевелящимися губами спросила я у него.

Инспектор побелел, округлив глаза, приоткрыл рот, собираясь что-то сказать, а потом снова его захлопнул. В этот миг он выглядел как провинившийся мальчишка: смущенным, растерянным и виноватым.

— Прошу прощения, мисс Хоггарт! — пылко выговорил он.

— За что?

— За явную двусмысленность моих слов. Я вовсе не то хотел сказать.

В груди что-то сдавило, и теперь уже я потеряла дар речи. Из легких медленно выходил воздух, на душе становилось скверно. А еще ужасно неловко за то, что я могла подумать, будто мистер Аддерли мог сделать мне предложение о браке.

— Мисс Хоггарт, — попытался он объяснить, — наше путешествие в столицу будет явно непростым. Место, куда мы прибудем, принесло вам много горестей, и, чтобы иметь основания стоять за вашей спиной и открыто представлять ваши интересы, я бы предложил поменять вашу фамилию. Мы станем супругами лишь в документах.

Я тряхнула головой, опять не понимая смысла его предложения. Он хочет заключить фиктивный брак? Но не перебор ли это? Даже ради моей безопасности и репутации — это слишком радикальный шаг.

— Не пугайтесь, прошу вас, — смутился он, — я всего лишь закажу вам новые документы, чтобы в столице мы могли представиться мужем и женой. Я ни в коем случае не посягаю на вашу свободу и не хочу принуждать к браку со мной.

Обдумав слова инспектора, даже не поняла: мне радоваться или грустить? В его словах было рациональное звено, без сомнения. Я не могла этого отрицать. Путешествовать наедине с посторонним мужчиной даже сейчас еще считалось распутством, а вот с мужем — совсем другое дело.

Я открыто посмотрела в лицо инспектора и попыталась понять, почему он нервничал. Мысль о браке со мной пугала его или он думал, что она пугает меня?

— Если вы считаете, что так будет надежнее, то я согласна, — ответила ему, когда экипаж остановился возле участка.

— Хорошо, — облегченно выдохнул мистер Аддерли, — тогда я дам необходимые распоряжения, чтобы документы были готовы к завтрашнему вечеру.

Инспектор вышел на улицу и помог мне спуститься на землю. Ночная прохлада заставила поежиться и подумать о том, что пора бы уже весне вступить в свои права.

Участок, несмотря на ранний час, жужжал как улей. Констебли оформляли многочисленные аресты. Помещение кишело всевозможными рабочими с разными повреждениями на лицах и телах.

— В чем дело, Райли? — поинтересовался инспектор у подоспевшего констебля Брикмана.

— Снова железнодорожники с каменщиками поцапались, сэр! Только в этот раз они были особенно агрессивны. Не знаю, что уж на них нашло, но переполох они устроили нешуточный. Драки были кровавыми, четверо погибших.

— Ох! — воскликнула я и прикрыла ладонью рот.

— Прошу прощения, мисс Хоггарт, — смутился Райли. — Я вас не сразу заметил.

— Что послужило поводом? — сурово спросил инспектор.

Ответа я не слушала, вглядываясь в разъяренные лица мужчин и даже нескольких женщин. Было что-то общее в их выражениях. Мне казалось, когда основная потасовка закончилась, этот гнев должен был схлынуть сам собой. В крайнем случае он мог остаться у зачинщиков, но не у всех же участников? Я сделала несколько шагов к одной из женщин, пытаюсь понять, что именно показалось мне странным. Присмотревшись к ее лицу, я обратила внимание на ее какие-то мутные глаза, будто подернутые легкой дымкой. Внутри что-то дрогнуло в неясном предчувствии. Женщина бросила на меня взгляд, а потом рванулась из рук констебля, который, на мою удачу, смог ее удержать. Я резко отпрянула и налетела спиной на инспектора.

— Простите, — пробормотала, продолжая бороться с нарастающей тревогой. Что-то было не так.

— Пойдемте в мой кабинет, мисс Хоггарт, — негромко предложил Аддерли, — Морриса Хактона сейчас приведут.

— Кого? — рассеянно переспросила я.

— Мо, сутулого Мо. Его полное имя Моррис Хактон.

— Ага, ну да, ну да, — пробормотала я себе под нос и отправилась следом за инспектором, пытаюсь успокоиться. Это уже похоже на паранойю. Мерещится зло за каждым поворотом.

Мистер Аддерли усадил меня за свой стол, а сам вышел на несколько минут. Сказал, что нужно отдать распоряжение по поводу наших документов. Странно это все, я стану миссис Аддерли. Пусть только на бумаге, но все же. Примерила на себя его фамилию. Аделаида Аддерли, неплохо звучит. Хотя, по сути, я и не Аделаида вовсе. А что, если какая-нибудь Мэган или Марта? А может, Сьюзен? Надо отметить, что с фамилией инспектора сочетаются все имена.

Выбросила глупости из головы, как только услышала шум за дверью. Арестованных не успевали оформлять, поэтому они толпились, толкались и по-прежнему вели себя крайне агрессивно. Снова что-то беспокойное шевельнулось в груди.

Дверь открылась, и два констебля ввели сутулого Мо. Невысокий, коренастый, с неприятным голосом и лохматой головой. Его темные глаза прожигали ненавистью дыру во мне. А я в ужасе вспоминала наше знакомство. Его цепкие сильные руки и как Мо швырял меня. Боль и стыд мгновенно всплыли в памяти. Я даже не заметила, как обняла себя руками и невольно отдалилась, вжимаясь в спинку стула.

— Мисс Хоггарт, — позвал меня инспектор, которого я тоже не заметила.

Мистер Аддерли тут же оценил обстановку, обратил внимание на мою позу и выражение лица. Он мягко коснулся моего плеча и кивнул, давая понять, что рядом с ним я в безопасности, что больше никто не тронет меня. Все это я ясно увидела в его глазах и мгновенно поверила.

— Все хорошо, — благодарно улыбнулась я. — Не беспокойтесь.

Инспектор присел на краешек своего стола, лицом к бандиту, тем самым оказавшись как раз между мной и Мо. Это дало мне необходимое время, чтобы настроиться на нужный лад.

— Не надумали поговорить, мистер Хактон? — спросил Аддерли.

Я была удивлена, что даже в разговоре с таким закоренелым преступником инспектор думает о манерах. Многие в Вичпорте наслышаны, что с работягами и бандитами полиция не церемонится, бывали избиения при допросах.

Моррис Хактон прищурился, а потом презрительно сплюнул сквозь зубы прямо в ноги инспектора. Аддерли и бровью не повел, вероятно, привык уже к таким вот номерам.

— Возможно, вы считаете, что за вами огромная сила, способная выволить вас из этой... скажем так, передряги, — подала голос я, поднимаясь из-за стола. Инспектор снова никак не отреагировал. — Но вы не задумывались, что вашему хозяину легче вас просто убить?

На одно короткое мгновение в глазах Мо сверкнул ужас, мужчина побледнел, но довольно быстро взял себя в руки.

— Вспомните, что случилось с ювелиром и профессором Литсби? Все, кто так или иначе причастен к этому делу, умирают, когда перестают быть нужными или ваш хозяин начинает опасаться за собственную безопасность. Не думаю, что вы имеете для него хоть какую-то ценность. Вот одноглазый Гарри попроворнее будет, посмелее и, скорее всего, полезнее для Лютера.

Мо вскочил со стула, на котором сидел, но констебли усадили его обратно. Бандит был крайне удивлен, и имя хозяина явно вывело его из мнимого равновесия.

— Если вы знаете о ком речь, зачем вам я? — спросил он своим неприятным шипящим голосом.

— Затем, что нам нужно знать, где его найти, — объяснила я, осмелев настолько, что склонилась к лицу мужчины.

— Вам его не одолеть, — дрожащими губами выговорил Моррис. — Никто с ним не справится.

— Позвольте нам решать эту проблему, — вмешался Аддерли. — Вы лишь скажите, где он прячется.

— Ну да! Нашли дурака! Я вам сейчас выложу все как на духу, а завтра меня на части разорвут! — хмыкнул бандит.

— Это будет завтра, — тихо сказала я, — а может, и не будет. Но сегодня вы здесь, рядом с нами, и защитного амулета с вами нет. Если забыли, то я тоже маг!

Мо сглотнул и отодвинул голову от моего лица, а потом перевел взгляд на инспектора, который лишь пожал плечами и чуть приподнял брови. Я тоже повернулась. Если правильно поняла, то инспектор предоставлял мне карт-бланш.

— Уберите свою ручную шавку! — воскликнул Моррис, выставляя вперед руки.

Инспектор сорвался с места, сжимая кулаки, но я коснулась его груди ладонью, чтобы успокоить. Артур взглянул в мои глаза, и я улыбнулась, показывая, что слова Морриса лишь слова, не более.

— Попридержите язык, — гневно выдавил из себя Аддерли, — не то я лично вас разукрашу!

— Ну да, простите, ошибся, теперь-то видно, кто из вас ручной на самом деле! — разозлился Мо.

Чтобы не разводить больше ненужных разговоров и не провоцировать новых ссор, я резко вскинула руку, и прямо возле носа Морриса, в воздухе, повисла тонкая, очень острая металлическая стрела. Бандит отшатнулся так, что чуть было не упал со стула. Боевой магией я не обладала, но могла при случае применять фантазию. Конечно, я бы ни за что и никогда не вонзила эту стрелу в лицо Морриса, да и кого бы то ни было другого, но преступник об этом не знал.

— Много лет назад, на севере нашей страны, мне пришлось некоторое время прожить в приюте для бездомных, — сказала я. — Если бы вы знали, мистер Хактон, какими средствами мне приходилось спасать свою честь и даже жизнь. Я могу быть не такой сильной, как Лютер, но то, что я сильнее вас, по-моему, очевидно!

Я ставила на то, что этот человек боится смерти здесь и сейчас и, когда перед ним явная угроза, о завтрашнем дне он подумает потом. Главное, не просчитаться. Мо смотрел прямо на острие стрелы, на лбу у него выступил пот, он всерьез обдумывал мои слова. Это очень обнадеживало. Я сдержала победную улыбку, чтобы не спугнуть удачу.

— И вы позволите ей это? — спросил он у инспектора, а когда тот снова лишь приподнял брови, перевел глаза на констеблей, которые как замороженные смотрели на материализовавшееся из воздуха оружие.

Осознав, что все, происходящее в этом кабинете, в нем и останется, Моррис сдался:

— Я не знаю, где прячется Лютер, уж больно низок мой полет. Гарри знает.

— Где найти Гарри? — твердо спросила я.

— Он залег на дно, это как пить дать. Где он схоронился сейчас, знать не могу...

— Вы не очень-то помогаете, мистер Хактон, — сказала я и слегка пододвинула к нему стрелу.

— Я не договорил! — злобно бросил он. — Не могу знать, где он сейчас, но знаю, где будет через неделю. Краем уха слышал, что Лютер дал вам неделю на размышления, а если вы до того дня не решитесь отдать кулон, он оставит для нас с Гарри распоряжения в почтовом отделении на Стоптон-стрит.

— Зачем ему оставлять распоряжения таким образом? — спросил Аддерли. — Он же всемогущий маг, разве нет?

— Это да, но есть у него какие-то проблемы. О них я тоже толком не знаю. Кажись, что-то с его магией, и ему нужно время на отдых.

Я отвернулась от мужчин и прошла по комнате, соображая, в чем может быть дело. Всесильный колдун, темный и нуждается в отдыхе? Что-то тут не так.

— Есть мысли на этот счет? — тихонько спросил Аддерли, приблизившись ко мне вплотную.

— Судя по тому, когда был создан кулон, — предположила я, — Лютер каким-то образом пытается продлить свое существование. Неизвестно, к каким средствам ему пришлось прибегнуть. Лютер торопится. Похоже, без силы в кулоне он долго не протянет. Мне он являлся всегда лишь в маске. Вполне может быть, что плоть его уже гниет.

Инспектор скривился.

— Почему он просто не придет и не заберет его силой?

— Он не так глуп, мистер Аддерли, — ответила я, заглядывая мужчине в глаза. — Ни я, ни хозяйка пансиона, ни, само собой, наши ученицы не сравнимся с его мощностью, но есть такие заклинания, которые позволяют спрятать вещь так, что даже самый сильный колдун не найдет. Миссис Баррингтон очень хорошо владеет таким колдовством.

За дверью снова послышался шум, потом крики и звук падения чего-то тяжелого на пол. Стула или даже стола. Аддерли отодвинул

меня немного назад, а потом кивнул констеблям и вышел посмотреть, что происходит снаружи.

Выстрел. Я вздрогнула. Еще один. Только я собралась выскочить за дверь, как инспектор вернулся. Поспешно закрыл дверь и повернул ключ.

— Мисс Хоггарт, прячьтесь под стол и не вылезайте, пока я не скажу! Парсон, Симпли! Защищайте Хактона!

— Что случилось, инспектор? — взволнованно спросила я.

Артур посмотрел на меня внимательно и, кажется, сначала решил не говорить, но все же передумал:

— Все арестованные этой ночью будто с ума посходили. Они напали на констеблей, и сейчас там настоящее побоище! Вид у них какой-то ненормальный.

— Это он! — Белый как смерть Моррис вскочил на ноги и, обезумев от страха, попытался вырваться и сбежать. — Это Лютер! Его рук дело! Он их всех околдовал! Они пришли за мной! Они убьют меня!

Сутулый Мо вопил изо всех сил и рвался из рук констеблей.

— Я должна была понять, Артур! — сказала я инспектору. — Почувствовала же что-то не то. Как же я не догадалась? Простите меня, Артур, пожалуйста!

— Вы снова это делаете, — строго сказал инспектор, — снова себя вините. Ни к чему это. Я прошу вас, сделайте то, что я сказал. Спрячьтесь.

— Но кто позаботится о Мо? Вы не сможете их остановить!

— Это всего лишь люди. Да, они околдованы, но, как я понял, собственными силами не обладают. Их много, но они из плоти и крови! Мы справимся, — решительно заявил Аддерли. — Залезайте под стол. Живо!

— Но я-то магией обладаю! Я могу помочь! Доверьтесь мне хоть раз!

Дверь резко дернулась, ручка заходила ходуном, а потом кто-то попытался выбить ее плечом.

— Сколько констеблей было в участке? — испуганно спросила я.

— С десяток, может, дюжина, — сказал Аддерли.

— Похоже, они все уже мертвы, — сама не веря в то, что говорю, пробормотала я.

Глава 16

КРОВЬ И ТЕЛА

Удары в дверь посыпались с новой силой, я вздрогнула, пытаюсь придумать, как быть. Их действительно слишком много, чтобы выстоять. Колдовство Лютера, скорее всего, отняло страх и чувство самосохранения, а также усилило агрессию, направив ее на любые препятствия между околдованными людьми и их целью. Вот что я видела в глазах арестованных.

— Они не остановятся, пока не убьют Мо, — проговорила я, вооружаясь стулом.

— Что это значит? — спросил Аддерли, хватая меня под локоть и отводя в сторону от Морриса и констеблей.

— Это значит, что они перебьют нас всех, но доберутся до того, кто им нужен, Артур, — не скрывая горечи, ответила я. — Они готовы даже погибнуть, стремясь к цели. Это очень, очень сильное колдовство. Стыд мне и позор, что я не поняла этого раньше. Им оказалось достаточно увидеть Мо, и процесс был запущен.

— Если бы я его не вызвал...

— Дело не в этом. — Я коснулась его плеча свободной рукой. — Они добрались бы до него и в камере.

Новый удар в дверь, а потом различные предметы полетели в наполовину стеклянные стены, ломая жалюзи. Осколки брызнули в разные стороны. Я в страхе вскрикнула, представляя худшее, но Артур резко развернул меня и прижал к своей груди, закрывая от стекла.

Дальше все происходило как в кошмарном сне. Каменчики и железнодорожники прорывались в кабинет инспектора с разных сторон. Они лезли в разбитые окна, нанося себе раны и не обращая на это внимания. Зрелище было жутким. Одержимость в глазах выглядела чудовищно. Полицейские отстреливались. Я пыталась отбиться стулом, не найдя иного оружия, и одновременно приглядывать за людьми, что были на моей стороне. Едва-едва успевала выставлять щиты.

— Освободите меня! — крикнул Мо. — Освободите, и я помогу!

— Ада! — скомандовал Артур. — Возьми ключи!

Отбросив почти бесполезный стул, я бросилась к одному из констеблей, у которого на поясе висели ключи. Отцепить их было не очень-то легко, поскольку парень все время двигался, пытаясь отбиться от нападавших. Руки мои дрожали, и я все больше злилась.

— Ну же! Давай же, девочка! — кричал Мо, забиваясь в угол.

Справившись наконец со связкой, я бросилась к преступнику и, сделав пару выдохов, открыла замок наручников. Только оковы пали к ногам Морриса, как мне кто-то вцепился в волосы и резко дернул голову вниз. Я вскрикнула и попыталась схватить напавшего за руку. Меня безжалостно тащили, и мне пришлось следовать за мужчиной, чтобы он не выдрал мои несчастные волосы. Сцепив от боли зубы, я царапалась и щипалась, но околдованные люди словно не чувствовали боли. Я не слышала вокруг ни криков, ни стонов тех людей, что не оказались под действием волшебства. От осознания этого кровь стыла в жилах. Они будто уже были мертвы. Я отчаянно отбивалась и в один момент смогла попасть каблуком по колену мужчины. Как только его хватка ослабла, я рванула прочь, неосознанно направляясь ближе к инспектору, на которого навалились двое, третий был на подходе. Одежда Аддерли уже изрядно пострадала, на лице виднелись ссадины. Я повернула голову и увидела, что констебли в том же положении. Нападавших было слишком много.

Один из констеблей, кажется, Парсон, оказался прижатым к стене, и я успела заметить, как каменщик ударил его в живот чем-то металлическим. Я вскрикнула, когда темная кровь хлынула из раны и потекла по рукам нападавшего. Парсон побледнел мгновенно. На лице застыла маска ужаса, он прижал ладони к животу и упал на пол. Струйка крови полилась изо рта. Совсем еще молодой человек — на вид ему не было и двадцати пяти.

Громкий звук сзади отвлек меня, и я развернулась. Артура повалили на пол и били ногами четверо. Инспектор закрыл голову руками и подтянул ноги к груди. В дверях и возле них, на полу, лежали раненые люди. Я будто оказалась посреди ада на земле. Арестованные продолжали прорываться в кабинет, но вот позади раздался выстрел, потом еще один, и я увидела избитого и насмерть перепуганного Райли Брикмана, который зажимал кровоточащую рану на плече и отстреливался. В его глазах стояли слезы, юноша явно был в шоке.

Наконец очнувшись, я схватила очередной стул и изо всей силы ударила им одного из мужчин, который бил Артура. К другим я направила стрелы. Удержать несколько орудий было трудно. Я чувствовала, как звенит моя магия, как от напряжения она дрожит и дергается, словно бьется из последних сил. Мне не дана мощь боевых магов, мой дар миролюбив и должен служить людям. В эту минуту я жалела об этом. Впервые.

Артур тяжело поднялся на ноги. По его лицу текла кровь. Он и вздохнуть не успел, как один из работяг буквально бросился на острие стрелы, которая пронзила его грудь, и продолжил атаку. Двое других последовали его примеру. Ничего страшнее мне еще не приходилось видеть. Эти зачарованные люди шли на смерть, сами себе причиняя боль.

Второй констебль с грохотом влетел в стену и застонал от боли. Рабочие лезли в окна, и, казалось, им не будет конца. Но помог полицейскому подняться, отчаянно пытаюсь спасти и свою жизнь.

— Они что, с улицы уже лезут? — прокричала я, не понимая, что происходит.

Их было много, когда мы пришли, но не настолько же? Выстрелы раздавались беспорядочно. Райли подбирал оружие погибших друзей и палил направо и налево, стискивая зубы и глотая слезы.

Мое сердце разрывалось на части оттого, что я не представляла, чем могу помочь. Меня больно пихнули в спину и, не удержавшись на ногах, я повалилась на пол. Тут же чьи-то ноги возникли прямо у лица. Я попыталась вскочить, но не успела. Нога замахнулась, и мне осталось только прикрыть голову руками.

— Ада! — закричал Артур.

Ожидая удара, я дрожала и плакала на полу, но, осознав, что его не будет, осторожно убрала руки. Артур успел оттолкнуть напавшего на меня человека. Воспользовавшись моментом, я поднялась на ноги и снова попала в крошечный ад. Люди, повсюду тела: раненые, убитые. Кровь и тела.

Я закрыла глаза и почувствовала, как внутри зашумела кровь, как стремительно она понеслась по венам, разнося по телу гнев и боль. Сердце ныло и рыдало кровавыми слезами. Время замерло, мир остановился на мгновение. Приоткрыв глаза, я поняла, что все вокруг замедлилось, будто кто-то или что-то мешало людям нормально

двигаться. Мне показалось, что я смогла коснуться самого времени, смогла увидеть его и почувствовать кончиками пальцев. Оно будто перестало существовать в привычном виде.

Моя магия рвалась наружу, и я нашла ей применение. Дай бог, мне хватит сил на то, что я задумала. Щелкнув пальцами, постаралась охватить всех арестованных этой ночью разом. Я цепляла каждого взглядом и словно нанизывала на нить времени и пространства, до конца не понимая, что именно делаю. Страх, боль, отчаяние и гнев — вот что руководило мной и моими силами. Я понимала: нам не одолеть этих людей, не спастись иным способом.

Мысленно собрав по возможности всех, я подняла руки, и время остановилось окончательно. Кабинет инспектора Аддерли исчез, а на его месте оказалось подземелье первого магиструма. Я перетащила себя и околдованных рабочих в другое время. Прежде чем они очнулись и поняли, что произошло, я вернулась обратно.

Тело мое била мелкая дрожь, кости ломило все сразу, суставы выкручивало от боли, голова раскалывалась, а из носа потекла теплая струйка крови. До сего дня я брала с собой лишь девочек, но никогда не перемещала их полностью. Как правило, наши тела оставались в классе. Здесь же мне пришлось поступить по-другому, и это не могло не отразиться на моем состоянии. Ноги подкосились, и я поняла, что сознание уплывает от меня.

— Ада! — Инспектор подскочил ко мне и успел подхватить на руки. — Ада, как ты?

Его горячий шепот обласкал лицо, и я невольно протянула руку к щеке Артура. Он прижался к ней и прикрыл глаза.

— Прости, я не нашла иного пути, — едва слышно произнесла. — Они не остановились бы, пока не добрались до Мо. Сегодня погибло слишком много людей, Артур, слишком много!

Мужчина опустился прямо на пол, прижимая мое обессиленное тело к своей груди и слегка касаясь губами моего лба.

— Что именно ты сделала? — спросил он.

Я ощущала, как быстро бьется сердце Артура, слышала, как он обеспокоен, поэтому приложила голову к его плечу и прошептала:

— Не беспокойся, Артур, я буду в порядке. Мне нужно лишь немного отдохнуть.

— Будешь, — сказал он, — обязательно будешь.

Горячие губы снова коснулись лба, и инспектор крепче стиснул меня в своих объятиях.

— Они в темнице магистиума. Как только я пойму, каким образом обратить заклятие вспять, верну их обратно.

Осознав, что именно произошло в этом участке сегодня, я не удержала слез и уткнулась лицом в сорочку Артура. Плакала до тех пор, пока были на это силы. Инспектор все так же сидел на полу и отрешенно смотрел по сторонам, прижимая мое тело к груди.

— Нужно послать за миссис Баррингтон и девочками. Они быстрее любого доктора исцелят тех, кому нужна помощь и помогут принять решение.

— Нам некого послать, — услышала я всхлип над головой. — Мы остались одни. Они все мертвы. Все констебли, кроме меня, мертвы.

Райли, весь в крови и слезах, смотрел перед собой не моргая. Его лицо походило на маску смерти. Он тоже опустился на пол и закрыл глаза дрожащими ладонями.

— Этим людям тоже нужна помощь, — проговорила я.

— Людям? — воскликнул Райли. — Эти чудовища перебили всех! Зверски убили!

— Констебль Брикман, — сказала я, отстраняясь и пытаюсь встать. Голова пошла кругом, поэтому пришлось вернуться в прежнее положение, — эти люди околдованы. Их вины в том, что произошло, нет. Они погибли по велению темного мага, который хотел добраться до своего подручного.

— И ему это удалось. — Юноша уже чуть успокоился и указал на тело Морриса.

Я посмотрела на распростертого на полу человека и заметила, как медленно вздымается его грудь. Зажмурилась и снова посмотрела, могло ведь и привидеться. Хотя нет, это даже было логично. По законам магии стоило зачарованному достичь цели, как колдовство исчезает. Люди, которых я отправила в подземелье магистиума, пришедшими в себя не казались.

Артур присмотрелся ко мне и начал потихонечку подниматься на ноги. Очень бережно он подхватил меня под руки и потянул за собой. Голова еще кружилась, но устоять я все-таки смогла. Послав инспектору благодарную улыбку, направилась к Моррису. Он едва-едва дышал.

— Артур, — уже осознанно произнесла я имя мистера Аддерли, отменяя условности, — он еще жив.

— Райли! — скомандовал инспектор. — Поднимайтесь и осмотрите всех, ищите выживших. Эмоции эмоциями, но нужно знать наверняка. Я к телеграфу. Ада, как ты?

— Спасибо, уже лучше. Поторопись.

Спустя несколько минут констебль Брикман подтвердил свои слова, заверив, что выживших больше нет. Внутри у меня разрасталась темная пустота, которая как бездонная пропасть пугала кажущейся бесконечностью. Когда Артур вернулся, я сидела на стуле и, зажав ладонью рот, снова плакала. Я много в жизни повидала, но вот такой чудовищной резни никогда еще не видела. Констебль оттащил своих друзей в сторонку и сложил их тела отдельно от арестованных этой ночью людей. Это отняло у юноши много сил, и физических, и душевных. Я ясно видела произошедшие в нем изменения. Буквально на моих глазах он стал мужчиной.

— Я вызвал помощь, — сказал Аддерли, вернувшись в участок. — Миссис Баррингтон звать не стал.

Я удивленно вскинула голову. Инспектор приблизился, сел около меня на корточки и взял мои руки в свои прохладные ладони:

— Здесь некого больше спасать, Ада. С Мо и доктор Джарви справится. Я подумал, что мне еще предстоит объяснить главному комиссару, что именно здесь произошло. Комиссар Трэйси крут и скор на расправу. Мне бы не хотелось, чтобы твои близкие попали под горячую руку. Тебя убережешь я, к сожалению, не смогу, ибо только ты сможешь адекватно обрисовать сложившуюся ситуацию.

— Понимаю, — ответила я и коснулась ладонью теплой щеки Артура. Он на миг прикрыл глаза и едва ощутимо потерялся о мою руку. Сердце сдавило. Артур чертовски устал, и сейчас на его лице прибавилось морщин, а в глазах появилась застывшая боль. — Не переживай, я выстою. К тому же ты будешь рядом, а это значит, что встречу с твоим начальством я как-нибудь переживу.

Мужчина отстранился, услышав шаги констебля Брикмана, и слабо улыбнулся:

— Мы справимся.

Я верила ему, верила каждому слову, верила ласковым глазам и мягкому голосу.

— Нам еще нужно позаботиться о тех несчастных людях, которых я заперла в подземелье. Они ни в чем не виноваты, Артур, и мне даже представить страшно, что с ними будет, как только действие заклятия закончится. Я бы не выдержала новости о том, что стала причиной смерти стольких людей.

— Мы постараемся объяснить все комиссару, но готовься к тому, что он будет рвать и метать, много ругаться и усиленно жестикулировать. Однако, когда буря утихнет, Брэндон Трэйси сможет выслушать и понять. В конце концов, он далеко не глуп, просто излишне эмоционален.

Все произошло именно так, как и предсказывал инспектор. Высшие чины полиции Вичпорта явились довольно скоро. Кого-то вытащили из постелей, кто-то еще не ложился, но все как один были поражены увиденным. Брэндон Трэйси багровел, хватался за волосы, а потом и за форменный китель констебля Брикмана, тряс несчастного юношу, пытаясь добиться ответов, отпускал и снова осматривал один из своих участков. Глубоко потрясенный тем, что видел, комиссар не скрывал боли, а потом и страха. Мы с Артуром выдержали тяжелый взгляд, потом обвинения в глупости и сговоре, а потом мужчина опалил меня ненавистью в глазах и попытался выгнать прочь, но Артур, ни разу не дрогнув, отстаивал мое право на присутствие в участке.

Доктор Джарви, не менее пораженный, повторно проверил все тела и констатировал факт смерти, а потом забрал Морриса и пообещал, что сделает все возможное для спасения этого человека. Комиссар отпустил Райли с ними, чтобы юношу подлатали и позволили отдохнуть.

Нам же предстоял долгий разговор среди горы трупов и луж крови. Как могла доступно, я описала мистеру Трэйси все произошедшее и попыталась объяснить, почему несчастные каменщики и железнодорожники ни в чем не виноваты. Комиссар Трэйси долго молчал, обдумывая мой рассказ:

— И теперь эти люди заперты где-то во времени и пространстве?

— Да, — кивнула я. — Пока Моррис Хактон жив, эти рабочие не смогут жить спокойно. Это как вечная пытка раскаленным железом, она прожигает в них дыру и неуемную жажду крови. Несчастные люди

страдают невероятно, и сейчас им гораздо легче вдали от места, где они могут повстречать свою жертву.

— Как снять заклятие? — сурово сдвинув брови, сказал комиссар.

— Пока не знаю, — честно призналась я. — Но мы с миссис Баррингтон и другими учителями пансиона что-нибудь придумаем.

— А если убить мага, который наложил заклятие? — спросил Артур.

— Заклятие падет, но ты и сам понимаешь, что это почти невозможно. Среди нас нет достаточно сильного мага, чтобы одолеть Лютера.

— Ситуация настолько безнадежна? — спросил мистер Трэйси, и я неуверенно кивнула. Конечно, мне не хотелось сгущать краски, но и откровенно лгать тоже не было смысла. — Хорошо, а есть шанс, что, заполучив кулон, Лютер оставит в покое этот город?

— Шанс, безусловно, есть, — сказала я, — но вы на минуту представьте, на что он будет способен с кулоном в руках. Сейчас есть шанс, что можно найти слабость Лютера, нащупать брешь в его магии. Да, это авантюра и огромный риск, но варианта лучше просто нет. Я не могу вернуть ему недостающую часть магии, чтобы он обрел абсолютную власть. Ведь то, что заключено в сапфире, — это единственная оставшаяся крупница драконьего пламени, самой древней магии на земле, и, став единственным ее обладателем, Лютер не найдет ни одного достойного противника.

— Господь всемогущий! — Комиссар тяжело опустился на стул и уронил голову на руку. Некоторое время он приходил в себя, а потом поднял на меня глаза. — Что именно вы предлагаете?

— Ничего конкретного пока сказать не могу, но мои друзья из всех сил стараются найти выход. Сапфир сейчас в пансионе, надежно спрятан, но времени, как сказал Мо, у нас совсем немного. Есть одно дело, которое мы с инспектором Аддерли должны успеть сделать, чтобы хоть как-то прояснить ситуацию и отыскать выход. Наше предприятие тоже не гарантия успеха, но необходимая попытка решить проблему.

Довольно сложно было объяснить, не вдаваясь в подробности, поэтому вполне закономерным стало то, что комиссар ничего не понял. Как ни странно, задавать лишних вопросов он не стал, а только долго и пристально посмотрел на своего подчиненного и кивнул.

— А что вы мне прикажете делать с этим? — развел он руками. — Как мне объяснить то, что произошло? Как рассказать семьям о многочисленных смертях и не посеять настоящий бунт? Целый район, а он, представьте себе, немаленький, всколыхнется волной и затопит кровью город, если решит, что произошел полицейский произвол. Как я должен объяснить все эти смерти?

— Я уверен, что вы решите эту проблему! — заявил Аддерли, и комиссару ничего не осталось, как понуро опустить плечи и кивнуть в знак согласия.

Домой мы возвращались подавленными и удрученными. За окнами экипажа занимался рассвет, и наступающий день обещал быть солнечным, но на душе было скверно. Перед глазами стояли кровь и тела. В какой-то момент Артур поймал мой взгляд и аккуратно взял за руку. Время от времени мужчина легонько сжимал мои пальцы, и я понимала, что и он не может освободиться от мыслей и воспоминаний. Этой ночью ему тоже приходилось убивать ни в чем не повинных людей. Чтобы хоть как-то поддержать человека, жившего в моем сердце, я склонилась к его плечу и пристроила на нем свою голову, чтобы он чувствовал поддержку. Артур продолжал смотреть в окно, но его лицо хоть немного просветлело. Этого мне было достаточно.

Просторный холл Олридж-холла встретил нас криками и настоящей руганью. Я легко распознала голоса, доносившиеся сверху. Фредди и Ноа.

— Этого еще не хватало! — воскликнул Артур и устремился к лестнице.

Моя подруга стояла у двери в комнату Эдолин, а Ноэль, судя по всему, пытался ее выпроводить.

— Вы в своем уме?! — кричала Уиннифред. — Этой девушке нужна помощь, и я могу ее оказать!

— Вы несносное исчадие ада! — рявкнул Ноа, и я застыла как вкопанная. Я знала, что этот человек не жаловал магов, но рамок приличия до сего дня держался. — Посмотрите, что вы наделали! Моя сестра кашляет без остановки! Ей хуже!

— Да, потому что вы ведете себя как осел! Я заварила ей чай из трав...

— Ну да! А еще что-то там бормотали и руками своими махали! Теперь ей стало только хуже!

Фредди краснела от ярости и упирала в бока кулаки. Я чувствовала, она вот-вот сорвется, поэтому попыталась вмешаться, но не была услышана. Подруга бесцеремонно отодвинула меня и приблизилась к пылающему гневом мужчине:

— Вы отсталый и дремучий человек, мистер Гаррисон! Не знаю уж, чем вам так не угодил магия, но быть настолько слепым и предубежденным — удел дураков! Немного травки, и заклинания облегчат состояние вашей несчастной сестры и подарят спокойный сон! А вы из-за своей глупости уперлись как баран и не желаете принять очевидное!

— Магия — зло!

— А вы ханжа и упертый самодур! Неужели же вы полагаете, что ваш друг приведет в дом того, кто навредит вашей сестре?

— Не смейте приближаться к Эдолин! — рявкнул Ноа. — Я понятия не имею, что у вас в голове и на что вы способны! Все маги лжецы и интриганы!

— А вы их много видели-то? — скривилась Фредди, немного сбавляя тон.

— Достаточно, чтобы в этом убедиться!

Дальше снова посыпались проклятия и разного рода оскорбления. Я впервые видела Фредди такой разъяренной и настолько несдержанной. Когда крики вновь переросли в галдеж, я схватилась за виски и прошмыгнула мимо, предоставив Артуру возможность разобраться. Из-за угла на всю эту картину любовались горничные, а степенный дворецкий мистер Хакстон пытался их разогнать, при этом недовольно поглядывая на мою подругу.

Я проскользнула в комнату Эдолин и нашла ее заходящейся в приступе чудовищного кашля. Миссис Додсон, бледная и растерянная, сутилась вокруг своей подопечной, очевидно не представляя, чем помочь.

— Ох, мисс Хоггарт, слава богу! — воскликнула она. — Я больше не могу слушать эту ругань. Эти двое совсем позабыли про бедняжку. Я пыталась уговорить мистера Гаррисона, но новый маг в поместье буквально свел его с ума. Прошу вас, сделайте что-нибудь.

Осмотрев комнату, я обнаружила травы, что заварила Фредди. Ни я, ни она целительной магией как таковой не обладали, но некоторые

азы целительства все же знали. Унять кашель было нам под силу, исцелить Эдолин — нет.

— Довольно! — послышался крик Артура. — Взаимными оскорблениями вы Эдолин не поможете!

В коридоре все стихло, и инспектор стремительно вошел следом за мной.

— Чем помочь? — тут же спросил он.

— Мне нужен кипяток, — не поворачиваясь ответила я. — Ты можешь принести? Или послать за ним?

Густые брови экономки поползли вверх, и она смерила меня неодобрительным взглядом. Что-то дрогнуло в груди, но я отмахнулась. После того, что мы пережили с Артуром в последнее время, церемонии стали лишними.

Он осмотрелся и с подозрением взглянул на вошедших друзей, все еще не умиривших гнев. Вероятно, посчитав, что оставлять здесь все без присмотра чревато новым скандалом, он отдал распоряжение миссис Додсон. Я услышала громкий выдох, а потом Уиннифред устремилась ко мне. Возможно, я что-то не так делала, поэтому подруга выхватила миску с травами и взяла все в свои руки. Мистер Гаррисон было подался вперед, но твердая рука друга остановила его.

— Вы хотите помочь сестре, мистер Гаррисон? — гневно спросила я. — Хотите облегчить ее страдания?

Мужчина поднял на меня глаза, и я снова распознала в них боль. Таковую сильную, что мое сердце запнулось на мгновение.

— Мне не ведомо, за что вы так ненавидите магов, но ни я, ни моя подруга не причиним зла Эдолин. Я уже говорила вам, что могу помочь. Неужели эта злость настолько сильна, что делает вас слепым и глухим к мольбам сестры? Посмотрите на нее, Ноэль!

Во мне не осталось жалости, стоило увидеть прекрасные черты некогда очаровательной и еще совсем молодой девушки. Бледность ее пугала меня, а круги под глазами делали похожей на живой труп. Как же много сегодня трупов, я пошатнулась, но устояла на ногах. Артур мигом оказался рядом и поддержал за локоть. Чуть отстранив его, я продолжила:

— А теперь посмотрите на меня! Отриньте мою магию, все мои способности и ваши предрассудки! Вы доверяете Артуру? Вы верите мне? Верите?

Последнее слово я буквально прокричала, выбивая мистера Гаррисона из ступора. Мужчина посмотрел мне прямо в глаза и вдруг, неожиданно даже для самого себя кивнул.

— Хорошо, это очень хорошо! — сказала я, расслабившись. — Я знаю, что вы очень любите свою сестру и очень за нее боитесь. Уверена, что все ваши страхи и опасения обоснованны, но, не зная их сути, природы возникновения, я не смогу помочь полноценно, понимаете? Чем скорее вы примете нас и нашу помощь, тем скорее мы облегчим страдания вашей сестры.

Фредди уже поила Эдолин теплым отваром и шептала слова заклинания. Девушка кашляла все реже, ее искаженное муками лицо стало чуть спокойнее, мышцы расслабились. Но я знала, что не все так просто, знала, что отвара нужно много больше, а еще постоянный уход и внимание.

— Ноа, — одними губами позвала Эдолин, — прошу.

Мужчина подошел к сестре с другой стороны кровати и сел на одеяло, прижав руку сестры к губам. Моя подруга вмиг сменила гнев на милость. Я даже успела заметить блеснувшую слезу в ее глазах, прежде чем Уиннифред отвернулась.

— Ноа, — вновь прошептала девушка, — позволь... я расскажу. Я... не могу больше.

— Ты уверена? — спросил ее брат, уткнувшись головой в одеяло подле живота Эдолин.

— Да.

Голосок девушки звучал слабо, и между словами все еще прорывался ненавистный и буквально убивающий ее кашель.

— Иди, — сказала она, и слезы скатились из глаз Ноэля. — Тебе лучше уйти. Не слушай.

Но он никак не мог оторваться от сестры. Я видела внутреннюю борьбу, что происходила в душе мистера Гаррисона. Понимала, что решение сестры ему очень не нравилось, но он вынужден был согласиться ради ее блага.

— Артур, — попросила девушка, — уведи его отсюда.

Я посмотрела на инспектора и поняла, что моему бедному сердцу не будет сегодня покоя. Глубокое страдание отразилось на лице Артура. Он знал, о чем пойдет речь, точно знал и ужасно переживал.

Сделав над собой усилие, инспектор подхватил друга под локоть и затворил за собой дверь.

О гнив еще немного отвара, Эдолин попросила посадить ее повыше на подушках и тихо сказала:

— Не гневайтесь на Ноа. Его боль еще свежа. Выслушайте меня, я расскажу нашу историю.

Глава 17

ПРОКЛЯТЫЕ СНЫ

Мы с Фредди разместились по обеим сторонам от девушки, убедились, что ей удобно, и дали еще немного отвара уже после того, как Мэдди принесла кипяток. Дышала Эдолин тяжело, но кашель отступил. Пускай и не окончательно. В утреннем свете юная мисс Гаррисон выглядела милейшим созданием, которое изо всех сил борется с обстоятельствами и пытается смотреть им в лицо с гордо поднятой головой. У меня в груди отчего-то разрослась гордость за нее, и захотелось обнять девушку и крепко прижать к себе, чтобы никто и ничто больше ее не потревожило.

— Возможно, вы уже догадались, мисс Хоггарт, — сказала она, повернувшись ко мне, — что мы с Ноэлем внуки покойной графини Изольды Олридж.

— Признаюсь, эта мысль посещала меня, — ответила я искренне, — иначе как еще объяснить ваше положение в этом доме.

— Да, вы правы. — Девушка чуть приподнялась на подушках, немного спустилась ниже и снова легла. — Даже не знаю, с чего правильнее будет начать. Наверное, все же с самого начала. Лет пятнадцать назад, а возможно, и чуть больше моя бабушка буквально выдворила отца из этого дома. Я плохо ее помню, мне тогда было года четыре. В моей семье обсуждать это не принято, потому что папа не позволяет плохо говорить о графине. Если я правильно все поняла, то бабушка тронулась рассудком и с годами обзавелась навязчивой идеей. Ей казалось, что мой отец, то есть ее родной сын, хочет... ее смерти.

Девушка закашлялась на последних словах, поэтому Уиннифред подала ей новую порцию отвара.

— Не торопитесь, дорогая, — ласково сказала подруга, — вам вредно так много говорить.

— Я должна рассказать, — грустно улыбнулась Эдолин в ответ. — Я хочу, чтобы вы поняли моего брата.

Нежная сестринская любовь не могла меня не тронуть, поэтому я накрыла ее тоненькие горячие пальчики своей ладонью и кивнула, готовясь слушать.

— Итак. Мои родители пытались достучаться до пожилой графини, но тщетно. В один прекрасный день, а точнее в пасмурное холодное утро, она велела выставить сына из дома. Вместе со всей семьей.

— Какой ужас! — воскликнула Фредди, прикладывая руки к груди. — И куда же вы отправились?

— К родителям моей матери в Кэчстон.

— Но это же в другой стране! За многие мили от Аврии!

— Да, — печально согласилась девушка. — Мой отец был слишком горд, чтобы просить помощи у друзей, а мама настаивала на отъезде. Ей было очень больно, и, чтобы избежать лишних пересудов, она повезла нас на родину.

Эдолин перевела глаза на окно и ненадолго затихла. Ее тяжелое дыхание с хрипами и едва уловимым сипением звучало удручающе.

— В Кэчстоне отец начал все сначала и за восемь долгих лет изнурительного труда основал свою компанию по производству сигарет. Не самое благородное занятие, но оно принесло доход, и неплохой. В городе наша семья стала знаменитой и уважаемой. И мама, и ее родители, и конечно же мы с Ноа ужасно гордились отцом. Но на этом наши злоключения, к сожалению, не закончились. За эти годы мой брат успел жениться на сестре Артура. Они с Лидией были молоды, красивы и очень счастливы. Но супруга Ноэля умерла родами.

И снова тяжелая тишина повисла в комнате. Мои глаза наполнились слезами. Оказывается, у инспектора была сестра. Как, в сущности, ничтожно мало я знала о нем.

— Артур и Ноэль дружили с детства. Сам Аддерли из Вичпорта, но, когда они с Лидией потеряли родителей, продал семейное поместье и наш отец забрал их в Кэчстон, поскольку с давних пор дружил с супругами Аддерли. Можно сказать, что именно с денег Артура и Лидии началось предприятие Олриджей в Кэчстоне. После того как умерла Лидия, Артур не смог оставаться с нами и решил вернуться в Вичпорт. Поскольку своего дома у него в этом городе не осталось, а инспектор не был уверен, что задержится надолго, отец предложил ему поселиться в Олридж-холле. Старая графиня к тому времени уже давно умерла, а слуги хорошо знали Артура, поэтому приняли его более чем радушно.

Я слушала рассказ Эдолин и ужасалась превратностям судеб этих несчастных молодых людей. Чужая боль не прошла мимо меня, отозвавшись в сердце.

— Артур жил здесь тихо, отношениями с Олриджами и собственным богатством не кичился. Освоил профессию полицейского и стал, можно сказать, почти затворником. Наш друг умело помогал управляющему, и в скором времени все обитатели поместья стали воспринимать его как полноценного хозяина. Все оставшиеся Олриджи были только рады. Семь месяцев назад мы с братом тоже переехали сюда, хоть и вовсе не собирались, но строить планы на будущее, как известно, чревато.

Эдолин приближалась к чему-то страшному, болезненному, я чувствовала это кожей, по которой пробежал холодок. Выражение на лице девушки стало каменным, руки похолодели.

— Сначала выяснилось, что я заболела. Мои родители бились изо всех сил, но врачи констатировали единогласно — мне осталось жить что-то около года. Это стало сокрушающим ударом для матушки, и в скором времени она умерла.

По моим щекам уже катились слезы, я невольно сильнее сжимала руку Эдолин, чтобы хоть как-то разделить с ней боль.

— Чахотка? — тихо пробормотала я.

— Да, — кивнула девушка. — В то время, когда я еще могла свободно двигаться и кашель не душил меня настолько, что рассудок мутнеет, я часто ходила в гости к подруге через маленький сквер. Как правило, Ноэль встречал меня и сопровождал до дома. Узнав о моей болезни, брат совсем сник и посвятил все свое время только мне. Чтобы хоть как-то его расшевелить, я велела Ноа помогать отцу в делах. Мы условились, что, возвращаясь из конторы, он будет меня забирать от подруги. — Эдолин нервно поерзала на кровати. — В тот вечер я вышла раньше, не желая обременять уже увлекшегося семейным делом брата. Если бы вы видели, как работа помогала Ноа медленно приходить в себя. Черeda смертей чуть не сломила его, а погружение в дела отца помогало держаться. Я была несказанно рада, поэтому, когда принесли записку о том, что он немного задержится, решила не дожидаться и прогуляться до дома самостоятельно. Было совсем недалеко.

Эдолин не стала прерываться или переводить дыхание. Слова лились из нее неторопливо, но уверенно, будто она хотела поскорее снять это бремя и поделиться горем.

— В сквере было непривычно безлюдно, только несколько студентов-магов праздновали окончание очередного учебного года. В Кэчстоне магов немного, и они ведут себя намного развязнее и наглее, чем в Аврии. Ноэль несколько раз предупреждал меня о них, но по наивности я даже не представляла, чем может обернуться встреча с ними. Они окружили меня и сначала просто веселились. Шутили, по очереди, хоть и насильно, но не грубо, увлекали в танец. Несколько раз я попросила оставить меня в покое, но алкоголь и общее настроение веселой компании сделали свое дело.

Я не хотела слушать дальше, уже понимая, чем закончится рассказ девушки. Фредди тоже затихла ни жива ни мертва.

— Ноэль подоспел, когда маги уже раздели меня и один собирался надругаться надо мной. Силы были неравны, но брат, не раздумывая, бросился на мерзавцев. И все могло бы закончиться гораздо менее плачевно, если бы не магия, которой преступники воспользовались сразу же. В ту ночь моего брата жестоко избили и заставили смотреть на то, как меня насилуют. Эта история прогремела на весь Кэчстон, поэтому, даже не залечив до конца свои раны, с незажившими швами на лице, мой брат собрал меня и увез в Вичпорт. Вот уже несколько месяцев я доживаю здесь свои дни и наблюдаю за тем, как мой брат умирает от чувства вины и самобичевания.

Чудовищная история, просто чудовищная. В чем провинилась эта семья? За что получила столько испытаний? В чем вина этой прекрасной девушки? На ее плечи легло столько боли, столько утрат. Это по меньшей мере несправедливо.

— Мы приехали в Олридж-холл тихо, под покровом ночи и, кроме слуг и Артура, до недавнего времени о нас никто не знал. Все обитатели поместья самоотверженно хранят эту тайну, оберегая нас от чужих глаз и сплетен. Мы с братом ужасно признательны им за заботу и безмерную любовь, которыми они нас окружили.

— Милая, — с трудом выговорила я, невзирая на ком образовавшийся в горле, — мы с Уиннифред ни за что и никогда ни единым словом или действием не посмеем потревожить вашего с братом уединения.

— Я знаю, мисс Хоггарт, — слабо улыбнулась девушка. — Вы очень дороги Артуру, а для меня это лучшая рекомендация.

— Ада, называйте меня Ада, — попросила я. — Чем мы можем вам помочь?

Горящие глаза девушки обратились ко мне, и в них стояли крупные слезы. Она прижала мою руку к своему лицу и зажмурилась, позволяя каплям скатиться по щекам.

— С тех самых пор я часто вижу ту ночь во сне. Она не отпускает меня и вместе с чахоткой ухудшает мое состояние. Эти сны настолько красочные, настолько реалистичные, что я снова и снова проживаю тот ужас, но так, словно наяву! — Девушка вновь распахнула глаза и посмотрела на меня с мольбой. — Вы могли бы как-то помочь мне прожить остаток дней без кошмаров? Я очень бы хотела, чтобы Ноэль запомнил меня той, какой я была прежде. Несмотря на болезнь, я всегда улыбалась и была ему не только сестрой, но и верным другом.

— Сделаю все, что в моих силах, мисс Эдолин, — горячо ответила я, касаясь губами ее ладоней. Фредди дала девушке еще немного отвара и укрыла одеялом. — А теперь вам нужно хорошенько отдохнуть.

Я прилегла рядом с Эдолин и обняла ее за плечи, стараясь подарить легкие и спокойные сны. Эта хрупкая девушка, не знающая, какой день станет для нее последним, заслуживала радости и смеха. Возможно, у меня получится не сразу, но я попытаюсь изменить хотя бы ее сновидения.

Дождавшись мерного тихого дыхания, я поднялась с кровати и решительно вышла на середину комнаты, приподняв руки для щелчка.

— Что ты хочешь сделать, Ада? — спросила Фредди громким шепотом.

— Хочу понять, что происходит, Фредди. Сами кошмары меня не удивляют, но вот то, как бедняжка их видит, не может не насторожить.

— Ты думаешь?.. — ужаснулась Фредди. — Но это было бы просто зверством!

— Вот мы и посмотрим, правильно ли я все поняла.

Уиннифред и глазом не моргнув подошла ко мне и твердо взяла мою руку. Что ж, в подобное путешествие, пусть и недалекое, но жуткое, легче отправляться не одному. Сделав вдох, я щелкнула пальцами и выбрала нужное место и время.

Прежде мне никогда не приходилось использовать дар именно так. Обычно я отправлялась в более дальнее прошлое и, как правило, старалась не встречаться с другими людьми. Здесь все было иначе. Мне требовалось выяснить, что же случилось на самом деле и почему проклятые сны не оставляют несчастную девушку.

Нам с Фредди пришлось несколько раз переместиться. Чтобы обнаружить отправную точку, я была вынуждена начать как раз с той самой ночи и с того самого сквера. Смотреть на зверство со стороны было невыносимо, но, чтобы не промахнуться, я переместилась в самую гущу событий. Уиннифред чуть было не отпустила мою руку, когда увидела, что там происходило. Истерзанный, едва живой Ноэль постоянно звал сестру и плакал, не в силах подняться на ноги и помочь ей хотя бы чем-то. Девушка самоотверженно сдерживала крики, чтобы не причинять лишнюю боль страдающему брату. Мы с Фредди тихо плакали, зажимая рты и сдерживая отчаянные вопли.

Обнаружили пострадавших брата и сестру не сразу, ближе к рассвету. Ноэль подполз к девушке и, успев взять ее за руку, потерял сознание. Эдолин к тому времени тоже уже была без чувств. Полиция лишь спустя два дня выслушала показания потерпевших, а потом один из преподавателей помог вычислить преступников. Их арестовали и судили магическим судом. Это мы с Уиннифред тоже видели своими глазами. Один из студентов, который до последнего зверел при упоминании девушки и сыпал оскорблениями, перед казнью поклялся, что не будет у нее ни единой спокойной ночи, ни единого счастливого дня.

Мы с подругой вернулись в комнату Эдолин удрученные и обессиленные. Душевные силы оставляли меня неумолимо.

— Ты понимаешь, что это значит? — спросила я у Фредди, глядя на спящую мисс Гаррисон со слезами на глазах.

— Понимаю, — тихо ответила Фредди. — Мы не сможем снять проклятие, наложенное этим ублюдком перед смертью. Оно будет действовать до конца ее дней.

Убедившись, что мисс Гаррисон крепко спит, мы отправились на поиски мужчин. Одна из горничных, кажется это была подруга Мэдди Лизи, направила нас в маленькую гостиную на первом этаже. Комната оказалась той самой, в которой я впервые увидела наследника поместья.

Тихо приоткрыв дверь, мы с Уиннифред вошли, застав мужчин задумчивыми и подавленными. Услышав наши шаги, Артур поднял голову, а потом устремился ко мне.

— Как ты? — спросил он негромко. Инспектор посмотрел в мои глаза с такой теплотой, что на миг все тревоги улетучились сами собой. Он убрал выбившуюся прядь волос мне за ухо и вскользь коснулся кожи. Захотелось прикрыть глаза и прижаться к мужественной и крепкой груди. — Выглядишь бледной.

— Я очень устала, — прошептала в ответ, не желая отводить глаз от лица Артура.

За спиной инспектора мялся мистер Гаррисон, который продолжал мысленную борьбу сам с собой, неистово желая узнать, как его сестра, и не имея сил побороть гордость.

— Ваша сестра спит, — опередила меня Фредди, тоже заметив терзания Ноэля. — Этот сон принесет отдых и уют. Без кошмаров и кашля.

Муки на лице мистера Гаррисона сменились заметным облегчением, хотя он все еще выглядел на десяток лет старше, чем был на самом деле. Отыскав где-то в закромах немного мужества, мужчина благодарно кивнул и сказал:

— Спасибо.

Ни я, ни моя подруга не могли злиться на несчастного человека, пережившего настоящую трагедию. А стоило представить, что его сестра совсем скоро оставит этот мир, сердце надрывалось от боли и сожаления.

— Вы сможете помочь? — с надеждой спросил Артур, провожая меня до кресла и усаживая в него.

Отбросив предрассудки, инспектор сел на корточки напротив и взял меня за руки.

— Мы можем лишь облегчить ее мучения, Артур, — ответила я виноватым тоном. — Даже магия не способна излечить чахотку — это Божий промысел, поэтому мы способны лишь избавиться от симптомов. Отвары помогут ей лучше дышать и будут сбивать температуру, но пораженный болезнью организм все равно рано или поздно не выдержит. Если вы позволите, то мы будем сами укладывать ее спать, чтобы избавиться от кошмаров.

Последние слова я адресовала Ноэлю, на которого смотрела поверх головы инспектора. Брат Эдолин громко втянул носом воздух, услышав горькие вести, а потом кивнул.

— Разом избавить мисс Эдолин от страшных снов мы не сможем, — добавила Фредди. — Снять проклятие может только тот, кто его наложил, и поскольку тот мерзавец казнен...

— Проклятие? — резко вскинулся Ноэль.

Фредди испуганно прикусила губу и бросила на меня виноватый взгляд.

Мягко коснувшись щеки Артура, я поднялась на ноги и подошла к мистеру Гаррисону.

— К сожалению, один из преступников проклял вашу сестру до конца ее дней, — очень осторожно сказала я, ожидая урагана в ответ. Скрывать уже не было смысла, а недомолвок он не стерпит.

Я не ошиблась. Ноэль взорвался проклятиями мгновенно. Его лицо исказили страдания и сокрушающая боль. Мужчина размахнулся и швырнул стакан в ближайшую стену. Чтобы укрыться от осколков, я создала щит, который уберег всех нас.

Смотреть на мистера Гаррисона было невыносимо. Он оказался буквально раздавлен.

— Мы не можем снять проклятие, — попыталась я его хоть немного успокоить, — но мы сделаем так, чтобы она больше не видела ту ночь! Я обещаю, что мы не оставим Эдолин одну и не позволим ей страдать!

— Как? — со слезами на глазах спросил мужчина.

— Мы будем приходить каждый день и по очереди укладывать ее спать, посылая самые красивые, самые добрые, самые сказочные сны! — искренне пообещала Фредди.

— Но она может прожить еще несколько месяцев! — со страхом и мольбой произнес Ноа.

— Даже если в какой-то момент, по какой-то причине кто-то из нас с Адой не сможет прийти, мы отправим того, кто сможет сделать для вашей сестры то же самое и будет свято хранить вашу тайну!

Мистер Гаррисон с чувством сжал губы, не без труда сдерживая нахлынувшие эмоции. Его руки дрожали. Даже представить страшно, что творилось в его душе. Нет, мне определенно хватит на сегодня боли и слез. Еще немного — и я просто не выдержу. Словно

почувствовав мое состояние или уловив изменения в лице, Артур сказал:

— Пойдем я провожу тебя в комнату, и ты отдохнешь. У нас была очень тяжелая ночь. Да и утро, чего уж греха таить. Тебя едва-едва ноги держат.

Мне осталось только благодарно кивнуть и повиноваться. Инспектор мягко подхватил меня под руки и повел на второй этаж.

— Если бы можно было отказаться от приема, — с досадой пробормотала я, — но это очень важно для всего пансиона, для миссис Баррингтон и девочек. Я обязана там появиться. Еще и поговорить с мистером Хардманом нужно.

Инспектор открыл дверь и довел меня прямо до кровати, куда я буквально упала, не желая тратить времени на смену одежды.

— Не думай сейчас об этом, — ласково сказал Артур, укрывая меня покрывалом. — Отдыхай.

Мое сознание уже устремлялось в царство Морфея, когда инспектор ласково коснулся губами моих волос и направился к выходу.

— Не уходи, — едва шевеля губами, проговорила я. — Мне тоже нужны хорошие сны.

Прежде чем окончательно подчиниться усталости, я ощутила, как Артур опустился на кровать и крепко обнял меня своими сильными руками. Я в безопасности, я в покое и уюте.

Пробуждение было тяжелым, неохотным, можно даже сказать, мучительным. Мэдди аккуратно трясла меня за плечо, бормоча какие-то слова, которые не сразу пробились в измученное сознание:

— Мисс Хоггарт, просыпайтесь. Ванна готова, миссис Додсон велела подать кофе, чтобы вы хоть немного взбодрились. Скоро накроют легкий поздний обед, чтобы вы продержались до угощений на приеме.

В животе неприятно заурчало, стоило мозгу распознать слово «обед». Я и не помню, когда ела в последний раз. Глаза наконец открылись, и я потянулась, приводя в действие затекшие мышцы. Вспомнив, что засыпала не одна, резко обернулась, чем вызвала улыбку Мэдди:

— Мистер Аддерли тоже ушел приводить себя в порядок.

Мне стало ужасно неловко, запоздало, конечно, но окончательно стыд я все же не потеряла. Ни капли осуждения я не увидела в глазах

девушки, которая на миг даже стала серьезной.

— Вам не стоит беспокоиться, мисс, — сказала она, твердо глядя мне прямо в глаза, — я не буду осуждать вас за безнравственность. То, что вы переживаете, расширяет рамки дозволенного и стирает границы. Вы не сделали ничего предосудительного, ведь, как и любому из нас, вам нужны поддержка и сострадание.

— Откуда вы знаете, что именно мы сейчас переживаем? — осторожно спросила я, когда девушка начала снимать с меня одежду.

— Слуги всегда знают больше, чем кажется. Мы все ужасно благодарны вам за то, что вы сделали для мисс Олридж. Наша любимая хозяйка намучилась с лихвой, а вы делаете богоугодное дело, облегчая ее участь. Мы же видим, сколько сил и собственного здоровья вы на это тратите.

— Вы называете ее мисс Олридж?

— Конечно, — справляясь с корсетом, ответила она. — Гаррисон — девичья фамилия их несчастной матери, да упокоит Господь ее душу. Она была прекрасной женщиной и заботливой хозяйкой. Мудрой и справедливой.

Теплая ванна принесла ожидаемое расслабление. Не обращая внимания на мои протесты, Мэдди сама вымыла мне волосы, помогла растереться мочалкой и даже слегка помассировала плечи и виски. Вылезать из воды совсем не хотелось, ведь каждый раз, вспоминая о приеме, я желала нырнуть в нее с головой и не высовываться. Предстоящее мероприятие пугало меня, заставляя чувствовать себя неумелым ребенком.

— Я до сих пор не озаботилась выбором наряда, Мэдди, — пробормотала я и все-таки спустилась под воду с головой, терзаемая собственной беспечностью.

Хотя о какой беспечности могла идти речь, если с тех самых пор, как я получила приглашение, жизнь ни разу не подарила мне спокойной минуты, не дала перевести дух или хоть как-то передохнуть. Фредди обещала помочь. Я вынырнула из воды, расплескав ее на пол, и виновато посмотрела на горничную, которая только усмехнулась и протянула мне толстый, удивительно мягкий халат.

— Я все приберу, мисс, не волнуйтесь, — сказала она, буквально выпихивая меня из ванной. — А сейчас нужно немного поторопиться.

Миссис Додсон ворчит на всех и вся. Ругается, что вы совершенно не следите за своим здоровьем, не думаете о еде и отдыхе, а она теперь должна впопыхах, на скорую руку составлять вам расписание.

— Даже так? — удивленно вскинула я брови.

— Вы не смотрите, что наша славная миссис Додсон кажется строгой и холодной. Это не так. Она горячо любит своих хозяев, в том числе и мистера Аддерли, которого знает с самого детства. Она хорошо помнит его родителей и сестру, поэтому искренне желает счастья этому доброму человеку, прожившему с нами бок о бок последние пять лет. С вашим появлением все изменилось, мисс. Инспектор словно ожил, перестал походить на призрак этого дома. Все поместье пришло в движение, в нем снова появилась жизнь! Пусть вы не совсем обычная девушка, но кто мы такие, чтобы осуждать выбор мистера Аддерли?

Сердце дрогнуло, я повернулась к девушке и с замиранием сердца посмотрела в ее глаза. Внутри все сжалось от волнения.

— Мы ведь не слепые, мисс, — с улыбкой сказала Мэдди. — Вы пробудили его сердце. Пусть и редкий, но смех снова звучит в этих стенах. Горе всегда идет рука об руку со счастьем. Что бы ни происходило, жизнь никогда не стоит на месте, и терять драгоценное время просто преступно.

— Столько мудрости делает вам честь, Мэдди, — сказала я под впечатлением от ее слов.

— Вы станете прекрасной хозяйкой Олридж-холла!

— Хозяйкой? — изумилась я, пораженная подобной поспешностью. — Еще ведь ничего не...

— Этот дом, если пожелает мистер Аддерли, станет его, — не совсем верно истолковав мое удивление, ответила Мэдди. — Лорд Олридж окончательно обосновался в Кэчстоне и возвращаться не собирается. Мистер Аддерли вложил все свои средства в фабрики лорда и имеет огромный доход с них. У Олриджей поместье в Кэчстоне. Еще одно им без надобности. К тому же там покоится супруга лорда Олриджа.

— А как же мистер Гаррисон и его сестра?

— Они никогда не хотели возвращаться, но обстоятельства вынудили. Как только болезнь победит и наша обожаемая мисс Эдолин отправится к матери, мистер Олридж увезет ее тело в Кэчстон и

похоронит в семейном склепе. Рядом с ее подругой Лидией. Таково желание несчастной девушки.

— А сам он не собирается управлять поместьем?

— Нет, — с грустью ответила девушка. — Он ненавидит его. Проклинает старую графиню, которая выгнала сына из дома и тем самым предрешила судьбу своих наследников. К тому же в Кэчстоне молодого хозяина ждет дочь.

Мое сердце рухнуло в пропасть, я зажала рот рукой и вспомнила рассказ Эдолин. Лидия умерла родами, а вот о младенце мы даже не спросили. Оказывается, мистер Гаррисон остался вдовцом с ребенком на руках. На душе снова стало скверно. Чего только не натерпелась эта семья, чего только не пережила.

Расторопная девушка мигом обтерла мое тело, помогла с бельем и выбором одежды к позднему обеду. Пусть это было не совсем уместно, но волосы я оставила распущенными, чтобы они хорошенько просохли. Пока собиралась, с удовольствием выпила чашечку крепкого кофе, приготовленного лично миссис Додсон. Для меня это стало честью. За столом ждали Артур, Фредди и Ноэль.

Мистер Гаррисон выглядел уже значительно лучше. В глазах хоть и неуверенно, но трепетала надежда. Не думаю, что он окончательно избавился от предубеждений и вмиг позабыл о своей ненависти к магам, но испепеляющих взглядов на Фредди уже не бросал, зубы не стискивал, кулаки не сжимал. Иногда людям нужно чуть больше времени для того, чтобы осознать свои ошибки, принять их и раскаяться.

— Уиннифред, — обратилась я к подруге, — если тебе не трудно, возьми заботу об Эдолин на себя на некоторое время. Сегодня мне нужно быть на приеме, а завтра вечером мы с инспектором отправимся в Аддлтон на несколько дней.

— Тебе не стоило даже просить, — сказала она, накрывая мою руку своей. — Можешь спокойно отправляться. Однако решать будет мистер Гаррисон. Мы здесь только гости, к тому же МАГИ.

Я посмотрела на нее с укором, давая понять, что шпилька была необязательна. На миг даже подумалось, что этих двоих опасно оставлять наедине. Укол попал куда нужно, Ноэль тут же ошетинился на язвительность Уиннифред и приготовился к обороне, а может, даже

к нападению. Однако, хвала небесам, Артур решил вмешаться и сменить тему:

— Я слышал, что ты не определилась с нарядом? — спросил он у меня, и я залилась краской.

— Да все как-то было не до этого...

— Ох! — воскликнула Фредди. — А ведь и правда! Я обещала тебе с этим помочь!

— Жаль, что здесь нет моей маленькой феи Молли, — с сожалением вздохнула я.

— Э нет, дорогая. Талант твоей ученицы здесь не поможет. Она ведь просто меняет внешний вид вещей. Ее магия еще нестабильна, и было бы крайне обидно, если бы твое платье превратилось в скромный наряд учительницы прямо посреди торжества. Здесь нужно настоящее платье! Я собиралась обойти магазины Вичпорта и подыскать тебе подходящее, но, к своему стыду, совсем позабыла.

— Даже если бы ты сделала это, — смущенно сказала я, — у меня не хватило бы средств на такую покупку.

Я никогда не стыдилась своей деятельности. Гордо несла звание учителя последние двадцать пять лет, но даже мне было бы неловко явиться на такое роскошное мероприятие в более чем скромном платье.

— Хакстон, — обратился инспектор к дворецкому, который неизменно стоял за его спиной, — попросите миссис Додсон отправиться за миссис Эджер. Пусть они привезут все, что есть, и мы попробуем спасти положение. Скажите, что я оплачу простой ее салона за время пребывания хозяйки в Олридж-холле.

Мистер Хакстон поклонился, пряча легкую довольную улыбку, и вышел из столовой.

— Не стоило беспокоиться, Артур, — еще больше смутилась я. — Я могла бы снова одолжить то платье, в котором ужинала здесь в первый раз.

— Да простит меня Ноа, — ответил Аддерли, — но платье его покойной матушки безнадежно устарело, а подобного не прощают в том обществе, с которым мы столкнемся. Твой первый выход должен быть безупречным. Прежде чем ты сразишь их своим добрым сердцем и чудесным нравом, они должны хорошенько рассмотреть твою красоту и обаяние.

— Благодарю, — прошептала я, заливаясь краской. Скорее всего, мое лицо цветом уже походило на волосы.

Все что происходило дальше, было будто во сне. Проснувшись и чуть повеселевшая Эдолин пожелала принять участие в выборе наряда, поэтому мистер Гаррисон спустил ее в комнату, смежную с большой гостиной. Девушка удобно расположилась на глубоком мягком диване и угощалась теплым молоком и нежным печеньем.

Когда прибыли миссис Додсон и хозяйка богатейшего салона Вичпорта, я сказала, что буду одеваться с помощью Мэдди в соседней комнате, а потом выходить к остальным женщинам. Так и решили. Сначала миссис Додсон показалось это странным, но, заглянув в чуть приоткрытую дверь, она все поняла и даже улыбнулась.

— Нарядов осталось совсем немного, — словно извиняясь, сказала миссис Эджер. — Вы должны понимать, что к приему в таком доме, как Чепстон-хаус, готовятся заранее. Я привезла самые изысканные и утонченные. На этом настояла миссис Додсон, заверив меня, что мисс Хоггарт не гонится за роскошью и дороговизной. К слову сказать, если это правда, то я полностью разделяю ваши предпочтения, мисс. Платье может быть более чем достойным, но при этом невульгарным и не кричащим о средствах, потраченных на его изготовление.

Я с теплотой и признательностью посмотрела на экономку поместья Олриджей. Женщина чуть задрала подбородок и сделала вид, что не заметила моей благодарности. А мне и не нужен был ее ответный взгляд, сердце согревали поступки. Не сказав мне ни единого доброго слова, эта женщина позаботилась обо мне лучше любой матери, поняв мои желания и нужды.

Миссис Эджер придирчиво рассмотрела мою фигуру и, чуть сдвинув очки на кончик носа, сказала:

— Вам к лицу все оттенки зеленого, но я бы посоветовала выбрать насыщенный изумрудный. Ваша кожа и волосы будут выгодно подчеркнуты, а формы мы выделим новым, удлиненным до бедер корсетом, придающим женщинам элегантный силуэт.

Как только мне вручили первое платье, на котором остановилась миссис Эджер, я проскользнула к Эдолин и позволила Мэдди сделать все самой.

— Боже мой! — воскликнула мисс Гаррисон. — Ада, вы прекрасны! Аксессуары и прическа выгодно дополняют ваш туалет, и общество Вичпорта во главе с Артуром падет к вашим ногам.

Ужасно радовал тот факт, что в последние годы современные женщины отказались от каких-либо каркасов под юбками и перешли к простоте линий. Это давало некое ощущение легкости и свободы. Я взглянула в высокое зеркало и поразилась. Действительно, глубокий изумрудный цвет оттенял медные волосы, делал глаза еще более выразительными и даже добавлял некой таинственности и интимности образу в целом. Глубокое декольте и открытые плечи немного смущали, но я не могла не повиноваться моде.

— Мэдди, — прошептала Эдолин, — принесите мои украшения. Все что есть.

Я никак не могла оторвать глаз от своего отражения. Когда я успела так перемениться? Когда жизнь сделала резкий поворот, доведя меня до этой отметки здесь и сейчас?

— Вы прекрасны, — повторила девушка, — и я думаю, что нет необходимости примерять другие платья. Несмотря на его простоту и кажущуюся скромность, ткани выбраны великолепные: привезенные издалека и искусно расшитые.

— С удовольствием соглашусь с вами, моя дорогая! — ответила я с восторгом.

Когда горничная выполнила волю мисс Гаррисон, Эдолин некоторое время что-то искала, а потом продемонстрировала тонкое изумрудное кольцо и пару сережек, дополняющих комплект. Перчатки и сумочка прилагались к платью.

Вдоволь налюбовавшись мной, Эдолин отпустила меня в гостиную, где все мои помощницы единогласно согласились с точностью выбора миссис Эджер. Осталось только выдержать взгляд Артура и заручиться его одобрением.

Инспектор появился, когда я была полностью готова. Мэдди помогла с прической, уложив локоны высоко на затылке и заколов их удивительно красивой изумрудной заколкой с небольшим перышком. Как оказалось, Эдолин прежде очень любила украшения, и у нее их было в избытке, с разными камнями и разных форм. Мне очень повезло, что девушка тоже любила простоту и не отдавала предпочтение тяжелым и напыщенным драгоценностям.

Я залюбовалась Артуром, застывшим в самом низу лестницы, стоило ему увидеть меня. Его глаза блеснули, и я уловила судорожный вдох, а потом губы мужчины тронула восхищенная улыбка. Сам он выглядел изумительно в шикарном смокинге, белоснежной сорочке и галстукe. Зачесанные волосы, гладко выбритое лицо с выражением решительности и достоинства на нем.

— Сегодня весь высший свет Вичпорта содрогнется, стоит этим двоим переступить порог Чепстон-хауса! — воскликнула довольная собой миссис Эджер.

Глава 18

ГРАНИ ПРОШЛОГО

Путешествие в экипаже стало для меня настоящим испытанием. Я ужасно нервничала и несколько раз ловила себя на мысли, что готова повернуть назад и снова окунуться в относительный покой Олдриджхолла. Встреча с высшим обществом Вичпорта в эту минуту казалась мне страшнее Огюста и даже самого Лютера. Сердце беспомощно дрожало, и, чтобы хоть как-то сдержать эту внутреннюю дрожь, я скручивала и раскручивала перчатки снова и снова.

Моя нервозность не укрылась от глаз Артура, который тут же взял меня за руку и крепко сжал.

— Все будет хорошо, — сказал он, а потом коснулся губами моих пальцев. — Ты моментально покоришь их всех. Мистера Хардмана ты и так знаешь, а все остальные потянутся за ним, как ниточка за иголкой.

— Почему все так уверены, что я должна очаровать высшее общество Вичпорта? — немного раздражаясь возложенной на меня ответственностью, проговорила я.

Артур лишь усмехнулся своим мыслям, продолжая придавать мне сил теплом ладони. Инспектор бросил взгляд в окно и неожиданно стал серьезным.

— Я отвечу на твой вопрос с радостью. С тех пор как мы встретились, ты самозабвенно бросаешься навстречу любой опасности, не заботясь о себе и не преследуя собственной выгоды. Ты будто любишь весь мир, всех и каждого. Принимаешь на себя любую вину, даже вселенского масштаба, и отдаешь последние силы, чтобы помочь несчастной девушке, которую совсем не знаешь. Ты пытаешься защитить людей, которые должны защищать тебя, и сражаешься наравне с блюстителями порядка. А о твоих ласковых глазах, мягком голосе и улыбке, которая заставляет сердце биться чаще, не стоит и упоминать.

У меня в груди все замерло, я на некоторое время даже дышать перестала, глядя в глаза мужчине, чьи слова в одночасье сделали меня счастливейшей из женщин. Невероятное волнение прокатилось по

телу, заставляя его трепетать и словно парить от восторга. Вот значит, как это — любить и чувствовать любовь в ответ? Это же и есть любовь? Я понимала, что ничего подобного Артур не сказал, но сердцем чувствовала, что именно это имел в виду. Окончательно смутившись под его притягательным взглядом и ощутив непреодолимое желание поцеловать его в ответ на чудесные слова, я отвернулась.

— По твоим словам я получаюсь какой-то... идеальной, что ли...

Веселый, раскатистый смех инспектора заставил меня снова повернуться к нему и взглянуть с недоумением.

— Это я просто ничего не сказал о твоём упрямстве, сумасбродстве и излишней самодеятельности.

— Артур! — не смогла и я удержаться, повинувшись настолько заразительному смеху.

Мы еще немного посмеялись, а потом оба посмотрели в окно, заметив, что приближаемся к Чепстон-хаусу. Пока огромный дом не выглянул из-за чудесного парка, обрамлявшего его, я думала о том, что инспектор так и не отпустил мою руку, и о том, как незаметно и вполне естественно мы перешли на «ты», не чувствуя при этом какой-либо неловкости или смущения.

На самом деле я, можно сказать, понятия не имела, как развиваются нормальные отношения двух молодых людей, встретившихся при нормальных обстоятельствах. То есть определенные представления, конечно, имелись, но на моих глазах подобные отношения ни разу не развивались. Девочки наши были еще юны, да и с юношами за годы обучения не виделись почти. Учителя в основном одинокие люди, отдавшие большую часть жизни любимому делу. А за горожанами я и подавно не следила.

Грустный вздох вырвался сам собой, и я осторожно покосилась на Артура. Решительный мужчина, покоровший меня умом, заботой и добрым сердцем, как-то сам собой пробрался в душу и совершенно не собирался ее покидать. Я влюбилась абсолютно незаметно и сейчас сказать, когда именно это произошло, вряд ли смогла бы. Да и зачем? На душе было светло и радостно, разве этого недостаточно? Конечно, мне бы хотелось знать, что на сердце моего избранника, но спрашивать я, само собой, не буду. Сомнений в порядочности инспектора у меня ни на секунду не возникало, даже мысль не мелькала ненароком. Я в

который раз прислушалась к себе, ощущая тепло его ладони, и поняла, что доверяю Артуру безоговорочно. А еще безгранично верю в него! В его мужество, благородство и преданность. Откуда я знала о преданности? Даже ответить не смогу. Просто знала, и все.

Если не считать друзей, милых и заботливых, мы с Артуром шли по жизни совершенно одни. Родных ни у него, ни у меня не было. За исключением разве что племянницы. Я никак не могла осознать, что Аддерли несколько лет назад стал дядей. Размышляя в экипаже о том, как же так произошло, что мы нашли друг друга, я чуть было не пропустила одно из самых красивых и величественных зрелищ в своей жизни. Чепстон-хаус расположился прямо посреди города, хотя складывалось впечатление, что это город расположился вокруг него.

Огромный дом с десятками окон, горящими, будто вспышки в ночи, заставил сердце взволнованно дрогнуть. Широкая подъездная дорожка огибала не менее величественный фонтан, на месте которого мог поместиться небольшой коттедж. Гигантские фигуры мужчины и женщины слились в нежном поцелуе. Девушка казалась растерянной, и кувшин в ее руках опрокинулся, а из него стекала вода. Мужчина ласково обнимал ее за плечи, словно страстно желал, но при этом боялся обидеть. Множество мелких фонтанчиков окружали их, а из-под ног пары выбивалась большая струя, которая взлетала над головами и рассыпалась огромным зонтом, не попадая на влюбленных. Я не могла оторвать глаз. Несколько экипажей создали небольшой затор, и, пока гости неторопливо выходили из них, я наслаждалась чудесной скульптурой.

Краем глаза заметила, как Артур с искренней радостью и восхищением наблюдает за мной.

— Что? — спросила я неловко. — Ты не забыл, что я столько лет жила в тени пансиона? Мне все кажется новым и безумно красивым.

— И это прекрасно, Ада, — сказал он, целуя мои пальцы. — Ты даже не представляешь, как восхитительно смотришься, когда вот так искренне, по-детски удивляешься. Я готов смотреть на это бесконечно!

— Тогда тебе придется снова и снова меня удивлять. — И я улыбнулась шире.

— Я буду стараться изо всех сил! — ответил мужчина на мою улыбку.

Когда подошла наша очередь, Артур предложил мне свою руку и помог выйти, не торопя и не увлекая за собой. Ступив на первую ступеньку, я подняла голову и ахнула, наслаждаясь домом уже вблизи. Немного надменные, задравшие подбородки лакеи стояли по бокам лестницы на каждой ступени. В широко распахнутые двери входили гости, называя имена и протягивая приглашения.

— Боже мой! — воскликнула я, заставляя Артура резко остановиться и создать новый затор из людей, что следовали за нами.

— Что случилось? — совершенно не обращая внимания на созданные гостям неудобства, спросил инспектор.

— У меня нет приглашения! Я оставила его в пансионе! — громким шепотом сказала я, растерянно осматриваясь по сторонам и смущаясь неловкости момента. — Что же теперь делать, Артур? Меня развернут прямо на входе?

— Ничего подобного, — мягко улыбнулся Артур и аккуратно подтолкнул в спину. — Достаточно твоего имени. Некоторые отдают приглашения, некоторые нет.

— Ты уверен? — недоверчиво взглянула я в его глаза. — Совершенно уверен? Возможно, это касается тех, кого эти вышколенные слуги знают в лицо? А я? Меня же никто не знает!

— Не беспокойся, — продолжая улыбаться, сказал мужчина. — Ты со мной. Просто расслабься.

И действительно, подойдя к распорядителю сегодняшнего приема, Артур назвал поочередно наши имена, и тот, сверившись со списком, учтиво поклонился и пропустил нас в зал. Я едва сдержала громкий выдох облегчения. А вот нового, восторженного, сдерживать и не пыталась.

Внушительных размеров дом не только снаружи выглядел потрясающе, но и внутри поражал роскошью. Я, не в силах устоять, рассматривала все и вся: талантливо выполненную лепнину на потолке, переливающиеся блеском хрустальные люстры, к которым уже было проведено электричество. Воздух в Чепстон-хаусе был свежим, ни намека на удушливость газовых ламп. Изысканная мебель выглядела весьма удобно, все диваны завалены воздушными подушками, а кресла казались пузатыми стариками, готовыми рассказать увлекательную историю. Подсвечники украшали камин, на стенах — картины в золоченых рамах. Правда, вкус у хозяина был

своеобразным. По пути к основному залу я не увидела ни одного пейзажа, ни единого портрета. Только животные: огромные птицы, в основном хищные, дикие кошки, волки, лошади и даже драконы. Все изображения были переданы настолько реалистично и детально, что мне казалось, будто сейчас все эти звери спрыгнут с полотен и дом содрогнется от их визгов, воплей и рыков.

Вообще, насколько я поняла, мистер Хардман любил яркие краски, насыщенные запахи и острую пищу. Краски он сочетал довольно умело, ни разу мне не показалось, что убранство выглядит излишне броско или безвкусно. Запахи пряностей и трав витали в воздухе, приятно щекоча ноздри и вызывая аппетит.

— Неординарная личность этот мистер Хардман, — задумчиво проговорила я, до конца не понимая, как именно воспринимать хозяина.

Большой зал встретил нас буйством красок, голосами и смехом. Гости получали удовольствие, радовались, приветствовали друг друга, общались. Я робко поежилась, прежде чем переступить порог, но уверенная рука Артура подбодрила меня легким пожатием. Я подняла на мужчину глаза и как можно тверже кивнула, давая понять, что справлюсь.

Несказанно сложно вот так, спустя долгие годы почти затворничества окунуться в бурлящую жизнь атмосферу утонченного Вичпорта. Я рассматривала окружающих меня людей с огромным интересом. Слава богу, на меня пока никто не обращал внимания. Красивые дамы, одетые по последнему слову моды, выставляли напоказ драгоценности, роскошные ткани, аксессуары и даже самих себя. Некоторые казались вполне искренними, но это в основном те, что помоложе, другие не скрывали наигранности своих жестов и фраз. Это меня несколько не удивило, но чуть заметно подпортило первое впечатление. Я растерянно огляделась, не понимая, что нужно делать дальше — куда-то идти или просто встать в сторонке.

— Вскоре, по обыкновению, хозяин должен произнести приветственную речь, потом легкий ужин и танцы, во время которых будет происходить сбор средств, — подсказал мой бесценный спутник.

— Поняла, — выдохнула я и строго посмотрела в его глаза. — Обещай, что ни на минуту не оставишь меня одну!

Артур широко улыбнулся, и на душе тут же стало светлее и как-то легче. После такой улыбки, принадлежащей только мне, уже ничего не казалось таким пугающим.

— Обещаю, — ответил Аддерли. — К тому же мне самому без тебя здесь, в общем-то, делать нечего.

— Ты пришел ради меня? — искренне удивилась я.

— Да. — Он легко пожал плечами. — Меня уже приглашали на подобные мероприятия, но я всегда вежливо отказывался, поскольку не видел смысла в посещении подобных мест. Светская жизнь уже довольно давно меня не привлекает.

В эту минуту я не знала, как уместить в себе всю признательность и любовь к этому мужчине.

Чтобы не стоять на месте, мы прогулялись по залу, дошли до балкона и заглянули в сад, который, кстати сказать, ничуть не уступал в великолепии дому. Величественные древние дубы, словно стражи, окружали его территорию. У маленького пруда росли плакучие ивы, а по глади воды скользили белоснежные лебеди. Еще в саду мистера Хардмана имелся совершенно очаровательный цветник, и я даже перечислить не смогла бы всех наименований растений, которые радовали глаз разнообразием форм и оттенков. С огромным удовольствием залюбовалась гортензиями с крупными розовыми соцветиями, которые здесь были в избытке. Это мои любимые цветы, при взгляде на них я неизменно ощущала что-то теплое и уютное, чему объяснения до сего дня так и не нашла.

Прогуливаться рука об руку с инспектором оказалось невероятно приятно. Словно и не было всех этих проблем внешнего мира, словно проклятый сапфир не угрожал еще большим количеством смертей, чем уже принес, словно мы стали вполне обычной парой, вместе вышедшей в свет. Ничего по-хорошему заурядного в наших отношениях не наблюдалось. Артур накрыл мою руку, устроившуюся на его локте, своей и рассказывал немного о гостях вполголоса. Встречая кого-то из знакомых, а у него их нашлось немало, Аддерли представлял меня, и я ловила на себе загадочно-восхищенные взгляды. Было и приятно, что они поглядывали на меня именно как на спутницу Артура с вытекающими из этого последствиями, и немного неловко привлекать к себе столько внимания.

Вечерняя прохлада и наслаждение друг другом привели нас в уютную беседку, увитую дикими розами, Артур предложил мне отдохнуть, и я согласилась, ощущая легкую усталость.

— Я вот все думаю, — негромко сказал он, оставаясь на ногах, — как ты выдерживаешь...

— Да, в общем, все оказалось не так страшно... Люди вполне приветливые, никто не тычет в меня пальцем, не шепчется за спиной. Мне даже начинает здесь нравиться. Единственное, что меня смущает... как бы это правильно выразиться... как ты сам относишься к тому, что нас воспринимают как... как пару, что ли?

Некоторое время Артур смотрел на меня со смесью непонимания и легкого удивления, но вскоре пришел в себя и усмехнулся.

— Вообще-то я говорил не о приеме, но можем обсудить и его!

На миг показалось, что лавочка выпорхнула из-под меня, а земля пошатнулась. Мысленно я зажмурилась и отругала себя последними словами. Очень нехорошо было так торопить события. Мне так хотелось, чтобы Артур сам заговорил о том, что у него на душе. А тут получается, я снова будто вынудила его. Язык мой — враг мой!

Заметив мое замешательство, Артур присел рядом и, глядя в глаза, совершенно серьезно сказал:

— Я понимаю, в последнее время наша жизнь перевернулась с ног на голову и, возможно, череда страшных событий подтолкнула нас друг к другу быстрее, чем это должно происходить в обычной жизни. Но я не вижу в этом никакой проблемы. Мы давно не дети, к тому же не сделали ничего предосудительного. Я счастлив, когда ты рядом, мне хочется держать твою руку и жить полной жизнью. Мне остается только надеяться, что ты испытываешь нечто подобное.

Я от души улыбнулась, осознавая, насколько это приятно — слышать такие слова и разделять его чувства.

— Ты спрашивал, как я выдерживаю? — спросила у инспектора, поймав влюбленный взгляд серых глаз. — Только благодаря тебе! Ты ворвался в мою жизнь, словно ветер с моря! Принес и бурю в жизнь, и покой в сердце. С тех пор, как ты рядом, я не хочу больше прятаться и бояться. Хочу поделиться счастьем со всем миром, а еще сделать очень счастливым тебя!

Даже не верилось, что я могла все это сказать. Откуда взялись слова? Где скрывалась до этого дня смелость? Поразительно, как легко

стало на душе, после того как выпустила чувства на свободу!

Артур больше ничего не сказал, лишь восторженно улыбнулся, словно мальчишка, прижал к себе и порывисто поцеловал. Прежнее волнение показалось ничем в сравнении с тем, что принесло мне касание его мягких сухих губ. Истосковавшееся по любви сердце совершило замысловатый пируэт, и я почувствовала себя готовым замурлыкать котенком. Я коснулась щеки Артура и с упоением ответила на поцелуй.

Запах роз, касание ласковых рук и нежный, но настойчивый поцелуй Аддерли перенесли меня в совершенно иной мир, где я была любимой и желанной. И признаюсь сразу, возвращаться из этого мира, который стал только нашим, я категорически не желала. Разве я и этот неповторимый мужчина, что так пылко дарил мне свои заботу и любовь, не заслужили покоя, тишины и радости?

Неподалеку послышались шаги и негромкие голоса. Я испуганно отпрянула, ощущая, как стыдливо запылали щеки и будто запульсировали чуть припухшие губы. Артур тихо рассмеялся, а потом взял за руку и повел обратно в дом.

В саду стрекотали сверчки, стоял опьяняющий аромат цветов, и легкий ветерок приятно охлаждал кожу. Что еще нужно для счастья? В общем-то ничего, пожалуй. И я была счастлива, очень. И наслаждалась этим счастьем, благодарно его принимая.

В доме гости уже стекались поближе к небольшому постаменту, на который легко словно взлетел хозяин торжества. А за ним две дамы. Одна была похожа на сороку: вертела острым носом и рассматривала толпу с придирчивым вниманием. Она выглядела примерно, как миссис Баррингтон, только добра в глазах не наблюдалось. Глядя на нее, казалось, что она призвана выискивать самые тугие кошельки и помечать в каком-то списке, спрятанном в голове. Неприятное впечатление.

— Это миссис Аурелия Даскертон, — прошептал мне прямо в ухо Артур, — она не упустит возможности заглянуть в твой карман, при этом не спеша раскошелиться сама. Возглавляет благотворительный фонд, который и собирает средства на различные нужды. А рядом с ней мисс Кристина Маунтверт, — указал мужчина на бледную девушку с очень красивыми голубыми глазами и светлыми, как у Эдолин, волосами. — Не так давно миссис Даскертон поймала

несчастную в свои сети и использует природное очарование девушки, чтобы разжалобить самых богатых мужчин города.

— Ого! — удивленно воскликнула я. — Не знала, что ты так красочно можешь описывать присутствующих гостей.

Артур правильно расценил мою шпильку о сплетнях, но ничуть не смутился.

— Все это из личных наблюдений. Полгода назад мне пришлось встретиться с этими дамами в рамках расследования убийства на одном из сборов средств. Тогда миссис Даскертон считала своим святым долгом найти хорошую партию для мисс Кристины.

— Наверное, и на тебя засматривалась? — делая вид, что ответ мне совершенно безразличен, спросила я.

— Нет, — усмехнулся он. — Здесь никто толком ничего не знает обо мне. Те, кто помнит мою семью, думают, что я промотал состояние родителей вместе с домом и вернулся в родной город ни с чем. Меня вполне устраивает подобное положение дел.

Толпа гостей заклокотала, как бурлящий вулкан, потому что мистер Хардман приподнял руку, беря слово:

— Добрый вечер, дамы и господа! Я рад приветствовать вас всех в Чепстон-хаусе! Все мы знаем, какой неоценимый вклад в развитие нашего города вносит благотворительный фонд драгоценной миссис Даскертон! — С этими словами мистер Хардман широко улыбнулся той, о которой говорил, и она щедро улыбнулась в ответ. — Вы все наверняка задаетесь вопросом, что или кто послужил причиной сегодняшнего мероприятия. Так вот, не буду развивать интригу и затягивать...

Говорил хозяин поместья легко, весело, так, будто эти люди, буквально все до единого, были его близкими друзьями. Складывалось впечатление, что он не денег у них собирался просить, а сам одаривать.

— Мы с миссис Даскертон и мисс Маунтверт немного поразмыслили, не так давно проезжая мимо одного из старейших поместий нашего прекрасного города, и пришли к единому мнению, что некоторым зданиям не помешали бы ремонт и реставрация. Я говорю о Хэксмен-хаусе.

Услышав знакомое название, я вздрогнула и растерянно завертела головой, услышав новый ропот в толпе. Сложно было определить

общее настроение, но такое публичное внимание стало для меня неожиданностью.

— Мы с вами очень хорошо знаем, что его величество король Эдред и наша несравненная королева Ядвига весьма благосклонно относятся к развитию магических институтов и поддержке талантливых магов, приносящих пользу обществу. Однако сил на всех и вся у венценосных супругов не хватает. Поэтому мы решили поддержать пансион миссис Баррингтон и оснастить его новой мебелью, а также электричеством.

И снова сердце подпрыгнуло, теперь уже от радости. Не поверив своим ушам, я повернулась к Артуру, который задумчиво хмурился, глядя на троицу, что возвышалась над гостями.

— А теперь я хотел бы пригласить сюда очаровательную мисс Хоггарт, с которой мне посчастливилось познакомиться не так давно. Она преподает в пансионе миссис Баррингтон историю магии и является уполномоченным представителем своего учебного заведения.

В толпе снова зашумели, но теперь уже все эти шепотки сопровождались настойчивыми поисками той, о которой говорил мистер Хардман. Я невольно сделала шаг назад, но наткнулась на грудь Артура.

— Я думаю, тебе стоит показаться, — прошептал он. — Если это принесет пользу пансиону и его обитателям, тебе нужно выдержать внимание со стороны горожан. Тем более это лишь раз. Самый первый всегда самый тяжелый, потом будет легче. Не смущайся, дай им вдоволь насмотреться на тебя, и они встанут в очередь, чтобы сделать вашу жизнь лучше.

— Ты пойдешь со мной? — дрожащими губами произнесла я, цепляясь за руку Аддерли.

— Прости, я не могу, — улыбнулся он. — Но я буду совсем рядом, прямо у помоста, ты сможешь видеть мое лицо каждый раз, когда захочешь сбежать.

Не успела я опомниться, как передо мной буквально вырос помощник мистера Хардмана, которого я уже видела в первую встречу с хозяином этого дома. Как же его звали? Эмет? Элиот? Эдгар! Точно, Эдгар!

— Мисс Хоггарт, — надменно прошелестел он, и все глаза в этом зале обратились ко мне как по волшебству. — Прошу вас следовать за

мной.

Я сглотнула и крепче перехватила руку Артура, который мягко подтолкнул меня и поспешил следом. Инспектор не обманул, он остановился прямо у помоста и лично помог мне подняться.

— О! Дорогая мисс Хоггарт! — излучая счастье, воскликнул мистер Хардман. — Я безмерно рад видеть вас в добром здравии!

— Благодарю... — хриплым от страха голосом сказала я, а потом прокашлялась и повторила громче: — Благодарю вас, мистер Хардман. Я тоже очень рада встрече.

Я старалась не смотреть в толпу, чтобы не стушеваться под многочисленными взглядами, поэтому сосредоточилась на улыбчивом и энергичном хозяине торжества. Его лучистые глаза искрились задором, и я не могла не подпасть под их очарование. Мужчина кивнул мне и развернулся к гостям, вынуждая меня сделать то же самое.

— Прошу любить и жаловать прелестную мисс Хоггарт, которая сможет точнее ответить на ваши вопросы, если они возникнут. Только не кидайтесь все разом, не то перепугаете это нежное создание! — продолжал смущать меня мистер Хардман. — А теперь прошу к столу!

Последние слова хозяина позволили мне расслабиться. Гости еще некоторое время разглядывали меня, а потом направились к накрытым столам. Артур тут же предложил мне руку и помог спуститься обратно.

— Инспектор Аддерли! — точно так же искренне обрадовался мистер Хардман. — Приятно удивлен, что вы приняли мое приглашение, ведь, насколько мне известно, вы не часто выходите в свет!

— Благодарю за гостеприимство, мистер Хардман. — Артур протянул руку для приветствия. — Вы правы, я не часто появляюсь на подобных мероприятиях, но вы сами понимаете, служба.

— А может, дело в том, что от бывшего величия вашей семьи осталась лишь фамилия? — послышался довольно неприятный женский голос.

Внутри у меня разразилась буря, вызванная отсутствием всякой учтивости и такта. Я возмущенно открыла рот, но Артур опередил меня:

— Добрый вечер, миссис Даскертон, — с улыбкой поприветствовал он дам, — мисс Маунтверт.

— Здравствуйте, инспектор Аддерли, — смущенно улыбнулась девушка, которая маячила за спиной своей товарки.

— Я настаивала на том, чтобы вас перестали приглашать в приличные дома! — продолжила сорока. — Но мистер Хардман проявил известное благодушие и закрыл глаза на установленный порядок вещей.

Возмутительное поведение этой неприятной женщины повергло меня в шок и подняло волну праведного гнева. Ох, как же мне захотелось сказать ей, что состояние мистера Аддерли, скорее всего, уже превышает ее собственное, но Артур вряд ли это одобрит.

— А я думала, что в приличных домах никогда не позволяют себе подобные высказывания, открыто оскорбляющие гостей! — все же выговорила я.

Мистер Хардман снисходительно улыбнулся и обратился к заносчивой главе фонда:

— Давайте не будем сейчас вспоминать былые обиды, многоуважаемая миссис Даскертон. Я пригласил сюда инспектора Аддерли, поскольку он как никто другой заслуживает быть здесь. Он и его доблестные констебли помогают мне вернуть одну очень ценную вещь, которую пытались похитить.

— Да что вы говорите? — воскликнула сорока, дернув носом. — Что же случилось?

— Пойдемте к столу, и я вам все подробно расскажу.

Мистер Хардман улыбнулся мне и увлек своих помощниц прочь. Во мне все еще клокотала тихая ярость, но стоило поднять глаза на Артура, как от нее осталось лишь недоумение. Инспектор улыбался, глядя им вслед.

— Я не понимаю, почему ты не ответил этой невеже? — спросила я, искренне удивляясь.

— Потому что в этом нет никакого смысла. — Заметив мое раздражение, он рассмеялся. — Мне совершенно все равно, что она и подобные ей думают обо мне. Наше знакомство не было приятным. Я отказывался повиноваться ее капризам и прихотям, а она окрестила меня неотесанным мужланом, не желающим лебезить перед ней. Эта женщина совершенно неисправима, да и я не тот, кто должен ставить ее на место.

Я понимала, что он прав, но справиться с обидой оказалось не так просто. В сущности, Артуру достаточно близких людей, а прочие не стоили того, чтобы растрачивать на них слова и чувства.

Стоило мне отвлечься от раздражающей беседы, и ужин показался даже приятным. Я вызвала живой интерес гостей поместья. Мне задавали вопросы о магии, правилах пансиона и даже ученицах. Я старалась как можно живописнее рассказать о быте нашего заведения, вкладывая в слова любовь и страсть, на которую была способна в данных обстоятельствах. И меня слушали с любопытством и даже восхищением. Я понимала, что пора ломать стены между людьми, не обладающими магией, и теми, кому она дарована природой. Я пыталась объяснить, что мы не несем в себе угрозы и не являемся злом, хотя, встретив хмурый взгляд комиссара Трэйси, чуть не подавилась этими словами. Однако, справившись с минутной растерянностью, напомнила себе, что в любом правиле есть исключения, и мы, к сожалению, не избежали этого.

Легкий ужин был очень вкусным. Мои предположения о том, что мистер Хардман любит пряности, подтвердились. Впрочем, не только пряности, но и разного рода специи, привезенные им издалека. Они придавали блюдам необычный аромат, а также оставляли приятное послевкусие. Я позволила себе немного вина, которое помогло расслабиться и позабыть о любых страхах. Вино тоже показалось мне необычным, с легкой горчинкой, которая сначала насторожила меня. Но потом я подумала о том, что пробовала не так уж много вин, поэтому не могла знать всех вкусов и ароматов.

Танцы начались, когда я пыталась ответить одной даме на вопрос о происхождении магии и разнообразии ее использования. Инспектор учтиво извинился и высвободил меня на время из цепких рук любопытствующих. Артур был очень умелым партнером, уверенным и довольно элегантным. Впрочем, я не удивилась. Танцевать с ним было еще одним удовольствием, которое я открыла для себя этим вечером.

Пропустив две или три композиции, к нам подошел мистер Хардман и пригласил меня на танец. Артур кивнул, но они оба ждали моего согласия. Не увидев в этом ничего зазорного, я улыбнулась хозяину вечера и отправилась за ним в центр зала.

В какой-то момент, двигаясь по залу, я ощутила странное головокружение, а потом зарождение нового приступа головной боли.

Мой партнер улыбался и что-то воодушевленно рассказывал о задуманных переменах в пансионе, при этом так пристально глядя мне в лицо, что казалось, будто он меня зачаровывает. Глупость, конечно, ведь никакой магией он совершенно точно не обладал, но его лучезарные, искрящиеся лукавством глаза притягивали мой взгляд. Этот человек внушал уважение и даже какое-то благоговение перед его добротой и искренностью поступков и слов. Мне нечасто приходилось встречать подобных людей, разве что его величество короля Эдреда, который тоже умел воодушевлять и заражать оптимизмом.

— Мисс Хоггарт, я не утомил вас своей болтовней? — прервал он мои размышления, обволакивая мягким голосом.

— Нет, ну что вы, — смутилась я, понимая, что головная боль уже становится невыносимой. — Мне очень нравится вас слушать.

Общество мистера Хардмана было мне действительно приятно, и я бы с огромным удовольствием провела с ним больше времени за приятной беседой, но глаза уже начали искать Артура, а сердце предчувствовать недоброе. Мне очень не хотелось обижать хозяина поместья, который организовал этот прекрасный вечер только ради того, чтобы помочь нам привести Хэксмен-хаус в порядок и начать жить по-человечески, поэтому я решила продержаться до конца звучащей композиции.

Однако мистер Хардман больше ничего не говорил. Возможно, заметил появившуюся бледность и выступившие на лбу бисеринки пота. Я снова взглянула в его глаза, чтобы извиниться за замедлившийся темп движений, но наткнулась на обжигающий лед. Внутри что-то надорвалось, и зал поплыл перед глазами.

Вокруг все еще звучали музыка и смех, кружили танцующие пары. Вот только утонченные прямые линии новой моды сменились огромными юбками, а современные смокинги превратились в устаревшие фраки. Вместо галстуков появились шейные платки. Вспышка вызвала резкую боль в голове, которой я уже не могла противостоять. Я оторвалась от партнера и схватилась за голову, зажмуривая глаза, а когда открыла, все встало на свои места.

Мистер Хардман смотрел на меня обеспокоенно, но я не успела и глазом моргнуть, как снова оказалась в другом месте и времени. Слышала собственный смех и видела абсолютно счастливое лицо того, с кем танцевала. Красивый молодой мужчина смотрел на меня с

обожанием, улыбка заставляла сердце биться чаще. Пораженная открытием, я чувствовала, как сознание мечется в моей голове, которая находилась в прошлом веке. Чудовищные и весьма болезненные ощущения.

— Ты не устала, любимая? — спросил мой спутник, но я не смогла ответить, желая только одного, поскорее вернуться назад. — Оливия?!

И снова пронзительная боль, из носа побежала теплая струйка крови, а в зале вновь передо мной стоял мистер Хардман. Все происходило настолько стремительно, что я не успевала даже ахнуть или хоть как-то разобраться в том, что происходит.

Лицо мецената снова расплылось, и я оказалась внутри какого-то другого дома. Все тот же молодой мужчина, с которым я танцевала в прошлом, смотрел уже не с любовью, а с ошеломительной болью в глазах. Я чувствовала, как из глаз текут слезы, и слышала собственные слова:

— Пожалуйста, прости меня! Я не знала... не предполагала, что так выйдет... Прости, если сможешь... Это все моя вина, только моя! Я отчаянно хотела, чтобы ты сдержал слово и не прослыл лжецом! Я не слушала тебя, не хотела слушать! Меня волновал лишь твой авторитет, твое имя, которое вскоре должно было стать и моим! Прости меня, молю...

— Сейчас уже поздно горевать, Оливия! Я не смог убедить тебя, и судьба развернулась именно к этой точке развития событий. Я знал...

Внезапный грохот заставил молодого мужчину вздрогнуть. Он молниеносно схватил сумку и плащ, протянул их мне и потащил за собой в другую комнату.

— Беги, Оливия! Беги и не оглядывайся! Ни за что не оглядывайся! Беги как можно дальше от столицы, спрячься. И помни, береги кольцо! Самое главное — береги кольцо!

Я чувствовала, как мое сердце разрывается от боли, слезы застилают глаза, а горестные всхлипы мешают говорить.

— Береги кольцо! — повторил он и буквально вытолкнул меня наружу.

Я оказалась на заднем дворе, но почему-то уйти сразу не смогла, прильнула к окну, наблюдая за тем, что происходило в доме. Выломав дверь, в комнату ворвались четверо мужчин и сразу же устремились к

его хозяину. Я зажимала рот рукой и скулила в ладонь, наблюдая за тем, как они забивают его до смерти, поочередно расспрашивая о чем-то. Но вот один из них отбросил бездыханное тело и заметил меня. Взвизгнув, я бросилась прочь, а потом Чепстон-хаус снова впустил меня в свой бальный зал.

— Артур! — пробормотала я. — Где Артур?

— Я здесь, — подоспел инспектор.

Аддерли быстро подхватил меня под руку и поспешил вывести из зала, стараясь не привлекать лишнего внимания, хотя казалось, что моя истерика должна была буквально приковать ко мне любопытные взгляды.

— Артур! — рыдала я, цепляясь за отвороты его смокинга и преодолевая невыносимую боль. — Боже мой, Артур!

— Что случилось, Ада? Что произошло?

— Я знаю... знаю, кто я! То есть кем была!

Мужчина замер, а потом развернулся ко мне всем телом, продолжая поддерживать за плечи.

— Я была невестой Томаса Марлоу и, кажется, погубила его!

Глава 19

КОГДА ГОВОРЯТ СЕРДЦА

Поезд на Аддлтон издал последний сигнал и мягко качнулся, давая понять, что вот-вот тронется с места. Я сидела на довольно жестком диване нашего с Артуром двухместного купе и смотрела, как служащие станции суетятся, помогая запоздавшим пассажирам. Сумерки уже спустились на город, зажглись уличные фонари, по земле стелился легкий туман. В голове моей было пусто. Я просто смотрела в окно, не желая ни о чем больше думать. Прошедшие сутки измотали меня окончательно.

Мистер Хардман заверил, что никто из гостей ничего не заметил, что само по себе было странно. Хозяин Чепстон-хауса обеспокоенно расспрашивал о причинах моего состояния и предлагал вызвать врача, но я наотрез отказалась, ссылаясь на уже привычную мигрень и желание поскорее оказаться дома и отдохнуть. Прежде чем покинуть уютное поместье, я убедительно попросила мистера Хардмана подождать с возвращением кулона. Не в силах объяснить ему причин второпях и вот так спонтанно, я заверила его, что, как только вернусь из короткой поездки, обязательно встречу с ним и все расскажу за чашкой чая с пирожными. Даже если заботливый хозяин и удивился, то не подал и виду, сказав, что ждал довольно долго и может подождать еще несколько дней.

В экипаже я почти лежала на руках Артура, чувствуя, как тошнота подкатывает к горлу, а головная боль с хрустом разламывает череп на тысячи мелких частей. У меня не было сил даже стонать от муки. Видимо, таким болезненным образом мои воспоминания прокладывали себе дорогу в сознание.

Инспектор привез меня сразу в пансион, где неугомонная миссис Баррингтон сновала туда-сюда и охала, пока миссис Крофтон пыталась облегчить мои страдания. Мы просидели почти до утра. Я не хотела разговаривать, даже когда боль ушла. Артур тихонько рассказал моей благодетельнице все, что произошло. Если дело касалось меня, миссис Баррингтон становилась ужасно чувствительной, поэтому, услышав новости, несчастная женщина схватилась за сердце и без конца

утирала набегающие слезы. Она окончательно уверилась в том, что связь между мной и кулоном действительно имелаась, поэтому поездка в столицу была не такой уж плохой идеей. Однако, по ее словам, нам следовало обратиться напрямую к его величеству, поскольку с Огюстом говорить опасно. Артур поддержал эту идею и даже отправил срочное послание в столицу через посыльных и телеграф, прося аудиенции у короля Эдреда.

Также в ту ночь мы приняли еще одно сложное решение. Сапфир ни за что нельзя отдавать Лютеру, а значит, нужно отправить девочек по домам. Противостоять сильнейшему магу современности, оставляя детей в Хэкмен-хаус, было бы идиотизмом. У нас была всего неделя, чтобы найти способ либо уничтожить кулон, либо противостоять темному магу.

Сборы не продлились долго, вещей я брала не очень много. До столицы два дня пути, там мы задерживаться не собирались, поэтому не видели смысла запастись вещами. Перед отъездом я навестила Эдолин и была рада видеть ее повеселевшей. Я хорошо знала, что это временное улучшение, так бывает. Болезнь будто замирает на время и дает возможность немного передохнуть, однако конец неизбежен. Зачем нужна магия, если она неспособна спасти юную, только начинающую жить девушку? При воспоминании о ней сердце снова сдавило.

Поезд дал сигнал к отбытию, и вскоре фонари замелькали быстрее. Я наблюдала за сменой пейзажа, совершенно не двигаясь. Ощущение было такое, что, если хоть пальцем шевельну, боль вернется с новой силой и уже больше не выпустит меня из своего плена.

Артур вернулся в купе, а я даже не заметила, что он выходил. Мужчина принес с собой чай, булочки, масло и немного сыра. Весь сегодняшний день меня почему-то постоянно уговаривали что-нибудь съесть. Миссис Додсон грозно подпирала бока и хмурила брови, Фредди уговаривала, а Мэдди смотрела с мольбой в глазах. Но я так и не смогла.

— Я прошу тебя, — тихо сказал Артур, ставя угощение на столик передо мной. — Тебе нужны силы.

Я перевела на него благодарный взгляд, как делала со всеми, кто принимал участие в уговорах, но на еду даже не посмотрела.

Артур снял пиджак, повесил его на спинку стула, нервным жестом ослабил галстук, немного подумал и снял его совсем, после чего распахнул ворот так, будто ему было мало воздуха. Я видела, что он переживает, не находит себе места и не знает, как вывести меня из этого состояния, но я и сама не знала, как выйти из странного оцепенения. Будто оказалась в замкнутом круге какой-то мысли... Аддерли чуть подвинул поднос и присел на стул.

— Послушай меня, — сказал он, аккуратно накрывая мои руки своими горячими ладонями, — я понимаю, как должно быть тяжело тебе приходится в последнее время. Вся эта вереница ужасающих событий: темная магия, следы драконьего пламени, убийства, ты столько раз подвергалась физическому насилию, давлению, запугиваниям!

Артур не выдержал и поднялся на ноги, начав тревожно расхаживать по моей половине купе.

— Все это в сочетании с тайнами прошлого и сильнейшими головными болями! Я просто не представляю, как ты еще держишься и можешь думать о ком-то, кроме себя...

— А если я чудовище? — хрипло выговорила, поднимая на него глаза, снова наполнившиеся слезами. — Если то, что я узнаю о себе, заставит меня устыдиться или содрогнуться от ужаса? Что, если я не была хорошим человеком?

Не скрывая ужаса, я выпустила страх, мучивший меня последние сутки. В этот миг внутри словно плотину прорвало — в отчаянии я уронила лицо на ладони и разрыдалась, продолжая озвучивать гнетущие меня мысли:

— Я никогда даже не думала, что могла быть плохой. Ты знаешь... я считала, что вела когда-то довольно тихую жизнь, у меня была семья...

Артур мигом оказался рядом, обнял за плечи и просто позволил выговориться, крепко прижимая к себе мое дрожащее от слез тело.

— Раньше часто фантазировала о прошлом. — Я вновь подняла голову и даже горько улыбнулась. — Мне виделись родители. У меня ведь должны были быть родители? Я не вспоминала лиц, никогда, но почему-то слышала смех отца, а еще чувствовала тепло маминых рук. Ты скажешь, что я сумасшедшая, но иногда мне снился их запах. И тогда я просыпалась счастливой, способной прожить еще один новый

день. Я придумывала себе занятия и даже подруг, которые могли бы окружать меня в прошлом. Одна из них всегда напоминала Фредди, может, поэтому я ее так полюбила, когда встретила наяву. Но я никогда не думала, что могла быть причиной чьей-то гибели, Артур! Я все еще слышу собственные слова! Слышу, как умоляю Томаса простить меня, и вижу, как его убивают из-за меня! Это невыносимо, Артур! Что такого я могла сделать, чтобы человека, за которого я собиралась замуж, так жестоко и безжалостно забили до смерти? Кто я, Артур? Что я за человек?

Последние слова почти прошептала, хватаясь за высокий воротник блузки и оттягивая его, как совсем недавно делал инспектор. Мне стало душно. Настолько, что голова пошла кругом. Я резко вытащила шпильки из волос, позволив им густыми локонами улечься на плечах, запустила в них руки, и прошлась пальцами по коже, чуть надавливая.

— А теперь послушай меня, Ада! — сурово начал Артур, и я впервые слышала сталь в его голосе. Чуть было вновь не усмехнулась печально, вспомнив, что меня даже не Адой зовут, но промолчала. — Во-первых, ты увидела лишь часть прошлого. Кусочки, можно сказать, вырванные из контекста. Ты не можешь с уверенностью сказать, что там произошло в действительности и что именно послужило причиной гибели твоего жениха. Звучит странно, и я до сих пор никак не осознаю, но с того времени прошло уже больше столетия! Мир был другим. Правила, порядки...

— Люди только остались все теми же...

— Возможно, — кивнул Артур, вновь усаживаясь напротив и чуть сбавляя тон. — Во-вторых, есть же вероятность, что ты сделала что-то... скажем так, не особо разумное, только из лучших побуждений. Это ведь могло быть и случайностью или всего лишь недопониманием.

Я попыталась оспорить его слова, но Артур не позволил:

— И в-третьих, человеческая натура имеет обыкновение проявлять себя независимо от памяти, окружения и прочего антуража. Если бы в тебе были какие-то неприглядные качества, скажем, алчность, завистливость, агрессивность или что-то подобное, они бы не оставили тебя вслед за памятью. Ты все равно проявляла бы их так или иначе.

— Ты действительно так думаешь? — с неожиданной надеждой спросила я.

— Я уверен, что нельзя вот так перемениться. В прошлом, возможно, ты и совершила какую-то ошибку, но наверняка по незнанию, а не преследуя выгоду. — Мужчина сжал мои пальцы, вынуждая заглянуть ему в глаза, и слабо улыбнулся уголками губ. — Давай сначала разберемся в том, что произошло на самом деле, и уже потом будем делать выводы. Торопливость в таких делах еще никому не приносила пользы. Тут нужна холодная голова.

Я задумалась над словами Артура. Он был прав, или мне отчаянно хотелось, чтобы он оказался прав. Я отреагировала очень эмоционально, и как результат — истощение. Но очень сложно было бы отнестись к тому, что я видела иначе, учитывая, как именно все это произошло. Меня занимал вопрос, почему сейчас? Почему воспоминания начали возвращаться именно сейчас? Появление сапфира запустило цепочку всех этих событий или что-то другое? Может, я сама смогла приблизиться к чему-то из прошлого и уже это стало толчком для воспоминаний, затаившихся на целых двадцать пять лет?

Спокойно размышляя над этим, я будто очнулась. Навалилась чудовищная усталость, или я ее прежде просто не замечала, и даже появилось нечто похожее на чувство голода.

— Ты прав, — сказала я инспектору и снова посмотрела на него со всей возможной признательностью. Этот мужчина был послан мне свыше, иначе я никак не могла объяснить встречу с ним. — Прости, что вела себя подобным образом и вынудила нянчиться со мной, как с ребенком.

— Ты далеко не ребенок, Ада, — ласково сказал он. — Ты мужественная молодая женщина, которая получила много ударов судьбы за очень короткий срок. Я могу лишь восхищаться тобой и гордиться тем, что ты рядом и даришь мне свою привязанность.

Как странно устроен мир, он будет рушиться, уходить из-под ног, гореть синим пламенем или утопать во вселенских водах, но стоит одному-единственному человеку, который поселился в твоём сердце, взглянуть с любовью и сказать теплые слова, и жизнь начинает играть другими красками. В ней вновь появляется утраченный смысл, душа мигом расцветает, и все вокруг перестает быть таким устрашающим.

Появляется ощущение, что нет таких преград, которые невозможно преодолеть.

— Мы все выдержим, — тихо сказал Артур, будто прочитав мои мысли, и приложил мою ладонь к своей щеке, а потом прикрыл глаза, наслаждаясь теплом. — Справимся со всеми трудностями. Ты только верь.

Мы ненадолго застыли во времени и пространстве, не желая отпускать прекрасный момент единения. Однако ночь брала свое и, заставив меня все же выпить чай и съесть хоть одну булочку, которую Артур собственноручно намазал маслом и украсил сыром, инспектор велел мне ложиться спать. Один из юношей, обслуживающих вагон, проворно приготовил наши постели, которые располагались в соседних комнатах, разделенных лишь перегородкой, после чего я переделась за ширмой и с удовольствием легла. Сон пришел почти мгновенно, унося измученную меня в царство подсознательных фантазий.

Мне снился Томас Марлоу, его красивые глаза и улыбка, благодаря которой на щеках появлялись волнующие ямочки. Томас был молод, полон сил и очень красив. Во сне я ощущала себя очень уютно рядом с ним, легко и весело. Я видела любовь в его взгляде, чувствовала нежность неловких прикосновений и умилялась его смущению.

Однако во сне я четко видела, что мой жених из прошлого менялся во время работы. Становился очень серьезным и даже немного отрешенным. На лбу залегала глубокая складка, брови сдвигались к переносице, а глаза ничего больше не видели, кроме украшения, над которым он работал. Оказывается, я любила наблюдать за процессом создания нового аксессуара, но только за этим. Как вкладывалась в него чужая магия, проклятие, пророчество или что-то еще, Томас смотреть не позволял.

Сон получился обрывочным, состоящим из кусочков, то веселых и радостных, то не очень. Прежде чем проснуться, я увидела глаза Томаса близко-близко. Он обхватил мое лицо обеими руками и вынудил внимательно слушать:

— *Запомни, Оливия, хорошо запомни! Не смей забывать! Ни в коем случае не забывай! Пламя больше не заковано...*

Лицо Томаса начало таять, ускользать от меня. Я больше не чувствовала его ладоней на своих щеках.

— Оно не подчинится...

Теперь в голове остался только голос и тьма:

— Когда придет время, ты поймешь...

«Когда придет время, ты поймешь...» Я проснулась глубокой ночью, неторопливо села на постели, подобрав под себя ноги и укутавшись в одеяло. Поезд прибыл на какую-то станцию. Перрон был практически пуст, только пара невыспавшихся рабочих, что проверяла пути и заглядывала под вагоны, и начальник станции, который стоял в дверях небольшого домика и грел руки о дымящуюся кружку.

Я бросила взгляд на проем между комнатами купе и увидела дрожащие блики на стене. Скорее всего, у Артура горела свеча на столе. Он все еще не спал. Первым порывом было подойти к нему, но потом я передумала. Мое появление только беспокоит его лишний раз. Поезд снова отправился в путь, а я невольно окунулась в воспоминания.

Аддлтон — северный город. Очень красивый, но красота его сурова. Даже несмотря на то, что Вичпорт не так уж далеко, климат в городах совершенно разный. Столица Аврии находится у подножия покрытых снегом гор, а тот самый ледник, в котором меня обнаружили, виден из окна городской башни. Я поежилась, вспоминая каменный город, почти постоянно припорошенный снегом. Холодные серые стены, много площадей, на которых по приказу его величества выставляют скульптуры, сделанные из льда, и воздвигают горки для детей. Даже если учесть, что выглядит столица неприветливой, люди в Аддлтоне очень даже дружелюбные, гостеприимные и веселые. А еще они очень любят свой город и всячески содействуют его процветанию.

В то время, когда я жила в столичном магистиуме, будущая королева попросила магов создать оранжерею, в которой бы круглый год цвели южные растения и цветы. В строительстве этой оранжереи участвовали жители Аддлтона, а магам досталась задача создать и поддерживать нужную температуру для того, чтобы мечта ее высочества осуществилась. Сама я так и не побывала в этом чудесном месте и сейчас вдруг почувствовала острое желание посетить оранжерею.

Стараясь загнать как можно глубже мысли об Огюсте и неизбежной встрече с ним, я попыталась вспомнить то небольшое хорошее, что было в моей жизни в столице. Я помнила свежий, слегка

морозный воздух по утрам, фыркание лошадей, переступающих с ноги на ногу в конюшнях, и песни громогласного конюха. Голос у него был низкий, глубокий, от которого мурашки разбегались по спине и пробуждались странные, немного тоскливые эмоции. В то время я вообще считалась странной, и мне самой все вокруг казалось странным. Прошло двадцать пять лет, а на душе ничего не изменилось. Только тоска появилась, как будто я возвращалась в родной дом, в котором никогда не была по-настоящему счастлива.

Прибыть в столицу мы должны были на следующий день, сразу после завтрака. Снова устраиваясь на подушке, я решила, что потрачу это время как можно более разумно. А именно — высплюсь хорошенько и постараюсь придумать речь для короля Эдреда. В своей просьбе об аудиенции Артур не указал, что появится перед королем не один, посчитав, что и его фамилии будет вполне достаточно. Бросив взгляд на часы, отметила приближающееся утро и закрыла глаза, представляя, как удивится король Эдред нашей встрече.

Поднялась я довольно поздно, умылась и оделась уже к обеду в вагоне-ресторане, хотя не была уверена, что Артур захочет выходить из купе. Аддерли я застала за столом. Он курил и задумчиво смотрел в окно, подпирая голову кулаком с зажатой между пальцев сигаретой. Я застыла на миг, разглядывая лицо с отросшей щетиной, растрепанные волосы и все ту же, уже изрядно помятую сорочку с распахнутым воротом. Тихо подошла к нему, положила руки на плечи и коснулась губами макушки:

— Ты совсем не ложился? Что тебя тревожит, Артур? Помимо очевидного.

Он прижался щекой к моей руке, слегка потерся, а потом изобразил на лице подобие улыбки. Выглядело вымученно, поэтому в голову полезли всякие глупости о моей вчерашней истерике, я поморщилась.

— Прости, — взмахнул рукой инспектор, разгоняя табачный дым, — я тут накурил. Размышлял под стук колес и совсем забылся.

— Ничего, — ответила я, — не страшно. Иди освежись, и нужно что-то поесть, иначе мы с тобой все силы растеряем.

Я сделала вид, что не заметила, как он проигнорировал мой вопрос. И сделал это намеренно. Стало немного не по себе, потому как природное женское любопытство и яркая фантазия, которая тут же

заполнила пробелы в невысказанных ответах, сыграли со мной злую шутку. Кошки заскребли на душе.

Весь день Артур был молчаливым и рассеянным, словно никак не мог вырваться из плена собственных мыслей, поэтому и отключался от внешнего мира. Я несколько раз попыталась вовлечь его в беседу, но потом благоразумно отступила, предоставив мужчине свободное пространство. Вечером нас пригласили на ужин в вагон-ресторан. Меня назвали миссис Аддерли, и это странным образом согрело душу и смутило одновременно. Артур, уже немного повеселевший, лишь улыбнулся и остановил меня, когда я хотела заказать ужин в купе.

Тревожные мысли улеглись, когда за ужином инспектор рассказывал о своем первом посещении столицы. История была немного нелепой и смешной, глаза Артура вновь заискрились весельем, а я даже выдохнула от облегчения, будто весь день дышала не полной грудью.

— Мы с Ноэлем, Эдолин и Лидией сбежали ночью и пробрались в багажное отделение. Мой друг уже тогда считал себя очень важным и очень взрослым, поэтому не побоялся захватить сестру, — искренне смеялся Артур.

— Сколько вам тогда было?

— Ноа четырнадцать, мне тринадцать и девочкам по три или четыре года, — усмехнулся он. — Деревенские мальчишки рассказывали, что без страха удирали в столицу, прячась вот так, и дразнили нас, что мы слишком избалованные и трусливые, чтобы отправиться в путешествие самостоятельно, без няnek и других сопровождающих. Ноэль не стерпел оскорбления и поспорил, что мы не только заберемся в ближайший поезд, но и сестер возьмем. Он всегда охотно принимал вызов, поскольку не любил, когда его честь и достоинство задевают.

— Он и сейчас такой. Бросается в спор буквально с порога, — по-доброму усмехнулась я.

— Так и есть, — погрустнел Артур. — Но сейчас он все равно не тот Ноэль Олридж, которого я знал. В нем что-то надломилось, еще когда Лидия умерла. Некоторое время он даже дочь не хотел видеть.

— Почему? — осмелилась я спросить.

Артур затронул очень болезненную тему, разговор перестал быть легким, но я была рада, что он смог открыться мне. Это очень много

значило для меня и о многом говорило.

— Уже позже он признался, что без горячо любимой жены просто не знал, как быть, как воспитывать девочку самостоятельно, как восполнить ей недостающую материнскую любовь, — печально сказал инспектор, а потом в уголках глаз появились тоненькие паутинки морщинок, он улыбнулся. — Но стоило Ноэлю взять Эмилию на руки, как они в тот же миг стали неразлучны. Я в жизни не видел, чтобы отец и дочь были так близки. Случившееся с Эдолин разлучило их надолго, из-за чего мой друг ужасно тоскует.

— А почему он не взял девочку с собой?

Артур ненадолго замолчал, переведя глаза в окно и закуривая новую сигарету. Я не торопила его — иногда требуется время, чтобы рассказать то, что лежит на сердце тяжким грузом.

— Мы переживали потери снова и снова, — не глядя на меня, медленно заговорил он. — Сначала ушла Лидия. Тяжелые, мучительные роды. Мы не спали два дня. Молились. Но ничего не помогло. Ни лучший врач, ни молитвы, ни наше присутствие под дверью. Потом заболела Эдолин, и Ноэль сделался серым. В буквальном смысле. Его лицо приобрело неестественный серый цвет, словно горе отпечаталось на нем, как маска. Не выдержав горя, ушла их мама. А потом то жестокое нападение на Эдолин и Ноа. Дом в Кэчстоне стал похож на склеп. И, желая как-то изменить все это, мой друг решил увезти Эдолин, чтобы Эмилия не видела, как она умрет, и могильный дух выветрился из поместья. Ноэль до сих пор не знает, правильно ли поступил, но на тот момент был глубоко убежден, что его уже чуть повзрослевшая дочь должна жить в другой атмосфере. Сейчас он мечтает вернуться домой, чтобы снова ее обнять.

— Даже представить страшно, каково это, — пробормотала я, вспоминая сердитое лицо Ноа со шрамом на скуле. — Вы все несколько лет жили в боли и страданиях.

Артур кивнул, затушил окурок и снова закурил. Пусть я не знала инспектора так хорошо, как стоило бы, прежде чем открывать ему свое сердце, но я никогда не видела, чтобы он так много курил. Его пальцы слегка подрагивали, и это становилось особенно заметно, когда он подносил огонь к сигарете.

— Какой она была? — спросила я и, когда Артур поднял на меня глаза, уточнила: — Лидия. Какой она была?

— Она была душой нашей четверки, — печально улыбнулся Аддерли. — Сильной, смелой, порой даже отчаянной, немного сумасбродной, но очень нежной и любящей. Совсем как ты. Моя сестра умела сглаживать конфликты, любила танцевать, смеяться и гулять в парке недалеко от нашего дома. Она делала всех вокруг счастливыми, особенно Ноэля, и мечтала подарить ему детей.

На этих словах инспектор затих, наблюдая за мелькающими в сумраке деревьями. Какое-то время он предавался приятным воспоминаниям, пряча от меня чуть увлажнившиеся глаза, которые я видела в отражении, а я держала его руку — пусть он точно знает, что больше не одинок.

— А чем, кстати, закончилось ваше первое путешествие в столицу? Ты так и не рассказал, — напомнила я на пути в купе.

— Как — чем? — усмехнулся Артур. — Нас нашли, привезли домой и выпороли. Я никогда еще не видел наших отцов такими напуганными, а потом и разъяренными. Это был первый и последний раз, когда на меня и Ноэля подняли руку. Отец бушевал, а мама плакала, прижимая Лидию к груди, и благодарила Бога, что мы живы. Это было за несколько недель до их гибели.

— Как они умерли? — спросила я, после того как мы расположились на диване и попросили принести чай.

Артур несколько раз неловко извинился и закурил уже в который раз. Я мягко улыбнулась и покрутила пальцем в воздухе, создавая подобие воронки, которая закружилась вокруг меня, разгоняя табачный дым. Я легко его переносила, но Артур в последнее время выглядел рассеянным и явно чем-то встревоженным, поэтому решила хоть немного убавить ему тревог.

— Утонули, — ответил он. — Недалеко от нашего старого дома есть озеро, а в нем омут. Мама случайно попала в него, отец пытался ее спасти. Не выбрался никто.

— Какая страшная смерть, — прошептала я.

— Согласен.

Я бросила взгляд на сигарные спички, которые мужчина вертел в руке, и наконец решилась спросить:

— Почему ты используешь их, если куришь сигареты?

Сначала Артур даже не понял, о чем именно я его спрашиваю, а когда проследил за взглядом, грустно улыбнулся:

— Мой отец курил сигары...

Некоторое время говорить больше не хотелось. Артур затушил сигарету, не докурив, и приоткрыл окно, впуская в купе свежий вихрь, который вскоре выгнал остатки запаха. Мы с удовольствием выпили чай и отведали изумительно вкусный, воздушный малиновый пирог, а потом я молча пристроилась на плече мужчины, положив ладонь на его грудь прямо над сердцем. Оба мы думали о том, примет ли нас его величество король Эдред.

В столице на перроне нас уже ждал королевский экипаж, что несказанно удивило Артура и меня. Один из лакеев пояснил, что мистер Хардман прислал письмо его величеству с просьбой принять инспектора Аддерли незамедлительно, хотя король и так не собирался отказывать. Мы с Артуром переглянулись, а когда оказались внутри роскошного транспорта, я спросила:

— Как он узнал?

— Хороший вопрос, милая, — пробормотал Артур, и лицо его стало задумчиво серьезным. — Хороший вопрос.

— Он следит за нами? Но зачем? Так хочет поскорее получить кулон? Поэтому бесцеремонно вклинивается в нашу жизнь? Но мне мистер Хардман показался вполне порядочным человеком, добрым и сопереживающим.

— Возможно, его... излишнее расположение к тебе немного сбивает тебя с толку, и ты видишь в нем только хорошее, — осторожно предположил инспектор.

— Что значит излишнее расположение? — переспросила я, качнув головой.

— Ну... — Артур неловко провел ладонью по волосам, — мистер Хардман явно симпатизирует тебе. Он учтив, внимателен и... не знаю, как выразиться, будто обхаживает тебя для чего-то...

Я не сдержала смеха, глядя на смущенное лицо Артура. Это ревность? Я не знакома с этим чувством, меня никто и никогда не ревновал. В этой жизни, по крайней мере. Оказалось, это приятно.

— Ты ревнуешь? — спросила я прямо, не скрывая своих эмоций по этому случаю.

— Нет-нет, ну что ты, — еще больше смутился инспектор. — Я хотел сказать, что у меня сложилось такое впечатление, будто ему что-то от тебя нужно.

— Ты думаешь, я не могу понравиться ему просто так? Без какой-либо задней мысли? — продолжила веселиться я, наблюдая за довольно забавной реакцией Артура на мои слова.

— Конечно нет, — будто испугался он, — только слепой и глупый не заметит твою привлекательность. В тебе столько обаяния, женственности, грации, и я вовсе не удивлен, что мистер Хардман так очарован. Просто меня не оставляет мысль... есть некое ощущение, назови это чутьем, но что-то тут не так.

— Что именно ты имеешь в виду? — сменив шутливый тон на абсолютно серьезный, спросила я.

— А ты не думала, что мистер Хардман может быть не просто покупателем сапфира, но и его истинным обладателем?

В экипаже повисла тяжелая тишина. Если не считать цокота копыт по булыжной мостовой, больше ни один звук не раздался внутри. Я затаила дыхание, обдумывая слова Артура, в которых был смысл. Это прозвучало настолько ужасающе, насколько и правдоподобно. Признаюсь, я тоже была очарована мистером Хардманом и, скорее всего, сама бы не подумала, что подобное возможно. Однако предположение инспектора показалось необоснованным.

— Нет, Артур, это невозможно, — решительно отмела я его слова. — Да, звучит логично, но ты забываешь, что мистер Хардман вообще не обладает магией. Никакой. Я не чувствую в нем ее присутствия.

— Но разве ты не говорила, что Лютер чудовищно силен? — мягко возразил инспектор. — Я вот тут все думал, а может ли маг быть настолько сильным, что ему не составит труда скрыть свои силы?

И снова его слова заставили меня оторопеть. Как ни неприятно мне было думать, что такой милый человек, как мистер Хардман, может быть тем самым Лютером, но рациональное зерно в словах Артура есть.

— Он смог наделить своих прихвостней магией, которую ты не распознала. Лютер использовал древний амулет, который, по словам покойного профессора, мог активировать лишь очень сильный маг. Он смог проникнуть в пансион, зачаровать три десятка людей, тут же потерявших всякий страх и чувство самосохранения. Поправь меня, если я что-то забыл.

Я продолжала обдумывать слова Артура и ужасаться. Когда переживаешь все это по очереди — это одно, а когда инспектор вот так перечисляет одно за другим — совсем другое. Мощь и наглость Лютера поражали своими масштабами.

— Я повторю свой вопрос. — Артур, который сидел напротив, склонился ближе и заглянул в мои глаза. — Возможно ли, что маг, обладающий таким потенциалом, способен скрыть свои силы полностью?

— Возможно, — в ужасе ответила я.

Дворец, показавшийся в окне, отвлек мое внимание, но должного восхищения не вызвал. Если бы не этот разговор, я бы по достоинству оценила его живописное расположение на фоне заснеженных гор, которые походили на изысканную мантию, красивые остроконечные башни, устремляющиеся прямо в суровое северное небо, зимний сад, такой же роскошный, как и строение, которое он окружал. От вида резиденции королевской четы захватывало дух. Но не у меня и не сегодня.

Нас проводили через множество блистательных парадных залов, коридоров и лестниц, пока мы не застыли перед вполне обычными, даже довольно простыми дверями. Слуга поклонился и открыл их.

Его величество король Эдред сидел за столом, и мое сердце взволнованно подпрыгнуло, когда теплые карие глаза правителя Аврии оторвались от бумаг. За эти годы король изменился: возмужал, стал поистине привлекательным мужчиной, с добродушным лицом и внимательным, будто все понимающим взглядом.

Его величество посмотрел сначала на моего спутника и довольно быстро его оценил. То, что король увидел, явно понравилось ему. Он поднялся на ноги и вышел из-за стола для приветствия. Однако стоило правителю заметить меня, как он застыл на месте, долго-долго вглядываясь в мое ничуть не изменившееся за долгие годы лицо. Сначала король Эдред оторопел, но, когда первый шок прошел, наконец улыбнулся и порывисто шагнул ко мне:

— Как я рад видеть тебя, Анна! — воскликнул он и взял мою руку в свои теплые ладони. — Удивительно! Просто удивительно! Ты ни капельки не переменялась! Все такая же сияющая изнутри! Молодая, немного напуганная, но излучающая силу и внутреннюю красоту!

— Благодарю вас, ваше величество! — искренне улыбнулась я и поклонилась.

— О! Неужели ты забыла, дорогая моя? — напомнил король Эдред. — Ты не должна мне кланяться, Анна!

— Я помню, вот только столько лет прошло...

— Ты решила, что я передумал? — с видимым упреком сказал он. — У дружбы нет времени и расстояния, Анна. Я не из тех, кто забывает о привязанностях.

Слова короля согрели душу и напомнили о том, что хоть один друг в Аддлтоне у меня еще остался.

— Теперь меня зовут Аделаида, — сказала я. — Аделаида Хоггарт.

— Ты так и не вспомнила? — с сочувствием посмотрел на меня король.

— Как вы поняли?

— Ты ведь не сказала, что на самом деле тебя зовут Аделаида Хоггарт, ты сказала «теперь».

— Вы правы, я пока не вспомнила. — Пусть это было и не совсем правдой, но вдаваться в подробности сейчас было не время. — Позвольте вам представить моего спутника, инспектора Аддерли. Мы прибыли с очень важным делом. Важным для меня.

Его величество умел быстро переходить к делу, поэтому пожал руку Артуру и предложил нам сесть. Не успела я сделать и шаг по направлению к креслу, как из тени тяжелых портьер появилась фигура, которая заставила меня вновь застыть на месте. Он постарел, осунулся и стал будто ниже ростом, но не узнать его я не смогла бы. Внутренний холод заморозил тело, я будто оцепенела, ощущая, как страх и глубокая неприязнь возвращают меня назад в прошлое, где этот человек мучил меня одним своим существованием.

Артур тут же почувствовал мое переменившееся настроение и вышел чуть вперед, инстинктивно загораживая меня от мага.

— Анна, — выдохнул колдун, и я еще дальше отступила за спину Аддерли, желая оказаться как можно дальше от этих страшных, вновь загоревшихся безумием глаз.

— Огюст, — сорвалось с моих губ, и я невольно вцепилась в руку Артура.

Глава 20

МАГИЯ ЛЮБВИ

Королевский маг ударил меня только раз, но из шести месяцев, что я прожила в столице, два последних были сущим кошмаром. Преимущественно оттого, что Огюст, сначала казавшийся мне самым добрым из людей, заботливым и по-отечески любящим, слишком резко переменялся. Ему не хватило терпения, чтобы разобраться во всем, чтобы найти ответы, не прибегая к насилию.

Поскольку других близких людей рядом со мной не было и большую часть времени я ощущала себя потерянной, Огюст был тем, к кому я стремилась сама. Меня огорчали собственные неудачи и разочарование опекуна. Когда маг выходил из себя, я чувствовала свою вину и изо всех сил пыталась ему угодить. Я боялась одиночества, боялась внешнего мира. Огюст постоянно внушал мне, что одна я не выживу, снаружи меня ждет столько опасностей и каждый будет гнаться за моим долголетием. Я верила.

Когда методы опекуна стали агрессивными, я насторожилась, но считала себя в безопасности под опекой короля. Его величество был очень юн и неопытен, но мы довольно быстро нашли общий язык. В магистиуме король бывал нечасто, поскольку усердно осваивал науки, привыкал к власти и налаживал отношения с соседями. В то время я была абсолютно уверена: правитель знал, что происходит у него под носом. С тех пор немало воды утекло, и за эти годы я пришла к выводу, что король не ведал и половины того, что творилось в Аврии.

Стоило его величеству посетить магистиум, как Огюст становился покладистым, приветливым и снова добродушным со мной. Но это была лишь видимость. А я не жаловалась. Никогда.

В эту минуту, когда маг снова предстал передо мной и его одержимость не стала меньше, я впервые испытала жалость. Внутри что-то всколыхнулось. Я уже больше не та Анна, запуганная, одинокая, ищущая тепла и заботы. За двадцать пять лет я узнала, что такое быть учителем, что значит опекать кого-то, направлять, помогать познавать себя.

Взглянув в постаревшее лицо надломленного человека, я вдруг перестала бояться. Первая реакция была лишь привычкой. Сделав глубокий вдох, я отпустила руку Артура и вышла из-за его спины, невольно задрвав подбородок.

— Здравствуйте, Огюст, — сказала я и даже руку протянула.

Внутри все сжалось, несмотря на смелые мысли. Маг чуть приподнял брови, словно удивляясь подобной смелости, ведь прежде я разговаривала с ним, опустив глаза, и коснулся моей ладони своими сухими прохладными пальцами. Небеса не разверзлись, гром не прогремел, земля не ушла из-под ног, и я вдруг увидела перед собой несчастного одинокого старика. Он смотрел в мое лицо заворуженно, жадно цепляясь к каждой черте, словно выискивая хоть какие-то изменения.

— Ты... ты нашла ответы? — спросил он дрожащим голосом.

Я попыталась отнять руку, но Огюст продолжал сжимать ее и старался притянуть меня ближе. Мягко, но настойчиво я выдернула ладонь и снова шагнула к Артуру, который тут же словно окутал меня своей заботой.

— Нет, не нашла, — ответила я и повернулась к королю, — но близка к тому. Ваше величество, мне нужна ваша помощь.

— Чем я могу быть тебе полезен, Анна? Аделаида? — поправился правитель и указал нам на кресла, после чего сел обратно за стол.

— Я бы хотела вернуть то, что было при мне, когда меня... — Я запнулась, вспоминая тот день: болезненное пробуждение, холод, страх и отчаянное одиночество. — Обнаружили.

Последнее слово далось нелегко, голос превратился в шепот. Рука Артура тут же легла поверх моей. Внутри потеплело. Проследив за движением инспектора, король Эдред искренне улыбнулся.

— Я очень рад, что рядом с тобой есть люди, которым ты дорога, которые заботятся о твоей безопасности и благополучии.

— Благодарю, — улыбнулась я в ответ. Сердце взволнованно встрепенулось, будто я получила благословение родителей.

— Что именно ты ищешь?

— Какие вещи были при мне? — Вопрос в большей степени был адресован к Огюсту, но голову к магу я не повернула.

Зато правитель повернул и, не произнося ни слова, призвал мага к ответу.

— У Анны ничего с собой не было, — сказал он. — То есть ничего интересного или ценного. Платье, благодаря которому мы смогли определить время, которое ее тело пролежало во льдах, плащ, заколка и маленькое колечко на пальце.

Услышав о кольце, сердце дрогнуло, я резко подняла голову, но Артур настойчиво сжал мои пальцы и сказал:

— Мы бы хотели забрать все вещи, что принадлежали Аделаиде. Возможно, они помогут нам разобраться.

Инспектор нарочно не дал мне сделать акцент на кольце, он недоверчиво хмурился в сторону мага и что-то сосредоточенно обдумывал.

— Платье было бы кстати. Я мог бы выяснить, где его сшили, кто...

— Вы думаете, мы не пытались? — неприязненно сморщился Огюст. — Его величество велел полиции выяснить все, что только было возможно. Но результатов это не принесло.

— Что именно выяснили, ваше величество? — серьезно спросил Артур, намеренно избегая прямых разговоров с магом.

— Насколько я помню, ничего существенного. Платье было сшито кем-то из столичных модисток, но к тому времени она и сама уже умерла. Никаких записей женщина не вела. Выяснить, для кого было сшито платье, нам не удалось. Если это важно и вы хотите сами провести расследование, я буду только рад. Обратитесь в архив магистиума, я передам записку, чтобы вам выдали все вещи Анны, то есть Аделаиды, и записи полиции о проведенном расследовании.

— Благодарю вас, ваше величество! — порывисто ответила я, ощущая, как наворачиваются слезы. Да, много лет назад мы прекрасно ладили с королем, но тогда он был молодым и любознательным юношей, мечтающим о справедливости, процветании и мире. Приятно осознавать, что ничего не изменилось.

— Ну что ты, А... Аделаида. — Он улыбнулся и написал несколько строк на листке бумаги. Поставил королевскую печать и протянул документ инспектору. — Обращайтесь, если что-то потребуется, буду рад помочь. А сейчас извините, у меня есть дела.

Мы встали и отправились к дверям, однако король Эдред с чувством хлопнул себя по лбу и усмехнулся.

— Совсем забыл! Моя супруга, да и я, безусловно, будем рады пригласить вас обоих на ужин сегодня. Нам есть что вспомнить, о чем поговорить.

— Это будет огромной честью для нас, ваше величество, — благодарно поклонился Артур.

— Где вы остановились? Я пришлю экипаж, — безапелляционно заявил король.

— В гостинице «Мадлена», — ответила я, смутившись.

Его величество лукаво прищурился, присматриваясь к нашим лицам.

— Вы супруги?

Я открыла рот, поперхнулась воздухом и растерянно посмотрела на Артура, который тоже улыбался. Лгать в лицо правителю? Представить страшно. Но и понять, как он отнесется к тому, что я путешествую вдвоем с мужчиной, было трудно. Двадцать пять лет назад король Эдред мечтал о современном обществе, о свободе общения, но к подобному не призывал.

— Да, — и глазом не моргнув, ответил Артур, взяв меня за руку.

Я снова бросила на него взгляд, но поняла, что сказано это было не столько для правителя, сколько для мага, притаившегося у стола. Тем самым инспектор открыто давал понять, что теперь со мной рядом есть человек, способный постоять за меня. Некоторое время мой псевдомуж и былой опекун сверлили друг друга взглядами, но потом инспектор снова улыбнулся и поклонился королю Эдреду.

— Почему ты сказал, что мы женаты? — смущенно спросила я, когда экипаж вез нас к гостинице по заполненной людьми улице.

Артур усмехнулся, взял меня за руку и коснулся губами пальцев.

— Чтобы никому и в голову не пришло обидеть тебя.

Большого мне и не нужно было. Роскошная гостиница располагалась прямо в центре города. Королевский экипаж заставил служащих суетиться вокруг нас, словно мы сами были из высшей знати. Хотя Артур именно таким и был. Он мог себе позволить арендовать огромный номер с видом на городскую площадь. Лакеи слегка удивились немногочисленности багажа, но задавать вопросов, само собой, не осмелились.

Номер был действительно шикарным. Я прошла из комнаты в комнату, отмечая дорогую мебель, изысканные шторы на окнах,

свежие цветы, распространяющие чудесный и, что главное, ненавязчивый аромат, и просто удивительно красивую кровать с балдахинном. Одну. Отметив этот факт, я покраснела, в голову непрошеными гостями ворвались пикантные мысли. Чтобы успокоиться, я поискала глазами еще какую-нибудь мебель, на которой можно было бы устроиться на ночлег, но ничего подобного не обнаружила. Да, в номере имелся диван, но ни я, ни тем более Артур не смогли бы на нем поместиться. Он оказался слишком узок и предназначен лишь для сидения на нем. Упущение, на мой взгляд. Но идти разбираться было бы глупо, ведь по документам мы с Артуром счастливые молодожены.

— Пообедаем? — спросил он. — А потом можно будет отправиться в архив магистиума. Далеко до него?

— Не очень, — задумчиво ответила я, вспоминая холодные стены института магии. — До ужина во дворце мы успеем вернуться.

Артур отдал распоряжения лакею, чтобы нам подали обед прямо в номер и подготовили экипаж для путешествия в горы. Приготовленные блюда по великолепию ничуть не уступали роскоши гостиницы. Только лучшее мясо, вина и десерты.

— С тех пор как мы познакомились, — улыбнулась я, отставляя блюдце с остатками пирожного, — я стала питаться значительно лучше и вкуснее. Чего только я не перепробовала за эти недели.

— Я рад, что наше знакомство принесло хоть какую-то пользу, — печально сказал Артур, чем вынудил меня поднять на него глаза.

Мужчина прикурил и вышел на балкон, впуская в номер свежий ветерок. Я отложила салфетку и не раздумывая последовала за ним.

— У тебя были сомнения на этот счет? — заглядывая ему в лицо, совершенно серьезно спросила я.

— В ту ночь, в том переулке твоя жизнь полностью изменилась, и я не могу не думать об этом. В своем желании помочь ты настолько углубилась в расследование, что это не раз подвергало тебя опасности! Что хорошего тебе принесло знакомство со мной?

— Ты не понимаешь? — спросила я. — Действительно не понимаешь?

Артур осмотрелся в поисках чего-то, хоть отдаленно напоминающего пепельницу, и, когда обнаружил, нервно затушил окурок. Я шагнула ближе и взяла его лицо в свои ладони.

— Только встретив тебя, я снова начала жить. Двадцать пять лет бессмысленного существования, не зная кто я, что со мной случилось и для чего живу. Тот вечер вернул меня в ряды живых, не походящих на призраков людей.

— Ада! — сказал он, всматриваясь в мои глаза. — Меня убивает мысль, что я втянул тебя в это, но не смогу защитить! Я не маг и ничего не понимаю в магии! Я постоянно думаю о том, что против Лютера у меня нет оружия! Чем я смогу помочь?

Боль в его глазах сдавила сердце. Я наконец поняла, почему Артур не спал тогда в поезде, что так его беспокоило, что пугало.

— Своим острым умом, — мягко ответила я, — наблюдательностью, решительностью и готовностью быть все время рядом. Ты помогаешь прямо здесь и сейчас. Ты со мной, поддерживаешь, держишь за руку... смотришь вот так на меня.

— Как? — выдохнул он.

— Так, что сердце бьется сильнее. Смотришь так, будто нет ничего и никого важнее меня на земле. Смотришь так, будто...

— ...люблю, — прошептал Артур.

Я не смогла скрыть своего счастья, не смогла сдержать улыбку.

— Ты был прав, когда говорил, что мы давно не дети. Мы встретились не случайно, Артур. Судьба подарила нам друг друга в самый сложный момент, и в этой тяжелой схватке завтра у нас уже может не быть. Только вместе, только держась за руки, мы сможем выстоять или умереть, как бы банально и пафосно это ни звучало. Я не жалею ни об одной секунде рядом с тобой, ни об одном слове или действии. Не жалею и никогда не пожалею. Я люблю тебя, Артур Аддерли, всем своим оттаявшим сердцем.

То самое сердце, о котором шла речь, вдруг пропустило удар, и я осознала, что хочу сделать нечто неразумное, но единственно верное в той ситуации, в которой мы оказались. Я коснулась кончиками пальцев его лица и нежно скользнула губами по его губам, а потом посмотрела прямо в глаза. Артур рвано выдохнул и нахмурился, а потом впился взглядом сначала в мой чуть приоткрытый рот, а следом и в глаза. Он все понял правильно. Осознав это, я ощутила, как дрогнули колени, сердце забилось чаще, мне тут же стало не хватать воздуха.

— Ты уверена? — прошептал он, притягивая меня ближе. — Абсолютно уверена?

— Я верю тебе, Артур. Верю в нас.

Вслед за моим дыханием Аддерли участилось, он прижал меня к себе плотнее и поцеловал уже не вскользь. Сухие губы Артура мягко, но настойчиво пробовали на вкус мои, а потом его язык смело ворвался в мой рот, и я ахнула от удовольствия и поднявшейся внутри волны, которая пронеслась по телу, вызывая легкую дрожь. Ничего похожего мне еще не приходилось испытывать. Я позволила мужчине углубить поцелуй и поняла, что мне мало. Тело откликалось на каждое прикосновение, на горячий выдох, едва слышимый стон.

Прервав ненадолго поцелуй, Артур увлек меня в спальню, где медленно, очень осторожно расстегнул тугой воротничок блузки. Его пальцы двигались неторопливо, а я ощущала колющее нетерпение, от которого становилось неловко. Я не могла знать наверняка, но чувствовала, что прежде не позволяла никому раздевать меня. Даже Томасу. Внезапная мысль о бывшем женихе заставила меня замереть, и Артур тоже настороженно застыл. Возможно, ему показалось, что я передумала. Чтобы развеять его сомнения, я улыбнулась и помогла ему избавиться от пиджака, а затем и от галстука. Убедившись в твердости моего решения, мужчина расстегнул последнюю пуговицу и зашел мне за спину, убрал волосы с одного плеча на другое и ласково коснулся губами шеи. Я задрожала, ощутив, как внизу живота образовался тугой узел, который вынудил меня прикрыть глаза. Я выдохнула, и вместе с воздухом с губ сорвался тихий стон наслаждения. Артур развел края блузки и очень медленно, словно дразня, начал снимать ее с плеч, а потом и с рук. Его огненные пальцы касались кожи, и вслед за этими касаниями по телу бежали колющие мурашки. Я откинула голову назад, устроив ее на плече Артура, и прикусила нижнюю губу, полностью отдаваясь ощущениям. Когда блузка оказалась на полу, мужчина расстегнул пояс юбки, и она плавно соскользнула к ногам.

В жизни бы не подумала, что расшнуровка корсета может быть настолько чувственной. Справился Артур довольно быстро, а когда его ладонь скользнула под рубашку и коснулась живота, я перестала дышать. Развернулась к Артуру лицом и столкнулась с удивительными глазами любимого мужчины. Он смотрел с обожанием, в глазах пылало желание, мужчина тяжело дышал. Отметая последние страхи и неуверенность, я стянула рубашку, обнажаясь перед ним полностью.

Не сводя с меня сияющего взгляда, Артур избавился от своей одежды и порывисто шагнул ко мне. Его красивое тело хотелось разглядывать. Я несмело провела руками по рельефным плечам, пробежалась пальцами по медленно вздымающейся крепкой груди, а потом спустилась к животу. Мужчина дрогнул и прикрыл глаза, а я прильнула к нему всем телом, желая стать еще ближе.

Артур бережно поднял меня на руки и уложил на кровать, а сам оказался сверху. Ласковые руки скользили по моему телу, заставляя его выгибаться и тянуться навстречу. Я поднималась все выше, парила над землей, а потом падала так, что захватывало дух. Тело больше мне не принадлежало. Сердце, что было в нем, билось только для Артура, каждый вдох и выдох предназначался только ему, каждый участок кожи пылал только им, каждый звук достигал лишь его ушей. Я больше не принадлежала самой себе.

Артур снова поцеловал меня, все так же нежно, но уже чуточку настойчивей, и я, повинувшись инстинктам, последовала за его движениями. Я маг, но мне показалось, что я ничего не знала о волшебстве до этой самой минуты. Мужчина, даривший свою любовь без остатка, был невероятно ласков, унося меня в мир наслаждения и грез. Сердце срывалось в пропасть от каждого прикосновения, а потом взлетало ввысь, повинувшись удовольствию. Я была рядом с Артуром и одновременно где-то далеко, за пределами комнаты. Любить этого мужчину оказалось легко, дарить ему нежность в ответ приятно, а становиться полностью его — правильно.

Мы сливались в едином порыве любви, забывая о внешнем мире, его тяготах и опасностях. В этот миг все иное перестало существовать. Только мы, только наши чувства, только наши тела.

После того как все закончилось, некоторое время мы просто лежали рядом и пытались отдышаться. Артур улыбался, прикрыв глаза, а я любовалась им, понимая, что стала ему женой. Так странно, мы не были женаты по-настоящему, но это лишь процедура, а сейчас мы соединились, как положено супругам, — и телами, и душами.

Артур развернулся ко мне и поцеловал в кончик носа:

— Я сейчас понял одну очень важную вещь, Ада. До той ночи, когда мы встретились, я тоже не жил. Просто существовал, механически двигаясь, думая только о работе и выполняя лишь необходимые действия.

Он уткнулся лбом в мое плечо и снова улыбнулся, а я запустила руку в его волосы и начала медленно их перебирать. Еще минуту мужчина наслаждался нашей близостью, а потом резко поднялся и начал одеваться.

— Мне нужно кое-что уладить внизу, а ты собирайся. Нам необходимо успеть попасть в магистиум, а потом на ужин во дворец.

Прежде чем я успела что-либо понять, Аддерли вышел из нашего номера. Немного удивленная, я постаралась отбросить сомнения и еще чуточку понежилась в кровати, прислушиваясь к себе и собственным ощущениям после случившегося между мной и Артуром. Да, это был порыв, но я не жалела и не хотела бы повернуть время вспять и изменить хоть что-то. Как я говорила инспектору, завтрашнего дня у нас могло уже не быть, поэтому сдерживать себя или сожалеть о чем бы то ни было глупо. Мы любили друг друга, хотели быть вместе, значит, все прочее — просто условности.

Спустя несколько минут я поднялась и направилась в ванную, где освежилась и привела себя в порядок. Артур вернулся взволнованным, но счастливым. Он приобнял меня, поцеловал, а потом помог накинуть плащ.

— Экипаж уже готов, милая. Нам нужно поспешить.

Сразу за городом снег покрывал землю полностью, будто укутывал белоснежным одеялом. Порывистый ветер врвался в приоткрытое окно экипажа, и я жадно вдыхала морозный воздух. Артур сидел рядом и задумчиво сжимал мою руку. Чем ближе мы подбирались к унылому строению, походившему на крепость, тем больше хмурился инспектор.

— Тебя тревожит то, что поведает о моем прошлом кольцо? — с замиранием сердца спросила я.

— Нет, — не раздумывая ответил он, — меня тревожит Огюст и его нездоровое отношение к тебе.

— Мы едем не к нему, а в архив. Покои мага в другом крыле, и встречаться с ним нам не обязательно. Печать короля открывает любые двери.

— Это ты не считаешь нужным встречаться с ним, но о его намерениях мы знать не можем.

Истина присутствовала в словах Артура, но мне было неприятно думать об Огюсте. Не хотелось строить предположений о его

замыслах. Столько лет он служит его величеству и, если тот до сих пор держит мага при себе, значит, Огюст ничем не провинился перед правителем. Но одержимые люди опасны. Артур подобрал правильное слово, назвав мага не совсем здоровым. Огюст не мог адекватно оценивать мое существование, и его безумный взгляд это только подтвердил. Я крепче перехватила руку Артура и попыталась улыбнуться.

— Я не думаю, что он посмеет как-то навредить мне. Его величество не простит Огюсту этого.

— Это смог бы понять обычный здоровый человек, а этот маг одержим. И причина его одержимости меня пугает.

— Все будет хорошо, — попыталась я успокоить Аддерли, — с Огюстом я смогу справиться, если придется.

Не сказать, что я была абсолютно уверена в своих словах, но мне хотелось, чтобы Артур поверил. Тяжелые ворота магистиума медленно открылись, впуская наш экипаж, а когда мы выбрались из него, я по привычке задрала голову к башне, в которой когда-то жила. Накинув капюшон, чтобы не привлекать к себе внимания, повела Артура в архив.

Эту крепость я знала как свои пять пальцев. Могла зажмуриться и все равно отыскать вход в любое помещение, любой коридор, любую комнату. Разговаривал с обитателями магистиума только Артур, а я пряталась под утепленной тканью плаща и пыталась справиться с охватившим меня ужасом. Станным, непостижимым образом я любила это место и ненавидела. Страх сковывал меня, но стоило напомнить самой себе, что я больше не пленница, как он уходил. К тому же я не выпускала ладонь Артура, поэтому постоянно чувствовала свою принадлежность к чему-то светлому, доброму и любящему.

— Прошу, входите, — послышался знакомый голос, когда инспектор негромко постучал в двери архива.

Пожилая сухопарая женщина с очками в тонкой оправе на носу вышла из-за высокого стеллажа и направилась к нам. Ее осанка была все такой же прямой, казавшейся чуть-чуть горделивой. Совсем седые волосы были, как и двадцать пять лет назад, убраны в тугую, волосок к волоску, пучок. Длинное худощавое тело облачено в серое строгое платье, а пронзительные голубые глаза смотрели с вызовом.

— Миссис Тауридж, — произнесла я и вышла вперед, чтобы хранительница архива хорошенько меня рассмотрела.

Женщина нахмурилась и немного спустила очки на кончик носа, чтобы взглянуть на меня поверх толстых стекол. Ее невозмутимое лицо вмиг растеряло краски, сделавшись белым как полотно. Миссис Тауридж качнулась на каблуках и схватилась за сердце.

— Анна! Это действительно ты?

— Я. — Улыбка сама собой растянула мои губы.

Я не могу сказать, что прежде мы дружили с этой странной, немного отстраненной от мира женщиной, но она никогда меня не обижала, держалась на расстоянии, но и от беседы не отказывалась, когда я пряталась от упражнений с Огюстом. Сейчас я смотрела на нее другими глазами, осознавая, что она еще и та самая родственница мистера Огlsi, которая помогала вести поиски в архиве.

Женщина шагнула было ко мне, чуть приподняв, видимо, для объятий, руки, но потом неловко поежилась и шагнула назад, сцепив напряженные пальцы в замок. Она нервно качнула головой, а потом насторожилась, заглядывая мне за спину:

— Он уже видел тебя?

Я тут же поняла, о ком шла речь, и кивнула, заставляя глаза миссис Тауридж расширяться. Она сглотнула и прошептала:

— И как?

— Мы были в кабинете его величества.

Мне не стоило объяснять дальше, женщина понимающе закивала, медленно отходя к своему столу.

— Он довольно долго приходил в себя после того, как ты сбежала. Очень страдал и даже болел, но отправиться следом не осмелился. Постарел разом, прямо на глазах. Ты зря вернулась, Анна. Огюст смирился и пришел в себя, теперь все снова пойдет кувырком.

— Мы ненадолго, — хмуро сказал Артур и протянул документ, подписанный королем. — Нам нужны вещи Аделаиды.

Мой спутник намеренно выделил имя, которое я придумала сама. Я чувствовала, что ему не нравилась моя былая связь с этим местом. Признаться, мне тоже.

— Конечно, — кивнула миссис Тауридж. — Ада!

Я вздрогнула и растерялась, оглядываясь по сторонам. Понять, что обратилась женщина не ко мне, не составило труда. Сердце

взволнованно вспорхнуло и пустилось вскачь, я ухватилась за пиджак Артура. Спустя несколько секунд из-за двери вышла женщина лет сорока пяти. Все еще очень красивая, подтянутая, ухоженная. И без передника служанки. На глаза навернулись слезы благодарности. Эта женщина, будучи совсем юной девушкой, помогла мне спастись, невзирая на возможное наказание.

— Да, миссис Тауридж, — сказала она, складывая руки в замок и глядя только на свою хозяйку.

— Принесите вещи Анны, — сказала служащая архива, и женщина вздрогнула, — и еще все документы по расследованию ее дела.

Аделаида робко подняла глаза и посмотрела на меня. Слезы уже катились по моим щекам и, как только женщина узнала меня, я бросилась к ней и порывисто взяла за руки.

— Анна, — выдохнула она и тоже прослезилась.

Я очень хотела ее обнять, но не решилась, поэтому бросила взгляд на миссис Тауридж, а потом на Артура:

— Ада, проводишь меня, и я тебе помогу.

Хранительница архива сжала зубы, и ее губы превратились в тонкую побелевшую ниточку. Она чуть задрала подбородок и нехотя кивнула. Артур улыбнулся и остался с ней.

Аделаида уверенно зашагала между стеллажами, и, как только мы скрылись из вида, я остановила ее и радостно притянула к себе.

— Я так и не сказала тебе спасибо, — прошептала я, глотая слезы. — Ты спасла меня, подарила шанс на новую жизнь! Спасибо тебе!

— А я очень рада, что с тобой все хорошо! Так рада, что ты выбралась! — сказала она, отстраняясь.

— Как ты? Тебе хорошо здесь? Хочешь поехать со мной?

Слова сами собой сорвались с губ и немало удивили нас обеих, но я о них не пожалела.

— Нет, благодарю, Анна, но мне здесь хорошо. В архиве я нашла покой. Здесь я нужна, и миссис Тауридж готовит меня себе на замену. Она кажется излишне строгой, но архив — это вся ее жизнь, а я понимаю и принимаю это.

— Боже! — Я снова притянула женщину к себе и с радостью обняла. — Слава богу, ты в порядке!

Аделаида привела меня к нужной полке и указала на сверток.

— Здесь твоя одежда, заколка и кольцо. А вот тут вся документация: заметки, отчеты и даже рисунки.

Прежде чем взять свои вещи, я несколько раз протягивала дрожащие руки, а потом убирала, понимая, что именно они помогут мне найти ответы. Страх вновь сковал тело, и я попятилась, вспоминая о том, что случилось с Томасом. Хочу ли я этого? Хочу ли я знать, кем была и как поступила тогда? Лишь мысль о том, что это может помочь в борьбе с Лютером, заставила меня взять себя в руки. Однако поднять сверток так и не смогла.

— Артур! — громко позвала я, испытывая острую необходимость в его присутствии.

Инспектор отыскал меня почти сразу и, проследив за напуганным взглядом, понял, что мне мешает. Аддерли посмотрел на меня ласково и сгреб вещи в охапку.

— Давай посмотрим не здесь, не сейчас, — прошептала я. — Только вдвоем и когда я буду полностью готова.

— Конечно, — так же тихо прошептал он и коснулся моего лица свободной рукой.

Сердечно распрощавшись с женщинами и получив заверение, что нам всегда рады в архиве, мы с Артуром отправились в обратный путь. На душе было скверно. Я ощущала себя странно, будто чего-то не хватало. Сверток аккуратно лежал на сиденье напротив, и я то и дело косилась на него, а потом прижималась к Артуру в поисках покоя и поддержки. Даже представить не могла, что эта поездка будет такой тяжелой.

В номере гостиницы Артур убрал мои вещи подальше, а потом развернул меня к себе и сказал:

— Я хочу, чтобы сегодня ты забыла о грусти, расслабилась и хорошо провела время. Мы приехали сюда, и это стало немалым испытанием для тебя. Если ты не развернешь этот сверток прямо сейчас, земля не уйдет из-под ног, поэтому я предлагаю отправиться на ужин к королю, где тебя ждет маленький сюрприз.

— Что за сюрприз? — насторожилась я, глядя на смущение инспектора, которое он попытался скрыть.

— Если я расскажу, это уже не будет сюрпризом, разве нет?

— Да, конечно, но...

— Переодевайся, платье и все прочее на кровати.

Сказав эти слова, Артур отправился в уборную, а я еще немного похлопала глазами удивленно и пошла в спальню. В дверях застыла, глядя на чудесное белоснежное платье с кружевными узкими рукавами и ручной вышивкой нежно-голубого цвета. Справившись с чувствами, я шагнула ближе и коснулась рукой воздушной ткани лифа и юбки, заметила туфельки, оформленные как дополнение к платью, и маленькую сумочку, похожую на голубой бутон неизвестного цветка. С замирающим сердцем я не знала, радоваться мне или грустить оттого, что не успела предупредить Артура, что королевская чета не осудила бы мой вполне сносный, хоть и простенький вид. Однако к ужину во дворце мой спутник отнесся более чем серьезно.

Для того чтобы привести себя в порядок, мне пришлось прибегнуть к помощи местных горничных, которые соорудили скромную, но очень элегантную прическу, перешнуровали корсет и застегнули все крошечные пуговички на спине. Увидев себя в отражении огромного зеркала в полный рост, я отметила счастливый блеск в глазах, нежный румянец и не сходящую с лица улыбку.

Артур появился как раз вовремя. На нем был шикарный смокинг, модный галстук и белоснежная сорочка. В петлице красовался голубой бутон. Я восторженно просияла, заметив эту чудесную деталь. Мужчина подошел ближе, ласково поцеловал в губы и произнес:

— Даже представить себе не мог, что могу любить тебя сильнее.

Отвечать не было смысла, Артур все увидел в моих глазах.

Служащие гостиницы провожали нас взглядами и одобрительно перешептывались. В этот миг я и сама знала, что смотрелись мы с Артуром ошеломительно.

В королевском экипаже я снова нервничала, чувствуя приближение чего-то необыкновенного. И дело было не в ужине. Надо признать, что в прошлой жизни я не раз обедала с королем и вела долгие беседы о жизни и нашем отношении к ней. Компания его величества меня не беспокоила, а вот легкая нервозность Артура, напротив, тревожила.

Ноги отказывались нести меня по дворцовым коридорам, когда я осознала, что лакей провожает нас отнюдь не в столовую, а в тронный зал. Там его величество проводил лишь официальные встречи, приемы

и торжества. Ничего личного, ничего располагающего к тесному общению старых друзей.

— Что происходит, Артур? — взволнованно прошептала я, когда лакеи открыли тяжелые резные двери и я увидела огромную арку из белоснежных цветов, раскинутую прямо перед тронем.

Сделав еще несколько шагов, Артур кивнул его величеству и развернул меня к себе:

— Ада, ты влетела в мою жизнь, как легкий бриз, как нежный аромат цветов, как свежая волна с умиротворяющего моря. Ты изменила и украсила мое тихое существование. Подарила сердцу давно позабытый трепет, вернула яркие цвета и желание улыбаться. И пусть сначала ты обескураживала меня и даже немного злила, но со временем я узнал тебя настоящую, разглядел твою внутреннюю красоту, доброту отзывчивого сердца и бесконечную нежность, которую ты умеешь дарить без остатка. Мы многое преодолели за эти нелегкие дни, многое пережили. Я понимаю, что все произошедшее между нами может показаться слишком поспешным, но я никогда не был настолько уверен в своих решениях, никогда прежде ничего так отчаянно не хотел, никогда так страстно не любил. Поэтому от всего сердца прошу тебя стать моей женой!

Глава 21

И БОЛЬ, И СВЕТ, И КРАСОТА

Возможно ли почувствовать себя счастливой абсолютно? Возможно ли испытывать безудержную радость, когда мир готов обрушиться на голову и уничтожить все, что было когда-либо любимым? Жизнь наносила нам удар за ударом, столкнула с монстром, способным безжалостно убивать, и вложила в руки предмет, обладающий такой разрушительной силой, которая угрожает стереть страну с лица земли.

Я смотрела в сияющие глаза Артура и видела, как он взволнован. Сердце радостно дрогнуло, я никак не могла поверить в то, что он сказал. Повернулась к цветочной арке и увидела широкую улыбку короля. За его спиной стояла королева Ядвига и, приложив руку к сердцу, наблюдала за происходящим.

— Артур, — выдохнула я, — ты серьезно?

— Как никогда, — ответил мужчина, поворачивая мою голову к себе и заглядывая в глаза. — Я люблю тебя и хочу, чтобы ты всегда была рядом.

— И тебя не смущает мой возраст? — неожиданно даже для себя самой спросила я.

Аддерли вскинул брови, а потом искренне рассмеялся, и таким этот смех был заразительным, что я на миг почувствовала себя ребенком.

— Это меньше, что меня волнует, Ада, — продолжая широко улыбаться, сказал Артур, а потом снова стал серьезным. — Так что ты решила? Ты станешь моей женой?

— Да! — воскликнула я, отменяя все страхи и сомнения, о которых больше не хотелось думать. Безумство? Быть может, но это чудесное безумство. Так бывает. Люди находят друг друга и вмиг становятся самыми близкими, родными душами, словно друг для друга были созданы. И сейчас, глядя в лицо любимого мужчины, я отчаянно в это верила.

Его величество подошел к нам и коснулся моего плеча.

— Давайте приступим к делу, Аделаида, не то ужин остынет, и миссис Голдиш будет ворчать, что холодная пища хуже усваивается. С чего она это взяла, ума не приложу.

Я вспомнила королевскую кухарку и улыбнулась. Двадцать пять лет назад мы с королем, бывало, ужинали прямо на кухне, где его величество прятался от советников и учителей, а я от Огюста. Миссис Голдиш трепетно относилась к здоровью молодого короля. Приятно осознавать, что ничего не изменилось.

— Когда вы успели? — спросила я, разглядывая благоухающую арку, увитую нежными бутонами белых роз.

— Перед поездкой в архив я отправил письмо его величеству, в котором попросил прощения за свою ложь, объяснив ее причину, и попросил обвенчать нас перед запланированным ужином, — с удовольствием пояснил Артур.

— Все остальное взяла в свои руки моя драгоценная супруга. — Король улыбнулся и поцеловал руку жене.

Ее величество, вот так лицом к лицу, я видела впервые. Когда жила в магистиуме, король только собирался жениться. Ему подыскивали претендентку из огромного количества знатных дам, и одна была краше другой. Однако король Эдред выбрал принцессу Ядвигу из далекого, совсем крошечного королевства. Советники возражали, но их подопечный устроил настоящий бунт и особенно разошелся после первой личной встречи. В тот вечер на кухне он рассказывал мне, как доброта и трепетная нежность совсем юной принцессы сразили его наповал.

Нельзя сказать, что внешность королевы соответствовала общепринятым канонам красоты, но ее мягкая улыбка, добрые глаза и необычайная грация делали ее чрезвычайно милой и приятной в общении.

— Какие чудесные цветы! — воскликнула я, кланяясь королеве. — Благодарю вас.

— Я очень много слышала о тебе, Анна. Мой супруг рассказывал о долгих беседах с тобой и дружбе, возникшей между вами. Было очень приятно подарить тебе чуточку тепла. К тому же зачем нужна оранжерея, если не для такого прекрасного повода?

Я снова благодарно поклонилась, и его величество начал церемонию. Все прошло тихо, скромно, но весьма трогательно и мило.

Клятвы верности и любви звучали искренне, поскольку шли от самого сердца. Мы лишь выражали переполнявшие нас в тот момент эмоции, не более, но получилось очень искренне. Маленькая заминка образовалась, когда его величество велел надеть кольца. Только эту деталь под действием чувств Артур упустил. И снова на помощь пришла королева, которая сняла тоненькое колечко с удивительной красоты рубином прямо со своей руки и протянула инспектору. Его величество с тихим смехом сделал то же самое, и Артур стал обладателем перстня с королевскими символами.

Ужин был по-королевски роскошным, а компания невероятно приятной. Королева Ядвига поведала о совместных путешествиях с мужем, о других странах, в том числе и о своей, об удивительных людях, которых встречала, и желании вновь пуститься в путь. Немного рассказала о детях, которые сейчас были в отъезде. Старшему сыну Эдвину было уже недалеко до совершеннолетия.

Мы смеялись, делились своими мыслями, но я все чаще ловила задумчивый взгляд короля, под которым робко опускала глаза.

— А теперь я хотел бы услышать истинную причину вашего прибытия в Аддлтон, — сказал он, когда подали кофе и коньяк.

Мы с Артуром переглянулись, мой теперь уже муж вздохнул и посмотрел его величеству в глаза. Некоторое время мужчины молчали, будто ведя безмолвный разговор, а потом Артур рассказал все, что нам довелось пережить. Король слушал молча, сурово сдвинув брови и изредка делая крохотные глотки коньяка. Когда Аддерли умолк, в комнате повисла тяжелая тишина. Ни я, ни мой муж не могли предугадать реакцию его величества на такой зловещий рассказ. Королева, напуганная и изумленная, затихла подле венценосного супруга.

— Я согласен с тем, что отдавать сапфир нельзя, — наконец изрек правитель, отставляя бокал. — Чем я могу помочь?

— Лишь благословением, — ответила я, поднимаясь на ноги.

— Я мог бы отправить с вами самых лучших магов страны, которые живут в магистиуме и служат мне верой и правдой.

— Благодарю, ваше величество, но Лютер на данный момент является самым сильным колдуном во всем мире. Драконье пламя сделает его поистине непобедимым, и ни один маг не сможет выстоять против него. Но наши учителя держат связь со всеми, кто может

помочь. Иногда дело не в силе мага, а в его сообразительности. Несмотря на не самые выдающиеся таланты миссис Баррингтон, она смогла спрятать кулон так, что Лютеру никогда до него не добраться. Мистер Огlsi ищет способ уничтожить сапфир и не упускает возможности посоветоваться со старыми друзьями. К тому же я боюсь, что приезд других магов может привлечь ненужное внимание нашего врага и вызвать его поспешную реакцию.

— Вы отдаете себе отчет в том, что, если не справитесь, страна обретет чудовище, от которого уже невозможно будет избавиться?

— Да, — заверила я его. — Видите ли, ваше величество, не так давно мы поняли, что я каким-то образом связана со всем этим. Мое прошлое как-то пересеклось и сплелось с Лютером, этим кулоном и его создателем. Мне необходимо вспомнить прошлую жизнь и понять, что хотел сказать Томас Марлоу, отсылая меня в ту ночь, когда его убили. Пока в моей голове все бессвязно, и я не понимаю смысла его слов, но изо всех сил стараюсь добраться до правды, чтобы узнать, как противостоять Лютеру.

Некоторое время король обдумывал мои слова, а потом неуверенно кивнул и сказал:

— Я настоятельно прошу вас держать меня в курсе. Если понадобится хоть какая-то помощь, прошу обратиться незамедлительно. Возможно, если бы я не знал тебя столько лет, Ада, я бы не допустил подобного самоуправства, но у меня есть все основания доверять тебе и полагаться на твое мнение. Не подведи меня.

Эти слова заставили сердце оборваться и замереть в страхе. Его величество был серьезен настолько, что ноги чуть не подогнулись, ощущая тяжесть возлагаемой на меня ответственности. Да, я была тверда в каждом своем слове, но и сомнения мне не чужды. Я не стала озвучивать, что не доверяю абсолютно никому из магов, кроме тех, кто стал мне семьей, однако не могла быть уверена, что король не понял то, о чем я намеренно умалчивала.

Путь в гостиницу прошел в тягостном молчании, волшебство неожиданной свадьбы рассеялось, и мы вернулись в привычный напряженный ритм. Артур помог мне снять платье, которое я тут же уложила в дорожный саквояж, и облачиться в более удобную одежду. Над городом повисла прохладная ночь, за окнами сыпали крупные

хлопья снега, но они таяли, не успев лечь на землю. Я горько усмехнулась, вспоминая, что в Вичпорте уже наступало настоящее лето.

— Хочешь чего-нибудь, милая? — ласково спросил Артур, обнимая меня за плечи.

Я развернулась к нему лицом и прижалась щекой к груди, чтобы услышать ровные удары любимого сердца. Этот звук успокаивал меня.

— Я хочу, чтобы это закончилось, Артур. Хочу, чтобы Лютера не существовало и он не угрожал моим девочкам, чтобы все это обернулось лишь кошмаром и упорхнуло с первыми лучами утреннего солнца.

— Понимаю, родная. — Он прижал меня сильнее. — Я не могу исполнить это желание, но могу обещать все время быть рядом, что бы ни случилось, чем бы это ни обернулось.

Мне не нужно было отвечать на эти слова, Артур увидел все, что я хотела сказать, в глазах, наполненных любовью и благодарностью. Еще немного понежившись в объятиях мужа, я нехотя оторвалась от него:

— Давай покончим с этим! Давай попробуем вернуть мне воспоминания!

Аддерли кивнул и вышел в соседнюю комнату, а я обняла себя руками, пытаясь избавиться от озноба и подготовить себя к тому, что принесет мне встреча с прошлым. Я боялась, откровенно боялась того, что увижу, но и оттягивать смысла не было. Я никогда не буду готова по-настоящему.

Сверток с одеждой мы разворачивали вместе, но, как только платье оказалось в моих руках, Артур отступил, решив погрузиться в чтение отчетов о том, как меня нашли, и прочих подробностях того времени. Как и говорила Ада, среди бумаг оказалось много зарисовок, которые поразили даже меня. Мое лицо, закованное в лед, смотрелось зловеще и было передано с такой точностью, что я поежилась, вновь ощущая холодок, бегущий по спине.

— Господи боже, — прошептал Артур, рассматривая рисунки, которые изображали то, как я приходила в себя, и последующую жизнь в магистиуме. Я была похожа на обезумевшую. Жуткое зрелище.

Чтобы отвлечься, снова взяла в руки платье и попыталась вспомнить его, но, сколько ни напрягалась, так и не смогла воскресить

в памяти ни ткань, ни цвет, ни фасон. Этот наряд все еще оставался чужим для меня. Заколка тоже не произвела на меня никакого впечатления. Я присела на кровать и очень осторожно взяла в руки маленькое и изящное колечко с крохотным изумрудом. Внутри все сжалось и образовалась непонятная пустота. Узорная оправка красиво обрамляла камушек и тонким кружевом переходила в ободок. Очень искусная работа, несомненно выполненная специально для меня Томасом Марлоу.

Думая об этом, я не ощущала ровным счетом ничего. В груди не разгорался огонь любви, не рождалась нежность и не всплывала привязанность. Я смотрела на изысканную вещицу и не решалась надеть ее на палец. Помнила слова Томаса о том, что я должна сберечь кольцо, что оно очень важно, но ничегошеньки не чувствовала.

— Ты видела раньше эти вещи? — оторвавшись от чтения, спросил Артур.

— Нет, я довольно долго была не в себе. После того как лед растаял, платье вымокло, и меня переодели. Как я понимаю, все вещи собрали в одном месте и не считали нужным возвращать их мне.

— Почему?

— В то время, пока я жила в магисгиуме, моя магия будто дремала, и, думаю, Огюсту и в голову не пришло, что кольцо может быть магическим.

— Очень интересно, ведь уже само то, что ты проспала во льдах сотню лет, должно было навести на мысль о магии.

— Согласна, но Огюст очень пристально наблюдал за мной в течение полугода и, не обнаружив никаких иных следов магии, отверг эту мысль, пытаясь отыскать другие ответы.

Я продолжала вертеть колечко в руке и откровенно трусить. Артур разгадал обуревавшие меня чувства и отложил бумаги совсем. Муж присел на корточки около меня и взял мои руки в свои:

— Я рядом, мы справимся.

— Знаю, — ответила я, касаясь ладонью его лица.

Некоторое время я смотрела в глаза мужчины, который одним своим существованием делал этот мир лучше, а потом выдохнула и надела колечко на палец.

Комната содрогнулась, перед глазами все поплыло, и я крепче ухватилась за руку Артура, словно за спасательный круг.

— *Слушай меня очень внимательно, Оливия, — зазвучал голос Томаса у меня в голове. — Без этого кольца ты не сможешь вернуться в прошлое, которое проживала сама. Забвение — единственное спасение для тебя. Я разделю тебя и сапфир не только расстоянием, но и временем. Нас не оставят в живых...*

Я распахнула глаза и увидела встревоженный взгляд Артура, который искал ответы на моем лице, но не спешил беспокоить расспросами. Я сделала глубокий вдох и ощутила очередной приступ головной боли. Она нарастала так быстро, что мне пришлось обхватить голову руками и сдерживать стон.

— *Беги в наше место, Оливия, спасай себя...*

— *А как же ты?*

— *Я закончу здесь и последую за тобой. Уходи раньше, чтобы никто тебя не увидел. Мне нужно стереть твои следы...*

— *Пожалуйста, прости меня! Я не знала... не предполагала, что так выйдет... Прости, если сможешь... Это все моя вина, только моя! Я отчаянно хотела, чтобы ты сдержал слово и не прослыл лжецом! Я не слушала тебя, не хотела слушать! Меня волновал лишь твой авторитет, твое имя, которое вскоре должно было стать и моим! Прости меня, молю...*

— *Сейчас уже поздно горевать, Оливия! Я не смог убедить тебя, и судьба развернулась именно к этой точке развития событий. Я знал...*

Я вновь очнулась, помня, что последует за этими словами. В голове царил сущий хаос, множество картинок, людей, мест, улыбок, ссор и слез. Я буквально взвыла от наплыва совершенно незнакомых и в то же время очень близких лиц. Вскочив на ноги, чувствовала, как они трясутся и могут сейчас не выдержать и подкоситься, и я упаду на пол. Я то обнимала себя руками, то стискивала охваченную невыносимой болью голову.

— *Ада!* — откуда-то издалека звучал глухой голос Артура, но сейчас этот человек казался мне чужим, я отшатнулась, налетела на столик, ушибла бедро и снова отскочила. — *Милая, я здесь. Все будет хорошо.*

Инспектор шагнул ко мне, протягивая руки, а я видела перед собой лишь постороннего мужчину, не понимая его намерений. Дернулась, стараясь оказаться как можно дальше. Движение принесло

новый резкий взрыв боли в голове, я взвыла и, не выдержав, упала на пол.

— Ада! — испугался Артур и бросился ко мне.

— Кто ты? Уйди!

Я совершенно точно знала, кто передо мной, но головой, не сердцем. Внутри смешались не только мысли, но и чувства. Меня буквально разрывало надвое между прошлым и реальностью. Два мира сошлись в одной точке. В голове звучал смех, и я узнала его.

— Глория, — пробормотала я, и слезы хлынули из глаз. — Девочка моя...

А потом новый круговорот лиц... Мама... Ее ласковые серые глаза, почти как мои, но чуточку темнее. Голос и руки, нежно гладящие растрепанные девичьи волосы. Притворно строгий голос отца, который журил нас с сестрой за опрокинутую тарелку супа. Папа. Он был очень красивым, высоким и сильным. Любил лошадей, запах скошенной травы и прогулки с мамой у озера.

Я свернулась на полу, раздираемая на тысячи осколков, подтянула колени к груди. Боль потери захватила меня полностью, не оставляя места для крупинки счастья.

— Волосы Глории были как у папы, темные, вьющиеся. И глаза тоже папины, не просто серые, как у нас с мамой, а серо-зеленые. — Я тихо плакала, вспоминая близких и пытаюсь хоть как-то упорядочить прошлое и настоящее в своем сознании. — От нее всегда пахло мятой. Моя сестра любила сладости и чай с мятой.

Боль заставила меня скрутиться плотнее, я глотала слезы и тихо стонала, впуская свою былую жизнь в душу и сердце. Мир перевернулся с ног на голову, и чувства, что я испытывала сейчас, в этом времени, пересеклись с прошлой любовью к семье, друзьям и Томасу. Я ощутила, как мне не хватало родных людей, их тепла, заботы и любви. Я вспомнила, как была счастлива с веселым и милым молодым мужчиной, который изо всех сил старался сделать мою жизнь радостнее и светлее. Он безудержно любил меня. А я его.

Все это было настолько непостижимо, что я потеряла связь с настоящим.

— Я теперь не знаю, кто я, — прошептала сквозь слезы. — Я разрушилась на сотни мелких частей и не представляю, как собраться снова...

— Мы все преодолеем, — тихо сказал Артур и приподнял меня, позволив опереться спиной о его грудь. — Ты растерянна сейчас. Два мира сошлись воедино, и ты потерялась. Но так будет не всегда. Мы справимся. Я рядом, когда ты захочешь и как ты захочешь.

Новый поток воспоминаний из детства заставил меня развернуться и уткнуться лицом в сорочку Аддерли.

— Все придет в порядок, и оба мира смогут сосуществовать, как прошлое и настоящее. Нужно время, просто нужно время...

— Это не просто миры, это словно две жизни... во мне будто два человека... и я не знаю, кто из них истинная я, где мой истинный мир, где мой дом, мой якорь...

— Это не два человека, Ада, — прошептал Артур, крепче меня обнимая. — Это ты. Просто прими свое прошлое и вернись в настоящее. Я буду твоим домом, твоим якорем и твоим маяком.

Не знаю, сколько я так пролежала на коленях у мужа. Но он терпеливо ждал, мягко поглаживая мои плечи и шепча слова утешения. Стонать я перестала, боль очень медленно отступала, а круговорот в голове немного утихал. Лишь ураган чувств, состоящий из страха, смятения, боли, одиночества, отчаяния и, как ни странно, пугающей радости, никак не хотел прекращаться.

Лишь когда за окнами забрезжил рассвет, инспектор осторожно выгнулся, чтобы размять затекшую спину, и прошептал:

— Давай я отнесу тебя на кровать, и ты отдохнешь.

Я не спорила, не возражала, просто доверилась ему и позволила перенести мое одеревеневшее тело в постель. Артур присел рядом и коснулся пальцами пылающей щеки.

— Я вспомнила родителей, — прошептала я. — У меня была семья. Любящая, заботливая, очень дружная. Я родилась здесь, Артур. В столице. Мне исполнилось двадцать четыре года, когда... когда...

— Не спеши, — попросил Аддерли, убирая мои волосы, которые упрямо падали на глаза.

— Мы не были богаты, но и бедными нас не назовешь. Посещали приемы, дружили с соседями. Мое имя Оливия Престон, родителей звали Анна и Бенджамин. У меня была младшая сестренка Глория. Я познакомилась с Томасом на приеме и спустя несколько месяцев приняла его предложение. Мы были счастливы, и теперь я должна

понять, что именно произошло более столетия назад. Как я его погубила...

Язык заплетался, мысли все еще путались, я чувствовала сокрушительную усталость, все еще не совсем понимая, что реально, а что нет.

— Тебе нужно отдохнуть. — Артур коснулся губами моего лба и укрыл одеялом. Этого хватило, чтобы я провалилась в глубокий, принесший временное забвение сон.

Проснувшись только вечером, с трудом открыла глаза и застала Артура за изучением бумаг, которые мы принесли из архива. Некоторое время мне понадобилось, чтобы немного прийти в себя и осмотреться. На муже не было ни галстука, ни пиджака, рукава закатаны, верхние пуговицы расстегнуты. В комнате пахло табаком, но я заметила, что окно приоткрыто, поэтому запах не был удушливым. Волосы Артура взъерошены, на лице появилась щетина. Я смотрела на него и с радостью осознавала, что ничего не изменилось. Я все так же нежно его любила и сейчас больше всего хотела оказаться в его объятиях. Мне нужно было зацепиться за этот мир, вспомнить о собственной принадлежности чему-то или кому-то, мне нужен тот самый маяк, чтобы обрести родной берег.

Словно ощутив мое пробуждение, Артур поднял голову и неуверенно улыбнулся. Его усталое и встревоженное лицо рассказало мне о многом. О том, что он не спал ни минуты. О том, что беспокоился обо мне и пытался найти ответы среди отчетов, рисунков и записок. И о том, что он любит меня и был готов на все ради моего благополучия. Вот он мой маяк, несущий свой трепещущий свет сквозь тьму боли и утрат.

— Как ты? — спросил он, поднимаясь.

Движения Артура показались робкими, словно он не знал, чего от меня ожидать, словно не понимал, как вести себя, словно боялся, что я его отвергну. Мысль об этом причинила новую боль, и я протянула руку, которую он тут же взял.

— Я бы приняла ванну и позавтракала, хотя вернее будет сказать — поужинала. — И тоже постаралась улыбнуться как можно искреннее. — А потом нам предстоит путешествие в прошлое. Томас сказал, что это кольцо позволит мне наконец вернуться туда, где все это началось.

— Ты уверена? Мне кажется, что ты еще не совсем восстановилась...

— Уверена, — мягко перебила я его, опираясь на протянутую руку и поднимаясь с кровати. — У нас нет такой роскоши, как время, милый. Лютер не дал нам его. Сейчас не время раскисать, к тому же если я поддамся унынию, то оно меня затянет и выбраться будет нелегко.

Артур ничего не ответил, лишь посмотрел на меня долгим странным взглядом и пошел в ванную. Отмокала я долго, позволяя телу стряхнуть дрему, а усталым мышцам расслабиться. Я старалась не думать о том, что вспомнила, и решила, когда весь этот кошмар закончится, выберу целый день и погружусь в прошлое, чтобы отдать дань любви и уважения семье. Мои мысли были заняты предстоящим путешествием, я думала о том, с чего стоило начать. Прекрасно понимала, что эта прогулка на столетие назад принесет новые страдания, но и бегство обернулось бы катастрофой. Я должна принять былые поступки и, возможно, ответить за них.

Ужин с любимым мужчиной, который, думаю, пока я спала, не съел ни крошки, прибавил сил и напитал нужной энергией.

Убрав высохшие волосы в свободную волнистую косу, я протянула мужу руку и попросила не волноваться.

— Сейчас мы вернемся к тому моменту, когда все началось. Если верить словам Томаса, теперь я могу увидеть все, что связано с кулоном. Ты готов?

Артур кивнул, перехватывая мои ледяные пальцы, и сделал вдох. Его взволновало предстоящее путешествие, оно вызывало не только интерес, но и тревогу. Не оттягивая более ни на минуту, чтобы не струсить и не передумать, я щелкнула пальцами свободной руки и выбрала в голове цель. Мне нужно было увидеть знакомство Лютера и Томаса.

...Я помнила этот дом, его высокие стены с большими окнами, чтобы в комнатах было как можно больше света. Томас любил утренний свет и то, как он сначала несмело подступал по лужайке, робко взбирался на подоконник, а потом проникал в дом. Мой прежний возлюбленный ждал, когда лучи доберутся до его рабочего стола, и приступал к работе.

Несколько раз я приходила к нему с рассветом, чтобы застать этот волшебный момент. Томас даже не знал об этом, я никогда не говорила, просто тихо входила в дом и наблюдала за тем, как озаряется его лицо улыбкой, а потом становится сосредоточенным. Даже сейчас, спустя столько лет, я ощущала легкий восторг в груди, будто предвкушая, что снова увижу это.

Однако звук разбушевавшейся грозы за окном заставил меня вздрогнуть и посмотреть на Артура. Он оторопело оглядывался по сторонам, словно до конца не веря в происходящее. Я понимала его.

— Ты поможешь мне? — Голос отвлек от мужа, и я повернулась на звук.

Томас Марлоу стоял у своего стола, нахмутив брови, и смотрел на человека в капюшоне. Сейчас моему жениху на вид было не больше семнадцати лет, но, несмотря на возраст, глубокая складка на лбу выдавала настороженность.

— Это мой долг, — ответил Томас, пытаясь рассмотреть лицо под капюшоном. — Но для подготовки я должен знать, что именно нужно заключить в украшение.

— Это будет часть моей магической силы. — Голос прозвучал сдавленно.

Человек в капюшоне будто качнулся, но успел ухватиться за спинку кресла, стоявшего рядом. Я присмотрелась, обходя посетителя, но под капюшон заглянуть тоже не смогла, заметила лишь, что его трясло. Рука, что опиралась на мебель, выглядела тонкой, а кожа на ней устрашающе прозрачной.

— Хорошо, что это за сила? Какова ее мощь?

Лютер, а это был именно он, чуть согнулся и ответил не сразу. Мне показалось, что он испытывал какое-то неудобство или даже боль.

— Мощь ее запредельна, мальчик. Постичь ее тебе не дано!

Ни один мускул не дрогнул на лице Томаса. Своему ремеслу он обучался с детства и встречал разных людей. Многие угрожали ему, но никто бы не осмелился воплотить угрозы в жизнь, боясь потерять собственные силы или знания. Несмотря на юный возраст, маг был довольно опытным и не боялся угроз, осознавая свою власть над колдунами. Магия Томаса находилась вне добра и зла, она служила обеим сторонам, но сама не несла в себе тьмы. Как колдун, Томас был

обязан общаться и с теми, и с другими, но как человек выбирал светлых.

— И все же, что это за магия? — спокойно повторил свой вопрос юноша.

— Древняя, — прошепестел маг, — сильная, манящая и пьянящая. Лютер сделал над собой усилие и выпрямился, сунул руку в карман и, выудив оттуда что-то, швырнул на стол.

— Тебе не нужно готовиться, мальчик. Я принес камень с собой.

— Обычно я сам выбираю камень, способный удержать в себе силу...

— Знаю. — Голос Лютера стал хриплым, казалось, что он вот-вот закашляется. — Я хорошо изучил и твой дар, и твоих предшественников. Я знаю, что сапфир в твоём деле выступает самым мощным сдерживающим амулетом. Я принес именно его. Приступай к делу!

Не сдержавшись, маг шагнул ближе и мощным ударом пригвоздил Томаса к стене. Юноша поморщился, но быстро обрел былую решительность.

— Я бы на твоём месте не угрожал тому, кто единственный может тебе помочь.

— Ты сделаешь? — спросил Лютер.

— Дай мне несколько минут.

Мы с Артуром наблюдали, как Томас изучал камень, произносил заклинания и боролся с сомнениями. Отказать Лютеру он не мог, даже несмотря на явную неприязнь и нежелание помогать. Я впервые присутствовала при таинстве его волшебства. Я не раз смотрела, как мой жених создает украшения, но как заключает в них магию, видеть еще не приходилось. И Артур, и я, затаив дыхание, следили за каждым движением и словом. Так и не показав своего лица, Лютер высвободил часть магии, и Томас переместил ее в кулон, который темный маг незамедлительно повесил на шею.

Мы вернулись в наше время и перевели дух. Я дала Артуру время прийти в себя. Мой прекрасный муж держался достойно, хоть и не смог скрыть волнения, которое я видела в глазах. Он был поражен и озадачен, но не сказал ни единого слова, лишь кивнул, когда я спросила, готов ли он к новому перемещению.

Мое сердце тоже билось неровно, предчувствуя беду. В голове кружила мысль о том, чтобы прекратить все это, свернуться калачиком под одеялом и забыться. Но, отбросив страхи, я снова щелкнула пальцами.

Мы снова оказались в доме Томаса, но мой жених уже был гораздо старше, примерно лет двадцати семи.

... - *Я пришел вернуть свою магию, — услышали мы голос Лютера.*

Маг все так же был в капюшоне, стараясь скрыть свое лицо, но говорил значительно увереннее и держался тверже. Все это натолкнуло меня на мысль, что в прошлом драконье пламя разрушало его. Тело не могло выдержать нагрузки, Лютер был не готов к подобной мощи.

Я перевела взгляд на Томаса и выпустила руку Артура, который тоже очень внимательно следил за происходящим. Маг-ювелир выглядел очень серьезным и даже суровым. Он сжал пальцы в кулаки и медленно выдохнул. Мне знаком этот выдох, Томас решался на что-то, в чем был твердо убежден.

— *Яне готов вернуть ее.*

Эти слова прогремели как гром среди ясного неба. Я ужаснулась и прикрыла рот рукой, понимая, чем это грозит молодому колдуну.

— *Драконье пламя — действительно древняя пьянящая сила. Не могу знать, откуда она у вас, но в этой крупнице огромное зло. Она вмиг затуманит ваш разум и принесет в этот мир лишь разрушения и боль.*

Лютер стремительно приблизился, выставил вперед руку, но, не дотронувшись до лица Томаса, замер.

— *Ты не имеешь права отказать! Не можешь выбирать сторону. Ты лишь проводник, не больше и не меньше. Отказ от помощи кому бы то ни было лишит тебя магии, и в мире воцарится хаос. Подумай о том, что будет, если юные маги не смогут управлять своими силами, если необходимые пророчества не попадут к тем, о ком вещают, и затеряются во времени и пространстве!*

— *Мне на смену родится новый ювелир, он восстановит равновесие!*

— *Не сразу, — усмехнулся Лютер. — Если ты умрешь естественной смертью или, скажем, погибнешь, то этот процесс*

ускорится. На твое место придет другой. А вот если лишишься магии по собственной воле, то последствия будут непоправимы, поскольку ты все еще будешь жить. Новый ювелир не появится.

— Я готов пойти на это! — резко сказал Томас.

В груди сдавило, я невольно схватилась за блузку и сжала ткань до боли в пальцах. Все, что здесь происходило, стало новостью для меня. Мой жених никогда не рассказывал мне об этом, и тем чудовищней становилось предчувствие. Мои руки оцепенели от того, как накалялась атмосфера вокруг Томаса, как ощутимо похолодало в комнате и как заметно нарастала тихая ярость Лютера. Я посмотрела в глаза Артуру и увидела тот же страх.

— Я не привык к отказам, юноша, — пугающе спокойно сказал темный маг. — Если тебя не волнует собственная судьба, я зайду с другой стороны.

Лютер взмахнул рукой, и в пространстве появилось нечто похожее на портал. Не предупреждая, не угрожая, маг явил Томасу его пожилых родителей и одним легким движением свернул отцу шею. Я вскрикнула и посмотрела на молодого мужчину, который замер со слезами на глазах. Томас болезненно зажмурился и крепко стиснул зубы, глотая прорывающийся крик.

— Я не люблю игры, — грубо выплюнул маг и легкой вспышкой осветил свое лицо, которое успел увидеть только Томас. — Даю время, чтобы ты хорошенько подумал и вспомнил, сколько у тебя еще близких людей. Мама, брат, невеста...

Туман окружил колдуна и вскоре развеялся, оставляя Томаса наедине со своим горем.

— Я помню этот момент, — пробормотала я не в силах оставаться там и наблюдать за горем когда-то любимого мужчины. — Томас сказал мне, что его отец упал с лестницы и свернул шею.

Я даже не заметила, что слезы катятся по щекам. В моем все еще затуманенном сознании всплывали картинки, образы, звуки. Томас был сокрушен, но я вспомнила также, как он переменялся. Будто очерствел, надломился. Тогда я связывала это лишь с потерей отца. Представить себе не могла, что он переживал настолько трудное время и в одиночестве принимал важнейшее решение в жизни.

— Хочешь передохнуть? — не пряча тревоги, спросил Артур. — Быть может, на сегодня достаточно?

— Нет, — благодарно выдохнула я. — Если мы сегодня не покончим с этим, я буду сходить с ума еще дальше. Продолжим.

Взяв мужа за руку, я сделала несколько спасительных вдохов-выдохов и приготовилась ускориться, чтобы пробежать по всем воспоминаниям, дабы восстановить общую картину. Рассматривать подробно то, где присутствовала сама, не было нужды, лишь немного освежить запыленные со временем мысли и чувства.

Чтобы сделать это, я просто доверилась интуиции, и она сама направила меня в нужный отрезок времени.

...Я вновь оказалась на том самом балу, который видела, танцуя с мистером Хардманом. Только сейчас мои руки держал кто-то другой. Находясь чуть в стороне и наблюдая за самой собой, я ощущала и себя нынешнюю, и прежнюю. Это было странно и даже немного болезненно.

— Мисс Престон, — приятный голос моего партнера привлек внимание, — я слышал, вы собираетесь замуж?

Перевела взгляд на лицо немолодого, но очень привлекательного мужчины. Я нынешняя тряхнула головой, стряхивая вереницу наплывших воспоминаний. Это мистер Бартишоу, самый богатый человек в столице, благодетель, любимец короля и просто приятнейший собеседник из всех мне известных. Все девушки и женщины Аддлтона были так или иначе очарованы им. Рядом с ним хотелось улыбаться, казаться привлекательнее и лучше. Его внимания добивались, пытались вызвать его интерес и угодить любым доступным способом. Этим вечером его внимание привлекла я.

— Мне бы не хотелось обидеть столь очаровательную девушку, но я слышал, что ваш избранник не совсем честный человек, — очень осторожно сказал он.

Я застыла, обожженная обидой. Его слова поразили и вызвали волну негодования.

— Не знаю, кто и что вам сказал о Томасе, но мой будущий муж ни разу не дал повода усомниться в своей честности! Он один из самых порядочных людей, которых я когда-либо знала!

Я ощущала этот пожар, в котором хоть и с трудом, но различила крупную сомненья. Меня пронзила мысль о том, что в прошлом я не была лишена честолюбия и некой доли тщеславия. О талантах Томаса, о его редком даре говорила вся страна. И то, что

Томас выбрал меня, полюбил, сделал своей невестой, не могло не тешить самолюбия.

Сейчас, вспоминая об этом, я догадывалась, что могло произойти дальше.

— О! Прошу прощения, милейшая мисс Престон, возможно, это какое-то недоразумение, но мой помощник сказал, будто ваш жених обманул его доверие и даже выкрал вещь, ему не принадлежащую!

Мы остановились, Артур тоже застыл подле, внимательно вслушиваясь в слова моего партнера по танцу.

— Возможно, ваш помощник что-то перепутал! Томас не мог ничего выкрасть! Это невозможно!

Я ощущала бурю эмоций, но тяжело было оттого, что они смешались. Я из прошлого, носящая имя Оливия, сгорала от стыда, сомневалась и ужасно боялась, что это окажется правдой. Я сегодняшняя страдала от боли за то, что могла натворить в прошлом.

— Я доверяю своему поверенному всецело и готов голову положить на плаху, что он никогда не обманет меня. Мы столько лет вместе, — мягко продолжил мистер Бартишоу, и на долю секунды я ощутила нечто странное, исходящее от него. Некий призрачный след магии, который покругил вокруг нас и бесследно исчез. В тот момент, много лет назад, я не придавала этому значения. — Я очень надеюсь, что они решат этот неприятный конфликт, и слухи о непорядочности вашего жениха перестанут расползаться по столице.

И это стало новым ударом для меня прежней. Человек, с которым я разговаривала, обладал почти неограниченной властью. Сам король прислушивался к его словам! Мистер Бартишоу собирал вокруг себя самых значимых людей страны и определял будущее многих одним лишь одобрительным или, наоборот, укоризненным словом.

Я вырвалась из того вечера и тут же бросилась в новое воспоминание, унесшее нас с Артуром в ту ночь, когда я примчалась к Томасу и бросила ему в лицо незаслуженные обвинения.

Дальше я намеренно скользила по прошлому, восстанавливая цепь событий и невольно погружаясь в содеянное. Невероятно больно было смотреть, как я отчитывала Томаса, как пыталась пристыдить его,

совершенно не понимая, что творю. Я видела, как ему тяжело и как он метался в желании рассказать обо всем, но сдерживался, пытаюсь уберечь.

... - Оливия, ты не понимаешь, о чем говоришь! Прошу, милая, доверься мне! Я прошу тебя, просто поверь, что я не сделал ничего плохого!

— Но как же так?! Я слышала, будто ты что-то украл у уважаемого человека, что твоя репутация испорчена! Если ты ни в чем не виноват, оправдайся! Докажи этим людям, что ты ничего не сделал! Томас, не молчи же!

— Мне дела нет до того, что они думают, Оливия! — строго сказал он, и это Сняло впервые, когда голос Томаса звучал грубо. — Я чист перед ними, мне не в чем оправдываться! Все, происходящее сейчас, слишком важно, чтобы я отвлекался на пересуды!

Томас смягчился, увидев, насколько я была поражена его тоном. Он взял мои руки в свои.

— Прошу, верь мне! Придет время, и ты все поймешь.

Я едва стояла на ногах, Артуру пришлось придержать меня за плечи. Воспоминания о дальнейшем возвращались сами собой, разрывая, разбивая вдребезги мою несчастную душу.

— Это я рассказала, где он прячется, — прошептала непослушными губами, когда Артур усаживал меня на кровать. — Я предала его доверие, поддавшись всеобщему мнению и уговорам. Я убила его, Артур!

Слезы душили меня, когда мой поступок стал очевиден, а его последствия вновь сдавили сердце.

— Я должна была верить только ему, Артур! Я погубила Томаса, собственными руками отдала его Лютеру!

— Ты не хотела ничего плохого, Ада, — воскликнул муж, обнимая меня и пытаюсь успокоить. — Ты не могла знать!

Я вскочила на ноги и несильно, но настойчиво оттолкнула инспектора.

— Мы должны увидеть все!

Чтобы восполнить недостающие фрагменты, которые затерялись в памяти или просто не хотели выбираться, так как были слишком болезненными, я решила снова вернуться в ту ночь, когда Томас погиб, и услышать все, что он мне тогда сказал.

...Недалеко от города, как раз на пути в горы, среди застывших будто в спячке елей затерялась небольшая хижина, которая, как рассказывал мне Томас, была полностью защищена от магии. Это стало одним из наших любимых мест. Хижина и небольшая ледяная пещера с невероятными скульптурами из льда, созданными самой природой.

Я прибежала в хижину, чтобы рассказать Томасу о том, что к нему придет помощник мистера Бартишоу и они смогут решить проблему, возникшую между ними.

Теперь я смотрела на лицо Томаса, принявшего эту весть, другими глазами. По нему пробежала тень. Мужчина опустил плечи и попытался справиться с болью и разочарованием. Тогда я этого даже не заметила, уверенная, что сделала ему большое одолжение, пытаясь уладить конфликт.

— Я почти закончил, — неожиданно тихо сказал он и протянул мне колечко. То самое, которое сейчас красовалось на моем пальце. — Мне очень жаль, что ты не доверилась мне, что не позволила все решить самому. Мы могли бы уйти вместе, но теперь это невозможно.

— О чем ты? Куда уйти, Томас?

— Слушай меня внимательно, Оливия, и не перебивай. От этого будет зависеть твоя жизнь!

Его голос, горящие болью глаза и твердость движений, с которыми он доставал из тайника кулон, напугали меня прежнюю, и я замолчала, наконец догадываясь, что совершила ошибку.

— Я действительно украл этот кулон, обманув мага, который не должен получить силу, заключенную в нем ни за что и никогда.

— Она принадлежит ему? — шепотом спросила я.

— Да, но она чудовищна, как и его черная душа. Я не мог оставить ему эту мощь. С ней он уничтожит все, поработит все живое и подчинит своей власти. Даже если сейчас у него нет таких намерений, со временем он поддастся власти драконьего пламени и его темная натура возобладает. Я отхожу от правил и законов, нарушаю порядок вещей. До меня этого никто не делал, но я чувствую, что обязан.

Томас протянул руку и едва заметно кивнул, чтобы я взяла ее. Не раздумывая, я вложила пальцы в его ладонь.

— Запоминай, Оливия. Этот кулон исчезнет на тот срок, какой только возможен. Я привяжу его к тебе, ибо к себе уже не смогу. — Томас взял нож и, глядя мне в глаза, сделал маленький надрез на моем пальце. Я как замороженная смотрела лишь на него, страшась того, что, возможно, натворила. Капелька крови упала на василькового цвета камень, Томас произнес несколько слов, и она впиталась в грани кулона. — Я отверг свою магию, отказав колдуну в возвращении его силы. Назад для меня пути нет, но у тебя может быть будущее.

— Какое будущее? Томас, я ничего не понимаю!

— Человек, который служит мистеру Бартишоу, и есть темный маг, обладающий огромной силой. Эта сила как паразит, который присасывается к человеку, питается его властью, живет в его тени. Это страшное колдовство будто порабощает человека, в данном случае мистера Бартишоу, и заставляет жить чуждой жизнью. Я не могу вернуть пламя ему! А это значит, что в живых он не оставит никого.

— М... может, все не так уж страшно, — дрожащим голосом сказала я.

— Он убил моего отца на моих глазах, Оливия! Если я не спрячу тебя и не сделаю то, что должен, он убьет всех, кто мне дорог.

— Что именно ты должен сделать?

— Я разделю тебя и кулон, укрою вас на долгие годы, но заклинание времени небесконечно, и рано или поздно все вернется на круги своя. Я попробую продлить этот срок заклятием забвения, но оно растворится, как только придет время. — Лицо Томаса исказила маска страдания. — Прости, что поступаю так с тобой, но я собирался сделать все немного иначе. Я не планировал возлагать этот груз на твои плечи, думал взять все на себя, но ты не дала мне возможности, не дала еще немного времени.

— Ты спрятался здесь от него? А я выдала тебя...

— Не время сокрушаться! Запомни, Оливия, хорошо запомни! Не смей забывать! Ни в коем случае не забывай! Пламя больше не заковано... Оно не подчинится...

— Что это значит?

— Когда придет время, ты поймешь... а теперь уходи в нашу пещеру, пережди там какое-то время. Нельзя, чтобы тебя увидели здесь.

Все содеянное обрушилось на голову, и я разрыдалась, осознавая весь ужас происходящего:

— Пожалуйста, прости меня! Я не знала... не предполагала, что так выйдет... Прости, если сможешь... Это все моя вина, только моя! Я отчаянно хотела, чтобы ты сдержал слово и не прослыл лжецом! Я не слушала тебя, не хотела слушать! Меня волновал лишь твой авторитет, твое имя, которое вскоре должно было стать и моим! Прости меня, молю...

— Сейчас уже поздно горевать, Оливия! Я не смог убедить тебя, и судьба развернулась именно к этой точке развития событий. Я знал...

Внезапный грохот заставил молодого мужчину вздрогнуть. Он молниеносно схватил сумку и плащ, а потом протянул их мне и потащил за собой в другую комнату:

— Беги, Оливия! Беги и не оглядывайся! Ни за что не оглядывайся! Беги как можно дальше от столицы, спрячься. И помни, береги кольцо! Главное — береги кольцо!

Я чувствовала, как мое сердце разрывается от боли, слезы застилают глаза, а горестные всхлипы мешают говорить.

— Береги кольцо! — повторил он и буквально вытолкнул меня наружу.

Мы с Артуром вырвались из прошлого:

— Я бежала туда, куда велел Томас. В нашу ледяную пещеру. Ее ходы и коридоры мы знали как никто. Если бы я захотела, меня бы ни за что там не нашли, — безжизненным голосом исповедовалась я Артуру. — Я успела, вбежала в пещеру. Убийцы Томаса — за мной следом. Достигнув определенной точки, я почувствовала всполох магии и обернулась. Потолок пещеры обвалился, похоронив под собой моих преследователей, а пол подо мной исчез. Я провалилась в воду... а потом лед сковал меня и заточил на целое столетие.

Глава 22

ПОТЕРИ

— Получается, что Томас подготовил для тебя эту ловушку? — тихо спросил Артур, после того как укутал в теплый плед и принес чашку ароматного кофе.

Мы сидели прямо на полу, прислонившись спинами к дивану, и обнимались. Мне было холодно. Тело била мелкая дрожь, голова слегка гудела, но, слава богу, боль ушла. После того как память вернулась окончательно, я ничего больше не хотела, кроме как застыть в объятиях мужа и найти в них покой. Слушая ровное биение мужественного сердца, я будто отрешилась от мира, от всего, что меня окружало. Остался только этот звук, и только он не позволял сойти с ума.

— Не для меня одной, для нас обоих, — прошептала я в ответ. — Думаю, он собирался спрятать нас, укрыть заклинанием, но я все испортила. Выдала его, не дала необходимого времени. Как я могла, Артур?

Задав этот вопрос и произнеся имя любимого мужа, я отстранилась и заглянула в его лицо, опасаясь найти в глазах осуждение, укор или, того хуже, презрение. Но Артур смотрел с пониманием и любовью, отчего стало еще больнее:

— Ты не разочарован во мне? Совсем не осуждаешь?

— За что? — искренне не понял он. — За то, что ты совершила ошибку?

Артур ласково обхватил мое лицо ладонями и коснулся губами кончика носа.

— Я лишь убедился в том, что твои намерения не были дурными. Ты не искала наживы, славы или признания. Тогда, много лет назад, тебе показалось, будто твоего жениха оклеветали, и ты отчаянно хотела доказать обратное. Возможно, и присутствовала некая доля тщеславия с твоей стороны, но кто не грешен, Ада? На мой взгляд, в этой ситуации вы были виноваты оба.

— Что ты имеешь в виду?

— Вы ведь оба не доверились, правда? Томас не рассказал тебе о случившемся с ним, не поведал об опасности. Скорее всего, пытался таким образом тебя уберечь, но вышло наоборот. Здесь уже некого винить, родная. Не ты убила Томаса, а Лютер. Я понимаю, что тяжело, но просто прими это как часть своего прошлого и с опытом всего пережитого иди дальше. Судя по тому, что я видел, Томас тебя очень любил. Я, думаю, он желал бы, чтобы ты была счастлива.

Больше говорить не хотелось, я снова прильнула к широкой груди мужа и прислушалась к собственному сердцу. Оно страдало, разрывалось от горя, от потерь и не прожитых с семьей дней, но при этом наполнялось тихой радостью и благодарностью, что я уже не одна. За что-то Господь наградил меня, приведя в мою жизнь этого чудесного человека. Артур прав — сожалеть уже не было смысла, нужно просто смириться с ошибками, извлечь из них урок и жить дальше.

Мы еще немного просто посидели молча, а потом Артур помог мне переодеться и уложил в кровать.

— Тебе нужен отдых, — сказал он. — Завтра предстоит обратный путь. Возвращение в Вичпорт не будет легким. Там нас ждет новое испытание.

Артур бережно поправил мои волосы и собрался вернуться к столу, но я успела перехватить его руку и попросила:

— Иди ко мне. Ты тоже давно не отдыхал.

— Я в порядке, милая.

— Прощу, не оставляй меня одну...

Больше ничего говорить не потребовалось, Артур скинул сорочку, обувь и устроился за моей спиной, обхватив крепкими руками талию. Он уткнулся носом в мои волосы и глубоко вдохнул, а потом устроил свою голову на моем плече:

— Я очень люблю вас, миссис Аделаида Аддерли, и благодарен всем святым за то, что в тот вечер вы отправились на почту.

Я слышала, что он улыбается, и эта улыбка согрела душу.

— А я люблю вас, мистер Артур Аддерли.

Отчаянно захотев поцеловать мужа, я развернулась к нему лицом и встретила с глазами, полными нежности.

— Нужно еще привыкнуть к новой фамилии. Хорошо хоть документы менять не придется, — произнесла это, я будто запнулась,

вспоминая, что ношу ненастоящее имя. — Артур, а как мне быть с тем, что я не Аделаида?

— Я думаю, ты можешь выбрать, кем тебе быть. И это вовсе не означает, что ты потеряешь что-то. Ты можешь остаться Аделаидой Хоггарт, но помнить и принимать прошлое Оливии Престон или поменять имя на Оливию и сохранить настоящее Аделаиды. Как по мне, моя фамилия подойдет и к одному имени, и к другому!

Я тихо рассмеялась, поддаваясь веселью мужа, и прижалась к нему, ощущая покой и безопасность. Так и не заметила, как уснула.

Разбудил меня странный толчок, будто кто-то неаккуратно задел мое плечо. Открыла глаза не сразу, медленно возвращаясь в реальность. Артур спал, продолжая прижимать меня к себе. Не смогла не залюбоваться его чертами в сиянии полной луны за окном. Осторожно провела пальцем по хмурым бровям, скользнула по щеке и остановилась на губах, которые так соблазнительно призывали к поцелую. Сердце захлебнулось счастьем, и пусть оно могло показаться кому-то неуместным или несвоевременным, но жизнь никогда не останавливается. Она и есть вереница всех этих фрагментов, добрых и не очень, попеременно. Можно лишь на миг притормозить, задержать дыхание, перевести дух, погрузиться в любовь, страсть, волнение, нежность, но это все — мгновения, а прочее и есть сама жизнь.

— Я рад видеть тебя счастливой, Анна! — прозвучал сдавленный голос, и я резко села вслед за подскочившим от страха сердцем.

Я не могла дышать, будто вновь попав в плен былого ужаса, будто вновь став той самой напуганной девушкой, полностью зависящей от этого человека. Оцепенение сковало тело. Я лишь смотрела на тень, сидящую в кресле, не в состоянии пошевелиться.

— Ты вернулась совсем другой, и я рад, что в твоей судьбе я сыграл не последнюю роль. Благодаря мне ты жива, ты дышишь, ты счастлива! — Огюст поднялся, и я взволнованно повернулась к спящему мужу. — Он спит и не проснется до тех пор, пока я того не захочу. Нам есть о чем поговорить, Анна.

Титаническими усилиями я заставила себя буквально сползти с кровати и отойти от нее, чтобы оказаться как можно дальше от Артура. Он не должен пострадать, Огюст — это моя кара.

— Чего ты хочешь? — еще не справившись с дрожью в голосе, спросила я.

Луна теперь освещала постаревшее лицо. Глаза мага смотрели на меня с болезненным блеском. Жажда получить бессмертие вернулась, Огюст казался обезумевшим, но я видела, что он старательно сдерживается, хоть это приносит ему не только моральную, но и физическую боль.

— Ты задолжала мне, Анна, — сказал он, делая крошечный шаг, а потом резко останавливаясь. — Я дал тебе новую жизнь, а ты сбежала! Ты обязана мне всем!

Его слова подняли волну возмущения, и в груди разгорелся огонь негодования.

— Что ты мне дал? — прошипела я, ощущая, как горечь и обида прожигают душу и стирают страх. — С самого первого дня ты желал лишь разгадать тайну и найти ключ к бессмертию! Ты слепо шел к своей цели, не заботясь обо мне! Ты истязал меня различными заклинаниями, пытаясь выдрать из меня ответы! Признаю, сначала ты был мил и притворно учтив, поэтому я позволяла тебе испытывать на мне всевозможные способы получения секрета бессмертия. Я привыкла к тебе и пошла за мнимым участием, а ты предал меня, использовал, воспользовался моим бессилием и одиночеством! О каких обязательствах ты говоришь?

Все это время Огюст заметно боролся с собой, то порываясь приблизиться, то отступая. Он дрожал и изнывал от нетерпения. В этот миг я поняла: он готов растерзать меня, разорвать в клочья, чтобы забрать то, что забрать у меня невозможно. Вдруг сердце мое будто взорвалось, и по телу пробежало нечто похожее на облегчение. Словно я выпустила то, что давно мешало жить полноценно, мешало дышать.

— Ты жалок, Огюст! — тихо сказала я, сама подойдя и заглядывая в покрытые пеленой безумия глаза. — Даже если ты сейчас убьешь меня, чего сделать ты на самом деле не сможешь, мое бессмертие не достанется тебе, потому что ответов, которые ты ищешь, просто не существует. Я не бессмертна.

Сказав эти слова, я впервые поняла, что знала это всегда, но только сейчас все кусочки мозаики сложились вместе в моей голове. Когда прошлое и настоящее сошлись наконец в одной точке, многое стало понятным. В этот самый миг я поняла практически все, что сделал Томас и о чем хотел мне сказать.

— То есть как? — сражаясь с гневом, страхом и собственной одержимостью, спросил он. — Ты лжешь! Ты пытаешься просто защитить себя!

— Мне не нужно защищать себя, Огюст, — спокойно сказала я. — Я сильнее тебя. Ты лишь слабый старик, который впустую потратил десятилетия, гоняясь за призрачной надеждой.

— Ты? Ты сильнее меня?

Спорить с ним не было смысла. Я вернулась к кровати и одним легким движением вытянула мужа из колдовского сна. Артур открыл глаза и сначала улыбнулся, но, заметив мое напряженное лицо, тут же стал серьезным.

— Все хорошо, милый. Я справлюсь.

Инспектор вмиг оказался на ногах и попытался задвинуть меня себе за спину, но я не подчинилась. Заглянула в его лицо и слабо улыбнулась.

— Поверь мне, я справлюсь, — а потом повернулась к магу. — Я несла свой страх перед тобой долгие годы. Он заставлял меня бежать как можно дальше, прятаться, закрываться от мира. Двадцать пять лет я не жила, а существовала подобием человека, и все из-за тебя. Ты внушил мне страх перед людьми, заставил думать, что внешний мир уничтожит меня в погоне за бессмертием. Тогда, в далеком прошлом, я была напугана, слаба, беспомощна и очень одинока. Я верила тебе, подчинялась и отдавалась во власть твоему безумию, даже не осознавая этого. Но я рада, что ты ударил меня в тот день. Рада, что ты не сдержался, явив свою истинную натуру! А еще я рада, что мои природные качества побудили меня сорваться с места. Я могла не помнить, кем я была, могла растеряться и на время запутаться, но мое истинное «я» взяло верх и не согласилось быть твоей жертвой.

Я подошла совсем близко и продолжила выпускать все, что накопилось за долгие годы:

— Я сама подарила себе новую жизнь, и ты не имеешь к этому никакого отношения. Кто угодно, но только не ты, повлиял на ее становление. Его величество одарил меня такой преданной дружбой, что я не потеряла веру в нее. Служанка, которая знала, чем грозил ей подобный проступок, невзирая на страх, вывела меня из магистиума, и в благодарность я взяла ее имя. Этот подвиг наделил меня верой в людей!

Горячие слезы катились по щекам, но я была им рада. Они будто смывали прошлое, освобождая сердце от груза, освобождая меня от страха, который оказался просто привычкой.

— Я справилась сама, Огюст! Скиталась, искала свое место в этой жизни, искала свой дом! И пусть я не могу вернуться в прошлое, к семье, и прожить остаток жизни рядом с родителями, но я смогла построить для себя новый мир! Я обрела семью! Меня окружает столько любящих людей, которые освещают мой путь, делают жизнь ярче и прекраснее! Я счастлива оттого, что взамен могу подарить им свою любовь! Ты же не дал мне ничего, за что могла бы быть обязанной!

Огюст растерянно смотрел то на меня, то на Артура и будто не слышал всего, что я сказала. Но эти слова были нужны не ему, а мне. Все сказанное мной вмиг сделало меня сильнее.

— Освободись и ты от этого проклятия, Огюст! Смирись с тем, что ты не бессмертен, проживи остаток дней достойно. Король ценит тебя, так насладись этим сполна! Отпусти меня из своей жизни!

— Почему ты считаешь, что не бессмертна? — спросил он, лишая меня надежды уговорить его.

Хотя, конечно, чего же я ждала? Что одержимость сама собой исчезнет? Что человек, десятилетиями живущий одной навязчивой идеей, так быстро от нее откажется? Я вздохнула и попробовала объяснить:

— Мое долголетие — это результат сложного заклятия и нескольких связующих звеньев. Повторить его невозможно, поскольку тут замешана частица драконьей магии. Это лишь цепочка обстоятельств, приведшая к такому результату. И как только все, что должно, случится, оно иссякнет, сделав меня смертной. Или же поставит все на свои места, стерев меня с лица земли, как и должно. Я не могу этого знать.

В комнате повисла тяжелая тишина, она давила и угнетала.

— Почему ты не сказала мне? — выдохнул Артур.

— До этой минуты я и сама не осознавала.

Артур еще что-то хотел сказать, но я не позволила. Мы обсудим это позже, когда будем одни. А сейчас мне нужно было решить проблему с Огюстом.

— Я никогда не лгала тебе, — твердо заверила я старика. — И сейчас говорю правду. То, за чем ты гонишься, — невозможно! Смирись с этим, Огюст! У тебя есть всего два пути: либо ты отступишь и вернешься к своей тихой жизни в магистиуме, либо мне придется отправить тебя туда, где ты будешь продолжать мучиться и поедать себя изнутри.

Для убедительности я щелкнула пальцами, и мы все оказались в глубоком прошлом, там, где магия принадлежала только драконам. Огюст оторопело оглядывался, не веря своим глазам.

— Я сильнее тебя, но я бы не хотела этим пользоваться. Ты стар и болен, а я не из тех, кто бьет уже стоящего на коленях!

Еще один щелчок, и мы вернулись в комнату гостиницы. Огюст посмотрел на меня с мольбой, и в этой мольбе я видела конец всем его ожиданиям. Жалость сдавила грудь. Когда-то этот человек был важен для меня, а теперь он сокрушен и буквально уничтожен. Я разрушила его мечты, безжалостно раздавила крупницы надежды. Маг стер единственную горестную слезу и исчез бесследно...

Вечерний поезд уносил нас прочь из столицы. Всего несколько дней — и во мне многое изменилось безвозвратно. Это путешествие не только в моей прошлой жизни навело порядок, но и во мне самой. Будто то пережитое мной когда-то было призвано к тому, чтобы внутри появился тот самый стержень, та самая сила, которой мне недоставало все эти годы забвения. словно без этих воспоминаний я была не совсем полноценной, как сосуд, не заполненный и наполовину. Этот груз должен был снова лечь на мои плечи, чтобы я стала такой, какой должна быть.

Всего несколько дней — и я возвращаюсь домой. Домой. Как красиво звучит это слово, как разливается теплом по телу, стоит только произнести его. Всего несколько дней — и я поняла, где именно он находится. Всего несколько дней — и у меня появился муж. Муж. Тоже непростое слово. У меня даже времени не было толком обдумать, что именно это значит. Нет, я нисколько не пожалела и считаю этот поступок хоть и спонтанным, но правильным. Очарование королевского тронного зала, уютной атмосферы и аромата дивных цветов развеялось, и мы возвращались в реальную жизнь. И в этой жизни у меня тоже были близкие люди. Я немного нервничала оттого, что не представляла, как отнесутся к нашей свадьбе миссис

Баррингтон и Фредди. Безусловно, они одобряют мой выбор спутника жизни, но свадьба, вот так, тайно?!

А еще я думала о том, как будет выглядеть наша дальнейшая жизнь. Не могла не думать. Артур ничего не говорил о том, какой ее представлял. Хотел ли он, чтобы я перебралась в Олридж-холл? Как отнесется к тому, что я продолжу работу в пансионе? В этой жизни я не думала о браке. Ну, то есть думала, конечно, но как о чем-то призрачном, фантастичном. И теперь, когда все так быстро случилось, я осталась растерянной и немного сбитой с толку. Чувства, конечно, прекрасны, но полагаться лишь на них было бы несерьезно. Мы ведь ничего не обсуждали, не прикидывали, не делились мыслями о совместной жизни. Я понимала, что время не располагало, но все же. Я уже миссис Аддерли, и это не выбросишь, не забудешь, не отложишь на время на полку. Даже усмехнулась и тряхнула головой, когда поняла, что, может, и думать ни о чем не придется. Все в руках Лютера. Боже, как страшно это прозвучало, даже в мыслях. От Лютера зависело мое счастье, мое будущее, моя жизнь. Чудовищно осознавать, что ты в чьих-то руках.

Путь в Вичпорт сам по себе казался испытанием. Мы с Артуром оба ощущали нарастающее напряжение, которое будто сковало нас, но и об этом не говорили, просто позволили себе забыться на эти два дня. Мы беседовали о столице, о магии в целом, о моем и его детстве, но опасных тем не касались. Будто, не сговариваясь, решили подарить себе последнее спокойное дыхание перед бурей.

Но спокойствие тут же нарушилось, стоило нам перешагнуть порог поместья.

— Милорд, — встретила нас обеспокоенная миссис Додсон.

Ее руки были сцеплены у живота. Пальцы нервно сжимались и разжимались, на бледном лице застыла тревога, а чуть припухшие глаза поведали о бессонных ночах, полных слез. Сердце оборвалось, Артур уронил саквояж к ногам.

— Эдолин?

Экономка кивнула и поднесла дрожащую руку к губам, а потом опустила глаза и закрыла лицо руками, пытаясь справиться с новым потоком слез. Боль в груди не оставила места ничему другому. Артур бросился вверх по лестнице и, перепрыгивая через ступеньки, быстро

преодолел первый пролет. Я устремилась за ним. Меня гнали вперед страх и предчувствие беды.

Дверь в комнату Эдолин была открыта, Артур влетел внутрь и замер на пороге. Я тоже приостановилась, застав плачевную картину. Эдолин лежала на кровати, ее белокурые волосы разметались по подушкам. На бледном лбу блестели бисеринки пота, щеки впали, под закрытыми глазами залегли густые тени.

В комнате царил полумрак. Из освещения лишь пара свечей у кровати, шторы плотно занавешены. Из-за этого девушка выглядела еще несчастнее и болезненнее.

Рядом с ней полулежал на кровати Ноэль, который прижимал руку сестры к щеке и старался держаться. Фредди затихла неподалеку. Стоило нам появиться, как подруга подошла ко мне и отвела в сторонку.

— Бедняжке резко стало хуже два дня назад, — печально сказала Уиннифред. — Она почти постоянно в бреду, мечется несчастная... Я могу изменить ее сны, но... смотреть, как она тихо умирает...

Фредди подняла на меня полные слез глаза, и грудь сдавило. Я взяла подругу за руки и попыталась разделить ее боль. Мы обе успели полюбить эту прекрасную девушку, лучившуюся любовью, добротой и нежностью. Так или иначе, но мы принимали участие в ее жизни, поэтому крепко привязались к ней. Ее судьба не оставила нас равнодушными, а чистое сердце восхищало.

— Отдохни, милая, — сказала я, подавляя всхлип, — теперь я подежурю рядом с ней.

— Но я...

— Нет, моя дорогая, — сказала я настойчиво и перевела взгляд на Ноа. — Позаботься о нем. Ты нужна ему как никогда.

Фредди храбро сцепила зубы и, чуть задрвав подбородок, кивнула, а потом направилась к кровати. Очень осторожно она приподняла мужчину за плечи.

— Ноэль, — прошептала она, — тебе нужно отдохнуть. Хоть немного...

— Нет, — упрямо мотнул головой он, но вмешался Артур, который подхватил друга и помог подняться на ноги. — Я не могу уйти...

— У нее еще есть время, Ноа, — ласково сказала я. — Мы здесь. И я, и Артур. Присмотрим за ней. Она может прийти в себя в скором времени, и ваше состояние будет лишь удручать ее.

Я искала подходящие слова, чтобы хоть как-то повлиять на страдающего брата, чтобы вынудить его привести себя в порядок, хоть что-то съесть и просто вздремнуть, быть может. Мистер Гаррисон ослаб настолько, что и не думал сопротивляться, Фредди не составило труда довести его до двери.

— Ты будешь здесь? — с надеждой спросил он у Артура, прежде чем выйти из комнаты.

— Буду, — кивнул мой муж. — И обещаю — если что, позову мгновенно. Мы не оставим ее ни на минуту.

Я присела на краешек кровати и взяла в руки тряпицу, что лежала возле миски с водой. Аккуратно намочила ее и обтерла лицо девушки. Эдолин тяжело дышала и то открывала глаза, то вновь закрывала. Ее тело буквально пылало в лихорадке. Время от времени девушка слабо металась. Артур ходил туда-сюда, чувствуя себя беспомощным, так же, как и я.

— Ты не можешь?..

— Прости, — с болью в голосе ответила я, понимая, что разрушаю его надежды, — не могу. Я ничего не могу сделать, и это убивает меня.

Держаться оказалось нелегко и теперь, когда Ноэль покинул комнату, я будто сдалась. Разве можно столько всего пережить и остаться крепко стоящей на ногах?

— Разве это справедливо, Артур? — посмотрела я на мужа, который тут же застыл на месте. — Разве судьба не подлая? За что этой бедной девочке, которая еще не успела увидеть жизнь, столько бед? Чем она провинилась, Артур? За что платит? Какой такой злой рок преследует эту чудесную семью? Ваши семьи?

Аддерли опустил голову подле меня на корточки и сжал мокрые пальцы в своих прохладных ладонях. Ему было и без того больно, а еще я затеяла этот бессмысленный во всех отношениях разговор. Но в моей голове никак не укладывалось, как может быть, чтобы совсем юной девушке, которая еще ничего в этой жизни не видела, выпала такая доля.

— Не знаю, родная, — Артур положил голову на мои руки и застыл, продолжая шептать, — не знаю, не знаю...

Если я не могла сдерживать слез, наблюдая за тихим угасанием Эдолин, то что чувствовал мой муж, который знал ее с детства? Он видел, как она росла, как менялась, как мечтала, как смеялась и плакала, как переживала трагедии одну за другой. Я обняла Артура за плечи, прислонившись щекой к его макушке. Он в ответ сжал мои пальцы сильнее.

Несколько следующих часов тянулись бесконечно долго. Изредка заглядывала миссис Додсон, справлялась, не нужно ли чего, и приносила свежую воду. Девочки-горничные толпились за дверью, я слышала их всхлипы. Страдал весь дом, и тишина в нем стояла такая тяжелая, что ушам становилось больно.

Глубокой ночью я почувствовала, что время пришло. Не знаю, как это поняла, но сомнений не осталось. Сглотнув комок в горле, я сказала мужу:

— Позови их.

Мужчина вскинул голову, и его лицо исказило страдание, от которого у меня внутри все сжалось тугим узлом. Он не сможет, а мне придется держаться.

— Пора, милый, — каждое слово давалось с трудом, и я понимала, что отнимаю у близких людей частичку души. Да, не я была причиной этой беды, но я стала ее вестником.

Артуру было достаточно приоткрыть дверь, и мы увидели, как девушки вскочили прямо с пола на ноги. На их заплаканных лицах замер немой вопрос. Артур просто кивнул, чем вызвал новый поток рыданий.

— Позовите его, — тихо попросил мой муж, — время проститься.

Девушки инстинктивно жались друг к другу, утешая и сопереживая. Чтобы отойти от подруг, Мэдди понадобилось много душевных сил. Она втянула носом воздух и, расправив плечи, сказала:

— Да, милорд.

Как не заскулить от отчаяния, как не дать волю горю, как держать себя в руках? Я впилась ногтями в ладони и прикусила губу. Это было невыносимо. Ноа пришел почти сразу, бросил взгляд на друга, потом на меня. Его боли не было предела, горю не было границ. Исхудавшее

от переживаний лицо поблекло, глаза потускнели, он стал похожим на сестру.

— Ноа, — пробормотала Эдолин, — Ноа.

— Я здесь, родная, — сражаясь со слезами, ответил мужчина, присев рядом с сестренкой. — Я здесь, я тебя не оставлю.

— Я скоро увижу маму, — едва слышно прошептала она и слабо улыбнулась. — И Лидию.

Не сдержав рыдания, миссис Додсон, закрыла лицо ладонями и поддалась чувствам.

— Не грусти. — Эдолин медленно накрыла голову брата ладонью и перебрала пальцами волосы. — Мама присмотрит за мной. Обещай, что не будешь грустить.

— Не буду, — буркнул Ноэль и закрыл глаза, наслаждаясь прикосновениями сестры.

Каждый вдох, каждое слово мучили девушку, и, чтобы хоть как-то ее поддержать, я приподняла ее и прислонила спиной к своей груди. Пусть немного, но я смогу подарить ей сил. Эта храбрая девочка заслужила еще несколько минут.

— Ты помнишь свой самый счастливый день? — спросила я у нее.

Эдолин вновь улыбнулась и, прикрыв глаза, зашептала на ухо. Я кивнула в ответ:

— Я могу подарить тебе его снова.

Приложив как можно больше усилий, я погрузила всех, кто был в комнате, в прошлое.

Это был чудесный солнечный день, лучи пробивались сквозь колышущиеся на ветру шторы, пахло свежей травой и цветами, а еще немного сладким кексом.

Мы увидели длинный коридор, по которому бежали две девочки и разлетался задорный детский смех. Эдолин бежала первой, на белокурых волосах завязан алый бантик, локоны развеваются на бегу. Девочка хохочет и постоянно оглядывается. За ней бежит еще одна, чуть повыше. Волосы темные, кучерявые. Она оборачивается, и я вижу ее сходство с Артуром. Девочки влетают в гостиную, где взрослые пьют чай. Эдолин кидается к матери, продолжая хохотать.

— Эди! — обиженно кричит Лидия. — Отдай мой бант!

Маленькая мисс Аддерли вроде и злится, но при этом в глазах беснуются смешинки. Она чуть не падает на подругу сверху и

пытается отнять ленту, сложенную в красивый бантик для волос.

В комнате звучит смех взрослых. Здесь родители Эдолин и Ноа, а также вся семья Аддерли. Дети счастливы, полны надежд и мечтаний. Все они любят друг друга, их сердца наполнены радостью, на лицах улыбки, купающиеся в лучах теплого летнего солнца.

Я посмотрела на взрослую Эдолин, чье лицо застыло в счастливой улыбке. Ноа плакал рядом, Артур замер, разглядывая сестру и родителей. Мы с Фредди и миссис Додсон боялись даже вздохнуть. Просто молча глотали слезы, глядя на две счастливые семьи, собравшиеся выпить вместе чаю.

Еще мгновение — и девушка в моих руках закрыла глаза, а потом издала последний вздох.

— Она ушла, — прошептала я и вернула всех в настоящее.

— Ушла счастливой благодаря тебе, — ответил Артур.

Ноа больше не сдерживал рыданий. Он обхватил бездыханное тело сестры и прижал его к себе, высвобождая боль и наслаждаясь ее последним теплом.

Олридж-холл погрузился в скорбь, затих, будто дыхание затаил. И в таком безмолвии прошли сутки. Тело Эдолин было отправлено в службу подготовки к погребению, похороны назначены, все приготовления сделаны. Эта потеря отняла у всех обитателей поместья столько сил, что они на время забыли обо всем, что забывать не стоило. Я даже в пансион весточку не отправила, что вернулась, а надо бы.

Лютер не дал нам достойно проводить наследницу Олридж-холла. За день до ее похорон, вечером, когда мы все, словно призраки, сидели в гостиной и пытались заставить себя поесть, земля будто содрогнулась. Посуда вокруг зазвенела, люстра на потолке задрожала. Я вскочила на ноги, а Фредди, которая стояла у окна, вскрикнула:

— Ада! Это пансион! Посмотри! Пламя и густой дым! Это пансион!

Глава 23

БИТВА

Казалось, я в жизни так быстро не бегала, словно пыталась обогнать ветер. Страх подгонял и заставлял двигаться быстрее. Ноги путались в юбке, поэтому пришлось задрать ее вверх. Мы все мчались через лес, различая всполохи между деревьями. Трава, ветки и камни затрудняли наш путь, я несколько раз чуть было не упала, но Артур или Ноа неизменно приходили на помощь. Сердце рвалось из груди, и я бормотала мольбу о том, чтобы девочек уже отправили по домам.

Выскочив на поляну перед пансионом, я чуть не вскрикнула от ужаса, но Артур резко остановил меня, закрыл рот рукой и потащил обратно. Я хваталась за его руку и пыталась вырваться.

— Подожди, нас не должны заметить, — шептал муж мне в ухо. — Успокойся, эмоции плохие советчики.

Как только я перестала сопротивляться и мы все оказались на безопасном расстоянии, Артур отпустил меня, и мы смогли посмотреть на происходящее из укрытия. На самом деле огня было не так уж много, но дым поднимался высоко в небо, вызывая панику.

Перед входом в пансион стоял мистер Хардман и словно замороженный смотрел на огонь, ползущий по окнам первого этажа вверх к крыше. Главный вход в пансион облизывали языки пламени. Слева и справа от мецената и всеобщего любимца толпились люди в капюшонах.

— Судя по энергии, исходящей от них, — прошептала Фредди, — здесь не только маги, но и люди.

— Значит, мы верно думали на Хардмана, — повернулась я к мужу. — Он и есть Лютер!

Перед глазами возникло добродушное улыбочивое лицо, и стало горько оттого, как легко можно ошибиться в человеке. Мороз пробежал по спине, когда представила, чем может закончиться эта встреча. Я резко развернулась к мужчинам:

— Артур, Ноа! Возвращайтесь в Олридж-холл и вызывайте полицию! Раз здесь не только маги, констебли могут пригодиться.

Артур посмотрел на меня долгим взглядом, перевел глаза на друга, и мне показалось, что между ними состоялся какой-то молчаливый диалог, который закончился кривыми полуулыбками.

— Если ты хочешь нас отослать, Ада, — сказал Ноэль, — то придумай повод получше. Мы уже велели Хакстону оповестить полицию.

Мистер Гаррисон демонстративно сбросил с плеч пиджак, ослабил галстук и закатал рукава. Решительность на его лице меня ужаснула. Я посмотрела на Артура, который поступил так же, как друг. И кого я хотела обмануть? Эти двое ни за что не отступят.

— Вам нечего противопоставить магам, — прошептала я, боясь даже представить, что друзья могут пострадать.

— Уиннифред сказала, что там есть и люди. — Муж приблизился и обхватил мои плечи руками. — Мы не совсем бесполезны, милая.

— Я вовсе не хотела называть вас бесполезными, Артур...

— Знаю, поэтому давай просто не будем спорить, тем более на это у нас совсем нет времени.

— Но ты можешь погибнуть! — громким шепотом сказала я.

Артур мягко улыбнулся:

— Если в этот момент ты будешь рядом со мной, чего еще желать?

Пресекая все мои попытки возразить, Ноа вклинился между нами и переключил внимание на себя:

— А теперь вспоминайте, милые дамы, есть ли еще способы попасть в пансион?

Это был очень хороший вопрос, очень нужный. Я бросила быстрый взгляд на Фредди, и мы обе нахмурились. Несмотря на то что я жила в пансионе столько лет, мне ни разу не приходилось задумываться о таких деталях, как дополнительные входы. Это усложняло задачу. Мужчины правы, нам просто необходимо попасть внутрь, чтобы понять, что там творится, и объединиться с учителями.

— Я проведу вас, — послышался голос, я вздрогнула.

За нашими спинами, приставив приклад ружья к сапогу, стоял сердитый мистер Эртон. Наш лесничий. Высокий, худощавый мужчина возрастом ближе к шестидесяти, с густыми усами и еще довольно пышной русой шевелюрой. Я выдохнула, почувствовав

облегчение. Мои спутники насторожились, приняв оборонительную позу. Я вышла чуть вперед и обратилась к старому знакомому:

— Мистер Эртон, вы знаете, как попасть внутрь?

— О да, мисс Хоггарт, — уверенно кивнул он, продолжая хмуриться. — Недалеко отсюда есть вход в тоннель, который ведет на кухню. Раньше именно по нему доставляли продукты.

— Я несколько раз натыкалась на него, но он же был завален, разве нет? — удивилась я. — Там даже дверь не открывается.

— Верно, он был заброшен, но я его освободил. Видите ли, я... я и миссис Элмерз...

— Даже так? — присвистнула Фредди. — А нашей дорогой кухарке не чужды тайные увлечения!

— Милейшая миссис Элмерз давно вдовствует, поэтому я не вижу ничего... — оскорбился за кухарку мистер Эртон.

— Все в порядке, — вмешалась я, давая понять, что сейчас совсем не время. — Ведите, мистер Эртон.

Лесничий сверкнул глазами в сторону моей подруги, которая лишь плечами пожала в ответ, и зашагал в противоположную от пансиона сторону. Идти пришлось совсем недалеко, обход и блуждание между деревьями увеличили расстояние, но это было сделано в целях безопасности. По пути мы дважды почувствовали, как содрогнулась земля. Это маги пробивали защиту пансиона, пытались проникнуть в здание. Заклинания учителей были надежными, но и они рано или поздно падут под таким натиском. И лучше бы нам успеть вовремя, прежде чем это случится.

Мы подошли к небольшому холму позади пансиона. Он зарос кустами и почти полностью скрывал невысокую деревянную дверь. Теперь нам не привозили столько продуктов, чтобы скрывать многочисленных слуг, которые переносили бы их в дом. Прежние хозяева, столетия назад, предпочитали работу обслуживающего персонала не выставлять напоказ, дабы не раздражать свой изысканный взор.

Мистер Эртон достал из кармана ключ и без труда отворил дверь. Она даже не скрипнула, видимо, была хорошо смазана. Лесничий выудил из того же кармана спички и зажег старинную масляную лампу, которая тоже была вычищена и приведена в божеский вид.

— Неплохо вы тут обжились, — буркнула Фредди.

Я видела, что моя подруга ужасно нервничает, поэтому постаралась не обращать внимания на ее колкости, за которыми скрывались истинные чувства.

Тоннель тоже оказался коротким и достаточно широким, чтобы не было тесно. Из него мы вышли прямо на кухню, в которой стояла гробовая тишина. Пансион тонул в полумраке и в этой самой тишине. Я нервно поежилась от того, как было жутко. Казалось, сегодня даже призраки попрятались за толстыми стенами, чтобы не стать свидетелями бойни, а именно так мое воображение рисовало встречу с Лютером.

— Нам нужно добраться до кабинета миссис Баррингтон, — сказала я и повела за собой остальных. — Скорее всего, они именно там — охраняют сапфир.

Мы поднялись по небольшой лестнице и вышли в коридор, ведущий мимо столовой, потом гостиной, а затем в сторону классов и комнаты отдыха. Но до классов доходить не было необходимости, на пути нас ждала лестница на второй этаж, по которой можно добраться до спален и кабинета хозяйки пансиона.

Зловещая тишина заставляла волосы шевелиться на затылке, сердце гулко стучать, предчувствуя беду, а руки неметь от холода. Центральный вход охвачен пламенем, но мы достаточно далеко, чтобы еще не чують дыма и не слышать треска горящего дерева. Однако я все равно чувствовала себя, словно в западне, хотя, по сути, так оно и было.

Раньше я уже думала о смерти, случалось. Но тогда она мне виделась скорее благом, чем наказанием. Боялась забвения, того, что некому будет вспомнить обо мне и сказать доброе слово. Это угнетало, но иного исхода для себя я не представляла. Ведь в ту пору я предполагала, что век мой будет слишком долгим, чтобы оставаться на одном месте. Совсем недавно я сделала шаг к другому будущему и решила выйти в свет. Уже одно это было чем-то запредельным, но все резко изменилось, когда в мою жизнь ворвался Артур. Теперь я отчаянно хотела жить, и не просто так, а полной жизнью. Хотела радоваться каждому дню, дарить мужу любовь и ласку, а еще в глубине души зародилась мысль о детях. Вспомнив об этом, я почувствовала, как сердце беспокойно дрогнуло. Я могу лишиться всего в одночасье, не успев вкусить даже глотка новой жизни.

Мы медленно двигались по коридору, и, когда миновали столовую и оказались у распахнутой двери гостиной, внезапный взрыв откинул меня к противоположной стене. Звон разбившихся оконных стекол прорезал эту ненавистную тишину, и все будто разом пришло в движение. Это был сильнейший удар по защите пансиона. Я еще ощущала ее тонкую грань, но второго такого удара наш милый дом не выдержит.

— Давай немного подлатаем, — скомандовала Фредди, и мы кинулись в комнату.

Не стовариваясь, встали по обе стороны от окна и широко расставили руки, бормоча защитное заклинание. Белая дымка поползла по полу, на миг задержалась, ощутив извне давление чужой магии, а потом продолжила движение. Очень медленно она поднималась по стенам, будто обволакивая разбитые окна и пытаясь укрыть их от нападения.

Не успела дымка добраться и до середины рамы, как напротив окна возникла фигура. Совершенно точно — это был маг. Он тоже вскинул руки и, заметив нас, усмехнулся, а потом швырнул огромный сгусток темной энергии.

— Ложись! — взвизгнула я, предупреждая мужчин, и пригнулась сама.

Шар стремительно ворвался в окно и с оглушительным грохотом разнес добрую половину комнаты за нашими с Уиннифред спинами. Обломки мебели и стекла полетели со всех сторон, мы с подругой, едва успев подготовиться, кое-как устояли на ногах. Однако удержать защитное заклинание не смогли, прикрыв головы руками. Этот жест не очень-то и помог. В шею Фредди вонзился хоть и небольшой, но причинивший боль осколок. Она крепко выругалась и крикнула:

— Давай же!

Не теряя времени и стараясь отмахнуться от звона в ушах, я снова подняла руки.

— Артур! — позвала, не имея возможности обернуться.

Сердечко тревожно вздрогнуло в ответ на тишину. Я позвала снова, опасаясь худшего и ощущая дрожь в коленях. Может, слух подводит, ведь грохот был просто ужасающим?

— Мы в порядке! — послышался наконец ответ, а потом и шум отброшенных обломков мебели. — Все хорошо!

Я забормотала заклинание, переняв эстафету у Фредди, которая готовилась нанести ответный удар. Наш противник тоже не зевал, он пытался приблизиться, но не забывал и об обороне. Ведь о наших способностях он ничегошеньки не знал, и только полный идиот сунется в лоб тому, кто является загадкой.

Уиннифред наблюдала за магом и пыталась найти уязвимое место, чтобы одолеть его и успеть закончить с защитой. Временно, но это поможет хотя бы перекинуться парой слов с обитателями пансиона. Подгадав, моя подруга вскинула руку и создала в воздухе невидимое лассо, состоящее сплошь из потоков воздуха, затем она ловко замахнулась и швырнула петлю в окно. Я не раз видела, как она это делает, но никогда — в бою. Девушка выглядела поразительно воинственной и на удивление спокойной. Петля попала, куда было нужно. Как только она обвила плечи мага, Фредди резко дернула и, отпустив другой ее конец, дунула. Магическое лассо обвило нападавшего полностью, прижав его руки к телу и связав ноги, тем самым обездвигив. Маг попытался освободиться, но моя подруга не так проста, с ее силами тоже нелегко совладать. Мужчина упал на землю и начал извиваться, а мы воспользовались дарованной заминкой и залатали брешь в защите пансиона.

— А теперь бегом наверх, — велела Уиннифред и обернулась, застав крайне удивленного Ноэля, который не мог оторвать от нее глаз. Взгляд мужчины был полон восхищения, и я не могла не отметить этой перемены, произошедшей в нем за время нашего отсутствия. Неужели он забыл о ненависти, отказался от презрения и своих убеждений?

Размышлять над этим не было времени, Артур схватил меня за руку и потянул за собой. Пробираться сквозь обломки оказалось непросто, пришлось потрудиться, стискивая зубы и стараясь не думать о разрушениях. Это место так долго служило мне домом, дарующим заботу и уют. Преодолев все препятствия, мы бросились вверх по лестнице, а там уже и до заветной цели рукой подать.

Возле кабинета помедлила, коснувшись дрожащими пальцами ручки двери. Что-то меня останавливало, словно берегло от новых потрясений.

— Ада, — мягко позвал Артур, и я обернулась.

Серые глаза мужа смотрели ласково, он поддерживал меня и придавал сил. Внутри что-то всколыхнулось. Я не хочу это терять, не

хочу утратить то бесценное единение, что установилось между нами. Прикрыла глаза, вдохнула и выдохнула так, будто выпустила все страхи, оставив лишь решительность и желание бороться до конца. Бороться за этот дом, за близких людей, за свою семью!

Дверь открылась легко и бесшумно, я осторожно вошла и застыла на месте, не веря своим глазам. В центре просторной комнаты стояла Каролина Кэри, ее рыжие, довольно густые волосы будто парили в воздухе, подчиняясь древнему, первобытному колдовству. Ее глаза были распахнуты, но словно ничего не видели, в них зияла пугающая тьма. Каждая венка на лице проступала чернеющей рекой, губы что-то бормотали.

Я перевела глаза в сторону и увидела миссис Баррингтон, окруженную учителями и моими ученицами. Только моими. Девочки жались к Еве, лицо которой выражало гнев и негодование. Даже сидя на полу, заметно потрепанная, мисс Мейсон олицетворяла достоинство и благородство. Как только она заметила меня, по ее лицу пробежала тень облегчения, девушка тут же расправила плечи и чуть задрала подбородок.

— Что здесь происходит, черт возьми? — возмутилась Фредди, вошедшая следом за мной.

Каролина слегка наклонила голову, будто прислушиваясь. Ее пугающие глаза обратились к нам, а губы тронула кривая улыбка. В тот же миг со всех сторон послышалось громогласное карканье сотен ворон. Оно нарастало, вызывая боль в ушах и дрожь в теле. Я непроизвольно закрыла уши, пытаюсь хоть как-то спастись от этого невыносимого звука. Все кроме Каролины последовали моему примеру. Это карканье стало настоящей пыткой, а когда все стихло, прийти в себя быстро не получилось. Я даже за спинку кресла ухватилась, чтобы на ногах устоять.

— Каролина, — позвала ученицу, как только смогла говорить, — что с тобой?

— Она пленила нас, чтобы иметь влияние на вас, мисс Хоггарт, — с горечью в голосе сказала Инди Крамер. — Не позволила нам уехать.

— Похоже, Хардман подстраховался, — сказал Артур. — Он не может пробиться снаружи, поэтому завладел разумом девочки, чтобы любым способом получить перевес в силах. Верно я понимаю?

— Верно, — в ужасе глядя на свою ученицу, пробормотала я.

— Ну не убьет же она нас, в конце концов! — возмутилась Фредди и сделала шаг вперед.

Стоило моей подруге приблизиться и протянуть руку, как мощный толчок магии заставил ее содрогнуться и согнуться пополам от боли. Уиннифред вскрикнула, а потом стиснула зубы, стараясь справиться с колдовством моей ученицы.

— Достаточно! — с вызовом заявила я, совершенно точно представляя, к кому именно обращаюсь. — Чего ты хочешь?

Каролина снова повернула ко мне голову и полностью сосредоточилась на моем лице.

— Впусти меня... — Шепот пробрал до мурашек, до застывшей в жилах крови.

— Отпусти детей! — сорвалось с губ первое требование. — Отпусти, и мы поговорим!

И снова чудовищная тишина, давящая на голову. Ни шороха, ни всхлипа, будто все вокруг остановило свой бег, замерло. Я ощущала неумолимое приближение беды. Это предчувствие пробежало холодом по позвоночнику и комом застряло в горле. Голова гудела от страшных мыслей. Я уже не в силах остановить это. Если бы Лютер не напал на пансион, я бы что-нибудь придумала наверняка. Ведь пламя больше неподвластно темному, а значит, вернуть сапфир не так уж опасно. Или нет? Ужас обжег душу. Я помнила слова Томаса, но не была уверена в правильности собственного толкования. Теперь моя задача — спасти девочек. На миг представила, что будет, когда темный узнает, что магия дракона больше не принадлежит ему. От безмолвия вокруг заложило уши.

— Затишье перед бурей.

Как только я пробормотала эти слова, пансион вновь содрогнулся, стены будто накренились, звон выбитых стекол возвестил о том, что в пансионе не осталось ни единого целого окна. На одно короткое мгновение я встретилась глазами с миссис Баррингтон, она кивнула, а потом я прошлась взглядом по лицам учителей. Мы все ощутили, что магия Каролины будто ослабла. Девушка тоже не была готова к удару такой мощности. Поняв друг друга без слов, мы разом кинулись к ней и создали заслон, заключив ее во временный магический кокон.

— Сапфир! — крикнула я миссис Баррингтон, с трудом удерживая рвущуюся наружу силу Лютера.

Каролина металась, раздираемая чужой магией. Из ее груди вырывался дикий рев. Он вызывал ассоциацию с раненым животным, страдающим от боли. Я посмотрела на мистера Огlsi:

— Мы сможем вытолкнуть Лютера из нее?

— Да, но мне нужно время.

Миссис Баррингтон с сомнением заглянула мне в глаза и несколько раз сжала и разжала кулаки. Она нервничала, считая, что достать сапфир из укрытия — это плохая идея. Я кивнула, давая понять, что уверена в своих действиях. А я на самом деле знала или только так думала? Или просто надеялась, что разгадала замысел Томаса верно?

Миссис Баррингтон извлекла из тайника бархатный мешочек и прижала его к груди, все еще боясь расстаться с камнем.

Еще один удар по защите пансиона, и он оказался сокрушительным. Заклинание пало, освободив проход для темных магов. Мне казалось, я почувствовала, как они бросились внутрь.

Мистер Огlsi продолжал удерживать Каролину, Фредди и миссис Крофтон помогали ему. Артур следил за дверью. Я призвала девочек и попыталась скрыть страх.

— Сейчас я отправлю вас в прошлое и оставлю там на какое-то время, — сказала я, не находя другого способа уберечь их.

— Об этом не может быть и речи! — сверкнув суровым взглядом, заявила мисс Мейсон. — Хэксмен-хаус и наш дом, мисс Хоггарт, и вы не можете отрицать, что с нами у вас больше шансов.

— Я несколько не умаляю ваших талантов и знаю о вашей храбрости, поверьте. — Медленно обвела взглядом всех девочек по очереди, пытаясь придать словам больше убедительности. — Но, Ева, из вас боевыми навыками обладают только трое, и одна сейчас не на нашей стороне! Софи хороша в защите, как и ты, но Элла и Молли еще совсем маленькие! Я не могу рисковать вашими жизнями!

— Заставить вы нас не сможете, мисс Хоггарт. — Мисс Мейсон осталась непреклонной. — Я уже все продумала. Софи заберет малышей и укроется где-нибудь, скажем, под столом миссис Баррингтон. Скроет себя и подруг защитным заклинанием, она в этом хороша. А мы с Инди будем вместе с вами оборонять пансион! Мы не будем лишними и уж тем более в тягость! Все мы очень хорошо знаем

друг друга, наши достоинства и недостатки, а потому можем удачно дополнить и уравновесить силы.

— Звучит разумно, — слышался голос Артура за спиной. — Мисс Мейсон права, дорогая, они вправе встать с вами в один ряд.

— Я тоже это понимаю, Артур, но... они мои ученицы, и до тех пор, пока они не выпустились, я всецело отвечаю не только за их образование, но и за жизнь!

— Если мы и дальше будем вести этот бесполезный спор, то отвечать все равно будет не за кого! Неужели вы думаете, что, заполучив пламя дракона, Лютер не отыщет всех, кто здесь был, и не истребит? — все тем же тоном сказала Ева.

Я видела, как она напряжена, как натянуты ее нервы и с каким достоинством она прячет свой страх. Ева никогда прежде не позволяла себе говорить так со мной. Эта воинственность и решительность вмиг сделали ее взрослее в моих глазах.

— Боюсь, что выбора у нас действительно нет, — сказала миссис Баррингтон и протянула мне кулон.

Прежде чем взять его в руки, я снова пробежалась взглядом по лицам близких людей и с радостью отметила отвагу. Было ли им страшно? Определенно. И даже очень. Всем без исключения, но это только придавало им решимости, а не заставляло разбегаться в разные стороны и прятаться. Добрые, милые лица смотрели с надеждой. Они были готовы отдать все за это место, которое, как и я, считали домом. Артур горой стоял за меня и за то, что мне дорого, Ноэль имел свои счета с магами, мистер Эртон заботился о миссис Элмерз.

Из коридора слышался шум, это и стало решающим моментом. Я кивнула Еве и забрала кулон у миссис Баррингтон. Мисс Мейсон сделала, как и обещала, она велела Софи укрыть девочек, а сама заняла место плечом к плечу со мной. Помимо приближающихся магов, мы слышали шум внизу. Непрошенные гости громили дом, били посуду, ломали мебель, и, судя по запаху дыма, огонь расползлся все дальше. В груди сдавило от боли, я понимала, что, кроме собственных жизней, нам спастись уже больше нечего.

Мистер Огlsi продолжал изгонять Лютера из Каролины, поэтому помочь нам не мог, хотя его мощная магия могла бы пригодиться. Теперь Фредди и миссис Крофтон удерживали девочку, а учитель колдовал.

Инди ударила первой, скорее всего, от испуга. Когда один из темных ворвался в кабинет, девочка выпустила удар, но промахнулась и снесла половину дверного косяка и самой двери. Маг отреагировал мгновенно, шарахнув в ответ, но Ева отразила его, перенаправив в сторону. Едва не задела Ноэля, который вооружился острой палкой, вероятно некогда бывшей частью того самого косяка, который разнесла Инди. Девушка прокричала извинения и, быстро взяв себя в руки, соорудила новый щит. На душе стало спокойнее, когда я увидела, как они с мисс Крамер заботились друг о друге. Ева закрывала их от ударов, а Инди наносила ответные из укрытия.

Сжав покрепче камень в руке, я была готова встретить следующего. Поскольку дверной проем значительно увеличился, видимость стала хорошей не только для нас, но и для врагов.

— То, что мы здесь зажаты, плохо, — заметил Артур, оказавшийся рядом.

— И напоминает мне уже однажды пережитое, — откликнулась я и бросилась к Фредди, которая пыталась одолеть темного, оставив Каролину.

Он сопротивлялся, отбивался магическими молниями. Моя подруга отступала, сбивая вспышки воздушными потоками, но нападавший отеснял ее к стене, где для ее маневров оставалось слишком мало места. Поспешив темному наперерез, я выставила щит, такой же, что однажды спас жизнь инспектора Аддерли, и отразила удар, но маг лишь еще сильнее разозлился. Его способности были весьма недурными, только таких, видимо, Лютер держал подле себя. Если бы мистер Огlsi не оказался так занят, вмиг скрутил бы этого наглеца, но задача учителя была важнее. Миссис Баррингтон заняла оборону рядом с ним и отражала любые попытки помешать процессу вытеснения чужой магии из Каролины. Миссис Крофтон помогала сдерживать мою ученицу, чтобы она не наделала бед еще больше, чем уже принесла. Миссис Элмерз в страхе затихла в углу, магическими способностями наша кухарка не обладала, поэтому наблюдала за происходящим с застывшим в глазах ужасом.

Пока я прикрывала Уиннифред, она соорудила огромный воздушный шар и, коснувшись моего плеча, велела отодвинуться. Стоило отклониться в сторону, и этот шар поглотил прихвостня Лютера с головой. Маг метался и пытался пробить невидимые стены,

но не мог. Фредди сделала круговой жест указательным пальцем и подвесила шар под потолком.

— Ада! — крикнул Ноа, и я повернулась.

Оклик мистера Гаррисона спас мою жизнь. Обернувшись, я едва-едва успела пригнуться, и огненный шар пролетел над головой. Инстинктивно тут же выпрямилась и создала щит, а потом Инди пришла мне на помощь и отбросила мерзавца в сторону.

Все новые маги врываются в и без того наполненную людьми комнату, и вскоре происходящее стало напоминать настоящее безумие. Девочки встречали врагов у двери и пытались задержать. Ноа лупил палкой направо и налево, ему даже удалось оглушить одного из темных. Артур то отстреливался, то переходил врукопашную, и слава богу, что в кабинете стало настолько тесно, что магам стало сложнее пользоваться своими силами. Лютер пока не появлялся, но было такое чувство, что он наблюдает, позволяя всему этому безобразию происходить.

Один из колдунов оказался не по силам моей Инди, лишь слегка взмахнув руками и гнусно ухмыльнувшись, он отшвырнул девочек к стене так сильно, что я услышала хруст костей и содрогнулась. В вихре лиц и тел я будто застыла на мгновение, будто выпала из реальности, наблюдая со стороны. На Фредди накинулись сразу два мага, заметив это, к ней поспешил Ноэль и получил серьезный удар в лицо энергетическим шаром. Уиннифред взвизгнула и в мгновение ока разъярилась. Никогда еще я не видела свою подругу такой. Артур лежал на полу, над ним навис маг и пытался задушить живой удавкой, которая слушалась его приказов. Миссис Баррингтон старалась привести учениц в чувства, а я не могла пошевелиться, продолжая наблюдать.

Из-под стола показалась головка напуганной до смерти Софи, а за ней и две другие мордашки. Девочки смотрели со слезами на глазах, а я дрожала и молилась, чтобы они не вылезли из своего укрытия.

Что со мной происходило, я поняла не сразу, в голове словно вакуум образовался. Мысли путались, я словно не понимала, что должна участвовать в битве, будто вновь замерзала. Эта мысль напугала меня, и я попыталась шевельнуться, но ничего не вышло. А потом в голове зазвучал голос:

— Верни мой кулон, Оливия. Верни его, и я убью всех вас быстро! Я подарю вам милосердную смерть, смерть без боли.

— Ты обещал нам неделю... — едва шевеля губами, выговорила я.

— Время истекло... Не глупи, Оливия, подари своим ученицам тихую смерть.

Я понимала, что теперь Лютер не выпустит никого из нас живыми. Он получит свое и просто сотрет с лица земли Хэксмен-хаус. Я вновь посмотрела на девочек под столом, и по щекам покатались слезы. Маленькая Молли хныкала, глядя на Инди и Еву, по лицам которых стекала кровь. Девочка перевела взгляд на дверной проем, где столпилось большинство темных, и, насупившись, приложила ладошку к полу. Ее густые бровки сошлись к переносице, маленькие ноздри раздулись. Элла положила ладошку подруге на плечо и кивнула, делясь силами. Я и ахнуть не успела, как пол под помощниками Лютера сначала изменил свой цвет, а потом исчез. Маги вместе с камнем и паркетом рухнули на нижний этаж. А затем все вернулось на место.

Внутри зародились крупницы надежды. Мы должны сопротивляться. Так будет хоть один шанс выжить. Раньше я не могла отдать кулон, надеясь, что девочек не будет в пансионе и пострадают только мы, а теперь даже если я его верну, это не убережет нас от смерти. Горечь заставила стиснуть зубы, я сдержала вопль.

— Не хочешь по-хорошему? Я сам заберу то, что принадлежит мне! — сказал Лютер и отпустил меня.

Я вновь смогла двигаться и первое, что попыталась сделать, это добраться до малышей и отправить их в другое время. Я обняла учениц и щелкнула пальцами, но не тут-то было. Моя магия не поддалась. В голове зазвучал хохот монстра, сердце обрушилось, теряя последнюю надежду спасти хотя бы малышей.

Прозвучал странный звук, похожий на свист. Маги тут же подняли головы, и все, кто смог, отшвырнули своих соперников и бросились прочь из комнаты. Прежде чем я успела хоть что-то понять, раздался треск, по стенам побежали трещины, пол задрожал. Кабинет миссис Баррингтон пришел в движение.

— Фредди! — завопила я, как только мы все осознали, что происходит.

Моя подруга поняла без слов. Она кинулась ко мне и в последнюю секунду успела заключить трех девочек в большой шар, наполненный воздухом. Я посмотрела на Артура, в глазах которого впервые увидела страх. Лютер буквально выдрал из здания пансиона комнату, в которой мы находились, и отшвырнул ее на землю.

Глава 24

ПРЕВОСХОДСТВО ПЛАМЕНИ ДРАКОНА

В стремительном полете каждый из нас успел сделать все, что смог. Миссис Баррингтон прикрыла собой Инди и Еву, мистер Оглси попытался уберечь Каролину, а я вытолкнула из комнаты только миссис Элмерз и мистера Эртона, потому что они были ближе всех к огромному проему.

Я почувствовала чудовищный удар, а потом все почернело. Очнулась от боли, открыла глаза и попыталась подняться на ноги, но меня что-то придавило. Пошевелив рукой, почувствовала резкую боль в плече. Я лежала в грудe обломков и могла только смотреть. Слева от себя разглядела ноги старших девочек, а тело миссис Баррингтон сверху. Женщина была без чувств, лицо залито кровью.

— Элина, — прохрипела я, но хозяйка пансиона не отозвалась.

Мистер Оглси, Каролина и миссис Крофтон лежали неподалеку. Ни Ноэля, ни моего мужа не было видно. Справа слышался шум, я с трудом, но повернулась и с надеждой позвала:

— Фредди?

Несколько камней отлетели вверх, и моя подруга выбралась из-под завала. Ее изорванная одежда была в крови, лицо в ссадинах и ушибах. Она тяжело поднялась на ноги, запрокинула голову кверху и облегченно выдохнула.

— Девочки, — сказала Уиннифред, а потом заметила меня и с помощью своей магии освободила из-под обломков.

Девушка помогла мне сесть, и первым делом я посмотрела вверх, обнаружив парящий шар с воздухом. Нервы сдали, я расплакалась, увидев напуганных, но целых и невредимых девочек. Личики были зареванными, покрасневшими. Мои ученицы приложили ладошки к стенкам шара и смотрели на нас. Грудь сдавило, я подняла здоровую руку и как смогла махнула, давая понять подруге, что нужно отправить малышей подальше отсюда. Уиннифред кивнула и сделала глубокий

вдох, а потом что было мочи дунула, посылая шар как можно дальше в лес.

Мы поднялись на ноги. Я острее ощутила боль в плече, голова шла кругом, в ней все гудело, будто ветер в трубе. Одежда, как и у Фредди, стала похожа на рвань, на ногах саднили царапины. Я приступила к поискам Артура, Уиннифред отправилась к миссис Баррингтон.

Я успела заметить под обломками одной из стен ноги в мужских ботинках, когда все вокруг вновь пришло в движение. Обломки сами собой поднялись над землей и закружили вокруг того места, которое когда-то было полом в кабинете миссис Баррингтон. Ощувив огромную мощь чужой магии, я повернула голову и увидела Дэниела Хардмана, а за ним еще нескольких магов. Его глаза казались пустыми, будто он смотрел на меня и не видел. Позади маячила неуловимо знакомая худощавая фигура. В душу закрался леденящий душу ужас. Хардман приподнял руку, и над нами загорелись десятки огненных шаров, освещающих поляну перед почти до основания разрушенным пансионом.

Я обернулась, поскольку обломки все еще парили над землей, моему взору предстали все тела друзей и близких. Отыскала Артура, он лежал лицом вниз, на спине, под разодранной сорочкой виднелась глубокая рана, из которой сочилась кровь. Я закусила губу и подавила крик отчаяния. Рядом с другом, с неестественно согнутой рукой лежал Ноэль. Мистер Огlsi медленно приходил в себя, Каролина сидела, будто оглушенная, пыталась понять, где она и что произошло, миссис Крофтон была без чувств. Фредди обнимала тело миссис Баррингтон и тихо плакала. Резкая боль новой потери пронзила сердце. Неужели?..

Прикрыла глаза, пошатнулась, не найдя опоры, рухнула на колени. Я сдалась. Разжала кулак и поняла, что где-то выронила злосчастный кулон. Боль рвалась наружу, я больше никогда не хотела видеть проклятый камень, но шальное желание увидеть лицо Лютера, когда он узнает, что пламя ему больше не принадлежит, чуть не вызвало злорадную улыбку.

— Все могло быть иначе, Оливия, — услышала я ненавистный голос. — Ты и твое упрямство всему виной. Эти люди погибли из-за тебя!

Я вздрогнула, но постаралась отбросить мысли о смертях, не сейчас. Скорбеть буду позже или скоро отправлюсь следом, это как Лютер решит. Заставила себя подняться на ноги, сделала шаг и метнула в Хардмана ледяные стрелы. Меценат не шелохнулся, но стрелы мои замерли прямо у его лица. Все замерло. Из-за его спины вышел тощий мужчина с орлиным носом и ледяными глазами.

— Ты не причинишь нам зла, Оливия, — сказал помощник Хардмана Эдгар голосом Лютера.

В голове все завертелось и закружилось, кусочки мозаики начинали складываться в картинку. Что говорил Томас? Лютер и его магия они как паразит, присасываются к человеку, прячутся в его тени, пользуются его влиянием.

— Ты был помощником мистера Бартшоу более столетия назад. Это он твоими словами убеждал меня, что Томас лжец и вор!

Эдгар усмехнулся, и я впервые разглядела его как следует. Ничего особенного, совершенно неинтересная внешность, даже отталкивающая. Человек, привыкший находиться все время в стороне, скрывающийся, действующий тихо и незаметно, первой скрипкой предпочитая выставлять хозяина, выжимая из него все соки. Извращенная подлость.

— Все верно, Оливия. — Эдгар приближался, вызывая своим ледяным взглядом холод по коже. — И ты сделала все, чего я хотел. Привела моих людей к Томасу.

— Но он обманул тебя! — Проглотив упрек, я чуть задрала подбородок, гордясь поступком жениха. — Убив его, ты не получил сапфир!

— И это верно. — Голос прозвучал так, словно кто-то провел когтями по стеклу, я поежилась. — Томас обманул меня и спрятал кулон. Он обрек тебя и твоих близких на страдания, загубил столько жизней, пока я шел к цели.

— Не он убил всех этих людей, а ты!

— А по чьей вине? — сорвался Лютер на крик.

Я отпрянула, не обращая внимания на боль в плече и головокружение. Лютер внушал дикий страх, внутренний, первобытный. От его мертвых глаз волосы шевелились на затылке. Я перевела глаза на мистера Хардмана, который не шевелился и, казалось, даже не моргал.

— Ты и к мистеру Хардману приценился, чтобы использовать. Это ведь для тебя он выкупал кулон? — Голос дрожал, но я старалась тянуть время, сама до конца не понимая для чего.

— Для меня, — кивнул Лютер и обошел меня кругом. — Я с детства обладал талантом прибиваться к нужным людям. Но наш меценат промахнулся с выбором ювелира. Оддеркот был нечист на руку и хотел подменить камень очень хорошей фальшивкой. Он вернулся из поездки днем раньше, чтобы изготовить подделку. Мне пришлось действовать. Но сам я бываю слаб время от времени, поэтому поручил Гарри выкрасть кулон, и с того самого момента все пошло не так.

— Ты полностью завладел жизнью Хардмана и управлял им как марионеткой, пользуясь связями и влиянием, как в свое время использовал и Окарга, ведь так?

— Он оказался самым полезным из всех, — согласился темный. — Окарт даже не замечал, как я влияю на него, как руковожу его действиями и даже некоторыми мыслями. В остальном учитель был сильнее меня. И этим я тоже смог воспользоваться. Он добыл для меня драконье пламя, которое впоследствии уничтожило первый магистиум. Ни он, ни я не смогли им пользоваться.

— Поэтому ты заключил его в сапфир?

— Именно. Я знал о магах-ювелирах все и был убежден, что ни один из них не пожертвует своей силой. — Лютер снова усмехнулся. — Я был самоуверен, и твой будущий муж смог меня удивить. Жаль... такой талант загубил.

— Зачем ты хотел, чтобы я сама докопалась до прошлого? Почему сам все не рассказал?

— Я хотел, чтобы ты поняла, как вернуть мне магию. Ведь если я не ошибся, а я уверен, что не ошибся, то Томас наделил тебя такой способностью. Только это останавливало меня от прямого нападения.

— Очень жаль, что Окарт не знал, какое чудовище взрастил...

— Он знал, — хищно улыбнулся Лютер. — И даже пытался меня остановить. Не сумев приручить пламя, он отказывался отдавать его мне, понимая, какую силу я смогу обрести. Вплоть до самой передачи частицы древнего колдовства он отговаривал меня, а когда достал драконью длань из котла, даже обрадовался чему-то. В тот миг я подумал: он что-то задумал, и испугался, но все прошло гладко.

Я вспомнила то самое путешествие, которое стало началом всему этому безумию. Магия Окарга ощутила мое присутствие, и один из сильнейших колдунов смог просчитать все наперед. Вот чему он обрадовался, мое появление дало ему надежду.

Вот теперь для меня все встало на свои места, я снова ужаснулась. Лютер — настоящее чудовище, и он действительно перебьет всех, когда узнает, что пламя больше не принадлежит ему.

— Отпусти мою семью, — попросила я и заглянула в морозную голубизну его глаз. — Их смерть тебе ничего не даст. Я! Я причина всех твоих бед! Это по моей вине ты не мог вернуть свой кулон, после того как его привезли в Вичпорт. Это я постоянно мешала тебе. Делай со мной все, что вздумается, но отпусти этих людей! Прошу!

Лютер нахмурился. Мои слова ничего для него не значили, я вообще не уверена в его способности что-то чувствовать. Он подошел близко-близко, настолько, что я ощутила ледяное дыхание, и взял меня за горло.

— Да, это ты была причиной всему! Ты даже представить себе не можешь, что сделали со мной эти годы! — Лютер чуть надавил, и я захрипела, ощущая острую нехватку воздуха и боль в том месте, которое он сжимал. — Эти годы изуродовали меня, и мне приходится носить маску на безобразном лице!

На миг передо мной возникла абсолютно лысая голова. В некоторых местах на ней уже не было кожи, нос впал и будто впечатался глубоко в череп, зубы почти сгнили и источали такое зловоние, от которого нехватка воздуха ощущалась острее. Если бы могла, я бы завизжала от ужаса, но маг мне не позволил, еще немного сдавив горло. А потом он вновь стал Эдгаром.

— Но вскоре все вернется, я получу силу, которую так жаждет моя магия! — Лютер отпустил меня. — Хорошо, я не трону твоих друзей. Вернешь кулон, и я убью только тебя. Согласись, это будет честно.

Я кашляла и хватала ртом воздух, пытаюсь прийти в себя и понять смысл его слов. Голова все еще кружилась, но хотелось плакать от радости, что я выторговала жизнь тем близким, кто уцелел.

— Я верну тебе его, но не могу быть уверена, что ты сдержишь слово...

— Не испытывай судьбу, Оливия! — рявкнул темный. — Я ведь и сам могу призвать его!

— Без меня не можешь, и ты давно это понял! Я хочу сделку!

Лютер хорошо понимал, что это значило. Он должен был дать слово, клятвенное слово, то, которое нарушить ему не позволит собственная магия.

— Я верну тебе кулон, а ты отпустишь моих близких живыми. Всех!

Внутри у меня все дрожало от страха и от мыслей, круживших в голове. Мой план был прост, но маг мог легко разгадать его. Лютер присмотрелся ко мне, заглянул мне за спину, туда, где лежали тела. Я же застыла как вкопанная, боясь даже дышать.

— Сделка, — произнес он и вцепился в мое плечо. Я вскрикнула от боли и почувствовала, как клятва прожигает душу, оставляя отпечаток, который не позволит мне солгать. Затаила дыхание, ожидая услышать условия. — Ты возвращаешь мне кулон, я оставляю в живых всех твоих близких!

Несмотря на чудовищность своего положения и состояния, я чуть было не рассмеялась от радости и облегчения. Сдержалась из последних сил.

Как только Лютер отошел, я отыскала стекло, порезала палец и произнесла нужные слова. Томас воспользовался моей кровью, когда привязывал сапфир к моей магии. Эта кровь вернет камень мне. Не прошло и нескольких секунд, как кулон вырвался из-под мелких обломков и пыли, и оказался на моей ладони.

Глаза Лютера блеснули, он вздрогнул, сделал шаг, потом отступил. Этим поведением напомнил Огюста. Оба одержимы, только предметы, возбуждающие их сознание, разные.

— А теперь извлеки пламя! — велел он.

Мне так хотелось бросить ему в лицо, что магия дракона больше ему не принадлежит, но я смолчала.

— Извлеки! — крикнул он нетерпеливо.

— Нет, Ада, не делай этого!

Я обернулась. За моей спиной стояли Фредди и мистер Оггси. Мои ученицы полулежали поблизости, с ними рядом сидела миссис Крофтон. Я перевела взгляд на миссис Баррингтон и снова подавила вопль. Встретилась глазами с подругой, она тоже едва удерживала свою скорбь.

— Артур? — Голос дрогнул, слезы снова прорвались из глаз.

— Жив, — ответила Уиннифред, а меня будто в грудь кулаком ударили. Весь воздух вышел. — Они оба без сознания. Есть переломы, как и у Инди с Евой, и они уже не кажутся такими красавчиками, но все живы.

Девушка шагнула ко мне, ее глаза наполнились мольбой, она коснулась моей руки:

— Не отдавай ему пламя!

— Все будет хорошо, — прошептала я. — Вот увидишь. Теперь я знаю, что сама могу извлечь пламя. Оно подчинится моему зову. Подчинится мне.

Последние слова я произнесла тише, только для нее, но с нажимом. Не знаю, смогла ли Фредди понять меня, но с тех пор как кулон оказался на моей ладони и я приняла свое прошлое, еще одна истина открылась мне. Я мягко отстранила подругу, глядя ей в глаза. Они сверкнули догадкой, страх исказил прекрасное лицо.

— Оно разорвет тебя, — прошептала она.

— Оно того стоит, — ласково улыбнулась я и перевела взгляд на мужа. — Скажи ему, что я люблю его, что он сделал мои последние дни счастливыми!

Не дав подруге опомниться, я призвала пламя! Всем телом ощутила тягу к нему, всей душой устремилась к нему, сердцем приняла его. Драконье пламя вырвалось наружу и на горящих возбуждением глазах Лютера ворвалось в мое тело.

Я будто горела, горела телом и душой. А еще сердцем. Мне казалось, что оно медленно плавится и огненные капли стекают с него, будто воск со свечи. Я закричала и расставила руки в стороны, превозмогая боль, несущуюся по венам.

— Нет! — закричал Лютер, и ярость его взорвалась мощными ударами магии в землю. — Не может быть! Оно мое!

Не совладав с гневом, маг попытался наброситься на Фредди, но обломки кабинета миссис Баррингтон оказались будто за невидимой стеной, укрывшей всех любимых мною людей.

— Ты обманула меня! — крикнул он и направил удар в мою сторону.

Я взмахнула рукой, будто драконьим крылом, и отразила натиск. В груди жгло неумолимо. Не справившись с собой и новой силой, я выпустила пламя, которое вмиг окружило Лютера. Его помощники тут

же разбежались кто куда. Обман стоил того, я обещала вернуть кулон, я вернула, о пламени речи не шло.

Невероятная мощь во мне росла, она сводила с ума и гнала огненную кровь по венам с небывалой скоростью. Она выжигала душу и металась как обезумевшая, будто в моем теле ей не хватало места. Пламя разрывало меня в клочья и собирало вновь, поскольку без оболочки жить не могло.

— Верни его мне! — закричал Лютер. — Оно мое! Верни немедленно!

Маг снова и снова нападал на меня, а я понимала, что, пока пламя мечется во мне, Лютер мне не страшен, но пройдет совсем немного времени и я стану уязвима и для самого пламени, и для темного. Лицо моего врага искажала гримаса лютой ненависти, он хрипел и сжимал кулаки. Как только его отчаяние стало нетерпимым, маг дал волю всей своей силе и обратился огромным драконом. Я чувствовала магическую мощь в его крыльях, чувствовала нарастающий гнев, который способен уничтожить весь город, но пламени у этого дракона не было.

— Не вздумайте! — крикнул мне мистер Огlsi. — Пламя убьет вас!

— Иного пути нет! — сказала я сквозь зубы, бросила взгляд на мужа и тоже обернулась огненным бестелесным драконом.

Так странно... Лютер не был истинным драконом, но магия наделила его огромным телом древнейших магов, я же обладала той самой истинной магией, но осязаемого тела она мне не даровала. Мое сердце стало огромным и билось ровно и счастливо. Я взлетела к небу и ощутила свободу, простор принес покой и умиротворение. Жизнь, что была до этого момента, будто отошла на задний план, только свобода, только полет.

Но насладиться вдоволь Лютер мне не позволил, он налетел стремительно, дерзко. Обрушился на меня сверху и ударил сильнейшим разрядом магии, которой не пожалел. Теперь в нем говорили ненависть и желание уничтожить. Меня отшвырнуло в сторону, как только наши силы столкнулись. Закрутило и завертело в воздухе, но привыкнуть к крыльям оказалось легче, чем я того ожидала, поэтому быстро выровнялась и набросилась на противника. Мой гнев был не меньше, боль потери тоже питала яростью. Мой

натиск не уступал напору Лютера. Эта схватка длилась долго, но силы драконьего пламени не иссякали, в них таилась такая разрушительная мощь, что мое хрупкое тело внутри огненного чудовища едва-едва выдерживало. Я все отчетливее понимала суть слов подруги о том, что пламя меня разорвет.

Лютер бился неистово, словно исход уже был не так важен. Он либо убьет меня, либо погибнет сам. Это не оставило мне выбора. Его крылья атаковали меня, исходящая от них сила причиняла боль, делала человека внутри огненного дракона уязвимее, я теряла контроль над пламенем, и, когда очередной удар заставил меня взреветь, я резко развернулась и выпустила пламя из пасти.

Все кончилось слишком быстро. Лютер тяжело рухнул на землю и умер мгновенно. Его тело медленно возвращалось к истинному облику, а я парила над ним, наслаждаясь потоками воздуха.

Пламя наполняло меня, питало и возбуждало, делало счастливой и заставляло забывать. Один взмах крыльев — и боль будто отступала, другой — и тяжесть, что была на сердце, ушла, третий — и мир показался прекрасным.

Душа наслаждалась покоем, а тело билось в агонии.

— Ада! — прорвался голос сквозь ветер, свистящий в ушах. — Ада!

Повинуясь чему-то, заставившему мое сердце стучать быстрее, я повернула голову. И снова этот голос. Удар мощного сердца и дрожь, я спустилась и сложила огненные крылья. Передо мной едва стоял на ногах человек, раненый, с наполовину разбитым лицом, залитым кровью, сквозь которую сияли любовью серые глаза.

— Ада, вернись ко мне, — попросил он, и этот голос что-то надломил во мне.

— Если она обратится, то долго не выдержит, — тихо сказал другой, — пламя убьет ее.

— Но должен же быть хоть какой-то выход! — Боль в голосе сероглазого разрывала душу, и я никак не могла понять — почему.

— Она должна вернуть пламя тому, кто его даровал.

— Дракону?

Тот, что был старше, кивнул, но этот жест показался печальным.

— Но как? Чтобы вернуться так далеко, ей нужна ее собственная магия, не так ли? А значит, она должна обратиться? Но ведь тогда

пламя убьет ее! И как же быть?

— Она спасла всех нас, а мы спасем ее. — Тоненький голосок белокурой девочки вызвал любопытство. Кажется, когда-то я знала ее имя.

— Как? — спросил сероглазый, глядя на девочку с надеждой.

— Я умею делиться силами, — сказала она. — Мы все поможем мисс Хоггард выдержать. Теперь попросите ее вернуться.

Я смотрела в лица собравшихся вокруг меня людей и будто разрывалась надвое. Мне так хотелось вернуться к ним и купаться в любви, но также сильно я хотела парить над облаками.

— Ада, — позвал мужчина, — ты нужна нам. Ты нужна мне. Столько лет твоя душа скиталась. А теперь ты обрела дом. Помнишь, я обещал стать твоим маяком? Так вот, рассмотри хорошенько свет, что пробивается к тебе сквозь тьму чужой магии. Услышь мой голос и вернись домой.

Я подняла голову и с тоской посмотрела в небо.

— Понимаю, — продолжил сероглазый, — небо прекрасно, но твое место здесь. Как бы ни было больно, как бы ни было страшно, мы залечим раны друг друга и научимся быть счастливыми. Только вернись.

Небо или эти бездонные серые глаза, которые смотрят с такой надеждой, будто я — это вся его вселенная, весь его мир? На одно короткое мгновение выбор показался мне тяжелым, но стоило вновь оказаться в плену этих глаз, как все внутри наполнилось всеобъемлющей любовью, которая не поместилась даже в огромном драконьем сердце. Я увидела тот свет, о котором говорил сероглазый, он согрел меня, указал верный путь, и, больше не раздумывая, я отказалась от пламени. Сил почти не осталось, я умирала от разрывающей меня драконьей магии и от того, сколько энергии потратила на все то колдовство, что применяла. Мистер Огlsi велел Артуру отнести меня к тому месту, где проходили невидимые магические нити, соединяющие институты магии по всей стране. Учитель заклинанием явил их и велел мне подпитаться, чтобы я смогла совершить еще один рывок.

Все мои близкие, кто еще мог удержаться на ногах, разделили со мной нелегкое путешествие и выстояли встречу с тем самым драконом, которому принадлежала магия. Сердце зашлось восторгом,

стоило увидеть благородного дракона, восседавшего на вершине огромного холма. Он встретил нас, он узнал свой дар и, внимательно выслушав, принял его обратно.

— Ты очень сильна, — сказал он, и от его глубокого грудного голоса внутри все похолодело. — Но не магией. В чем твоя сила?

— В вере, — ответила я. — В людях, которые меня окружают, в их любви ко мне и в моей собственной.

Мои слова заставили дракона удовлетворенно кивнуть и даже помочь вернуться, на что, возможно, у меня уже не хватило бы сил.

Мы снова оказались у развалин Хэксмен-хауса, и только тогда я осмелилась приблизиться к бездыханному телу хозяйки пансиона. Долго-долго я просидела около нее, пытаюсь осознать и принять эту потерю и тихо благодаря ее за то, что она для меня сделала. Слезы душили, я отказывалась принимать случившееся, и тогда мои близкие окружили нас и своими слезами разделили общую скорбь. Даже Каролина, которая едва-едва пришла в себя и оправилась от чужого колдовства, не смогла унять боли. Миссис Баррингтон была светом для всех.

Эпилог

Год спустя...

Мы с Артуром вышли из чудесной столичной оранжереи, выбрав для моей семьи самые красивые белые каллы. Я сжимала цветы в руках и ужасно волновалась. Несмотря на солнечную погоду, колючий ветер заставлял плотнее кутаться в пальто.

Муж вел меня под руку по широким улицам Аддлтона и неспешно рассказывал о переменах в полицейском участке. В последнее время нам редко удавалось побыть наедине и насладиться компанией друг друга. Мы оба полностью погрузились в заботы и очень скучали.

— Райли решил пойти учиться на детектива, — сказал Артур и улыбнулся.

— У него обязательно получится, — обрадовалась я.

— Только если он научится держать язык за зубами, — усмехнулся мой муж и обнял меня за плечи.

— После резни в участке, — аккуратно начала я, и Артур перестал улыбаться, — он очень повзрослел. В его глазах уже нет столько смешинки, как прежде. И это удручает меня, милый. Я так надеюсь, что со временем боль отступит и воспоминания померкнут.

— Та ночь оставила неизгладимый след, но я замечаю, что Райли все чаще улыбается. Думаю, все будет хорошо, не переживай.

Как только я оправилась от потрясения и набралась сил, тут же вернулась за теми несчастными, что были заточены в подземельях магистиума. Мои девочки помогли излечить их и вместе с миссис Крофтон тщательно стерли почти все воспоминания о случившемся. Некоторое время спустя Артур стал суперинтендантом и возглавил тот самый участок, в котором прежде служил детективом-инспектором. Эта должность помогла ему окончательно уладить все последствия этого мутного для обычных людей дела.

Шли мы медленно, поскольку Артур еще не оправился от тяжелого ранения. В ту самую ночь, когда Лютер был повержен, моего мужа придавило стеной, которая повредила ему правую ногу и расплосовала спину. Хромота осталась, но врачи давали

утешительный прогноз, что вскоре Артур восстановится и сможет полноценно приступить к своим обязанностям.

Мистер Хардман, когда пришел в себя, был поражен до глубины души тем, что натворил, находясь под влиянием Эдгара. Этот чудесный человек тяжело переживал содеянное и со временем стал нашим добрым другом. Он помогал разгрести развалины Хэксменхаус и спасти оставшиеся личные вещи и книги.

От него же поступило предложение полностью восстановить поместье, но я не согласилась, понимая, что без миссис Баррингтон это место никогда не станет прежним. Мы похоронили эту отважную женщину, которая пожертвовала своей жизнью ради учениц, в один день с Эдолин. Ноэль передумал везти тело сестры в Кэчстон.

Олридж-холл принял и разместил у себя всех обитателей пансиона. Миссис Додсон обласкала девочек, каждой подарила свое тепло. Тоску по Эдолин она утоляла заботой о моих ученицах.

Спустя несколько дней, когда Артуру стало немного лучше, а Ноэль смог ходить, они оба приняли решение, что теперь Олридж-холл даст приют пансиону для необычных девочек. А меня они попросили возглавить его. Поместье было огромным, и в нем могло найтись место для всех. Его величество король Эдред поддержал эту идею и сегодня вместе с нами вечерним поездом поедет в Вичпорт, чтобы присутствовать на открытии нового учебного заведения.

— Когда приезжает Ноэль? — спросила я у мужа, когда мы покинули пределы города и свернули на дорожку к кладбищу.

— Уже должен был прибыть в Олридж-холл.

— Они обещали привезти Эмилию! — с замиранием сердца сказала я, предвкушая первую встречу с племянницей Артура.

— Фредди не писала тебе, как они поладили? — остановился он и развернулся ко мне всем телом.

— Писала, — с улыбкой сказала я, утвердительно кивая. — Все прошло замечательно. Девочка приняла новую жену отца просто прекрасно. А ты сомневался?

— Нет, — рассмеялся Артур и продолжил путь, увлекая меня за собой. — Твоя подруга умеет ладить с детьми, а ее большое доброе сердце невозможно не полюбить!

— Это точно. — Я радостно прижалась к плечу мужа и прикрыла глаза, наслаждаясь его смехом.

Несколько месяцев назад, когда дела с пансионом пошли ровнее, наши друзья обвенчались, и это стало первым светлым событием с момента гибели пансионата и его хозяйки. Такие разные и на первый взгляд казавшиеся непримиримыми, но их объединило общее горе, когда ухаживали за Эдолин. Случившееся напомнило Ноэлю, что хорошие люди есть и среди магов. Увидев отвагу Уиннифред, ее благородное сердце и безмерное желание помочь, он влюбился без памяти, хоть и не сразу это признал. Друзья отправились в Кэчстон. Жизнь Ноэля была именно там. Там он собирался продолжить помогать отцу, оставив Олдридж-холл полностью на наше попечение. Теперь Артур стал его владельцем.

Как только мы вошли в ворота старого городского кладбища, сердце дрогнуло. С тех пор как я возглавила новый пансион, времени ни на что больше не оставалось. Пока Артур приходил в себя, а Ноэль еще не покинул Вичпорт, они оба помогали мне с организационными вопросами, а после я уже самостоятельно погрузилась в это полностью. Я расширила круг учителей, ведь мы потеряли миссис Баррингтон, а Уиннифред покинула город ради новой жизни с мужем. Мистер Огlsi и миссис Крофтон с удовольствием остались рядом со мной.

Еве Мейсон не пришлось сдавать выпускные экзамены, ведь битва за пансион показала все, на что она была способна. Девушка с грустью уехала от нас, обещая навестить в скором времени. Другие ученицы остались возле меня и продолжили обучение.

Выкроив среди нескончаемых дел несколько дней, Артур спешно увез меня в столицу, а потом привел сюда, чтобы я смогла увидеть могилы родителей и Томаса Марлоу. Несколько писем и настойчивость моего мужа помогли ему обнаружить места их захоронения, и я была благодарна. Как оказалось, родители и сестра покоились под одним камнем.

Обычный серый камень с потускневшей надписью: «Престон Бенджамин, Анна, Глория». Не драгоценный, не магический, но столько в нем было света. Столько эмоций он дарил, столько тепла. Возложив цветы на могилу, я не проронила ни слезинки, зная, что они прожили хорошую жизнь, веря, что они видят меня и радуются. Я уже не бессмертна, но прошло целое столетие, а я все еще жива, я помню о них и люблю.

Над могилой Томаса задержалась чуть дольше.

— Прости меня, — прошептала ему, — и спасибо. Спасибо, что, невзирая на мой поступок, ты спас мне жизнь. У нас все получилось, и ты можешь покоиться с миром. Твоя жертва не была напрасной, — я перевела дух, справляясь с нахлынувшими чувствами. — В пансион пришла новая ученица. Твой талант перешел к ней, и теперь в мире появился новый маг-ювелир.

Сказав это, почувствовала облегчение, словно камень упал с души. Я еще постояла и, снова прильнув к мужу, отправилась домой, туда, где начиналась моя новая жизнь, самая обычная и уже не бесконечная.